МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РАН НА ТЕРРИТОРИИ ДНР

ISSN 2664-7362 (PRINT)
ISSN 2664-7370 (ONLINE)

МАТЕРИАЛЫ
XI Международной научной конференции

Донецкие чтения – 2026:
образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 4 | **Филологические науки. Часть 1**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

Представительство федерального государственного
бюджетного учреждения «Российская академия наук»
на территории Донецкой Народной Республики

XI Международная научная конференция

Материалы конференции

Донецкие чтения – 2026:

образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 4

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Часть 1

г. Донецк
10–12 ноября 2026 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2026

ББК Ш.я431+Ш4я431+Ч612я431
УДК 811+82+070(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С. В. Беспалова (гл. ред.), А. В. Белый (зам. гл. ред.),
В. А. Дубровина, М. В. Фоменко, Н. А. Ярошенко,
В. И. Теркулов, О. Р. Миннуллин, М. Н. Панчехина,
Д. И. Борозенец, К. В. Першина, А. С. Бурляй (отв. секр. секции).

Д672 **Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности:** Материалы XI Международной научной конференции (Донецк, 10–12 ноября 2026 г.). – *Том 4: Филологические науки. Часть 1: Языкознание, литературоведение* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. – 325 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В первую часть четвертого тома материалов XI Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам филологических наук. Рассматриваются вопросы грамматики и словообразования русского языка, актуальные проблемы лингворусистики и регионалистики, лингвистики войны, общего, славянского и прикладного языкознания, истории русской литературы и теории словесности.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам и докторантам, проводящим научные исследования в области филологических наук.

ББК Ш.я431+Ш4я431+Ч612я431
УДК 811+82+070(043.2)

© Коллектив авторов, 2026
© Донецкий государственный университет, 2026

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Панченко Владислав Яковлевич, вице-президент Российской академии наук, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Сопредседатель:

Беспалова Светлана Владимировна, ректор Донецкого государственного университета, руководитель Представительства Российской академии наук на территории Донецкой Народной Республики, д-р физ.-мат. наук, профессор (г. Донецк).

Члены программного комитета:

Алексеев Игорь Александрович, ведущий научный сотрудник лаборатории физической географии и биогеографии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, д-р геогр. наук (г. Иркутск).

Андреев Дмитрий Александрович, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва), д-р ист. наук, доцент (г. Москва).

Аноприенко Александр Яковлевич, ректор Донецкого национального технического университета, канд. техн. наук, профессор (г. Донецк).

Бабурин Сергей Николаевич, президент Ассоциации юридических вузов, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, профессор, почётный профессор Донецкого государственного университета (г. Москва).

Бахтин Станислав Геннадиевич, декан химического факультета Донецкого государственного университета, канд. хим. наук, доцент (г. Донецк).

Белозеров Геннадий Александрович, заместитель генерального директора Автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов».

Белый Александр Владимирович, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого государственного университета, канд. хим. наук, доцент (г. Донецк).

Блинова Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой прикладной психологии и развития личности Херсонского государственного педагогического университета, д-р психол. наук, профессор (г. Херсон).

Вартанова Елена Леонидовна, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р филол. наук, академик РАО (г. Москва).

Варюхин Виктор Николаевич, научный руководитель Донецкого физико-технического института им. А. А. Галкина, д-р физ. мат. наук, профессор, член-корр. РАН, (г. Донецк).

Воронова Ольга Евгеньевна, профессор кафедры литературы и журналистики, руководитель Центра региональных проектов и межрегиональных связей Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, д-р филол. наук, профессор (г. Рязань).

Ганиева Ирина Александровна, директор АНО «Научно образовательный центр „Кузбасс“», д-р экон. наук, доцент (г. Кемерово).

Глухов Александр Захарович, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета, д-р биол. наук, профессор (г. Донецк).

Головчан Алексей Витальевич, директор Донецкого физико-технического института им. А. А. Галкина, канд. физ. мат. наук, доцент (г. Донецк).

Данилюк Даниил Анатольевич, и. о. директора Института прикладной математики и механики, канд. физ. мат. наук (г. Донецк).

Журавлёва Екатерина Васильевна, Советник президента РАН, советник Председателя Совета директоров ГК «ЭФКО», д-р с.-х. наук, профессор РАН (г. Белгород).

Зенченко Светлана Вячеславовна, проректор по научной работе Северо-Кавказского федерального университета, д-р экон. наук, профессор (г. Ставрополь).

Зинченко Юрий Петрович, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р психол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик РАО (г. Москва).

Игнатенко Григорий Анатольевич, ректор Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького, д-р мед. наук, профессор, академик РАН (г. Донецк).

Ильинский Владимир Викторович, и. о. зав. кафедрой общей экологии и гидробиологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, профессор (г. Москва).

Исаков Владимир Борисович, профессор НИУ «Высшая школа экономики», д-р юрид. наук, профессор (г. Москва).

Калмыков Степан Николаевич, вице-президент Российской академии наук, д-р хим. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Керимов Александр Джангирович, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, д-р юрид. наук, профессор (г. Москва).

Кирпичников Михаил Петрович, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Кожухов Игорь Борисович, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники», д-р физ. мат. наук, профессор (г. Москва).

Крамаренко Артём Александрович, заместитель Председателя Правительства Донецкой Народной Республики, Министр сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности (г. Донецк).

Красильников Павел Владимирович, декан факультета почвоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, член-корреспондент РАН (г. Москва).

Липгарт Андрей Александрович, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р филол. наук, профессор (г. Москва).

Лубков Алексей Владимирович, ректор Московского педагогического государственного университета, д-р ист. наук, профессор, академик РАО (г. Москва).

Макаров Кирилл Борисович, заместитель Председателя Правительства Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Матишов Геннадий Григорьевич, заместитель президента РАН, научный руководитель Южного научного центра РАН, д-р геогр.наук, профессор, академик РАН (г. Ростов-на-Дону).

Месхи Бесарион Чохоевич, ректор Донского государственного технического университета, председатель Совета ректоров вузов Ростовской области, д-р техн. наук, профессор, академик РАО (г. Ростов на Дону).

Минаев Андрей Иванович, профессор Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, д-р ист. наук, доцент (г. Рязань).

Некипелов Александр Дмитриевич, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Нечаев Владимир Дмитриевич, ректор Севастопольского государственного университета, д-р полит. наук, доцент (г. Севастополь).

Овечко Сергей Викторович, заместитель Института биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН, канд. биол. наук (г. Севастополь).

Пармон Валентин Николаевич, научный руководитель Института катализа СО РАН, д-р хим. наук, академик РАН (г. Новосибирск).

Плугатарь Юрий Владимирович, директор Ордена Трудового Красного Знамени Никитского ботанического сада – Национального научного центра РАН, председатель Совета ботанических садов России, д-р с.-х. наук, профессор, академик РАН (г. Ялта).

Половян Алексей Владимирович, директор Института экономических исследований, д-р экон. наук, доцент, (г. Донецк).

Понедельников Алексей Борисович, руководитель отдела «Северо-Азовский» Южного филиала ФГБНУ «ВНИРО» (г. Мариуполь).

Приходько Светлана Анатольевна, директор Донецкого ботанического сада, канд. биол. наук, ст. науч. сотр. (г. Донецк).

Прутцков Григорий Владимирович, профессор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики», д-р филол. наук (г. Москва).

Рябичев Виктор Дронович, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля, д-р техн. наук, профессор (г. Луганск).

Садовничий Виктор Антонович, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Секиринский Дмитрий Сергеевич, заместитель Министра науки и высшего образования Российской Федерации.

Скуратовская Екатерина Николаевна, врио директора Института биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН, канд. биол. наук (г. Севастополь).

Сократов Сергей Альфредович, зам. декана географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, канд. геогр. наук, доцент (г. Москва).

Тедеев Вадим Ботазович, ректор Юго Осетинского государственного университета имени А. А. Тибилова, канд. техн. наук, профессор (г. Цхинвал).

Тохтарь Валерий Константинович, директор Ботанического сада Белгородского государственного национального исследовательского университета, д-р биол. наук, с. н. с. (г. Белгород).

Трофимов Олег Владимирович, Министр образования и науки Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Тулупов Владимир Васильевич, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета, д-р филол. наук, профессор (г. Воронеж).

Туранина Неонила Альфредовна, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры, д-р филол. наук, профессор (г. Белгород).

Федянин Андрей Анатольевич, проректор – начальник управления научной политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, д-р физ. мат. наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва).

Харламенкова Наталья Евгеньевна, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, заместитель директора Института психологии РАН, д-р психол. наук, профессор (г. Москва).

Хомутова Екатерина Валерьевна, директор Института физико-органической химии и углехимии им. Л. М. Литвиненко, канд. биол. наук (г. Донецк).

Шебалков Алексей Викторович, Министр природных ресурсов и экологии Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Русский язык
Грамматика и словообразование

УДК 81'373.611

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИНИЦИАЛЬНЫХ АББРЕВИАТУР

Алтухова А. А., ORCID 0009-0002-5023-0368
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
anastasia.a.altukhova@mail.ru

Введение. Инициальные аббревиатуры представляют собой особый класс сокращённых единиц, специфика которого определяется способом их образование: аббревиатура формируется из начальных элементов компонентов исходного словосочетания. При этом отношения между аббревиатурой и словосочетанием не исчерпываются формальной соотнесённостью: одно инициальное сокращение может соотноситься с несколькими эквивалентными словосочетаниями, а также с другими аббревиатурами. В связи с этим описание инициальных аббревиатур требует учёта не только их словообразовательных и структурных характеристик, но и системы парадигматических связей.

Целью данной работы является описание парадигматических объединений, в которые вступают инициальные аббревиатуры и эквивалентные им единицы — словосочетания и сокращения разных типов. Актуальность исследования определяется потребностью в разработке методик описания инициальных аббревиатур в рамках составления «Большого толкового словаря аббревиатур русского языка». Материалом исследования послужили инициальные аббревиатуры русского языка и их эквиваленты из базы данных создаваемого словаря.

Основная часть. Парадигматические объединения — это группы языковых единиц, выделяемые на основе парадигматических отношений, то есть на основе их сходства, противопоставления друг другу по какому-либо признаку или взаимозаменяемости в системе языка. Применительно к аббревиатурам парадигматические объединения — это группы сокращений и их эквивалентов, которые сближаются на основании определённого сходства (например, общности инициального конструкта, архисемы, ономасиологического базиса или иного признака).

Одним из базовых объединений, релевантных для инициальных аббревиатур, является гнездо эквивалентности — совокупность «формально взаимосвязанных единиц, находящихся с аббревиатурой в отношениях

текстовой эквивалентности», под которой понимается «возможность взаимозамены сложносокращенного слова и формально связанных с ним и семантически (словарно или контекстуально) тождественных ей единиц в тексте, независимо от типа и направления деривационных отношений между ними» [2, с. 100]. Гнездо эквивалентности инициальных сокращений включает как полные словосочетания (например, *авиационный комплекс, авиатранспортный комплекс, авиакосмический комплекс, авиационно-космический комплекс, авиастроительный комплекс, авиапромышленный комплекс, авиационно-промышленный комплекс, авиатехнический комплекс, авиаремонтный комплекс*), так и аббревиатуры различных типов: сложносокращённые слова (например, *авиакомплекс*) и инициальные аббревиатуры (например, *АК*, *АКК*). В пределах одного гнезда эквивалентности могут объединяться единицы, различающиеся не только степенью сокращённости, но и способом графической репрезентации: *ДЯ* и *д/я (детясли, детские ясли, ясли для детей)*.

Другой тип объединения образуется на основании общего ономасиологического содержания. Аббревиатурно-ономасиологическое поле объединяет аббревиатуры одного понятийного поля, «содержащие инвариантное значение в структуре как ономасиологического базиса, так и ономасиологического признака» [2, с. 15]. Такой принцип группировки оказывается продуктивным для инициальных аббревиатур, поскольку позволяет выявлять тематически и семантически связанные сокращения независимо от их формальной структуры. Так, в объединение с архисемой «объект инфраструктуры» входят сокращения *АЗС* (*автозаправка*, *автозаправочная станция*, *автомобильная заправочная станция*), *ЗМ* (*зоологический музей*, *музей зоологии*), *ГДКБ* (*городская детская клиническая больница*) и т. д.

Специфическим парадигматическим объединением для инициальных аббревиатур является аббревиатурно-дешифровальная группа. Формирование данного типа объединения осуществляется на основе эквивалентных дешифровок, в которых может реализовываться общий лексический компонент независимо от его позиции и конкретной синтаксической функции, то есть независимо от того, выступает ли он в роли ономасиологического базиса или признака. Например, *ВО — высшее образование*, *ГБУДО — Государственное бюджетное учреждение дополнительного образования, НОЧУ — Негосударственное образовательное частное учреждение*, объединяются наличием компонента *О* (*образование* / *образовательный*), представленного в дешифровках в различных формах и синтаксических позициях. Одна инициальная аббревиатура может входить в несколько аббревиатурно-дешифровальных групп, поскольку её дешифровка, как правило, содержит несколько знаменательных компонентов, каждый из которых способен выступать основанием для отдельного объединения.

Заключение. Таким образом, парадигматика инициальных аббревиатур включает гнездо эквивалентности, аббревиатурно-ономасиологическое поле и аббревиатурно-дешифровальную группу. Выделение парадигматических объединений позволяет рассматривать инициальную аббревиатуру не как изолированное сокращение одного исходного словосочетания, а как элемент системы взаимосвязанных единиц, что важно для лексикографического описания.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 26-18-20134, https://rscf.ru/project/26-18-20134/ «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении»*.

Список литературы

1. Теркулов, В. И. Гнезда эквивалентности сложносокращенных слов в аббревиационной группе с абброконструктом био / В. И. Теркулов, А. А. Сыроватская // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2015. — № 3 (19). — С. 99–105.
2. Лялюк, А. А. Аббревиационно-ономасиологическое поле «строения» : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Лялюк Анна Александровна. — Донецк, 2020. — 32 с.

УДК 81'22

ЗА ПРЕДЕЛАМИ АББРЕВИАТУРНОЙ ПАРЫ: СИНХРОННО-ДИАХРОННАЯ МОДЕЛЬ РУССКИХ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

Бровец А. И., канд. филол. наук, ORCID 0000-0001-8451-2844
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.brovets@mail.ru

Введение. Мы сообщаем о результатах 10-летнего исследования аббревиатур русского языка, которое позволяет пересмотреть ответы на два вопроса: 1) как образуются аббревиатуры? 2) чему они эквивалентны? Общепринятым в лингвистике является ответ: аббревиатура образуется от словосочетания и эквивалентна ему же. Этот ответ поддерживается и лексикографической традицией, когда словари сокращений описывают аббревиатурные пары. Мы демонстрируем, что аббревиатура может быть не результатом компрессии словосочетания, а, наоборот, источником для него, а также приводим доказательства, что в реальных текстах аббревиатуре регулярно соответствует не одно словосочетание, а несколько, формирующих не аббревиатурную пару, а гнездо эквивалентности. Такие гнезда мы описываем в созданном нашей командой Словаре аббревиатур нового типа.

Цель исследования — установить корреляцию между производностью аббревиатуры и ее эквивалентностью.

Основная часть. В лингвистике аббревиатура определяется как результат компрессии словосочетания [1]. Чтобы проверить универсальность этого определения, мы проанализировали более 10 тысяч аббревиатур и обнаружили, что многие из них, например, *авиабилет*, возникли не в результате сокращения словосочетания (~~*авиационный билет > авиабилет*~~), а в результате прямого присоединения сокращенного компонента с обобщённым значением к полному слову (*авиа* + *билет*). Словосочетание (*авиационный билет*) развёртывается уже из аббревиатуры (*авиабилет*) стереотипно и является вторичным. В. Борисов [2] отмечает, что аббревиатура сосуществует с производящим словосочетанием в качестве его абсолютного синонима. Лексикографическая традиция закрепляет этот стереотип: во всех известных нам словарях аббревиатур описываются только аббревиатурные пары [2, 4, 6, 7]. Наши данные не подтверждают это мнение. В реальных интернет-текстах аббревиатура регулярно сосуществует не с одним, а с несколькими словосочетаниями без связи с реальной производностью (*велошлем*: *велосипедный шлем*, *шлем для велосипеда*, *шлем велосипедиста*).

Полученные данные основаны на анализе обширного корпуса интернет-текстов, извлечённых с помощью поисковой системы Google. Далее посредством 4 методик проанализированы 13 тысяч аббревиатур и эквивалентных словосочетаний. При помощи хронологической методики определяется наиболее ранний случай употребления аббревиатуры и эквивалентных словосочетаний в текстах. Эта задача решалась с помощью корпусных ресурсов — прежде всего Национального корпуса русского языка и Google Books Ngram Viewer. При помощи квантитативной методики рассчитывается соотношение частот употребления аббревиатуры и соответствующих ей словосочетаний. Частотные показатели были получены с помощью поисковой системы Google, с условием точного поиска. При помощи семантической методики определяется выводимость значения словосочетания из значения компонента аббревиатуры. При помощи ономасиологической методики устанавливается тождественность / нетождественность ономасиологической структуры аббревиатуры и её эквивалента ономасиологической структуре словосочетаний с идентичным ономасиологическим базисом.

Заключение. Показывая, что аббревиатура не обязательно образована от словосочетания и регулярно эквивалентна в тексте нескольким словосочетаниям, мы пришли к выводу, что производность аббревиатуры и ее эквивалентность в тексте не связаны друг с другом и должны рассматриваться отдельно — в рамках диахронного и синхронного подходов. Наличие в текстах нескольких словосочетаний для аббревиатуры убеждает нас продвинуться дальше от понятия

аббревиатурной пары к понятию гнезда эквивалентности, что позволит включить в рассмотрение реальный текст. В созданном нами Словаре аббревиатур описаны порядка 10 тысяч таких гнёзд.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 26-18-20134, https://rscf.ru/project/26-18-20134/ «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении»*.

Список литературы

1. Алексеев Д. И. Сокращённые слова в русском языке. Саратов, 1979. — 328 с.
2. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия: Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М., 1972. — 320 с.
3. Клименко Г. В. Словарь универбатов современного русского языка: Учебное издание. М., 2019. — 112 с.
4. Новичков Н. Н. Словарь современных русских сокращений и аббревиатур: 12000 сокр. и аббревиатур. М., Париж, 1995. — 298 с.
5. Новый словарь сокращений русского языка: около 32000 сокращений / Под ред. Е. Г. Коваленко. М., 1995. — 668 с.
6. Петров А. В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов. Симферополь, 2003. — 286 с.
7. Скляревская Г. С. Словарь сокращений современного русского языка. М., 2004. — 444 с.

УДК 81'373.611

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА КВАЗИАББРЕВИАТУР В БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ АББРЕВИАТУР РУССКОГО ЯЗЫКА

Емельянова К. Ю., ORCID 0000-0002-3247-4724
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kemelanova966@gmail.com

Введение. С 2016 по 2026 годы Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации (далее — Лаборатория) при кафедре русского языка Донецкого государственного университета был создан ряд словарей, описывающих разные типы сложносокращённых слов: «Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка» [4], «Словарь аббревиатур русского языка (при его использовании как государственного языка Российской Федерации)» [1], «Словарь сокращений в русском языке как государственном языке Российской Федерации» [2], «Словарь аббревиатурных конструктов» [3]. На сегодняшний день исследования Лаборатории посвящены

структурированию материалов для Большого толкового словаря аббревиатур русского языка.

Цель данной работы — описать отличия Большого толкового словаря аббревиатур русского языка от предшествующих словарей и на основе этого сформулировать принципы отбора в него квазиаббревиатур.

Основная часть. После завершения работы на Толковым словарём сложносокращённых слов русского языка последовало составление «Словаря аббревиатур русского языка (при его использовании как государственного языка Российской Федерации)» и «Словаря сокращений в русском языке как государственном языке Российской Федерации». В Словарь аббревиатур помимо слоговых аббревиатур, частично сокращённых слов и смешанных аббревиатур, вошли инициальные, звуковые и буквенные аббревиатуры. В Словарь сокращений — только графические сокращения. Новый проект — Большой толковый словарь аббревиатур русского языка будет включать как словарные статьи Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка, так и словарные статьи «Словаря сокращений в русском языке как государственном языке Российской Федерации» и «Словаря аббревиатур русского языка (при его использовании как государственного языка Российской Федерации)». Особенностью нового словаря является то, что в нём будут описываться единицы, которые ранее не отображались в лексикографии — малочастотные аббревиатуры и абброаффиксоидные квазиаббревиатуры, то есть слова, которые содержат абброконструкт, но не имеют синтаксических эквивалентов.

Принципы отбора квазиаббревиатур в новый словарь следует рассматривать в рамках типологии квазиаббревиатур, разработанной Лабораторией:

- Абброморфемные квазиаббревиатуры — единицы, появившиеся в результате присоединения абброконструкта к слову (*эвако-* + *база* > *эвакобаза*, *эко-* + *климат* > *экоклимат*, *энерго-* + *сотрудничество* > *энергосотрудничество*). Данные слова в результате псевдоунивербализации (процесс трансформации сокращения в словосочетание) приобретают вторичные эквиваленты: *эвакуационная база*, *экологический климат*, *сотрудничество в энергетической сфере*, *сотрудничество в области энергетики*, *энергетическое сотрудничество*, *сотрудничество в сфере энергетики*, *сотрудничество в энергетической отрасли*.

- Абброаффиксоидные квазиаббревиатуры — единицы, которые также появились в результате присоединения абброконструкта к слову, но не имеют текстовых эквивалентов (*авиапутешественник, астробиология*, *гидроавиация*). При этом в словаре будут отображаться и их окказиональные эквиваленты — *авиационный путешественник*, *гидравлическая авиация*, *астрономическая биология*).

- Заимствованные квазиаббревиатуры — единицы, появившиеся в русском языке в результате заимствования из другого языка всего слова (в

исходном виде либо путём калькирования) или какой-то его части (англ. *airline — авиалиния*, англ. *flight simulator — авиасимулятор*, англ. *eurobond* — рус. *евробонд*). Данные слова в результате псевдоунивербализации также приобретают вторичные дублеты: *авиационная линия*, *авиационный симулятор*, *симулятор авиации*, *бонды еврозоны*, *европейский бонд*.

- Сложнопроизводные квазиаббревиатуры — единицы, образованные от аббревиатур морфологическим способом без использования абброконструкта (*авиакассир*, *автогонщик*, *агроработник*). Эти слова также в результате псевдоунивербализации трансформируются во вторичные текстовые эквиваленты: *авиационный кассир*, *автомобильный гонщик*, *аграрный работник*.

К ещё одному типу квазиаббревиатур мы относим малочастотные слова, то есть те единицы, употребление которых не превышает отметки 500: *авиарасследователь* (168 употр.) — *авиационный расследователь* (9 употр.); *авиапрополка* (119 употр.) — *авиационная прополка* (5 употр.); *авиахимнападение* (54 употр.) — *авиационное нападение с использованием химического оружия* (7 употр.).

Таким образом, принципы отбора квазиаббревиатур в новый словарь следующие:

1. Статистический принцип (нас интересуют не только общеупотребительные слова и словосочетания, но и малочастотные, то есть те, которые употребляются меньше 500 раз).

2. Семантический принцип (при составлении словаря будут учитываться не только действительные текстовые эквиваленты сокращений, но и те дублеты, которые имеют значение, не совпадающее со значением сокращений; это относится к абброаффиксоидным квазиаббревиатурам и их псевдоэквивалентам).

3. Стилистический принцип (в словарь будут входить единицы, относящиеся к разным стилям языка: в словарных статьях выставляются пометы *устар.*, *книжн.*, *разг.*, *прост.*).

4. Словообразовательный принцип (будут учитываться все единицы, возникающие на базе сокращений: в словарных статьях есть блок отаббревиатурных производных).

5. Коммуникативный принцип (все единицы, которые будут отобраны в словарь, взяты из текстов, отражающих реальное состояние языка: при составлении словарных статей используются данные интернет-источников из Google и Яндекс).

Заключение. Большой толковый словарь аббревиатур русского языка станет итогом многолетней работы Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации. Он совместит в себя единицы нескольких словарей и будет дополнен новыми лексемами.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 26-18-20134,*

https://rscf.ru/project/26-18-20134/ «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении».

Список литературы

1. Словарь аббревиатур русского языка (при его использовании как государственного языка Российской Федерации): более 20 000 словарных статей / под научной редакцией В. И. Теркулова и В. А. Рязановой; составители: М. Д. Агаркова, А. А. Алтухова, А. И. Бровец, К. Ю. Емельянова, А. А. Лялюк, Е. В. Разумная, В. А. Рязанова, А. К. Сытник, Е. Н. Станкус, А. В. Чистоклетова. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. — 537 с.
2. Словарь сокращений в русском языке как государственном языке Российской Федерации / А. И. Бровец, К. Ю. Емельянова, Е. В. Разумная, А. К. Сытник; под научной редакцией В. И. Теркулова и А. И. Бровца. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. — 103 с.
3. Теркулов В. И. Словарь аббревиатурных конструктов: 729 словарных статей / В. И. Теркулов, И. Р. Смирнова, К. Ю. Емельянова; под ред. В. И. Теркулова; ФГБОУ ВО «ДонГУ». — Донецк: ДонГУ, 2026. — 160 с.
4. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов, В. А. Рязанова, К. Ю. Емельянова и др.; под ред. В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». — Донецк, 2025. — 1048 с.

УДК 811.161.1

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПЛИЦИТНОЙ ОЦЕНКИ В ТЕКСТАХ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Замальдинов В. Е., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-4513-3571
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Нижний Новгород, РФ
zvlad-nn@yandex.ru

Введение. Одной из ключевых функций в медиакоммуникации является функция воздействия. СМИ конструируют картину мира адресата, побуждают его к обсуждению вопроса или конкретным действиям, формируют установки.

Эффективным средством речевого воздействия в медиакоммуникации являются новообразования — словообразовательные неологизмы узуального и неузуального происхождения. Новые лексические единицы выражают сложное содержание в компактной форме, усиливают эмоциональность высказывания, подсказывают адресату, в каком ключе трактовать явление.

Словообразовательные неологизмы выступают действенным средством формирования оценки. В медиакоммуникации оценочность

может проявляться в имплицитных и эксплицитных формах. Имплицитная (скрытая) оценка считывается адресатом из контекстуального окружения, фоновых знаний и т.д. Объект воздействия воспринимает итоговую оценку как результат собственной интерпретации, а не как навязанное суждение адресанта. Однако в данном исследовании мы сосредоточимся только на эксплицитных (явных) формах выражения оценки. Эксплицитная оценка прямо маркирует позицию адресанта, что позволяет адресату не тратить усилия на выведения смысла.

Цель исследования — проанализировать новые лексические единицы как средство формирования эксплицитной оценки в медийных текстах.

Лингвистами активно исследуется категория оценочности. В рамках отдельных работ изучаются разнообразные вопросы: уделяется внимание оценочности некодифицированной лексики и фразеологии в публицистике постсоветской эпохи [1], анализируются «ценностные сдвиги» в языке русской поэзии [4], рассматривается оценочный компонент в связи со словообразовательным потенциалом антропонимов [2], выявляются экспрессивные способы создания неодериватов [3]. При этом слабо охарактеризованы эксплицитные формы выражения оценки в текстах современной медиакоммуникации.

Основная часть. Инструментом для создания эксплицитной оценки являются узуальные способы — способы, при которых новые слова образуются по продуктивным словообразовательным моделям и воспринимаются носителями языка как соответствующие языковой норме. Активным узуальным способом является префиксация. Приставка присоединяется к целому слову, а не к основе. Одним из наиболее регулярных средств выражения эксплицитной негативной оценки в текстах современной медиакоммуникации является префикс *недо-* с семантикой неполноценности. Обратимся к примеру: *Инцидент в Скопье:* ***недопрезидента*** *остановили пограничники* (заголовок). *Президент временных учреждений самопровозглашенного Косово Вьоса Османи попала в очередной скандал. Она прибыла в столицу Северной Македонии из Парижа, намереваясь затем продолжить свой путь в Приштину. Однако эти планы почти сорвались из-за действий самой госпожи Османи, которая возомнила себя «президентом» и потребовала пройти в самолет без планового пограничного досмотра* («Пульс Сербии». 02.08.24). С помощью префикса *недо-* адресант маркирует недостаточность статуса без необходимости развернутой аргументации, закрепляет определенную интерпретацию события, сохраняет видимость объективной характеристики. Кроме того, для усиления эксплицитной негативной оценки автор публикации использует лексику с оценочной семантикой *(самопровозглашённый, скандал, возомнить и т.д.)*, прилагательное с семантикой повторяемости *(очередной)*, кавычки как маркер дистанцирования *(«президентом»)*.

Для передачи эксплицитной негативной оценки адресант использует словообразовательные неологизмы, возникшие в результате суффиксации. Суть данного узуального способа заключается в присоединении суффикса к производящей основе. Приведем пример: ***Трампушка*** *уже разлил масло* (заголовок) («Vgudok». 13.05.26). Адресант употребляет словообразовательный неологизм с размерно-оценочным суффиксом *-ушк-* для создания иронично-пренебрежительной оценки. С помощью данной неологической единицы автор публикации снижает авторитет социально значимого лица и настраивает адресата на негативное восприятие действий политического лидера. Для формирования эксплицитной негативной оценки адресант употребляет в медийном тексте метафорически нагруженную конструкцию *(разлил масло)*. С её помощью автор делает акцент на некомпетентности политического деятеля, чья неосторожность наносит вред другим людям, настраивает читателя на то, что исправить ситуацию будет сложно или невозможно.

Другим узуальным способом выражения эксплицитной оценки является аффиксоидация. Аффиксоиды — это морфемы промежуточного типа, которые не могут употребляться в виде корней простых лексем. Среди разновидностей аффиксоидации выделяют префиксоидацию — образование новых лексических единиц с помощью префиксоидов. К группе оценочных словообразовательных формантов с семантикой неистинности и ложности относится префиксоид *псевдо-*. Проиллюстрируем сказанное: *В Новосибирске осудили внука за продажу дедова ружья* ***псевдо-мигранту*** (заголовок) («VN.ru». 07.08.26). Новообразование с префиксоидом *псевдо-* выражает негативную оценку в эксплицитной форме. Она формируется за счет семантики словообразовательного форманта. Адресант маркирует персонажа как подозрительного, создаёт причинно-следственную связь без прямых доказательств, усиливает сенсационный потенциал заголовка. Кроме того, маркером эксплицитной отрицательной оценки выступает глагол *осудили*. С помощью данного слова автор публикации сообщает адресату о судебном решении и навязывает ему негативную интерпретацию события.

Другой разновидностью аффиксоидации является суффиксоидация. Для выражения эксплицитной негативной оценки адресант использует суффиксоид *-гейт* с семантикой ‘скандал’. Приведём пример: ***«Сигнал-гейт»*** *— так американская пресса называет нынешний конфуз с утечкой секретной информации Пентагона через чат мессенджера «Сигнал»* («Смотрим». 26.03.26). С помощью новообразования с суффиксоидом *-гейт* адресант маркирует событие как серьёзный провал, апеллирует к общим знаниям адресата, делает статью запоминающейся.

Заключение. Медийные новообразования являются эффективным инструментом выражения эксплицитной оценки. Наиболее продуктивными механизмами формирования оценочного значения оказываются

префиксация, суффиксация, аффиксоидация. Такие модели позволяют адресанту не только называть новые реалии, но и прямо маркировать отношение к описываемому объекту.

Список литературы

1. Беглова, Е. И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи / Е. И. Беглова. — Стерлитамак: Стерлитамакская государственная педагогическая академия, 2007. — 353 с. — EDN YTMNJZ.
2. Замальдинов, В. Е. Новообразования как источник пополнения спортивного антропонимикона / В. Е. Замальдинов // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2019. — № 1(31). — С. 166-170. — EDN MLFXYI.
3. Замальдинов, В. Е. Экспрессивные способы создания новообразований в социальных сетях (на примере социальной сети «Telegram») / В. Е. Замальдинов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2024. — Т. 24. — № 1. — С. 20-25. — DOI 10.18500/1817-7115-2024-24-1-20-25. — EDN XVMGZM.
4. Радбиль, Т. Б. Общеоценочные предикаты «хорошо» и «плохо» в моделях «ценностных сдвигов» (по данным поэтического корпуса в национальном корпусе русского языка) / Т. Б. Радбиль // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2026. — № 2. — С. 200-208. — DOI 10.31912/pvrli-2026.2.18. — EDN UUQCCR.

УДК 81.25

ГИБРИДИЗАЦИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В КОМПЬЮТЕРНО-ИГРОВОМ СЛЕНГЕ: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛЬНЫХ АФФИКСОВ)

Картавцева Ю. В., ORCID 0000-0002-6533-4760,
Сикумбили Р. М.
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»,
г. Краснодар, РФ
kartav-yuliya@mail.ru, rebsikumbili@gmail.com

Введение. Исследование сленга в онлайн-коммуникации требует глубокого и многоаспектного анализа глагольных форм, которые составляют смысловую и структурную основу геймерского общения. Именно глаголы, обозначающие действия, стратегии, взаимодействия с виртуальной средой и другими участниками процесса, становятся наиболее динамичной и быстро обновляемой частью лексики. Большинство таких глаголов образованы от английских заимствований, что обусловлено не только исторически сложившейся англоязычной базой игрового программного обеспечения (от интерфейсов и инструкций до кода и внутриигровых сообщений), но и глобальной ролью английского языка как

языка-посредника в интернациональных командах. В условиях, когда игроки из разных стран объединяются для достижения общих целей, английский становится языком-посредником, а его терминология — стандартом, который адаптируется носителями других языков под свои фонетические и морфологические системы.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ гибридизации глагольных форм компьютерно-игрового сленга, функционирующих в онлайн-коммуникации, определение их роли как смысловой и структурной основы игрового общения, а также выявление закономерностей фонетической и морфологической (словообразовательной) адаптации английских заимствований в принимающем языке.

Основная часть. В основе формирования этих лексем лежит сложный лингвистический процесс, известный как гибридизация. Ранее этот феномен подробно анализировали такие видные русские лингвисты, как В.В. Лопатин, Н.М. Шанский, Е.А. Земская и другие специалисты в области современного русского словообразования [1, 7, 13]. Они определяли гибридизацию как создание слов из генетически разнородных элементов, то есть комбинацию иностранных основ (чаще всего латинского или греческого происхождения, а в современном контексте — английских корней) с русскими аффиксами (префиксами, суффиксами, постфиксами). Согласно точке зрения Л.Д. Кадыровой, которая относит понятие гибридизации к «производному слову, составленному из генетически разнородных элементов, прежде всего основ и аффиксов» [6, с. 57], этот механизм является наиболее продуктивным и востребованным способом словообразования в геймерском сленге. Это объясняется потребностью в быстром создании понятных, лаконичных и эмоционально окрашенных обозначений для новых игровых реалий, которых еще нет в традиционном словарном запасе.

Выделяют три основные категории гибридизации, которые активно функционируют в геймерском дискурсе:

1. ***Русские аффиксы + английская основа***. Это наиболее распространенный тип, при котором к заимствованному корню присоединяются русские словообразовательные элементы. Например, глаголы типа:

крашиться (от англ. crash «разрушаться, падать» с суффиксом -и- и окончанием -ться): *«Не пойму, в чём дело. Бывает иногда пк сам **крашится** с этой ошибкой, помогает только ребут»* [4];

прокачивать (в значении улучшения характеристик персонажа, хотя здесь основа может быть и русской, но часто сочетается с английскими концептами): *«как вы видите, в пассивной ветке я **прокачал** силу. Но в руководствах пишут, что нужно **прокачивать** выносливость / броню»* [2].

Такие образования легко интегрируются в русскую грамматику, изменяются по лицам, числам и временам, что делает их органичной частью речи.

2. ***Английские аффиксы + русская основа***. Менее частотный, но существующий тип, где к русскому корню добавляются английские префиксы или суффиксы. Например, использование префикса re- в значении «повторного действия» (например, *респауниться* — от *respawn*, хотя здесь чаще наблюдается обратная комбинация, но в некоторых случаях фиксируется смешение, например, в неформальных образованиях типа *дебаффить* с адаптацией окончания). Однако в современном сленге этот тип встречается реже из-за трудностей произношения и восприятия.

3. ***Смешанная гибридизация или сложные сочетания***. Встречаются случаи, когда заимствованная основа комбинируется сразу с несколькими русскими аффиксами или когда происходит взаимное влияние обеих языковых систем на этапе образования слова. Например, образование сложных глаголов с использованием русских префиксов к английским корням:

- *зафармить* (от farm — «фармить», с префиксом за-): *«До 1:00 вы должны либо успеть его* ***зафармить****, либо стакнуть. Иначе вы официально проиграли первые минуты в Dota 2»* [9];

- *прокрашиться* (с префиксом про-): *«Карта* ***прокрашилась****, когда мне было … ставить редстоун (потому что было много ламп), и я решил ввести команду»* [8].

Таким образом, гибридизация не просто механически соединяет элементы двух языков, но и отражает культурный синтез, возникающий в процессе глобализации игровых сообществ. Она позволяет русскоязычным игрокам сохранять идентичность своего языка, одновременно активно участвуя в международном геймерском дискурсе. Выделяют три категории гибридизации:

- ксенизмы (сохранение исходной структуры: онлайн).

- фразеологические сочетания (игровой контент).

- словообразовательная гибридизация (адаптация заимствований к правилам русского языка: *донатить, постить*).

Особую роль играют глагольные суффиксы: *-ать/-ить* (несовершенный вид) и *-ну(ть)* (совершенный вид, например, ливнуть). Рассмотрим некоторые примеры:

1. *лайнить* (от laning) — начальный этап игры на линии*: «С фул фри фарма почти никогда не лузаю игру, но заметил, что на хай птс стримах, так это как* ***лайнят*** *топ керри, в частности алоха нереально сильно использует потенциал героя на линии и выдавливает оппонента с оффлейна…»* [10];

2. *бафнуть* (от buff) — улучшение или ослабление характеристик персонажа: *«Отсюда вывод, если ты* ***бафнул*** *строителей*

«подозрительного» игрока 2 раза, а на третий день строительный баф не был использован, есть серьезные основания сомневаться в жизнеспособности этого игрока» [12];

3. *апать(ся)* (от UP) — повышение уровня или рейтинга: *«Не вижу здесь проблемы... кто этого не понимает, и так не будет* ***апать*** *ммр получается, а кто понимает — будет* ***апаться****»* [11];

4. *райткликать* (от Right-Click) — автоматическая атака; термин постепенно проникает в бытовую речь: *«К примеру, башня атакует вас, ваш союзник/крип/иллюзия ближе к башне. Вам нужно просто* ***райткликнуть*** *своего союзника, как будто хотите его заденаить — башня переключится на него»* [3];

5. *«регениться»* (to regenerate) — восстанавливаться*: «Он* ***регенится*** *невероятно, наношу ему по 77урона он по 55 каждую секунду* ***регенится***. [5].

Таким образом, гибридные глагольные формы в геймерском сленге демонстрируют активную адаптацию англицизмов через механизмы русской морфологии, что позволяет игрокам точно описывать специфические игровые процессы.

В современном языкознании все большее внимание уделяется процессам гибридизации, происходящим в условиях активного межъязыкового взаимодействия. Особенно ярко эти процессы проявляются в геймерском сленге, где гибридные глагольные формы демонстрируют активную адаптацию англицизмов через механизмы русской морфологии. Под гибридизацией в данном контексте понимается соединение иноязычного корня с русскими словообразовательными и формообразующими аффиксами, что позволяет игрокам точно и лаконично описывать специфические игровые процессы. Кроме того, происходит трансформация нормы устной и письменной речи. Это обусловлено стремлением к экономии языковых средств и высокой скоростью обмена информацией. В русский язык активно проникают англицизмы, которые адаптируются с помощью различных способов словообразования и постепенно вытесняют русскоязычные синонимы как в сети, так и в быту. Гибридизация глагольных форм становится одним из наиболее продуктивных механизмов такой адаптации: заимствованный корень обрастает русскими суффиксами, префиксами и флексиями, образуя глаголы, которые воспринимаются носителями как органичные элементы системы. При этом важно отметить, что гибридные глаголы не просто дублируют значения английских прототипов, но и приобретают дополнительные смысловые оттенки, связанные с русской аспектуальностью и модальностью.

Заключение. Значение компьютерно-игрового сленга часто ситуативно, однако он формирует устойчивые грамматические и структурные требования к языку. Гибридные глагольные формы подчиняются общим правилам русской морфологии, но их семантика может

варьироваться в зависимости от контекста: один и тот же глагол в разных игровых ситуациях обозначает разные действия. Это свидетельствует о гибкости системы, способной вмещать новые элементы без разрушения базовых норм. Влияние сетевого контента на личность растет: пользователи предпочитают виртуальное общение реальному, стремясь к максимальной лаконичности. В результате гибридные глаголы становятся не только средством номинации, но и маркером идентичности, позволяющим быстро и точно обозначить принадлежность к игровому сообществу.

Таким образом, гибридизация глагольных форм в компьютерно-игровом сленге представляет собой динамический процесс, отражающий общие тенденции адаптации языка к условиям цифровой эпохи. Она демонстрирует, как русская морфологическая система ассимилирует иноязычный материал, сохраняя свою структурную целостность и одновременно обогащаясь новыми выразительными возможностями. Дальнейшее изучение этого явления позволит глубже понять механизмы языковой гибкости и прогнозировать направления развития русского языка в условиях глобальной интернет-коммуникации.

Список литературы

1. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. — Москва: Наука, 2009. — 224 с.
2. Игровой форум «Мародер» — URL: https://www.pathofexile.com/forum/view-thread/384093 (дата обращения: 30.09.2026).
3. Информационный портал (блог) «Cyber.sports» – https://cyber.sports.ru/tribuna/blogs/drowrangerthebest/2591018.html (дата обращения: 30.09.2026).
4. Информационный портал «Ответ Mail.ru» — URL: https://otvet.mail.ru/question/269240267?ysclid=munz8wj8jf625478418 (дата обращения: 30.09.2026).
5. Информационный портал «Ответ Mail.ru» — URL: https://otvet.mail.ru/question/211029112 (дата обращения: 30.09.2026).
6. Кадырова, Л. Д. Гибридные неономинации в современном масс-медийном дискурсе: семантико-деривационный аспект: специальность 10.02.01«Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кадырова Ление Диляверовна. –Симферополь, 2014. — 20 с. — Место защиты: Таврич. нац. ун-т им. В.И. Вернадского.
7. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания / В.В. Лопатин. — Москва, 1977. — 316 с.
8. Форум русскоязычного сообщества «Bukkit» — URL: https://bukkit.ru/threads/krash-karty-nuzhen-remontnik.44768 (дата обращения: 30.09.2026).
9. Форум «Dota2» — URL: https://dota2.ru/guides/7265-lesnaya-kjerri-tresdin-5000-goldy-k-10-j-minute/?ysclid=munzkl7qdl116524289 (дата обращения: 30.09.2026).
10. Форум «Dota2» — URL: https://dota2.ru/forum/threads/kak-nauchitsja-lajnit-na-kerri.1288814 (дата обращения: 30.09.2026).
11. Форум «Dota2» — URL: https://dota2.ru/forum/threads/knopka-sdatsja-ff.1297304 (дата обращения: 30.09.2026).

12. Форум «Elvinar» — URL: https://ru.forum.elvenar.com/index.php?threads/Соседский-баф-и-логика.3497 (дата обращения: 30.09.2026).
13. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. — Москва: Флинта, 2019. — 336 с.

УДК 81'373.611

АББРЕВИАТУРНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ ДОНБАССА КАК МАРКЕРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ РЕГИОНА

Лялюк А. А., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-3247-4724
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
anna.lyalyuk@list.ru

Введение. Современный Донбасс занимает особое положение: регион находится на переднем крае социально-политических трансформаций и вооружённого конфликта. Язык, выступая «зеркалом эпохи», осмысляя происходящие на наших глазах исторические события, избирательно и с высокой степенью концентрации отражает наиболее значимые реалии текущего момента.

Наиболее оперативно социально-политические сдвиги репрезентируются в языке массмедиа, а ближайший доступ к «живой» языковой ситуации открывает газетный дискурс самого региона, в котором эти процессы разворачиваются, — то есть донбасские региональные СМИ. Именно здесь массово функционируют сложные номинации, в первую очередь — аббревиатурные (сложносокращённые и инициальные) наименования, которые закрепляются в новостных заголовках и текстах и свидетельствуют о ключевых для региона понятиях.

Цель — выявить и описать аббревиатурные наименования, функционирующие в медиадискурсе Донбасса, определить их роль как маркеров социокультурной специфики региона.

Материалом исследования послужили аббревиатурные наименования, отобранные методом сплошной выборки из новостных заголовков и коррелирующих с ними текстов статей газеты «Донецкий кряж» (печатная версия; интернет-ресурс издания; официальные сообщества газеты в соцсетях) за период с 2025 по 2026 гг. Всего было проанализировано 102 выпуска данного общественно-политического издания, общая картотека представлена 526 единицами. При отборе учитывались: 1) принадлежность номинации к газетному заголовочному комплексу или информационному тексту; 2) повторяемость единицы и её узнаваемость в региональном медиапространстве; 3) способность

номинации функционировать в оппозиции «свой — чужой», то есть соотноситься либо с локальной донбасской, либо с украинской / прозападной системой координат. Анализ заголовков в единстве с текстами статей позволил провести комплексное исследования рассматриваемых структурных типов слов.

Основная часть. Аббревиатурные наименования, функционирующие в медиадискурсе Донбасса, образуют открытую систему, которая активно функционирует и динамически трансформируется. При сохранении устойчивости в своей ядерной части, периферийный лексический пласт пополняется новыми единицами в следствие преобразований социокультурного и общественно-политического характера, происходящих в регионе. Анализ отобранного нами языкового материала позволил выделить несколько **ядерных тематических групп** аббревиатурных номинаций различных структурных типов.

Первую группу составляют топонимические инициальные аббревиатуры, вербализующие концепты политической идентичности региона: ***ДНР*** (*Донецкая Народная Республика*), ***ЛНР*** (*Луганская Народная Республика*). Появившись в 2014 году, эти аббревиатуры за десятилетие прошли путь от инноваций с пометой «так называемая» до единиц общероссийского узуса: употребление аббревиатуры в позиции топонима создаёт ассоциацию с аббревиатурами-названиями государств (*РФ*), что само по себе становится способом языковой легитимации. Показателен и зеркальный характер номинации: в украинском и прозападном русскоязычном медиапространстве тем же референтам соответствует аббревиатура ***ОРДЛО*** (*отдельные районы Донецкой и Луганской областей*), намеренно лишённая признаков государственности. Таким образом, выбор аббревиатуры ***ДНР*** / ***ЛНР*** или ***ОРДЛО*** **—** уже не способ экономии языковых средств, а акт самоидентификации говорящего / пишущего; заголовок, использующий тот или иной вариант наименования региона, слушатель / читатель безошибочно относит к соответствующему медиапространству ещё до прочтения текста: «*названия Донбасс, Донецк, Луганск, ЛНР, ДНР перестали быть лишь географическим названием, они стали символами эпохи, приобрели дополнительную концептуальную коннотацию, глубинное значение*» [2, с. 425].

В целом наименования данной группы самые частотные, об этом свидетельствует высокая плотность их использования. Так, на одной газетной полосе можно встретить до 16 таких единиц. Они могут функционировать как в составе развёрнутых наименований, обозначающих должности, организации, учреждения и пр. («*...руководитель Народного Фронта* ***ДНР***» [Айгистов Р. // Под крылом грифона // Донецкий кряж. — 2025. — №49(62). — С. 3]; («*...врио министра спорта и туризма* ***ДНР*** *Евгений Ширшов*» [Пурышева Ю.

Вызов принят // Донецкий кряж. — 2025. — №49(62). — С. 8]), так и автономно («*Так, в **ДНР** формируется и твёрдо встает на ноги новое поколение донецкого футбола*» [Пурышева Ю. Вызов принят // Донецкий кряж. — 2025. — №49(62). — С. 3]).

Вторую группу представляют военно-политические инициальные аббревиатуры, которые отражают текущие военные реалии Донбасса и ключевые концепты вооруженного конфликта: ***БПЛА*** (беспилотный летательный аппарат), ***ДРГ*** (диверсионно-разведывательная группа), ***СВО*** (специальная военная операция), ***ЛБС*** (линия боевого соприкосновения), ***ПВД*** (пункт временной дислокации).

Аббревиатурная единица ***СВО —*** характерный пример доминирования аббревиатурной формы: в заголовках она практически вытесняет развёрнутое наименование, а её употребление закреплено и в юридическом поле как самостоятельное названия, так и составная часть номинаций вроде *ветеран **СВО**, участник **СВО.***

Третья группа аббревиатур включает институциональные номинации, названия учреждений и организаций государственного уровня, которые интегрируются в медиатексты Донбасса через общероссийский информационный поток. Примерами таких аббревиатур являются собственные наименования, например ***Росатом*** («*Например, летом 2025 года стало известно, что «**Росатом**» возглавит международный консорциум по возведению первой в Казахстане АЭС*» [Чаусов А. Кремль. Главное // Донецкий кряж. — 2025. — №43(56). — С. 2]), наименования учреждений («*Пожары и **ЧС**: в **ДНР** назначили координатора работы с **МЧС***» [Поповиченко Д. Заголовок // Донецкий кряж. — 2026. — №29 (91). — С. 3]), а также аббревиатуры институциональной идентификации, например ***ФГБУ*** (федеральное государственное бюджетное учреждение) («*Ирина Белякова, руководитель филиала **ФГБУ** "Дом народов России" в **ДНР***» [Айгистов Р. // Под крылом грифона // Донецкий кряж. — 2025. — №49(62). — С. 3]), маркирующие референта как элемента единой федеральной управленческой вертикали, распространяющейся на территорию региона. Эти лексические единицы сигнализируют о принадлежности Донбасса к общероссийскому политическому, экономическому, социокультурному и научно-технологическому пространству.

Лингвистический анализ позволяет сформулировать следующее положение: аббревиатуры ядерной группы (***ДНР***, ***ЛНР*** и пр.)используются в заголовке без расшифровки — предполагается их безусловная узнаваемость, легкость в интерпретации и простота в дешифровке; единицы других же групп (***ЛБС***, ***ПВД***, ***ДРГ***), напротив, либо сопровождаются расшифровкой в первом употреблении, либо восстанавливаются в тексте статьи в виде развёрнутого эквивалента или синонимичного сочетания. Таким образом, по особенностям

функционирования аббревиатуры в соотношении «заголовок — текст» можно судить о степени её освоенности, региональной специфичности, важности для языкового пространства Донбасса.

Выводы. Проведённый анализ позволяет сделать промежуточный вывод: аббревиатурные наименования в медиадискурсе Донбасса выполняют не только традиционную функцию языковой экономии, но и функцию социокультурного маркирования — они кодируют принадлежность текста к русской языковой картине мира, противопоставляя её номинациям медиапространства недружественных государств, и служат одним из наиболее надёжных индикаторов региональных ценностных координат.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).*

Список литературы

1. Донецкий Кряж: общественно-политическая газета. — Режим доступа: https://donetskmedia.ru/gazeta-doneckij-krjazh-skachat-pdf#1781946390584-aed30dd8-c7dc.
2. Серова С. А. Ключевые слова текущего момента в медиаязыке периода специальной военной операции / С. А. Серова, Е. П. Семишова // Мир науки, культуры и образования. — № 2 (99). — 2023. — С. 422–426. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-slova-tekuschego-momenta-v-mediayazyke-perioda-spetsialnoy-voennoy-operatsii (дата обращения: 25.09.2026).
3. Теркулов В. И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 97–112. — http://dx.doi.org/ 10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112, EDN: CAKFZG.

УДК 811.161.1

ГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ *ДР.* И *Т.Д.*: ОСОБЕННОСТИ ЗНАЧЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ

Мухачёва И. В, канд. филол. наук, ORCID 0000-0003-2321-8507
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва, РФ
imukhachyova@yandex.ru

Постановка проблемы. Одним из механизмов, функционирующих в языке и вызывающих в нем изменения на разных уровнях, является действие закона экономии речевых усилий. Языковой знак, возникший в результате действия закона экономии речевых усилий и позволяющий

говорящему «лениться», должен быть понят слушающим однозначно и без больших затрат усилий с его стороны.

Очевидно, что на практике так бывает далеко не всегда. В настоящей работе затронутая проблема обсуждается на материале графических сокращений (далее — ГС) *др.* и *т.д.* Основной вопрос сводится к тому, действительно ли данные ГС позволяют говорящему и слушающему, экономя усилия, успешно справляться с кодированием и декодированием информации. Для поиска ответа на этот вопрос представляется необходимым рассмотреть семантику ГС *др.* и *т.д.*, а также сферу и особенности их употребления как на синхронном языковом срезе, так и в ближайшей диахронии.

Анализ материала. Ограничения, связанные с жанром данного текста, не позволяют обсудить теоретическое осмысление термина «графическое сокращение» в лингвистике и основные направления научного изучения ГС (представление об этом можно получить, например, из [1]).

Здесь же обратимся только к одному из новейших лексикографических источников, посвященных ГС, — «Словарю сокращений в русском языке как государственном языке Российской Федерации». ГС *др.* расшифровывается в нем как «другой» [3, с. 22], а ГС *т.д.* в словаре отсутствует. Причина отсутствия не вполне ясна, ведь, согласно Предисловию, «объектом описания в словаре являются нормативные графические сокращения слов и словосочетаний, которые отмечаются исключительно в письменной речи. При чтении они полностью расшифровываются» [3, с. 5]. Представляется, что ГС *т.д.* характеризуется всеми названными особенностями.

Источником материала для данного исследования служит Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ)[1]. Приведем несколько контекстов из НКРЯ, содержащих ГС *др.*:

(1) *Такая этимология имени Ярослав активно поддерживается также тем, что обе части этого имени хорошо представлены и в других древних славянских именах, ср. Ярополк, Яромир, Ярогнев и др., Святослав, Доброслав, Вячеслав, Мстислав и др.* [А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000];

(2) *Алюминиевые изделия: испаритель, полки и др. — следует промывать только чистой теплой водой* [Инструкция к холодильнику (1980)];

(3) *Утверждению подлежат нормативные правовые акты (правила, положения, инструкции, регламенты и др.), внутренние нормативные акты Министерства, а также документы длительного действия (планы, программы, отчеты об их выполнении и некоторые*

[1] URL: https://ruscorpora.ru/. Дата обращения — 07.10.2026 г.

другие документы) [Министерство транспорта Российской Федерации. Приказ Минтранса России от 11.01.2021 N 1 (2021)].

Даже немногочисленные примеры свидетельствуют, во-первых, о том, что ГС *др.* не всегда можно расшифровать как «другое», часто — как «другие», а во-вторых, о том, что на месте ГС *др.* может быть использовано и ГС *т.д.*, что провоцирует размышления о частичном или полном совпадении их значений.

Обращение к контекстам XIX в. из НКРЯ позволяет выдвинуть гипотезу о том, что ГС *др.* в этот период использовалось преимущественно после перечисления имен собственных:

(4) *Изъ всѣхъ школъ, процвѣтавшихъ при Элъ-Мамунѣ въ Басрѣ, КуФѣ и Багдадѣ, особенно знаменита послѣдняя: изъ нея вышла большая часть извѣстныхъ ученыхъ Арабскихъ, каковы: Эль-Фараби, Эль-Радзи и др.* [И. М. Богословский-Платонов]. Арабы и ихъ философія // «Москвитянинъ», 1850];

(5) *Точно такой же успех имели эти пьесы и в Петербурге, и на провинциальных сценах — Одессы, Николаева, Харькова, Тулы, Воронежа, Нижнего Новгорода, Ярославля, Твери и др.* [А. Н. Островский. Письма (1856)].

Примеры и особенности употребления ГС *т.д*. будут представлены в докладе.

Общим свойством ГС *др.* и *т.д.* является то, что они употребляются как последний член ряда сочиненных слов, выступающих в предложении как однородные члены, и присоединяются к остальным членам ряда союзом *и* при том, что остальные члены ряда соединены, как правило, бессоюзно. Размышляя о бессоюзных конструкциях, В.З. Санников отмечает, что бессоюзное соединение «не требует точности при перечислении, допускает большую свободу, даже некоторую небрежность речи. Отвечая на вопрос о том, кто был у нас на прошлой неделе, мы употребим, видимо, именно бессоюзную конструкцию, допускающую последующее нанизывание компонентов-гостей (по мере того, как мы о них вспоминаем)» [2, с. 341]. Использование такого типа конструкций становится удобным в разговорной речи, которая отличается спонтанностью и неподготовленностью. На письме «закрытие» бессоюзных конструкций графическими сокращениями *др.* или *т.д*. тоже является «менее обязывающим» для пишущего: он оказывается освобожден от необходимости перечислить все элементы какого-то множества. Причины могут быть разными (незнание всех элементов множества; наоборот, очевидность неназванных элементов; неопределенность или сомнения, имеющиеся у самого пишущего, и т.д.). Во всех этих и подобных случаях ГС оказываются удобным средством кодирования информации. Однако читатель, не зная точной причины

использования ГС в конце бессоюзной конструкции, на наш взгляд, может недополучить информацию, порой очень важную.

Выводы. Исследование ГС *др.* и *т.д.* показывает, что в современных текстах они выступают как аналоги или синонимы друг друга. Употребление этих ГС, безусловно, является средством экономии усилий говорящего (пишущего), но добавляет сложностей адресату, который не всегда способен декодировать информацию единственно правильным способом. Возможная неединственность интерпретаций этих ГС особенно опасна в случае использования их текстах официально-делового стиля.

Список литературы

1. Разумная, Е. В. Графические сокращения как объект прескриптивного описания // Новые горизонты русистики. 2025. — № 3(29) — 22–29 с. — DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18071308.
2. Санников, В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. — Москва: Языки славянских культур, 2008. — 624 с.– (Studia philologica). — ISBN 978-5-9551-0236-8.
3. Словарь сокращений в русском языке как государственном языке Российской Федерации / А. И. Бровец, К. Ю. Емельянова, Е. В. Разумная, А. К. Сытник; под научной редакцией В. И. Теркулова и А. И. Бровца. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. — 103 с.

УДК 81.276.5

ФОРМАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

Разумная Е. В., ORCID 0009-0008-0732-0724
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kate_razumnaya@mail.ru

Вопрос о систематизации графических сокращений на основе их формальных характеристик до сих пор не получал широкого описания. **Объектом** исследования выступают графические сокращения современного русского литературного языка как особая подсистема письменной речи. **Предметом** исследования является формальная структура графических сокращений. **Целью** данной работы является описание типологии графических сокращений.

Н. Г. Асмус и Н. Д. Полетаева пишут, что «процесс образования сокращений можно определить как замену какого-либо языкового выражения (слова, словосочетания) в устной или письменной речи более короткой единицей на базе материала первого выражения и с сохранением общего смыслового содержания» [1, с. 37].

Различие между сокращениями и аббревиатурами С. О. Баринова называет различием между графическими и лексическими сокращёнными единицами: «Графическое сокращение существует и употребляется только в письменной речи, в то время как лексическое, обладая внешне выраженным значением, является устоявшейся языковой единицей и может употребляться как в письменной, так и в устной речи» [3, с. 7]. Таким образом, графическое сокращение — это условное сокращение часто встречающегося слова или словосочетания, употребляемое только в письменной речи и расшифровываемое при чтении [2, с. 439].

При классификации сокращений можно опираться на два параметра: частеречную принадлежность исходных единиц и на использование спецзнаков.

Т. В. Жеребило в «Словаре лингвистических терминов» выделяла шесть типов графических сокращений, опираясь на пунктуационный аспект:

1. точечные сокращения (*обеспеч. — обеспечение, кн. — книга*);

2. дефисные сокращения (*ун-т — университет, т-ка — тарелка*);

3. косолинейные сокращения (*х/б — хлопчатобумажный, б/у — бывший в употреблении*);

4. курсивные сокращения (*нсв — несовершенный, св — совершенный*);

5. нулевые сокращения (*кг — килограмм, г — грамм*);

6. комбинированные сокращения (*км/час — километров в час, п.-о. — почтовое отделение*) [4, с. 81-82].

С. О. Баринова выделяла следующие виды графических сокращений языка Интернета, базирующиеся на моделях способов образования:

1. сигль (*l < laugh; btw < by the way; iirc < if I remember correctly*);

2. контрактуры (*esc < escape; exch < exchange; enq < enquiry*);

3. фоноидеограммы (*s2s < skin to skin; w4u < wait for you*);

4. суспенсии, или силлабограммы (*esc < escape; поч — почему*);

5. пиктограммы (X! — *typical woman*; Y! — *typical man*) [3, с. 25–26].

По частеречной принадлежности можно выделить:

- сокращения прилагательных (*б. — большой, апр. — апрельский*);

- сокращения существительных в именительном падеже (*б-ка — библиотека, апр. — апрель, восх. — восход*);

- сокращения существительных в косвенных падежах с предлогом (*б. г. — без года, б/п — без переплёта*);

- сокращения предлогов (*вм. — вместо*);

- сокращения причастий (*закл. — заключен, зн. — значащий*);

- сокращения наречий (*знач. — значительно*);

- сокращения глаголов (*изд. — издавать*);

- сокращения местоимений (*к.-л. — какой-либо, к.-н. — какой-нибудь*);

- смешанные сокращения (*б/у — бывший в употреблении*).

На основе анализа нормативных документов и академических справочников была выделена формальная типология графических сокращений, разделенная по объекту сокращения (словосочетания и отдельные слова).

Способы сокращения словосочетаний:

1. Точечно-позиционный: *и т. д. — и так далее, т. е. — то есть*.

2. Точечно-пробельный: *см. выше — смотри выше*.

3. Дефисный (стяжение словосочетания): *инж.-мех. — инженер-механик, с.-д. — социал-демократ*.

4. Косолинейный (с предлогами): *п/п — по порядку*.

5. Косолинейный (сложные слова): *к/т — кинотеатр.*

6. Комбинированный точечно-косолинейное: *об/мин. — оборотов в минуту, см. н/о — смотри на обороте, п/я — почтовый ящик*.

7. Комбинированное дефисно-точечное: *ж.-д. — железнодорожный, к.-з. — короткозамкнутый*.

8. Точечное с удвоением (множественное число): *гг. — годы.*

Выведены следующие типы сокращения слов:

1. Точечное (усечение конечной части): *тыс. — тысяча; напр. — например; руб., р. — рубль*.

2. Точечное с удвоением (множественное число): *вв. — века, гг. — годы, тт. — тома, пп. — пункты.*

3. Дефисное (стяжение, контрактура): *ин-т — институт, ф-т — факультет*.

4. Курсивное: ***г*** *— грамм,* ***л*** *— литр,* ***дм*** *— дециметр.*

5. Нулевое (без точки): *мм — миллиметр, кг — килограмм, т — тонна*.

6. Контрактуры (сокращение по согласным): *млн — миллион, млрд — миллиард, стб. — столбец, пн. — понедельник*.

7. Суспенсии, или силлабограммы: *иностр. — иностранный, пром. — промышленный, греч. — греческий*.

8. Формульное: *Н-м — ньютон-метр, Н-с — ньютон-секунда*.

9. Латинизированное: *NB, N — нотабене; etc. — et cetera, и так далее.*

10. Индивидуально-авторское: *больш. — большой, пром. — промышленность*.

Итак, графические сокращения перестают быть периферийным, «техническим» участком письменной речи. В ходе исследования установлено, что всё многообразие графических сокращений сводится к ограниченному числу структурных схем. Каждая из выделенных моделей обладает жёсткими формальными признаками, что позволяет квалифицировать употребление как нормативное или ошибочное без обращения к узкоспециальным контекстам.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 26-18-20134,*

https://rscf.ru/project/26-18-20134/ «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении».

Список литературы

1. Асмус Н. Г., Полетаева Н. Д. Особенности функционирования сокращений в виртуальном дискурсе (на примере социальной сети Твиттер) // Челябинский гуманитарий. — 2021. — № 2 (55). — С. 12–18. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-sokrascheniy-v-virtualnom-diskurse-na-primere-sotsialnoy-seti-tvitter (дата обращения: 01.09.2026).
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — Изд. 5-е. — М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 576 с.
3. Баринова С. О. Классификация сокращений в языке Интернета (на материале английского языка) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2007. — Т. 12, № 33. — С. 24–27. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-sokrascheniy-v-yazyke-interneta-na-materiale-angliyskogo-yazyka (дата обращения: 03.09.2026).
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. — Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань : Пилигрим, 2010. — 486 с.

УДК 81’373.611

АББРЕВИАТУРЫ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ДОНБАССА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ: СТРУКТУРНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Рязанова В. А., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-7517-8589
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ryazanova.v.a@mail.ru

Введение. Аббревиатуры стали неотъемлемой частью языкового пространства русскоязычного города с начала XX столетия. Учреждения, ведомства и организации, возникшие с приходом советской власти, получили сложные многокомпонентные наименования, которые для удобства пользования сокращались и принимали облик аббревиатуры. Число составных наименований организаций и предприятий продолжает расти, а носителю языка становится всё сложнее ориентироваться в них. Например, в [1] рассматривается ситуация многократной смены наименования Донецкого национального технического университета, «в социальных преобразованиях которого повторяются этапы, характерные для большинства донецких институтов» [1, с. 50].

В 2022 году города Донбасса вошли в правовое поле Российской Федерации, в связи с чем большое число учреждений сменило официальные наименования; появились новые обозначения организационно-правовых форм предприятий, используемые в

сокращённом виде. Только в сфере образования возникли обозначения *ГБОУ* (*государственное бюджетное образовательное учреждение*), *ГБУДО* (*государственное бюджетное учреждение дополнительного образования*), *МБДОУ* (*муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение*) и т. д.

Нововведения в наименованиях учреждений продолжают вызывать трудности у жителей Донбасса и сейчас. Кроме того, отдельные населённые пункты ДНР только начинают интегрироваться в новое правовое поле. Наконец, многие давно действующие наименования не знакомы и не понятны части населения региона. Решением этой проблемы может стать создание словаря аббревиатур городской среды Донбасса, который послужит ориентиром в системе составных эргонимов и топонимов.

Цель данного исследования — определить структурно-ономасиологические типы сокращённых наименований объектов городского пространства, нуждающихся в специальном лексикографическом описании в словаре аббревиатур городской среды Донбасса.

Основная часть. Сложности с использованием аббревиатур прежде всего связаны со структурно-ономасиологическим типом сокращения и возможностью их свободной расшифровки в синтаксический эквивалент.

1. Меньше всего трудностей вызывают сложносокращённые апеллятивы. При их расшифровке носители языка опираются на собственные фоновые знания, которые позволяют соотнести конструкт с полнозначным эквивалентом и связать компоненты расшифровки в единую модель. Так, сложносокращённые слова *детсад*, *пищеблок*, *онкодиспансер*, *ветлечебница*, *строймагазин* и многие другие свободно функционируют в качестве наименований объектов городского пространства.

2. Использование сложносокращённых онимов сопряжено с проблемой их развёртывания в расчленённые эквиваленты, поскольку структура многих сокращённых имён собственных не релевантна закреплённым за ними полным наименованиям. Номинаторы конструируют сокращённые онимы по собственным моделям, лишь в большей или меньшей степени соблюдая компонентное соответствие полному наименованию. Ср: *Макшосее* (*Макеевское шоссе*), *Минтранс* (*Министерство транспорта*), «*Донцемент*» (> **Донецкий цемент*; *Амвросиевский цементный завод*), «*Донтехрезина и ко*» (> **Донецкая техническая резина*; *Завод резинотехнических изделий*), *Минспорт* (> **Министерство спорта*; *Министерство спорта и туризма*).

Расшифровка сложносокращённых онимов в тех случаях, когда полное наименование носителю языка достоверно не известно, возможна по той причине, что структурные компоненты таких наименований способны ретранслировать собственное значение. На основе совокупности значений конструктов носитель языка выводит значение и потенциальную

расшифровку всего онима, что позволяет пользоваться таким сокращением без привязки к официальному полному наименованию.

3. Инициальные апеллятивы отличаются структурой, которая не позволяет без знания полного наименования стихийно расшифровывать аббревиатуру, а составные компоненты таких образований — начальные буквы или звуки входящих в расшифровку слов — не передают семантику аббревиатуры. Кроме того, инициальные аббревиатуры, в отличие от сложносокращённых образований, вызывают у носителей языка трудности при произношении и склонении.

В городской среде инициальные апеллятивы функционируют в качестве указаний на организационно-правовую форму учреждений, предприятий и иных юридических объектов. Эти единицы различаются степенью вхождения в узус городских жителей. Ср. уже устоявшиеся *ООО* (*общество с ограниченной ответственностью*), *ЧАО* (*частное акционерное общество*), *ТСЖ* (*товарищество собственников жилья*), *ГУП* (*государственное унитарное предприятие*) и появившиеся после 2022 года *МБУК* (*муниципальное бюджетное учреждение культуры*), *МБОУДОД* (*муниципальное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования детей*) и т.д.

4. Инициальные онимы отличаются формально-семантической уникальностью, что препятствует прогнозированию их расшифровки носителями языка, не знакомыми с полным вариантом наименования. Данные словообразовательные единицы варьируются по степени распространённости среди носителей языка, проживающих на одной территории (в пределах одного города, района, региона): *ДМЗ* (*Донецкий металлургический завод*), *ЕМК* (*Енакиевский мясокомбинат*), *ДАП* (*Донецкий аэропорт*), *СКФ* (*Снежнянская колбасная фабрика*), *ЖДН* (*Железные дороги Новороссии*). Наличие в препозиции инициального апеллятива, обозначающего организационно-правовую форму объекта, усложняет восприятие сокращённого онима: *РО ООО* «*ФКР*» *в ДНР* (*региональное отделение Общероссийской общественной организации* «*Федерация кикбоксинга России*» *в Донецкой Народной Республике*), *МУП АГОД ДНР* «*ДРСУ*» (*муниципальное унитарное предприятие администрации городского округа Донецк Донецкой Народной Республики* «*Дорожное ремонтно-строительное управление*»).

Таким образом, в словник словаря аббревиатур городской среды Донбасса должны войти сложные наименования из числа сложносокращённых онимов, инициальных апеллятивов, называющих организационно-правовую форму, и инициальных онимов. Все эти единицы вызывают трудности у носителей языка при их расшифровке и толковании значения, что порождает проблемы с их пониманием и использованием.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города:*

собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).

Список литературы

1. Мозговой, В. И. Проблема ономастической нормы и методика определения реальной и ложной номинации вузов Донецка / В. И. Мозговой, С. А. Верховская // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков : Материалы III Международной научно-методической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 100-летнему юбилею Донецкого национального технического университета, Донецк, 22 мая 2020 года. — Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2020. — С. 48–54. — EDN AMAXWT.

УДК 81'373.611

СОСТАВНОЙ АББРОКОНСТРУКТ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: ПАРАМЕТРЫ ВЫДЕЛЕНИЯ

Смирнова И. Р., ORCID 0000-0002-5021-9372
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
smirinaa15@gmail.com

Целью исследования является определение параметров выделения составных абброконструктов в сложносокращенных словах, так как данные параметры различаются в рамках синхронного и диахронного аспектов анализа формальной структуры аббревиатуры. Абброконструктом (далее — АК) является «часть аббревиатуры, представляющая собой сокращенный эквивалент (дублет) какого-либо слова» [1, с. 74], например *электро-* в сложносокращенном слове (далее — ССС) *электроплита (электрическая плита)*. Под составным АК понимается комплекс из нескольких простых (единичных) АК в одном ССС, например *виброэлектро-* в слове *виброэлектродвигатель* (*вибрационный электродвигатель*).

При синхронном анализе формальной структуры аббревиатуры к ней применяется два параметра — формальный и дешифровальный. Согласно формальному параметру, сокращенный (неполный) компонент ССС представляет собой АК и находится в оппозиции к неусечённому (полному) компоненту, формально соответствующему слову, который входит, например, в структуру частично сокращенных слов. Согласно дешифровальному параметру, сокращённый компонент ССС может быть определен как АК, если он обнаруживает соответствие тому или иному развернутому (формально более протяженному) компоненту эквивалентного

словосочетания. Эти два параметра применяются комплексно, так как базовые взаимосвязанные характеристики АК как сокращенных дублетов слов — формальная неполнота (усечённость) и эквивалентность.

Итак, в синхронии АК может считаться любой сокращённый элемент ССС, который разворачивается в рамках словосочетания. Например, в синхронии АК, в частности, считаются единицы с перенесённой трактовкой: например, *агро-* в слове *агробизнесмен*, возникшем не в результате универбализации словосочетания *аграрный бизнесмен*, а как суффиксальное образование от слова *агробизнес*.

При диахронном анализе структуры аббревиатуры АК выделяется в слове на основании деривационного критерия, согласно которому он является продуктом универбализации — результатом сокращения к.-л. элемента словосочетания, подвергаемого синтаксической компрессии. Такая единица определяется как абброэквивалент и противопоставляется абброморфеме — единице, используемой при словообразовании в готовом виде, присоединяемой непосредственно к к.-л. слову вне связи со словосочетанием и его компонентами.

Итак, АК в синхронии — это сокращённая единица ССС, которая «разворачивается» при помощи к.-л. слова или сочетания слов, то есть подвергается дешифровке, а в диахронии — единица, используемая для сокращения к.-л. компонента словосочетания в процессе образования на основе последнего ССС.

Те же общие критерии применимы к составным АК в частности. Однако в этом случае анализ усложняется тем, что простые их компоненты могут иметь как различный деривационный статус, так и разную степень реализованности в синтаксических эквивалентах аббревиатуры. Следует описать основные типологические ситуации соотнесенности нескольких простых конструктов в составе ССС и определить, какие из них могут быть отнесены к примерам использования составного АК в диахронии и в синхронии.

С точки зрения диахронии к ССС с составными конструктами можно отнести результат параллельного замещения компонентов словосочетания неинициальными конструктами, например:

а) государственный технический госуниверситет > гостехуниверситет — поликомпонентное словосочетание, оба признаковых компонента которого подверглись замещению абброэквивалентами.

б) социально-бытовой сектор > соцбытсектор; агрохимическая служба > агрохимслужба — словосочетания со сложным словом или ССС, компоненты которых были замещены абброэквивалентами(-ом). Во втором случае АК *агро-*, на наш взгляд, имеет перенесённую трактовку, так как является простым конструктом сложного прилагательного *агрохимический*, которое замещается не простым, а формально сложным

абброэквивалентом (ср. *биоэлектрический реактор > биореактор, агропромышленный комитет > агрокомитет* и *агрохимическая служба > агрохимслужба, агропромышленный комплекс > агропромкомплекс*). Все остальные случаи рассмотрения аббревиатур с многокомпонентной сокращенной частью, на наш взгляд, могут быть классифицированы как соединение нескольких простых конструктов в ССС, не обладающих деривационным (функциональным) единством: например, *госрыбинспектор < государственный рыбинспектор* (< *инспектор рыбоохраны*), *гостелеканал < государственный телеканал* (> *телевизионный канал*).

С точки зрения синхронии к словам с составными АК можно отнести аббревиатуры, оба конструкта которых получают развёрнутое воплощение в рамках гнезда эквивалентности, то есть подвергаются дешифровке. Сокращенный конструкт ССС, которое имеет только окказиональные развернутые эквиваленты или псевдоэквиваленты, представляет собой абброаффиксоид, например АК *агро-* в слове *агротоксины* (**агрохимические токсины*, **аграрные токсины)*. Он имеет нулевую степень формальной реализации в ГЭ аббревиатуры, противопоставляясь в синхронии абброморфеме и абброэквиваленту. Сокращённый компонент, который не имеет развернутых эквивалентов вовсе, представляет собой аффиксоид. Следовательно, в качестве составных АК в синхронии рассматриваются единицы, которые включают в себя абброэквиваленты и / или абброморфемы. Например, слова *госрыбинспектор* и *гостелеканал*, с точки зрения диахронного анализа включающие в себя простые АК *гос-* и *рыб-*, в синхронии могут рассматриваться как слова с составными АК *госрыб-* и *гостеле-* на основании их эквивалентов в ГЭ: *госрыбинспектор — государственный рыбинспектор, государственный инспектор рыбного хозяйства; гостелеканал — государственный телеканал, государственный телевизионный канал, телевизионный канал государства* и др.

Применение синхронного и диахронного принципов выделения составных АК в ССС можно проиллюстрировать и следующими конкретными примерами.

В слове *оптпродрынок* (< *оптовый продовольственный рынок*) и при синхронном, и при диахронном рассмотрении выделяется составной АК *оптпрод-*, так как, соответственно, каждый из сокращённых конструктов последнего разворачивается в рамках эквивалентного аббревиатуре словосочетания, подвергшегося синтаксической компрессии посредством замещения слов *оптовый* и *продовольственный* абброэквивалентами *опт-* и *прод-* (прим.: об этом свидетельствуют данные, полученные благодаря квантитативной методике — см. [Там же, с. 81]).

Слово *госстройконтора* с точки зрения диахронии содержит только простой АК *строй-*, так как возникает в результате присоединения абброморфемы *гос-* к ССС *стройконтора* (< *строительная контора*), но с

синхронной точки зрения трактуется как слово с составным АК *госстрой-*, потому что на его базе возникает псевдоунивербализационная расшифровка *государственная строительная контора.*

Слова *автобетоносмеситель* и *гостелевидение*, несмотря на наличие нескольких сокращенных элементов в их структуре, не включают в себя составные АК, так как конструкт *бетоно-* в ССС *автобетоносмеситель* (*автоматический бетоносмеситель*, **автоматический бетонный смеситель*) является абброаффиксоидом, а конструкт *теле-* в ССС *гостелевидение* — префиксоидом.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 26-18-20134, https://rscf.ru/project/26-18-20134/ «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении»*.

Список литературы

1. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.

УДК 81'373.611

ТИПОЛОГИЯ ГНЁЗД ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Сытник А. К., ORCID 0009-0006-4334-7428
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
annsstnk@yandex.ru

Введение. Современное изучение аббревиации предполагает не только исследование способов образования сокращённых единиц, но и анализ особенностей их функционирования в текстах. Традиционный подход к описанию сложносокращённых слов преимущественно ориентирован на установление их производящей базы и восстановление исходного словосочетания, однако фактическое употребление аббревиатур показывает, что их интерпретация не всегда ограничивается одной расшифровкой. Так одна и та же единица может иметь несколько эквивалентных словосочетаний, различающихся формальной организацией, семантическими оттенками или ономасиологическими моделями. Данное обстоятельство определяет актуальность исследования гнезд эквивалентности — «совокупностей словосочетаний, связанных со сложносокращённым словом отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности и употребляющихся с ним в эквивалентных текстах» [1, с. 76].

Цель исследования — выявление принципов организации гнезд эквивалентности сложносокращённых слов и разработка их типологии на основе характера ономасиологической вариативности. Материалом исследования стал «Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка» (более 13 тыс. гнёзд эквивалентности) под редакцией В. И. Теркулова [2]. Работа проведена с применением компонентного, контекстуального, структурно-формального и ономасиологического анализа.

Основная часть. Теоретической основой исследования стали положения синхронно-эквивалентностного подхода, в рамках которого аббревиатура рассматривается не только как результат сокращения словосочетания, но и как самостоятельная языковая единица, способная вступать в отношения текстовой эквивалентности с различными словосочетаниями. Так, аббревиатура *бензосклад* связана со словосочетаниями *бензиновый склад*, *склад бензина*, *склад с бензином*. Несмотря на различия в синтаксическом оформлении, эти конструкции сохраняют общий смысловой компонент и являются дублетами аббревиатуры.

Исследование показало, что организация гнезд эквивалентности определяется взаимодействием нескольких факторов. Во-первых, их целостность обеспечивается общностью денотативного центра — обозначаемого объекта или класса объектов. Во-вторых, между компонентами гнезда возникают различные парадигматические отношения: полной эквивалентности, включения или частичного совпадения значений. В-третьих, важно также разграничение центральных и периферийных элементов: наиболее общие и нейтральные противопоставляются содержащим дополнительные уточняющие семы.

Особое значение имеет анализ ономасиологических моделей, отражающих различные способы представления одного объекта. В частности, объектная модель акцентирует содержимое или объектную направленность обозначаемого предмета (*киноархив — архив кинофильмов*), дестинативная указывает на назначение или сферу использования (*автовесы — весы для автомобилей*), а посессивная выражает принадлежность (*автозапчасти — запчасти автомобиля*).

Основным результатом исследования стала разработка типологии гнезд эквивалентности, основанной на характере варьирования ономасиологических признаков. В соответствии с данным критерием выделяются три типа гнёзд: линейные, радиальные и иерархические.

Линейные гнёзда характеризуются минимальной ономасиологической вариативностью. Их эквиваленты реализуют одну модель номинации, а различия между ними обусловлены преимущественно формальными способами выражения признака. Например, в гнезде *абонбаза* представлены эквиваленты *абонентская база*, *база абонентов*, *абонентная база*. Во всех случаях сохраняется

общий базис *база*, а варьирование затрагивает главным образом синтаксическое оформление конструкции. Таким образом, определяющим признаком линейного гнезда выступает сохранение единой модели номинации при её формальном разнообразии.

Радиальные гнёзда возникают в условиях варьирования ономасиологического признака при сохранении общего базиса и денотативного инварианта. В отличие от линейных структур, здесь множественность эквивалентов обусловлена различными способами смыслового представления одного объекта. Показательным примером является гнездо *киноархив*, включающее словосочетания *архив кино*, *архив кинофильмов*, *архив киностудии*, *архив кинокомпании*. В первых конструкциях актуализируется объектный признак, указывающий на содержимое архива, тогда как в остальных эквивалентах подчёркивается принадлежность архива определенной организации. Базис *архив* остаётся неизменным, но основа номинации варьируется. Поэтому эквиваленты относятся к общему центру, но не являются взаимозаменяемыми, формируя радиальную структуру.

Иерархические гнёзда характеризуются таким варьированием признака, которое приводит к изменению объема значения и формированию отношений включения между эквивалентами. Например, гнездо *автокаталог* объединяет словосочетания *каталог автотоваров*, *каталог автозапчастей*, *каталог автоаксессуаров*. Наиболее общее обозначение *каталог автотоваров* охватывает более широкий класс объектов, тогда как другие словосочетания выделяют отдельные категории. В результате эквиваленты оказываются связанными гипер-гипонимическими отношениями и не могут свободно заменять друг друга во всех контекстах.

Сопоставление выделенных типов позволяет установить границу между формальной вариативностью, альтернативными способами номинации одного объекта и семантической дифференциацией обозначаемых объектов. Если различия между эквивалентами не затрагивают модель номинации, гнездо относится к линейному типу; если изменяется ономасиологический признак при сохранении денотативного инварианта — к радиальному; если же конкретизация признака приводит к изменению объема значения и отношениям включения — к иерархическому. При этом реальные гнёзда могут сочетать несколько типов связей, поэтому их классификация должна учитывать доминирующий принцип организации.

Заключение. Таким образом, предложенная типология позволяет рассматривать гнёзда эквивалентности как системные образования, структура которых определяется характером взаимодействия формальных, семантических и ономасиологических факторов. Научная значимость исследования заключается в уточнении принципов описания

множественных соответствий между сложносокращёнными словами и эквивалентными словосочетаниями. Практическая значимость связана с возможностью применения полученных результатов в лексикографической работе: при систематизации словарного материала, разработке структуры словарных статей и описании моделей интерпретации аббревиатур.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 26-18-20134, https://rscf.ru/project/26-18-20134/ «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении»*.

Список литературы

1. Теркулов, В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.
2. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка [электронный ресурс]: 13618 словарных статей, 695 аббревиатурных групп, 12830 гнёзд эквивалентности / В. И. Теркулов [и др.]; под ред. В. И. Теркулова; отв. ред. В.А. Рязанова; ФГБОУ ВО «ДонГУ». — Донецк: ДонГУ, 2025. — 1048 с. — Режим доступа: http://repo.donnu.ru:8080/jspui/handle/123456789/5253.

УДК 615.849

ПОНЯТИЕ ОБ АББРЕВИАТУРНОМ ГНЕЗДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АББРЕВИАТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ «АВТО-МОТО-ВЕЛО»)

Чистоклетова А. В., ORCID 0009-0002-2259-7218
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
chistokletova.valentina@mail.ru

Цель работы — описание аббревиатурных гнезд, представленных в аббревиатурной парадигме ***авто-мото-вело*** (*автомобильный — велосипедный — мотоциклетный*).

Под **аббревиатурной парадигмой** понимается «совокупность аббревиатурных групп с абброконструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле» [2, с. 91]. **Аббревиатурно-ономасиологическое поле** — объединение сложносокращенных слов, базисные компоненты которых относятся к одной лексико-семантической группе. Так, сложносокращённые слова, входящие в аббревиатурные группы «***авто***» (автомобильный), «***мото***» (мотоциклетный) и «***вело***» (велосипедный), имеют общий для них базовый компонент значения — они обозначают понятия, относящиеся к сфере транспортных средств и их функционирования: сложносокращённые слова *автоавария*, *мотоавария* и *велоавария* имеют практически идентичные значения — «дорожное

происшествие, произошедшее в процессе движения **автомобиля / велосипеда / мотоцикла**, при котором погибли или пострадали люди или повреждены транспортные средства, сооружения, грузы, либо причинён иной материальный ущерб». Данные аббревиатурные группы можно объединить в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле — «транспортные средства», на основании чего мы делаем вывод, что они входят в одну аббревиатурную парадигму.

Каждое сложносокращённое слово имеет хотя бы один текстовый **эквивалент**, под которым подразумевается «единица, полностью или частично совпадающая с данным конструктом на уровне формы и имеющая с ним текстуально подтверждаемое тождественное значение, то есть могущая заменить его в эквивалентном тексте при замене аббревиатуры словосочетанием без изменения ее значения» [2, с.87]. Например, словосочетание *автомобильная база* употребляется в одном тексте с сложносокращённым словом *автобаза* как его абсолютный синоним: *В период Великой Отечественной войны* ***автобаза*** *выполняла специальные задания командования, осуществляя связь с армиями по координации военных действий. —* ***Автомобильная база*** *принимала непосредственное участие в обеспечении боевых операций. (http://redstar.ru/vyhodyat-na-osobo-vazhnye-rejsy/),* следовательно, является его эквивалентом.

Многие сложносокращённые слова могут иметь несколько текстовых эквивалентов. Это объясняется наличием в сознании говорящих нескольких дешифровальных стимулов для одного и того же абброконструкта. Под **дешифровальным стимулом** нами понимается «слово или сочетание слов, которое является эквивалентом абброконструкта и может быть использовано для его замены в эквивалентном словосочетании» [2, с. 88]. Например, эквивалентом абброконструкта ***вело-*** в сложносокращённом слове *велогонка* является существительное *велосипед* (*велогонка — гонка на велосипедах*). Сложносокращённое слово, имеющее несколько эквивалентов, формирует **гнездо эквивалентности**, то есть «совокупность актуально сосуществующих словосочетаний, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах» [2, с. 76]. Сложносокращённое слово *велодорога* имеет эквиваленты *велосипедная дорога, дорога велосипеда, дорога велосипедов, дорога для велосипедистов, дорога для велосипеда* и *дорога для велосипедов*, формирующие его гнездо эквивалентности.

Под **аббревиатурным гнездом** понимается «совокупность гнёзд эквивалентности с тождественным базисом (например, *авиазавод*, *бронезавод*, *химзавод*, *мясозавод* и др.)» [1, с. 237]. Например, в аббревиатурное гнездо «выставка» входят гнёзда эквивалентности слов,

имеющих базисный компонент (та часть слова, которая не соответствует абброконструкту) -*выставка*: *автовыставка*, *веловыставка*, *мотовыставка*; в аббревиатурное гнездо «деталь» — гнезда эквивалентности с базисом -*деталь*: *автодеталь*, *велодеталь*, *мотодеталь* и т.д.

Предполагается, что для сложносокращённых слов, входящих в одно аббревиатурное гнездо, при условии тождества их ономасиологического признака возможна одновременная реализация структурно сходных дешифровальных стимулов.

Всего в аббревиатурной парадигме ***авто-мото-вело*** нами было обнаружено 39 аббревиатурных гнезд. В каждом из них отмечается минимум один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов, реализуемых одновременно во всех трёх гнёздах эквивалентности. Например, в аббревиатурном гнезде «путешествие» реализуются дешифровальные стимулы *автомобильное* (*автопутешествие — автомобильное путешествие*), *велосипедное* (*велопутешествие — велосипедное путешествие*) и *мотоциклетное* (*мотопутешествие — мотоциклетное путешествие*), представляющие собой простые прилагательные; а также дешифровальные стимулы *на автомобиле* (*автопутешествие — путешествие на автомобиле*), *на велосипеде* (*велопутешествие — путешествие на велосипеде*) и *на мотоцикле* (*мотопутешествие — путешествие на мотоцикле*), представляющие собой сочетание простого существительного и предлога. Помимо этого, отмечается большое количество таких дешифровальных стимулов, реализуемых в двух из трёх гнёзд эквивалентности: *аксессуары к автомобилю — аксессуары к велосипеду*, *клуб для автомобилистов — клуб для мотоциклистов* и др.

Наиболее часто во всех гнёздах эквивалентности, включённых в одно аббревиатурное гнездо, реализуется презентативный дешифровальный стимул, т.е. простое прилагательное, имеющее обобщённое значение. Его наличие отмечается в 33 аббревиатурных гнёздах из 39 рассмотренных.

Таким образом, нами было установлено, что аббревиатурная парадигма представляет собой объединение сложносокращённых слов с абброконструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле, которое является объединением лексико-семантических групп сложносокращённых слов; а аббревиатурное гнездо — совокупность гнёзд эквивалентности сложносокращённых слов с тождественным базисом. В ходе работы были выделены аббревиатурные гнёзда, входящие в аббревиатурную парадигму ***авто-мото-вело***; было установлено, что в аббревиатурных гнёздах, выделяемых в составе одной аббревиатурной парадигмы, отмечается минимум один ряд структурно сходных дешифровальных стимулов, реализуемых одновременно во всех гнёздах эквивалентности.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 26-18-20134, https://rscf.ru/project/26-18-20134/ «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении»*.

Список литературы

1. Крестьянинова Е.С. Текстовая эквивалентность аббревиатур, входящих в аббревиатурное гнездо «завод» : ономасиологический класс «завод, связанный с животными» // Русский язык в поликультурном мире : II Международный симпозиум : сб. науч. ст.: в 2 т. Симферополь : АРИАЛ, 2018. Т. 2. С. 237–242.
2. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.

Русский язык
Актуальные проблемы лингворусистики

Подсекция 1

УДК 811.161.1’271:004

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Алипа Р. А., ORCID 0009-0001-6752-6424
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет
имени А. И. Куинджи», г. Мариуполь, ДНР, РФ
r.alipa@mgumariupol.ru

Эпоха цифровизации кардинально изменила различные сферы общественной жизни, включая язык и способы его использования. Русский язык, как и другие языки мира, не остался в стороне от этих изменений. Сетевое взаимодействие, социальные сети и мессенджеры создали новую языковую среду, в которой трансформируются не только лексика и грамматика, но и культурные коды, определяющие поведение говорящих. В данной статье рассматриваются основные лингвокультурные особенности русского языка в условиях цифровой трансформации, а также проблемы и перспективы сохранения русской языковой культуры.

Одним из наиболее ярких признаков трансформации русского языка стало значительное расширение его словарного фонда. Интернет-коммуникация способствовала широкому распространению англицизмов и заимствований, таких как «челлендж», «баг», «логин», «фидбек», «стрим». Эти термины быстро вошли в повседневное употребление, что свидетельствует о внедрении цифровых технологий в нашу жизнь.

Особую группу составляют слова-неологизмы, возникающие в русском языке с использованием заимствованных элементов: «лайкнуть», «загуглить», «скинуть по личке». Подобные образования свидетельствуют о высокой продуктивности словообразования в русском языке, его умении перерабатывать иностранные заимствования, не меняя при этом собственной семантической и грамматической структуры.

Социальные сети и мессенджеры сформировали новые формы общения, активно используя различные сокращения и аббревиатуры: «кринж» вместо «стыд, неловкость», «слэй» вместо «круто, мощно, «в точку»», «вайб» — «атмосфера, настроение». Специалисты-лексикографы уже включили эти единицы в словари интернет-языка, что свидетельствует о легитимации цифрового узуса [3, с. 5].

Цифровая среда привела к значительному сближению устной и письменной форм языка. Если раньше письменная речь была строго

регламентирована нормами и правилами, то теперь она стала более свободной и демократичной. Письменная коммуникация в мессенджерах имитирует устное общение: реплики короткие, интонация передаётся пунктуацией, заглавными буквами и эмодзи. Это проявляется в активном использовании эмодзи, стикеров и гифок для передачи эмоций и смыслов. Эмодзи выполняют функции, которые в живой речи берут на себя интонация, мимика и жесты, то есть становятся цифровой заменой паралингвистических средств. С лингвокультурной точки зрения важно, что одна и та же «смайловая» картинка может интерпретироваться по-разному в разных культурах и поколенческих группах, порождая коммуникативные сбои. Эмодзи «большой палец вверх» — в большинстве западных стран это однозначный знак одобрения, но в ряде стран Ближнего Востока (Иран, Ирак, Афганистан) этот жест считается оскорбительным. Для старшего поколения это чаще всего искреннее одобрение или нейтральное согласие. А вот молодёжь (особенно зумеры) нередко считывает этот жест как пассивно-агрессивный или саркастичный. В результате родитель, который хотел похвалить ребёнка в переписке, может столкнуться с обидой.

Развитие цифровых технологий привело к появлению нового типа текста — мультимедийного, который включает в себя не только письменную речь, но и звуковые элементы, видео и жесты. Это особенно ярко проявляется на платформах коротких видео, где вербальный текст и визуальный ряд образуют единый смысловой комплекс.

Формируются новые речевые жанры: лонгрид, пост, сторис, мем, вайн, тред. Мем как жанр заслуживает отдельного внимания: он соединяет прецедентные тексты русской культуры (цитаты из фильмов, классической литературы, фольклора) с глобальными визуальными шаблонами. Таким образом, в цифровую эпоху прецедентные феномены русской лингвокультуры не исчезают, а обретают новую жизнь, встраиваясь в интернациональные форматы [2, с. 7].

Цифровизация изменила не только язык, но и его носителя. Понятие языковой личности, разработанное в отечественной лингвистике, сегодня дополняется понятием цифровой личности — совокупности речевых практик человека в сетевом пространстве. Никнеймы, самопрезентации, стилистика постов становятся средствами построения идентичности.

Заметно и поколенческое расслоение: речевые практики «цифровых аборигенов» и старшего поколения существенно расходятся. Для молодёжи характерны ориентация на скорость, экономию усилий, ироническую игровую модальность; для старших — сохранение привычных норм письменной речи. Это размежевание само по себе становится фактором культурной динамики.

Цифровизация привела и к ряду проблем, связанных с сохранением языковой культуры. Во-первых, это широкое использование

ненормативной и сниженной лексики, а также сетевого жаргона, что может привести к размыванию норм русского литературного языка. Особенно это касается молодёжи, для которой социальные медиа — основное средство общения. Во-вторых, вызывает опасения экспансия англоязычных заимствований, способная привести к смешению языковых кодов и утрате самобытности. Вместе с тем лингвистическая история показывает: русский язык на протяжении веков активно заимствовал (церковнославянизмы, галлицизмы, германизмы) и каждый раз «переваривал» чужое на своей почве. Сегодня исследователи говорят не о пассивной утрате, а о стратегии сознательного отбора: часть заимствований закрепляется, часть вытесняется русскими эквивалентами («аккаунт» — «учётная запись», «хайп» — «ажиотаж») [1, с. 4]. В-третьих, цифровая среда усиливает проблему информационной перегрузки и клиповости мышления: чтение длинных текстов уступает место фрагментарному потреблению контента, что сказывается на речевой культуре в целом.

Несмотря на все вызовы, цифровизация открывает уникальные возможности для сохранения и развития русской лингвокультуры. Создание и поддержка онлайн-платформ с русскоязычным образовательным и культурным контентом — важный шаг в этом направлении. Национальный корпус русского языка, оцифрованные архивы и библиотеки делают культурное наследие доступным каждому.

Перспективным направлением является развитие инструментов искусственного интеллекта для анализа, нормализации и обучения русскому языку: автоматические помощники проверки текста, голосовые ассистенты, машинный перевод стимулируют интерес к норме, а не только размывают её. Важно также включение курсов по русской литературе и языку в образовательные программы, адаптированных под современные медиареалии: цифровые форматы могут стать союзником традиционной культуры, а не её противником.

Лингвокультурные особенности русского языка в эпоху цифровизации представляют собой сложное и многогранное явление. С одной стороны, цифровая среда способствует обогащению языка новыми словами, жанрами и формами общения, обновляя культурные коды. С другой стороны, она ставит задачи по сохранению языковой культуры и чистоты русского языка. Думается, судьба русской лингвокультуры в цифровую эпоху определяется не «войной» с технологиями, а способностью культуры самой осваивать новые пространства. Целенаправленные действия учебных заведений и каждого носителя языка позволят сберечь богатство и выразительность русского языка в условиях цифровизации.

Список литературы

1. Крысин, Л. П. Русское слово, своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.

2. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Лингвистические исследования конца XX века. — Москва, 2001.
3. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. — Волгоград, 2000.
4. Кулагина, С. Г. Интернет-коммуникация как новая языковая реальность // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. — 2017. — Т. 3, № 11. — С. 54–62.

УДК 37

«ДЛЯ СВОЕГО ВОЗРАСТА»: ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭЙДЖИЗМА В ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ананченкова П. И., ORCID 0000-0003-1791-1292
ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко»,
г. Москва, РФ
ananchenkova@yandex.ru

Введение. Эйджизм может воспроизводиться в высказываниях, которые говорящий считает вежливыми или доброжелательными. Формула «для своего возраста» представляет исследовательский интерес именно потому, что положительная оценка в ней сочетается с возрастным ограничением. В докладе Всемирной организации здравоохранения эйджизм определяется через стереотипы, предубеждения и дискриминацию на основании возраста; выделяются межличностный, институциональный и направленный на себя уровни [1]. Для педагогики существенна задача распознавания возрастных стереотипов в речи и формирования навыков уважительного межпоколенческого общения.

Цель исследования — раскрыть языковые механизмы воспроизводства эйджизма и обосновать их использование как предмета педагогической рефлексии. Применяются теоретический анализ исследований и контекстуальный разбор речевых конструкций. Приведенные ниже русскоязычные реплики сконструированы автором для аналитической иллюстрации: они не являются материалом опроса, наблюдения или речевого корпуса.

Основная часть. Первый механизм — введение возрастной нормы в положительную оценку. В реплике «Вы хорошо выглядите для своего возраста» оборот «для своего возраста» ограничивает основание сравнения. Адресат оценивается относительно предполагаемых характеристик возрастной группы. В определенном контексте из этого может выводиться скрытый смысл: от людей данного возраста ожидается

менее благоприятный результат. Такой вывод представляет собой прагматическую интерпретацию, а не буквальное содержание фразы.

Само упоминание возраста не тождественно эйджизму. Возрастное сравнение может быть обосновано задачей обсуждения, а неожиданность результата — конкретной ситуацией обучения. Поэтому оценивать следует связь между репликой, контекстом и представлениями о способностях собеседника. Возрастная оговорка становится проблематичной, когда без достаточных оснований предполагает неполноценность группы или обесценивает индивидуальное достижение.

Второй механизм — обобщающая категоризация. В аналитическом примере «В вашем возрасте все плохо разбираются в технике» сочетание возрастного обозначения с местоимением «все» стирает индивидуальные различия. Объяснение затруднения переносится с конкретного опыта на принадлежность к группе. Реплика «Вам уже поздно учиться» добавляет временную границу: наречие «уже» представляет отказ от обучения как соответствующий естественному порядку вещей. В образовательном взаимодействии такая конструкция способна выполнять функцию ограничения участия.

Третий механизм — инфантилизация, при которой взрослому человеку приписывается позиция ребенка. К. Шоу и Дж. Гордон описывают elderspeak как неуместно упрощенный речевой регистр, связанный с возрастными стереотипами; его признаки включают языковые, паралингвистические и невербальные характеристики [2]. В русскоязычной аналитической иллюстрации «Бабулечка, мы сейчас быстренько все сделаем» сочетание уменьшительного обращения и подмены «вы» коллективным «мы» может обозначать снисходительность и контроль. Однако родственное обращение в семье или «мы», обозначающее реальное совместное действие, требует иной интерпретации.

Необходимо различать инфантилизацию и адаптацию речи к реальным потребностям. Более медленный темп, повторение или короткая инструкция могут поддерживать понимание. Проблема возникает, если изменение речи основано исключительно на возрасте, не учитывает возможности человека и сопровождается обращением с ним как с заведомо некомпетентным. Педагогический принцип состоит в согласовании помощи с потребностями адресата. Уточняющий вопрос «Удобно ли вам такое объяснение?» позволяет проверить необходимость адаптации, сохраняя право собеседника определять условия взаимодействия.

Четвертый механизм — речевое ограничение субъектности. Конструкции «Вам это ни к чему» или «Мы лучше знаем, что вам нужно» могут заменять обсуждение интересов готовым решением за адресата. Сходную функцию выполняет ответ сопровождающему лицу вместо непосредственного обращения к пожилому участнику разговора, если тот способен и желает отвечать самостоятельно. Возрастное предубеждение

проявляется здесь в организации взаимодействия: человеку не предоставляется равное право обозначить потребность, задать вопрос или возразить. Поэтому анализ отдельных слов необходимо дополнять анализом очередности реплик и возможности участия в принятии решений.

Значимость обучения коммуникации подтверждается исследованиями в конкретных профессиональных условиях. В кластерном рандомизированном исследовании К. Уильямс и соавторов обучение персонала учреждений длительного ухода сопровождалось сокращением elderspeak; снижение этого регистра было связано со снижением сопротивления уходу у людей с деменцией [3]. Данные относятся к обозначенной группе и условиям ухода. Они не доказывают аналогичного эффекта любой возрастной оговорки в бытовом разговоре.

Для подготовки педагогов предлагается последовательность «анализ — переформулирование — обсуждение». Сначала обучающиеся определяют возрастное обобщение, скрытое ожидание и распределение права на ответ. Затем преобразуют оценку в описание конкретного действия: например, вместо «Для вашего возраста вы хорошо освоили программу» — «Вы освоили основные функции программы». На этапе обсуждения сопоставляются позиции участников и условия уместности помощи. Основанием для такого направления работы служат результаты систематического обзора и метаанализа Д. Бернса и соавторов, связывающие образовательные и межпоколенческие вмешательства с улучшением отношения к пожилым людям [4]. Предлагаемая последовательность является авторской разработкой и отдельно не апробировалась.

Заключение. Языковые механизмы воспроизводства эйджизма охватывают возрастное ограничение оценки, обобщение, инфантилизацию и организацию неравного участия в разговоре. Формула «для своего возраста» требует контекстуального анализа: её дискриминирующий потенциал связан с приписыванием группе заниженных ожиданий. Педагогическая работа должна развивать способность выявлять такие ожидания, обсуждать уместность речевых форм и учитывать предпочтения адресата. Её результативность следует проверять по изменениям реального взаимодействия, а не только по знанию перечня нежелательных выражений

Список литературы

1. Global report on ageism / World Health Organization. — Geneva : World Health Organization, 2021. — 173 p. — ISBN 978-92-4-001686-6. — URL:https://www.who.int/publications/i/item/9789240016866 (дата обращения: 10.10.2026).
2. Shaw, C. A. Understanding elderspeak: an evolutionary concept analysis / C. A. Shaw, J. K. Gordon // Innovation in Aging. — 2021.– Vol. 5, no. 3.– Art. igab023. — DOI 10.1093/geroni/igab023.
3. A communication intervention to reduce resistiveness in dementia care: a cluster randomized controlled trial / K. N. Williams, Y. Perkhounkova, R. Herman, A. Bossen //

The Gerontologist. — 2017. — Vol. 57, no. 4. — P. 707–718. — DOI 10.1093/geront/gnw047.
4. Interventions to reduce ageism against older adults: a systematic review and meta-analysis / D. Burnes, C. Sheppard, C. R. Henderson Jr. [et al.] // American Journal of Public Health. — 2019. — Vol. 109, no. 8. — P. e1–e9. — DOI 10.2105/AJPH.2019.305123.

УДК 81’33

ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТОВ НА ПРЕДМЕТ НАЛИЧИЯ НЕГАТИВНЫХ СВЕДЕНИЙ, ОСКОРБЛЕНИЙ

Беленькова Е. А.
Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», Донецк, РФ
Belen2126pan@mail.ru

Современная цифровая эпоха характеризуется беспрецедентным ростом объема пользовательского контента в социальных сетях, блогах, мессенджерах и онлайн-СМИ, включая агрессивные высказывания, клевету и оскорбления. Наряду с позитивными аспектами развития интернет-коммуникации наблюдается стремительное распространение деструктивных речевых практик, включая кибербуллинг, троллинг, дезинформацию и целенаправленные оскорбительные высказывания. По данным исследований, около 40% пользователей интернета хотя бы раз становились жертвами онлайн-агрессии, что подчеркивает высокую социальную значимость проблемы. Такие социальные проблемы требуют эффективных методов выявления и нейтрализации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных методов экспертной оценки текстов на предмет наличия негативных сведений и оскорблений. В условиях, когда традиционные лингвистические подходы зачастую не справляются с потоком пользовательского контента, особую важность приобретает интеграция современных компьютерных технологий в процесс экспертизы, а именно:

- защиты личности от психологического давления;
- автоматизации экспертизы для правоохранительных органов и соцсетей;
- совершенствования алгоритмов NLP для анализа токсичности.

Научная новизна исследования заключается в интеграционном подходе, объединяющем традиционные лингвистические методы с передовыми компьютерными технологиями обработки текста. Особое внимание уделяется проблеме распознавания имплицитных форм речевой агрессии, которая остается слабо разработанной в академической среде.

Экспертиза текста применяется в юридической практике, модерации соцсетей, лингвистических исследованиях и других сферах, где важно различать допустимую критику и противоправные высказывания.

В профессиональной среде юриспруденции и лингвистики сложился запрос на:

- совершенствование критериев разграничения конструктивной критики и речевой агрессии;
- повышение точности автоматического выявления токсичного контента;
- разработку унифицированных методик для судебной лингвистической экспертизы.

Объектом настоящего исследования выступают тексты различного формата (социальные сети, СМИ, судебные документы), содержащие потенциально негативные высказывания. Предмет исследования: методы лингвистики и технологии на предмет выявления оскорбительного контента в современной лингвистической экспертизе.

Цель работы: систематизировать существующие подходы к экспертизе текстов, провести сравнительный анализ ручных и автоматизированных методов выявления оскорбительных высказываний и разработать рекомендации по повышению эффективности экспертной оценки.

Экспертиза текстов — это комплексный анализ письменного или устного высказывания с целью выявления в нём:

- негативных сведений (ложной, порочащей информации);
- оскорбительных высказываний (слов, фраз, направленных на унижение или клевету);
- скрыто агрессивного контекста (имплицитных угроз, сарказма, манипуляций).

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Анализ лингвистических и юридических критериев идентификации оскорбительных высказываний;
2. Обзор современных технологий автоматической обработки естественного языка (NLP) для детекции токсичного контента;
3. Сравнительная оценка эффективности экспертных и алгоритмических методов анализа;
4. Разработка комплексной методики экспертизы с учетом междисциплинарного подхода.

Научная новизна исследования заключается в интеграционном подходе, объединяющем традиционные лингвистические методы с передовыми компьютерными технологиями обработки текста. Особое внимание уделяется проблеме распознавания имплицитных форм речевой агрессии, которая остается слабо разработанной в академической среде.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения полученных результатов в следующих сферах:

- судебная лингвистическая экспертиза;

- системы автоматической модерации контента;

- разработка нормативно-правовых актов в области цифровых коммуникаций.

Основные задачи экспертизы:

1. Выявление оскорблений и негатива, а именно:

- определение инвективной лексики (прямая брань, унижения);

- распознавание «мнимых комплиментов», двусмысленных фраз (сарказм, троллинг).

2. Оценка степени вредоносности контента:

- влияние текста на реципиента (эмоциональный ущерб, репутационные потери);

- соответствие нормам закона (например, ст. 128.1 УК РФ — клевета, ст. 5.61 КоАП — оскорбление).

3. Разграничение критики и агрессии — анализ контекста (например, научная полемика, личные выпады).

В профессиональной среде юриспруденции и лингвистики сложился запрос на:

- совершенствование критериев разграничения конструктивной критики и речевой агрессии;

- повышение точности автоматического выявления токсичного контента;

- разработку унифицированных методик для судебной лингвистической экспертизы.

Объектом настоящего исследования выступают тексты различного формата (социальные сети, СМИ, судебные документы), содержащие потенциально негативные высказывания. Предмет исследования — методы и технологии выявления оскорбительного контента в современной лингвистической экспертизе.

Цель работы — систематизировать существующие подходы к экспертизе текстов, провести сравнительный анализ ручных и автоматизированных методов выявления оскорбительных высказываний и разработать рекомендации по повышению эффективности экспертной оценки.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Анализ лингвистических и юридических критериев идентификации оскорбительных высказываний;

2. Обзор современных технологий автоматической обработки естественного языка (NLP) для детекции токсичного контента;

3. Сравнительная оценка эффективности экспертных и алгоритмических методов анализа;

4. Разработка комплексной методики экспертизы с учетом междисциплинарного подхода.

Практическая значимость темы определяется возможностью применения полученных результатов в следующих сферах:

- судебная лингвистическая экспертиза;
- системы автоматической модерации контента;
- разработка нормативно-правовых актов в области цифровых коммуникаций.

Список литературы

1. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, 2001.
2. Waseem Z. et al. Understanding Abuse: A Typology of Abusive Language Detection Subtasks // ACL, 2017.
3. Google Perspective API. [Электронный ресурс]. URL: https://perspectiveapi.com

УДК 811.161.1’373:398.91

ПАРЕМИИ-ТРАНСФОРМЕРЫ КАК ИНДИКАТОР АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Белых А. В., ORCID 0009-0008-9202-6692
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.belyih@list.ru

Введение. Проблематика паремиологических трансформаций активно разрабатывается в отечественной лингвистике последних десятилетий, однако аксиологический аспект этого процесса до настоящего времени не получил системного освещения. Специфическое своеобразие культуры заключается в особом, только ему свойственном наборе общечеловеческих черт, в неповторимом их сочетании и в самобытной их реализации [2, с. 53]. Как справедливо отмечает Т. Г. Никитина, «недостаточное внимание уделяется аксиологической характеристике паремиологических трансформов» [3, с. 178]. Между тем именно оценочный компонент семантики трансформированных паремий позволяет диагностировать глубинные сдвиги в ценностной картине мира носителей русского языка. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления механизмов, посредством которых паремии-трансформеры — преднамеренно модифицированные узуальные паремиологические единицы — фиксируют изменения в аксиосфере современного русскоязычного дискурса. Нерешённой проблемой остаётся отсутствие целостной типологии аксиологических

сдвигов, проявляющихся при трансформации паремий, а также недостаточная изученность дискурсивной обусловленности этих сдвигов.

Цель исследования — выявить и охарактеризовать способы репрезентации аксиологической динамики в паремиях-трансформерах современного русскоязычного дискурса. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**: 1) уточнить содержание понятия «паремия-трансформер» в аспекте лингвоаксиологии; 2) систематизировать типы аксиологических трансформаций паремий; 3) проанализировать дискурсивную обусловленность аксиологических сдвигов на материале медийного, интернет- и профессионального дискурсов.

Основная часть. Паремия-трансформер как объект лингвоаксиологического анализа. Под паремией-трансформером в настоящем исследовании понимается «любое преднамеренное изменение традиционной паремии, а также образование окказиональных единиц по модели» узуальной паремии. В отличие от антипословиц, трактуемых как «переделка известного изречения или выражения, подчёркнуто иронического их выворачивания наизнанку», паремии-трансформеры представляют собой более широкий класс единиц, включающий не только игровые, но и оценочно-критические, идентификационно-маркирующие и адаптационно-аппликативные модификации. Мы полагаем, что принципиальное отличие паремии-трансформера от иных видов языковой игры с паремиологическим материалом состоит в сохранении узнаваемой структуры исходной единицы при одновременном переосмыслении её аксиологического вектора.

Аксиологический смысл паремии определяется как «совокупность всех возможных ценностно содержательных значений паремий», формирующаяся в результате «взаимодействия обобщённого значения, дискурсивного содержательного «приращения» и прагматической установки». Соответственно, трансформация паремии в аксиологическом аспекте может проявляться либо в смене знака оценки, либо в полной дезаксиологизации оборота, либо в актуализации ценностного ядра в новом контекстуальном наполнении.

Анализ эмпирического материала позволяет выделить три базовых типа аксиологических сдвигов, фиксируемых в паремиях-трансформерах.

Первый тип — инверсия оценки, при которой исходная паремия, транслирующая традиционную ценность, трансформируется в утверждение противоположного аксиологического знака. Показательна в этом отношении модификация паремии «*Не имей сто рублей, а имей сто друзей» — «Не имей сто друзей, а имей сто тысяч рублей»*. Данный трансформер не просто заменяет ценность дружбы материальной ценностью — он инвертирует иерархию ценностей, декларируя приоритет финансового благополучия над социальными связями. Аналогичный механизм наблюдается в трансформации *«В деньгах счастье»* (вместо

канонического «*Не в деньгах счастье»*): отрицание традиционной максимы сменяется её прямым утверждением, что сигнализирует о прагматизации ценностного сознания.

Второй тип — дезаксиологизация, понимаемая как утрата паремией исходного ценностного смысла и превращение её в игровое или чисто номинативное выражение. Это результат сложного взаимодействия внешних (социальных, культурных, технологических) и внутренних (лингвистических, когнитивных) факторов. Ключевой механизм прост: когда меняется то, что общество считает ценным, языковые единицы, кодифицирующие эти ценности, неизбежно трансформируются — вплоть до полного стирания оценочного компонента.

Материалом для анализа послужили паремии-трансформеры, полученные в результате сплошной выборки из медийных, интернет- и профессиональных текстов за период 2020–2025 гг. Примером может служить трансформер *«Век живи — век учись, а дураком помрёшь»* [1]. Исходная паремия «*Век живи — век учись»* транслирует ценность непрерывного образования и самосовершенствования. Добавление компонента *«а дураком помрёшь»* переводит высказывание в регистр чёрного юмора, лишая его назидательной силы и трансформируя ценность знания в объект иронического обыгрывания. Подобные трансформации отражают «акцент на шутливо-ироническом отношении к традиционным ценностям, что отражает современные лингвокреативные тенденции русского языка».

Третий тип — актуализация ценности в новом контексте, при которой ценностное ядро паремии сохраняется, но дополняется новым, актуальным содержательным компонентом. Показательна модификация *«Семь раз отмерь, один раз отрежь, но перед этим посоветуйся с юристом»*. Исходная паремия актуализирует ценность осторожности и взвешенности решений. Трансформер не отменяет эту ценность, но дополняет её новым компонентом — необходимостью юридической экспертизы, что «отражает усложнение социальной жизни и возрастание роли формального права». Аналогичным образом трансформация *«Без труда не вытащишь и бота из чата»* (вместо «*рыбку из пруда»*) адаптирует ценность трудолюбия к реалиям цифровой коммуникации, «наполняясь сугубо профессиональным содержанием».

Характер аксиологических трансформаций паремий детерминирован типом дискурса, в котором они функционируют. В медийном и политическом дискурсе преобладает оценочно-критическая функция: трансформеры используются как инструмент социальной сатиры и критики. Примером может служить модификация *«Рыбак рыбака видит издалека, а потом они создают картель»*, где исходная паремия о солидарности подобных людей трансформируется в критику корпоративной смычки. В интернет-дискурсе доминирует игровая

функция, реализуемая через карнавализацию и снижение сакральности традиционных истин. Трансформеры типа *«Деньги не пахнут, потому что их отмывают»* демонстрируют актуализацию имплицитных смыслов исходной паремии в направлении, противоположном её традиционному аксиологическому вектору. В профессиональном дискурсе паремии-трансформеры выполняют идентификационно-маркирующую функцию, консолидируя сообщество через общий код. Трансформер *«Повторенье — мать ученья, но отец — поисковая система»* не только актуализирует исходную паремию, но и маркирует принадлежность говорящего к цифровой среде, для которой поисковые системы стали основным инструментом познания.

Заключение. Проведённый анализ позволяет утверждать, что паремии-трансформеры представляют собой не просто продукт языковой игры, а чувствительный индикатор аксиологической динамики, фиксирующий сдвиги в ценностном сознании носителей русского языка. Выявленные типы аксиологических трансформаций — инверсия оценки, дезаксиологизация и актуализация ценности в новом контексте — отражают разнонаправленные тенденции: от иронического переосмысления традиционных максим до адаптации вечных ценностей к реалиям цифровой эпохи. Перспективы дальнейшего исследования связаны с сопоставительным анализом аксиологических сдвигов в паремиях-трансформерах на материале других языков, а также с изучением динамики аксиологического потенциала конкретных паремиологических концептов (труд, дружба, богатство) в диахроническом аспекте.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).*

Список литературы

1. Антипословицы русского народа: Х. Вальтер, В. М. Мокиенко; ОЛМА медиагрупп. – : СПб.: Нева, 2005 (ПФ Красный пролетарий). — 573, [1] С.; 27 см.; ISBN 5-7654-4001-0
2. Дмитрюк, Н. В. К вопросу о трансформации языкового сознания русских в условиях диаспорального проживания в инокультурной среде / Н. В. Дмитрюк // Вопросы психолингвистики. — 2011. — № 14. — С. 52-61. — EDN PXPEHP.
3. Никитина, Т.Г. Трансформации паремий: динамика аксиологического содержания / Т.Г. Никитина // Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем: К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко / редкол.: Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. — Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. — С. 177-179.

81'42:004.738.5

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА В КРОСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Бурляй А. С., ORCID 0000-0003-4689-0275
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
anna.burlyai@mail.ru

Военный корреспондент, работающий в зоне конфликта на Донбассе, функционирует в ситуации двойной институциональной принадлежности: он включён в профессиональную журналистскую среду с её стандартами верификации, но его речевая деятельность разворачивается в условиях информационного противоборства, требующего ценностной определённости. Кросс-медийный формат — работа одновременно в авторском телеграм-канале, федеральном СМИ, социальных сетях — создаёт множественность коммуникативных ролей. При этом «статус коммуникантов виртуального дискурса новых медиа определяется их речевой деятельностью» [5, с. 293]. Однако вопрос о том, как именно смена канала трансформирует дискурсивную личность военкора, до сих пор не получил системного описания.

Исследование опирается на концепцию дискурсивной личности Владимира Ильича Карасика. В его трактовке дискурсивная личность понимается как участник общения, который проявляет себя в разных типах коммуникативных ситуаций [2]. В. И. Карасик разграничивает институциональный (статусно-ориентированный) и персональный (личностно-ориентированный) дискурсы: в первом говорящий выступает как представитель определённой социальной группы, во втором — как личность со своим внутренним миром [2]. Для описания дискурсивной личности В. И. Карасик предлагает трёхмерную модель, включающую социолингвистическое измерение (социальный типаж и его лексико-фразеологические идентификаторы), прагмалингвистическое измерение (коммуникативная тональность) и перформативное измерение. В последнем случае коммуникативный поступок рассматривается как инсталляция, воздействующая на других людей [2]. Военкор в кросс-медийном дискурсе, таким образом, — это не одна дискурсивная личность, а набор модусов, актуализируемых в зависимости от канала.

В федеральном эфире и печатном СМИ военкор реализует институциональную роль: он представитель профессии, его речь подчинена формату издания, а оценочность минимизируется. В своём телегам-канале та же фигура переключается в персональный модус. В. И. Карасик разграничивает бытовой и бытийный регистры персонального дискурса: бытовой строится на сокращённой дистанции и

опоре на общие пресуппозиции, бытийный — на переживании существенных смыслов [2]. Телеграм с его подписчиками — это именно бытовой регистр с высокой степенью доверия и общих фоновых знаний, что позволяет военкору говорить резко, иронично, прямо.

Кросс-медийная дифференциация прагматических установок в зависимости от канала достаточно показательна. В телеграм-канале А. Коца допустимы ироничные комментарии в адрес противника *(«Спасибо украинским журналистам! Снимайте еще!»*) и резкие оценки *(«пожарный режим, а не полноценный контрнаступ»*). В материале для «Комсомольской правды» А. Коц сохраняет регистр свидетельства, но снижает степень прямой оценочности по сравнению с авторским каналом. Описывая эвакуацию мирных жителей с Добропольского направления, он фиксирует факты и детали, не прибегая к прямым триггерам: *«Женщину и молодого парня вывели из Родинского… Старушку и её 55-летнего сына убил украинский дрон прямым попаданием»* [3]. В телеграм-канале тот же автор в аналогичных ситуациях использует более резкие и эмоциональные формулировки [1].

С точки зрения В. И. Карасика, здесь меняется коммуникативная тональность, то есть эмоционально-стилевой формат общения [2]. Телеграм-канал актуализирует игровую и агональную тональность (ирония, дискредитация, конфронтация), федеральное СМИ — этикетную и аргументативную. А. Сладков в авторском канале («Сладков+») использует прямые триггеры (*«Фашистов в тюрьму или на тот свет»*), тогда как в федеральном эфире «Соловьёв Live» опирается на историческую метафору (*«Будущие наши Жуковы, это будущие наши и Ватутины, и Коневы, и Василевские»*). П. Кукушкин демонстрирует переключение с репортажного «я там был» (в наименовании своего канала «Ты там был?») на аналитический регистр в федеральном эфире: «в Краматорске и Славянске находятся мирные жители. Российские войска в таком случае не могут работать как американцы, которые „выжигают просто полностью“…».

Особый интерес представляет случай А. Сладкова, который в канале («Сладков+») совмещает сдержанный прогноз (*«Я пока не вижу ни одного признака окончания СВО… Весь Донбасс не освобожден. Противник не то, что не бежит, он агрессивно сопротивляется»*) и жёсткую аффирмацию (*«Мы их все равно разнесем»*) в авторской колонке «Ленты новостей Харькова». По В. И. Карасику, это пример перформативной дискурсивной личности: коммуникативный поступок здесь — не просто передача информации, а инсталляция, направленная на воздействие. Аудитория военкоровского канала ждёт не только фактов, но и подтверждения собственной позиции; военкор выполняет эту функцию через сочетание аналитичности и прямой аффирмации.

В отличие от федеральных военкоров, донецкий корреспондент является не только наблюдателем, но и жителем региона. Это добавляет к его дискурсивной личности измерение, которое В. И. Карасик описал бы как персональный дискурс в его бытийной разновидности: бытийный дискурс является более глобальным, он состоит в переживании настоящих смыслов, осмыслении, философском и психологическом познании мира [2]. Функция свидетельства — «я это видел, я здесь живу» — выводит военкора за пределы институциональной роли репортёра. Это проявляется в использовании локального топонимикона (Авдеевка, Марьинка, «Аллея ангелов»), в отсылках к довоенному опыту Донецка и в особой тональности — сочетании профессиональной сдержанности с личной причастностью.

Дискурсивная личность донецкого военного корреспондента в кросс-медийном дискурсе характеризуется не «уровнями», а сменой дискурсивных модусов: институциональный (федеральное СМИ) → персональный бытовой (Телеграм) → персональный бытийный (свидетельство). Ядерные когнитивные доминанты сохраняются при смене модуса, но коммуникативная тональность и перформативная установка трансформируются в зависимости от канала. Это позволяет говорить о военкоре не как о «переключающейся языковой личности», а как о множественной дискурсивной личности, каждый модус которой конституируется соответствующим типом дискурса.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).*

Список литературы

1. Бурляй, А. С. Специфика языковой личности современного российского военного корреспондента (на материале телеграм-канала Александра Коца) / А. С. Бурляй // Вестник ДонНУ. Серия Д: Филология и психология. — 2025. — № 2. — С. 118–124.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с.
3. Коц, А. Рискуя собой, спасают мирных: Как работают российские морпехи на Добропольском направлении / А. Коц // Комсомольская правда. — 2026. — 5 марта. — URL: https://www.kp.ru/daily/27762/5218181/ (дата обращения: 18.10.2026).
4. Шабалин, А. Д. Цифровой диалог и конвергентные сценарии: лингвоэкологический потенциал медиаповествования / А. Д. Шабалин // Филология и человек. — 2023. — № 2. — С. 190–196.
5. Якель, А. О. статус коммуникантов виртуального дискурса новых медиа / А. О. Якель // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17–18 ноября 2020 года / под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 4. — Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. — С. 291–293.

УДК 070:811.161.1’271

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Вусик А. Л., канд. фил. наук, доц., ORCID 0000-0003-1111-5172
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
a.vusik@mgumariupol.ru

Введение. Сегодня средства массовой информации играют значительную роль в формировании языковой среды, социальных и психологических аспектов жизни, а также в развитии культуры. Став неотъемлемой частью нашей повседневности, они влияют на образ мыслей, восприятие мира и современную культуру в целом. Язык, используемый в СМИ, выделяют как одну из ключевых форм существования языка, поскольку благодаря широким возможностям распространения он выступает в качестве современной модели русского языка, оказывающей существенное влияние на литературные нормы. Уровень развития речевой культуры считается важным индикатором культуры как конкретного индивида, так и общества в целом. От того, насколько внимательно люди относятся к культурному наследию, включая русский язык, зависит долговечность национальной культуры.

Цель: проследить формирование языкового сознания в современной журналистике.

Основная часть. Влияние языка на мыслительные процессы и поведение человека неразрывно связано с деятельностью средств массовой коммуникации. Предоставляя информацию, медиа журналисты формируют мировоззрение и оказывают воздействие на современную культуру. В связи с этим, в сегодняшней России крайне важно создание развитой информационной и языковой культуры в обществе, поддержание языковых традиций и культуры речи.

Культура речи в средствах массовой информации — одна из ключевых характеристик, по которой оценивается профессионализм теле- и радиопередач, их публицистическая и художественная ценность. Главным образом она определяется качеством речи ведущих. В эпоху Советского Союза речь дикторов радио и телевидения считалась безупречным эталоном соответствия норме, и речевые ошибки были редкостью. Однако сегодня это утверждение не соответствует действительности, хотя некоторые телерадиоканалы принимают меры для предотвращения речевых ошибок дикторов.

Язык медиа выполняет важную функцию в повышении общего уровня грамотности населения. После отмены цензуры в эфир вошла

спонтанная устная речь, а общению стали участвовать люди разного образования и культурного уровня. Как следствие, снижение качества речевой культуры в средствах массовой информации негативно сказывается на состоянии русского языка в обществе.

За последнее десятилетие характерной чертой языка медиа стало чрезмерное использование необоснованных заимствований, прежде всего из английского. Загрязнение языковой среды, вызванное самими представителями СМИ, негативно влияет на речевую культуру [1].

Исследование проблемы формирования языкового сознания в современной журналистике включает:

1) изучение медиастиля — функционально-стилевого единства, сочетающего языковые средства различных стилей и внелитературные элементы;

2) анализ языковых механизмов воздействия медиа, таких как метафорическое использование терминов, применение эвфемизмов и дисфемизмов;

3) выявление активных процессов развития русского литературного языка, отражаемых в текстах медиа [2].

Доступность средств массовой коммуникации оказывает влияние на речь журналистов, а именно:

1) усиливается влияние спонтанной устной речи, например, современные медиа тиражируют популярные в разговорной речи и массовой культуре слова, конструкции и способы речевого взаимодействия, которые не всегда соответствуют нормам литературного языка;

2) журналисты реже обращаются к академическим словарям и справочникам, выбирая языковые варианты исходя из речи населения;

3) увеличение объема передаваемой информации не всегда положительно сказывается на её качестве и языковом оформлении, что приводит к частым фактическим и речевым ошибкам.

4) часто используются шаблонные выражения, делающие речь механической, формальной и неестественной,

5) качество речи ухудшается из-за частого употребления иностранных слов, значение которых не всегда понятно широкой аудитории [3].

Общаясь с широкой аудиторией, журналисты, ведущие и дикторы, создатели программ непроизвольно влияют на неё, закрепляя предложенные ими произносительные нормы языка.

Современные средства массовых коммуникаций превратились в мощное средство воздействия на массовое сознание.

Безукоризненный русский язык в медиа является показателем профессионализма теле- и радиопрограмм, их публицистической и художественной ценности [4].

Предлагаем несколько способов, которые помогают журналистам улучшить свою речь:

1) запись речи на диктофон (это позволяет выявить слова-паразиты, случаи пропуска окончаний и монотонность речи),

2) чтение с карандашом (классическая литература не только обогащает словарный запас, но и учит построению фраз),

3) упражнения на артикуляцию (можно повторять слоги и слова с разными звуками и сочетаниями),

4) упражнения на произношение звуков и на скорость и ритм речи.

Именно средства массовой коммуникации формируют языковые нормы и обязаны уделять первостепенное внимание развитию культуры речи.

Заключение. Для формирования позитивного языкового сознания аудитории в средствах массовых коммуникаций следует:

1) учитывать языковые особенности аудитории — выбирать подходящую речь для вещания или публикации и адаптировать контент под различные языковые группы,

2) создавать материалы о языке и культуре речи, используя дискуссии о них,

3) осуществлять контроль над речевой практикой — например, проверять тексты новостных телепередач и аналитические статьи на соответствие литературной норме.

Список литературы

1. Давыдова С. В. Язык средств массовой информации / С. В. Давыдова // Lingua mobilis. — 2011. — № 2 (28). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-sredstv-massovoy-informatsii (дата обращения: 25.11.2025).
2. Растегаева Н. А. Языковая культура: понятие и аспекты содержания / Н. А. Растегавеа // Вестник ЧГАКИ. — 2012. — № 1 (29). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kultura-ponyatie-i-aspekty-soderzhaniya (дата обращения: 25.11.2025).
3. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. — 2004. — № 2. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-soznanie (дата обращения: 25.11.2025).
4. Черныш О. А. Языковая личность журналиста сквозь призму коллективного и индивидуального языкового сознания / О. А. Черныш // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2013. — №5 (28). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-zhurnalista-skvoz-prizmu-kollektivnogo-i-individualnogo-yazykovogo-soznaniya (дата обращения: 25.11.2025).

УДК 81`36

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ АНАЛИЗА РУССКОГО ЯЗЫКА: ОТ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ К ЦИФРОВОМУ СЛОВАРЮ

Горбова Е. В., ORCID 0009-0004-7581-9595,
Бурдина Л. А., ORCID 0000-0002-2646-356X
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет», г. Мелитополь, РФ
gorbova74@mail.ru, burd1na.lid@yandex.ru

Сегодня мы живём в эпоху необработанных «цифр»: мгновенные сообщения, деловая переписка и даже научные статьи почти полностью перешли на онлайн-формат. В таких случаях умение грамотно писать становится не просто признаком образованности, а базовым навыком, который напрямую влияет на успеваемость и профессиональную успеваемость. Чтобы упростить эту задачу, мы все больше полагаемся на встроенных редакторов, услуги копирайтеров и специализированные платформы. В то же время важно понимать, что все эти инструменты работают по-разному: некоторые просто «выделяют» орфографические ошибки, в то время как другие проводят тщательный лингвистический анализ. Сегодня сфера применения этой технологии вышла за рамки простого воспроизведения. Они активно участвуют в преподавании русского языка как иностранного, их используют в Интернете для изучения сленга, сохранения акцентов и даже анализа эмоциональной окраски сообщений. Таким образом, этот предмет сочетает в себе лингвистику, информатику и педагогику.

В работе проводится сравнительный анализ эффективности данных технологий, обосновывается необходимость их дифференцированного применения в зависимости от целей редактирования — от оперативной коррекции повседневных текстов до глубокого стилистического анализа профессиональных материалов. Результаты исследования подчеркивают значимость интеграции интеллектуальных систем обработки текста для повышения качества письменной коммуникации в цифровой среде.

Цель — изучить современные цифровые инструменты и технологии, используемые при анализе, верификации и преподавании русского языка, провести сравнительный анализ и определить наиболее подходящие области использования для разных категорий пользователей и задач.

Развитие технологий автоматической обработки текста на русском языке. Это началось примерно в конце века. Первые алгоритмы, реализованные в текстовых редакторах в эпоху DOS, обладали ограниченной функциональностью, но с начала 2000 года произошел качественный скачок в точности распознавания ошибок благодаря усовершенствованиям, внесенным компаниями Microsoft и Yandex.

Современный этап развития этой области характеризуется применением методов машинного обучения и искусственного интеллекта.

В настоящее время инструменты проверки текста классифицируются на две основные категории: встроенные средства текстовых процессоров (Microsoft Word, Google Docs) и специализированные облачные сервисы (Яндекс. Спеллер, «Орфограммка»).

Анализ показывает, что встроенные инструменты ориентированы на оперативную коррекцию орфографических и базовых грамматических ошибок в процессе набора текста, что делает их незаменимыми при совместной работе над документами. В то же время специализированные платформы предлагают расширенный функционал, включающий стилистический анализ, выявление канцеляризмов, избыточных повторов и необоснованного использования вводных конструкций.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании целесообразности комбинированного использования данных инструментов. Для достижения высокого качества профессиональных текстов авторам рекомендуется сочетать оперативность встроенных редакторов с глубоким аналитическим потенциалом специализированных сервисов, что позволяет минимизировать количество ошибок и повысить общую культуру письменной речи в условиях цифровизации.

Важным аспектом является учет специфики различных типов текстов и целевых аудиторий при выборе инструментов проверки. Например, для научных публикаций и официальных документов критически важна точность грамматического и стилистического анализа, что требует применения специализированных сервисов с расширенными возможностями. В то же время для повседневной деловой переписки или учебных заданий зачастую достаточно встроенных средств, обеспечивающих оперативное выявление и исправление наиболее распространённых ошибок.

Современные технологии автоматизированной проверки текста активно интегрируются в образовательные процессы, способствуя формированию у обучающихся навыков грамотного письма и критического отношения к собственным текстам. Использование таких инструментов в учебной деятельности позволяет не только повысить качество письменных работ, но и ускорить процесс их подготовки, что особенно актуально в условиях дистанционного и смешанного обучения.

Кроме того, развитие API-интерфейсов специализированных сервисов открывает новые возможности для автоматизации контроля качества текстов в различных сферах — от журналистики и издательского дела до веб-разработки и маркетинга. Интеграция систем проверки орфографии и грамматики непосредственно в пользовательские приложения и платформы обеспечивает удобство и доступность

инструментов для широкой аудитории, что способствует повышению общей культуры письменной коммуникации.

Несмотря на значительный прогресс, современные технологии имеют определенные ограничения. В частности, автоматизированные системы часто испытывают трудности с правильной интерпретацией контекста, что приводит к неправильным ответам или пропуску сложных грамматических конструкций и стилистических нюансов. Это особенно заметно при работе с текстами, содержащими профессиональную лексику, терминологию, а также при анализе технических и журналистских документов, где важна не только точность формулировок, но и их выразительность.

Кроме того, многие алгоритмы ориентированы преимущественно на формальные аспекты языка, что ограничивает их способность учитывать прагматические и коммуникативные особенности текста. В результате автоматическая проверка не всегда способна заменить экспертную лингвистическую оценку, особенно в случаях, требующих глубокого стилистического редактирования и адаптации текста под конкретную аудиторию.

В этом контексте интеграция технологий искусственного интеллекта с языковыми знаниями и экспертными системами, которая позволит повысить точность и полноту анализа, является перспективным направлением для развития. Современные исследования в области обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP) направлены на создание гибридных моделей, сочетающих статистические и другие методы, а также на разработку архитектур нейронных сетей, которые могут учитывать семантические и прагматические методы.

Таким образом, исследования подтверждает: грамотная дифференциация и интеграция цифровых инструментов позволяют существенно повысить качество письменной речи и общую культуру коммуникации. Дальнейшее повышение точности анализа связывается с развитием гибридных NLP-моделей, способных преодолеть текущий барьер формального подхода и обеспечить полноценную семантическую и прагматическую верификацию текстов. Практическая значимость работы заключается в создании методологической основы для осознанного выбора и настройки технологических стеков проверки текста под конкретные профессиональные и образовательные задачи.

Список литературы

1. Дэвид Харрис Как обозначаются орфографические ошибки в Google Docs? // https://www.adazing.com/ru/how-are-spelling-errors-indicated-in-google-docs/
2. Применение искусственного интеллекта при обучении студентов РКИ. Uluslararası Dil, Edebiyat ve Kültür Araştırmaları Dergisi (UDEKAD), 8 (1), 135-153. // hhttps://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/4495308
3. Институт русского языка РАН. Диалектный корпус русского языка // https://ruscorpora.ru/corpus/dialect

4. Колесников М.С. (2020). Исследовательский проект "Создание словаря сленга, используемого в Интернете". ГПОУ КМТ: https://infourok.ru/issledovatelskij-proekt-sozdanie-slovarya-slenga-ispolzuemogo-v-internete-5611216.html
5. Белкин А. Д., Коган М. С., Болсуновская М. В. (2025). Алгоритм сбора текстов для анализа тональности и тематического моделирования отзывов пациентов поликлиник. https://www.researchgate.net/publication/388060852
6. https://support.microsoft.com/ru-ru/office/проверка-орфографии-и-грамматики-в-office-5cdeced7-d81d-47de-9096-efd0ee909227
7. «Орфограммка» // https://orfogrammka.ru/
8. «Яндекс.Спеллер» // https://yandex.ru/dev/speller

УДК 81`27

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Дмитриева А. А., ORCID 0009-0007-0851-6318
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
AnnaFr83@mail.ru

Введение. Социальная природа языка, его общественные функции, взаимосвязь языка и общества относятся к актуальным проблемам современных гуманитарных дисциплин. Теоретические и практические вопросы, связанные с непосредственным влиянием социальных составляющих на развитие и функционирование языковой системы, очень важны и нуждаются в тщательном исследовании.

Цель — определить как социальные факторы влияют на выбор языковой нормы носителями языка. Исследовать как социальный профиль человека влияет на его языковое поведение. Проанализировать функционирование языка в городском пространстве.

Основная часть. Современная социолингвистика — это отрасль языкознания. На этапе формирования данной науки можно было спорить о её статусе. Но, когда в социолингвистике чётко определились объект, цели и задачи, стала очевидной её языковедческая природа. Много методов было заимствовано у социологии, например методы массовых обследований, анкетирование, устные опросы и интервью, но все эти способы используются применительно к задачам изучения языка, на их основе вырабатываются собственные методические приёмы работы с языковыми фактами и носителями языка.

Предметом социолингвистики как науки является язык и общество, ситуация выбора говорящим того или иного языка, особенности языка разных социальных групп говорящих. Языковые данные используются для того, чтобы лучше понять социальные и политические явления. Изучение

языка движется в направление социального контекста, что позволяет детально изучить язык и общество в целом [3, с. 7].

Следует отметить, что предмет социолингвистики можно понимать в трех основных значениях: во-первых, это язык и общество, то есть все виды взаимоотношений между языком и обществом (язык и культура, язык и история, язык и этнос, церковь, школа, политика, массовая коммуникация); во-вторых, предмет социолингвистики видят в ситуациях выбора говорящим того или иного варианта языка (или элемента, единицы языка); в-третьих, социальную лингвистику понимают как изучение особенностей языка разных социальных и возрастных групп говорящих.

Понятийный аппарат данной науки охватывает социально-коммуникативную систему, языковой код, коммуникативную компетенцию, билингвизм, языковую политику, языковое сообщество, социально-коммуникативную систему, языковую ситуацию, вариативность и другое [3, с.10–12].

Исследованием социолингвистики занимались такие учёные, как Е.В. Головко, Н.Б. Мечковская, В.Д. Бондалетов, Н.Б. Вахтин, В.И. Беликов и другие. Они создали ряд учебников по данной дисциплине [1, с. 20].

Социолингвистика — это дисциплина, которая изучает связь между языком и обществом, определяет как социальные факторы влияют на функционирование и развитие языка. Она изучает роль языка в жизни общества и его общественные функции, особенности взаимодействия разных языков, диалектов или вариантов языка в пределах одного государства или региона.

Главные задачи данной науки — определить механизм влияния общества на языковую систему, исследовать проблемы двуязычия, разработать ориентиры для государственной языковой политики [4].

Американский учёный Г. Карри под термином «социолингвистика» понимал направление в языкознании, главной целью которого было исследование языка как социального аспекта.

Необходимо особо выделить, что основными вопросами социолингвистики являются:

– описания характера взаимосвязей между языковыми и социальными структурами;

– изучение кореляции понятий язык и нация;

– типология языковых ситуаций, характеризующихся распределением социальных функций между разными языками, территориальными и социальными диалектами, стилями языка, которые используются тем или иным коллективом;

– функции языка в конкретном административно-территориальном объединении;

– социальные аспекты полиязычия;

– языковые коммуникации; языковая политика;

– связь и взаимодействие языка и культуры;

– предпосылки возникновения языковых конфликтов и способов их нейтрализации;

– правовое урегулирование национально-языковых отношений.

Социолингвистика развивается как междисциплинарная отрасль. Родственными дисциплинами являются языкознание, социология, социальная психология, антропология, политология и этносоциология. Социальная лингвистика изучает вопросы, связанные с социальной природой языка, его общественными функциями, ролью, которую он играет в жизни общества, механизмом влияния социальных составляющих на язык. В современном понимании социолингвистика охватывает как традиционные исследования языковых вариантов в обществе, так и новые направления, в частности цифровую социолингвистику, лингвистический ландшафт и критическую социолингвистику.

Следует подчеркнуть, что современная социолингвистика охватывает ряд новых направлений, которые отображают глобальные социальные, технологические и политические изменения. Критическая социолингвистика исследует взаимосвязь между языком, властью и идеологией, рассматривая как языковые политики могут способствовать или противодействовать социальной неравности. Социолингвистика цифровой среды изучает особенности языкового общения в Интернете. Лингвистический ландшафт исследует, как использование языков в публичном пространстве отражает языковую политику, социальные трансформации и динамику многоязычия в обществе. Отдельным направлением можно выделить социолингвистику миграции, которая анализирует языковую адаптацию мигрантов. Развитие этих направлений свидетельствует о расширении предметного поля социолингвистики и её интеграции с другими дисциплинами.

Люди, которые составляют то или иное общество пользуются языком. Социолингвистика учитывает факторы, которые способны влиять на использование языка разными слоями населения. На речь влияет профессиональная и социальная среда. В конкретной профессиональной деятельности образовываются слова-профессионализмы, которые закрепляются в речи людей одной профессии. Речь зависит от профессиональной принадлежности человека.

Социологи выяснили, что речь людей гуманитарной направленности, в большей степени, подчинена языковой литературной норме, чем, например, тех, кто связан с технической средой. Таким образом, на речь влияет характер образования.

В разных языковых ситуациях люди используют разные языковые средства. В процессе языковой социологии человек выбирает, как он будет вести себя в том или ином случае.

Заключение. Таким образом, социолингвистика — междисциплинарная наука на стыке лингвистики и социологии, изучающая язык в социальном контексте: как общество влияет на язык, и

как язык отражает и формирует социальные отношения. Языковые явления (нормы, варианты, изменения) нельзя рассматривать в отрыве от социальных факторов — возраста, пола, образования, профессии, статуса и т. п. Социолингвистические данные востребованы в языковой политике, образовании, медиа, юриспруденции и межкультурной коммуникации.

Социолингвистика даёт системный взгляд на язык как на социальное явление: она показывает, что язык — не просто набор правил, а живая, изменчивая система, тесно связанная с культурой, идентичностью и структурой общества.

Список литературы

1. Запорожец, М. Н. Социолингвистика: учебное пособие / М. Н. Запорожец. — Тольятти: ТГУ, 2014. — 139 с. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/139742 (дата обращения: 12.09.2026).
2. Карпова, Е. В. Социолингвистика: учебное пособие / Е. В. Карпова, Е. М. Дубровская. — Новосибирск: НГТУ, 2019. — 63 с. — ISBN 978-5-7782-4080-3. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/152386 (дата обращения: 12.09.2026).
3. Косникова, А. Ю. Социолингвистика: учебное пособие / А. Ю. Косникова, Т. С. Круглова. — Пенза: ПензГТУ, 2015. — 101 с. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/62559 (дата обращения: 12.09.2026).
4. Крысин, Л. П. Очерки по социолингвистике / Л. П. Крысин. — Москва: ФЛИНТА, 2021. — 360 с.
5. «Социолингвистика: учебник для вузов / В. М. Алпатов, Е. Г. Борисова, И. И. Валуйцева [и др.]. — 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург: Лань, 2025. — 260 с.» — ISBN 978-5-507-53919-2. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/503487 (дата обращения: 12.09.2026).

УДК 811.161.1'37:81'272

ЭВОЛЮЦИЯ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОТ СТИХИЙНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ К ВЕДОМСТВЕННОЙ НОМИНАЦИИ

Добровольская Я. П., ORCID QSP-2502-2026
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
yana.dobrovolskaya1602@yandex.ru

Введение. Спортивная лексика пополняется быстрее, чем ее описывают словари. К давно освоенным англицизмам добавились наименования компьютерного и функционально-цифрового спорта,

которые ведомственные акты закрепляют раньше, чем слова входят в узус. Однако в 2020-е годы она все чаще пополняется ведомственными актами, а не речью болельщиков и журналистов, и пока неясно, как такой способ номинации меняет состав и облик спортивных наименований.

Цель — показать, что современный этап эволюции спортивной лексики определяется сменой способа номинации.

Основная часть. С 1 марта 2026 года действует Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ, дополнивший Закон о защите прав потребителей статьей 10.1 — информация для публичного ознакомления потребителей размещается на русском языке, иностранное слово допускается лишь как дублирующее [10]. Под правило подпадают вывески фитнес-клубов, расписания секций и сайты спортивных организаций. Параллельно названия закрепляются во Всероссийском реестре видов спорта в порядке статьи 21 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ [9]. В 2023 году приказом Минспорта России в реестр включен вид спорта с двойным названием «фиджитал спорт (функционально-цифровой спорт)» [6].

Почему «футбол», «хоккей», «бокс» не воспринимаются как чужие, объясняет словообразовательная активность. От «футбола» образованы «футболист», «футбольный», «футболка». У несклоняемых «плей-офф», «рефери», «дерби» такой опоры нет, и они остаются на периферии системы.

Правовое измерение появляется вместе с реестром — внесенное в него название фактически обязательно для федераций, правил и документов о соревнованиях [9]. Так разошлись «киберспорт» и «компьютерный спорт»: в реестре с 2016 года закреплен описательный вариант, а в медиа держится сложное слово с производными «киберспортсмен», «киберспортивный». Норма и узус не конкурируют, а обслуживают разные сферы.

Предлагаем классификацию способов номинации по тому, какая инстанция утверждает новое слово: 1) стихийное заимствование — слово приходит из речи болельщиков и журналистов, словарь лишь фиксирует результат; 2) ведомственная двойная номинация — название вводится приказом и сопровождается русским эквивалентом в скобках; 3) гибридные образования медиа на базе освоенного заимствованного элемента. Правовой вес имеет только второй тип, а границы подвижны: стихийное слово может получить ведомственный двойник, как «киберспорт».

Приказом Минспорта России от 31.01.2023 № 58 предписано «признать и включить вид спорта «фиджитал спорт (функционально-цифровой спорт)» в реестр [6]. Родовое имя построено по модели двойной номинации. Впереди транслитерированное заимствование, в скобках — русский описательный эквивалент. В правилах вида спорта (приказ от 28.12.2023 № 1112) он входит в определения как часть термина: цифровой сегмент — это «составная часть фиджитал спорта (функционально-цифрового спорта)» [5]. Заимствованным считаем корень иноязычного

происхождения независимо от времени вхождения, поэтому «модель» и «хоккей» учтены наравне с «симулятором».

Срок пребывания слова в языке освоенность не определяет: «харамбол» моложе «плей-офф» примерно на три десятилетия, но набирает на два балла больше. Причина в способе образования: медийный неологизм построен по русской модели на освоенном элементе «-бол» и сразу склоняется [3], тогда как «плей-офф» заимствован целиком, с несклоняемым исходом. Поэтому русский эквивалент в скобках страхует слабую позицию заимствования.

Правила вида спорта обходятся без игровых англицизмов: технические средства описаны как устройства и методы, которые «обеспечивают взаимодействие спортсмена с видеоигрой для ее функционирования и создания состязательного процесса» [5]. Через правила кодификация идет быстрее, чем через словари. Закон № 168-ФЗ регулирует иную плоскость — не правила соревнований, а информацию для публичного ознакомления потребителей [10]: федерации почти ничего менять не придется, а фитнес-клубу с вывеской на латинице понадобится перевод. Важен нюанс: пункт 4 статьи 10.1 не распространяет требования на фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, так что латинская вывеска потребует перевода, лишь когда не является зарегистрированным обозначением; санкция — часть 1 статьи 14.8 КоАП РФ [12].

Решающим оказывается словарный статус слова. От перевода освобождены иностранные слова, не имеющие общеупотребительных аналогов и закрепленные в нормативных словарях [10], перечень которых утвержден распоряжением Правительства РФ от 30.04.2025 № 1102-р [11]. «Фитнес» и «киберспорт» под это исключение, вероятно, подпадают; с «фиджитал» положение сложнее: у него есть ведомственный эквивалент. Двойная номинация, призванная облегчить вхождение заимствования, сама дает правоприменителю готовый русский аналог. Отсюда авторское предложение — включать в нормативные словари наименования из Всероссийского реестра [9] со скобочными эквивалентами и пометой о равноправии вариантов. Возражение о риске законсервировать неудачное наименование снимается тем, что правила пересматриваются чаще, чем переиздаются словари.

Медийная неология идет своим путем: «харамбол» зафиксирован в «Спорт-Экспрессе» дважды и каждый раз в кавычках с оговоркой, а на «МАТЧ ТВ» не встречается вовсе [3]. Требование о публичной информации на журналистский текст не распространяется, поэтому новые гибриды на «-бол» закрепятся прежде всего в неофициальных изданиях.

Заключение. Эволюцию спортивной лексики определяет смена способа номинации: стихийное заимствование, давшее освоенные «футбол» и «хоккей» и проблемные «плей-офф» и «фитнес», дополнено ведомственной двойной номинацией, а медийная неология создает

гибриды на заимствованной модели. Заимствование сосредоточено в родовом имени, дисциплины названы термином «двоеборье», а формальное освоение зависит от способа образования сильнее, чем от возраста слова. Выводы применимы при подготовке нормативных словарей и правил видов спорта, но ограничены материалом — одним новым видом спорта и небольшим кругом медиатекстов; на другие виды их переносят лишь после проверки.

Список литературы

1. Абдуллина, Г. Р. Заимствованный пласт в спортивной лексике башкирского языка (на примере англицизмов) / Г. Р. Абдуллина, М. Н. Шарафутдинова // Мир науки, культуры, образования. — 2023. — № 2(99). — С. 402–404.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст]: [Около 7000 терминов]. — Москва: Сов. энциклопедия, 1966. — 607 с.
3. Бегларян, А. Х. Неология спортивных СМИ: от anticalcio до «харамбола» / А. Х. Бегларян, Ю. В. Шуйская // Филология: научные исследования. — 2026. — № 5. — С. 151–165.
4. Зубкова, А. Ю. Неологизмы и заимствования в медиатекстах / А. Ю. Зубкова, Е. Ю. Бурдовская // Неофилология. — 2024. — Т. 10, № 1. — С. 222–231.
5. Правила вида спорта «фиджитал спорт (функционально-цифровой спорт)» (утв. приказом Минспорта России от 28.12.2023 № 1112). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_468459/
6. Приказ Минспорта России от 31.01.2023 № 58 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта…». — URL: https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minsporta-Rossii-ot-31.01.2023-N-58/
7. Реформатский, А. А. Введение в языковедение : учебник для вузов / А. А. Реформатский. — Москва : Аспект Пресс, 1996. — 536 с.
8. Спортивное программирование и фиджитал спорт впервые включены в перечень базовых видов спорта // сайт Минспорта России. — URL: https://minsport.gov.ru/press-center/news/sportivnoe-programmirovanie-i-fidzhital-sport-vpervye-vklyucheny-v-perechen-bazovyh-vidov-sporta/
9. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/
10. Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — URL: http://publication.pravo.gov.ru/
11. Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2025 № 1102-р «Об утверждении перечня нормативных словарей русского языка как государственного». — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411881660/
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в действующей ред., ст. 14.8 ч. 1). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39252/

УДК 811.161.1'42:004.738.5

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ НЕДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Дяченко С. А.
ГБУ ОО ЗО «СОШ № 24 им. участника СВО Твердого И.В.», г. Мелитополь, РФ
svetlanad8800@mail.ru

Введение. Стремительное распространение информации в интернете повышает риск столкновения школьников с сообщениями, достоверность которых трудно определить. При этом признаки потенциально недостоверного содержания проявляются не только в фактах, но и в особенностях его языкового оформления [2; 3]. В связи с этим анализ языковых маркеров недостоверности становится значимым направлением формирования читательской и медиакоммуникативной грамотности учащихся [1].

Цель исследования заключается в выявлении наиболее характерных языковых маркеров недостоверности информации в русскоязычной интернет-коммуникации и определении возможностей их использования на уроках русского языка в средней школе.

Основная часть. Недостоверная информация в интернет-коммуникации часто характеризуется особым способом языковой подачи, направленным на усиление эмоциональной реакции и снижение критичности восприятия сообщения [2; 3]. Одним из распространённых маркеров выступает категоричность высказывания, выраженная словами и конструкциями *«точно известно», «всем очевидно», «это доказано», «эксперты подтверждают»* без указания конкретного источника. Другую группу составляют неопределенные ссылки на авторитет: *«учёные считают», «специалисты утверждают», «по словам экспертов»*, когда невозможно установить, о каких специалистах идет речь. Подобные конструкции создают эффект достоверности, не обеспечивая фактического подтверждения информации [2].

Дополнительными маркерами могут выступать чрезмерная эмоциональность и оценочность, использование слов *«шок», «сенсация», «невероятно», «срочно», «вы не поверите»*, а также намеренное противопоставление позиций посредством конструкций типа *«все скрывают правду», «официально об этом молчат»*. Существенную роль играет и нарушение логической связи между утверждением и приведенным доказательством: автор может сообщать достоверный факт, а затем делать из него вывод, который непосредственно из исходной информации не следует. Таким образом, языковой анализ позволяет

обнаруживать признаки сомнительности еще до обращения к дополнительным источникам.

Для практической проверки методики на уроках русского языка было проведено диагностическое исследование среди 28 учащихся 11 классов. Школьникам были предложены 12 коротких интернет-сообщений, часть которых содержала языковые маркеры потенциальной недостоверности, а часть была построена нейтрально. На первом этапе учащимся необходимо было определить, какие сообщения требуют дополнительной проверки, и назвать основания своего решения. До проведения специального обучения только 46 % ответов содержали указание на конкретный языковой признак недостоверности. После серии практических заданий, включавших поиск эмоционально окрашенной лексики, выявление неопределенных ссылок на источники, анализ категоричных утверждений и проверку логики высказываний, данный показатель увеличился до 79 %.

Наиболее результативной оказалась методика «Языковой сигнал — вопрос к тексту — проверка». При обнаружении маркера учащийся формулировал вопрос: *«Кто это утверждает?», «На чем основан вывод?», «Есть ли источник?», «Не пытается ли автор вызвать эмоциональную реакцию?»*. После этого определялось, необходима ли проверка информации по внешнему источнику. Такой алгоритм позволяет объединить изучение лексики, синтаксиса и стилистики с развитием критического чтения и сделать анализ интернет-текста частью обычной языковой практики школьника [1].

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенная методика может применяться на уроках русского языка при изучении лексической окраски слова, средств выразительности, синтаксических конструкций и особенностей публицистического стиля [1]. Работа с реальными или специально адаптированными интернет-сообщениями позволяет показать учащимся, что языковая форма непосредственно влияет на восприятие содержания, а грамотный читатель должен оценивать не только то, что сообщается, но и как именно это сообщается.

Заключение. Выявление языковых маркеров недостоверности позволяет соединить изучение русского языка с формированием критического чтения и медиаграмотности школьников, превращая анализ интернет-коммуникации в практический инструмент осознанного восприятия информации.

Список литературы

1. Дяченко С. А. 1.6. Развитие навыков критического письма и анализа художественного текста как условие формирования личностных и социально значимых компетенций обучающихся в условиях трансформации образовательной

среды / С. А. Дяченко // Образование детства в меняющемся социальном контексте: институциональные практики и педагогические решения : коллективная монография. — Ульяновск : ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2026. — С. 58–70. — EDN VMRXGU.
2. Пак Е. М. Использование манипулятивных методов в текстах интернет-изданий / Е. М. Пак // Управленческое консультирование. — 2018. — № 1 (109). — С. 78–83.
3. Нежкина Л. Ю. Распространение фейков как способ манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве / Л. Ю. Нежкина, А. С. Душкин // Российский девиантологический журнал. — 2024. — № 2. — С. 237–249.

УДК 811.161.1'373.7

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: ТИПОЛОГИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

***Карида Т. В.*,**
Вусик А. Л., канд. фил. наук, доц, ORCID 0000-0003-1111-5172
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
karida.tamara@mail.ru, a.vusik@mgumariupol.ru

Введение. Фразеологические единицы (ФЕ) представляют собой наиболее специфическую часть лексической системы языка, в которой аккумулирован культурно-исторический опыт народа и его образные модели мировосприятия. Несмотря на активную разработку фразеологии как науки, в ней сохраняется ощутимая лакунарность — терминологическая, типологическая и описательная. Особенно остро это проявляется при обращении к живой повседневной речи, где фразеологизмы функционируют не в кодифицированном, а в динамическом, вариативном виде. Основной сферой реализации повседневной речи становится онлайн-коммуникация, сформировавшая особый устно-письменный тип русской речи. Именно в интернет-дискурсе наиболее наглядно протекают процессы заимствования, трансформации и окказионального использования ФЕ.

Цель исследования — рассмотреть типологические особенности функционирования фразеологических единиц в современной русской повседневной речи на материале медиадискурса и интернет-коммуникации.

Основная часть. Фразеологизмы обладают комплексом общих свойств: устойчивостью, целостностью значения, воспроизводимостью в речи и образностью. Однако отсутствие единого определения ФЕ закономерно порождает трудности классификации. В русской лингвистике

сложилось несколько авторитетных подходов: классификация В.В. Виноградова, основанная на степени идиоматичности (сращения, единства, сочетания); концепция Н.Н. Амосовой, разграничивающей фраземы и идиомы; классификация А.В. Кунина, опирающаяся на коммуникативный потенциал единиц (номинативные, номинативно-коммуникативные, коммуникативные ФЕ и единицы, лишённые номинативного потенциала). Существенный вклад внесли также А.И. Смирницкий, А. Бирих, Н.А. Сабурова.

При этом важно разграничивать классификацию и типологию. Классификационный метод предполагает распределение объектов по классам на основе общего признака, тогда как типологический метод ориентирован на раскрытие системы связей между множествами объектов и опирается на совокупность качественных признаков. Именно типологический подход позволяет описать межтиповые явления, что принципиально важно для фразеологии, поскольку открытая структура ФЕ и постоянное обновление фразеологического фонда создают предпосылки для образования промежуточных типов единиц.

Повседневная речь как коммуникативная среда характеризуется устно-разговорной природой, неформальностью и ситуативной обусловленностью. В условиях онлайн-коммуникации эти свойства сохраняются, но приобретают новое качество: анонимность, физическая непредставленность участников, добровольность контактов, дефицит невербальной информации и, как следствие, стремление к эмоциональной насыщенности высказывания. Именно поэтому в интернет-дискурсе широкое распространение получают единицы, обладающие образностью, эмоциональностью и оценочностью, — то есть фразеологизмы.

Разговорные и просторечные ФЕ составляют наиболее многочисленную группу в повседневной речи. Они отличаются литературной сниженностью, бытовым характером, фамильярностью, нередко шутливой или иронической окраской: «как с гуся вода», «у чёрта на куличках». К ним примыкают паремические единицы: «голод не тётка», «семь пятниц на неделе». Функционально такие единицы служат не столько для номинации, сколько для выражения экспрессии, оценки, создания образности и экономии речевых средств. Отдельного внимания заслуживают активные процессы трансформации ФЕ. А.В. Кунин разграничивает недеривационные (морфологические изменения, дистантное расположение компонентов, амплификацию, редукцию) и деривационные модификации (субституцию, дефразеологизацию, контаминацию). В интернет-дискурсе эти процессы реализуются особенно активно и часто в форме языковой игры. Показательны примеры: «Не родись красивым…» (вместо «Не родись красивой, а родись счастливой»), «Бред сивого модера» (на основе «бред сивой кобылы»).

Значительный пласт современной повседневной речи составляют заимствованные ФЕ и единицы, возникшие в интернет-среде. Среди них выделяются кальки с английского языка: «хромая утка» (lame duck), «челночная дипломатия» (shuttle diplomacy). Ряд единиц образован путём ассимиляции англицизмов: «изи катка» (от easy), «го онлайн / го офлайн» (от to go online/offline), «пруфы в студию» (от proof).

Показательно, что трансформация ФЕ отражает живые процессы развития языка. Так, выражение «Вот где собака зарыта» (калька с нем. Da liegt der Hund begraben) в повседневной речи часто функционирует в трансформированном виде «Вот где собака порылась!». Причиной замещения стало изменение имплицитной оценки с негативной на позитивную, а также комический эффект, возникший вследствие речевой ошибки.

В сфере медиадискурса активно заимствуются и переосмысляются политические ФЕ. Выражение «Арабская весна» после событий 2010 года приобрело устойчивый характер и вторичное значение — «глобальные перемены, несущие надежду на возвращение к благополучию», что подтверждается появлением трансформации «Русская весна». В дискурсе моды формируются собственные ФЕ с частичной идиоматичностью: «джинсы-бойфренды», «юбка-карго», «трендовый принт».

Заключение. Исследование показывает, что фразеология остаётся областью с ощутимой терминологической и типологической лакунарностью, что определяет необходимость применения типологического подхода, основанного на совокупности качественных признаков. Современная повседневная речь, особенно в её устно-письменной интернет-форме, является наиболее динамичной средой бытования ФЕ. Для интернет-дискурса характерны активные процессы заимствования и трансформации традиционных фразеологизмов, которые часто реализуются в форме языковой игры и служат маркерами принадлежности к определённому сообществу. Трансформация ФЕ отражает живые процессы развития языка: экспрессия и образный характер фразеологизмов обеспечивают их востребованность в повседневной речи, а стремление изменить традиционную форму обусловлено потребностью в речетворчестве и желанием придать известным выражениям личный эмоциональный характер.

Список литературы

1. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. — Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1963. — 208 с.
2. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : дисс. … докт. филол. наук / А.П. Бабушкин. — Воронеж, 1997. — 330 с.

3. Лю, Даян. Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Лю Даян. — СПб., 2020. — 388 с.
4. Хайдарова, В.Ф. Становление лексико-фразеологического корпуса интернет-языка как синергетический процесс : дисс. … канд. филол. наук / В.Ф. Хайдарова. — Челябинск, 2011. — 220 с.

УДК 811.161.1'37

УСТАРЕВАНИЕ И РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ)

Леуцкая Н. В., ORCID 0000-0002-1877-018X
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
n.leuckaya@mgumariupol.ru

Введение. Общественно-политическая лексика русского языка всегда была наиболее подвижным и идеологически нагруженным пластом словарного состава. Смены общественных формаций, революции, реформы и геополитические сдвиги неизменно приводили к тому, что одни слова уходили на периферию языкового сознания, а другие, напротив, возвращались из пассивного запаса в активное употребление. Последние годы дали особенно богатый материал для наблюдения над этим процессом: активизация публичной дискуссии о государственном устройстве, экономических моделях и исторической преемственности вызвала к жизни целый ряд лексем, которые ещё недавно воспринимались как принадлежность учебников истории или советской риторики.

Цель настоящей статьи — выявить механизмы устаревания и реактуализации историзмов в современном русском языке на материале общественно-политической лексики последних годов и определить, какие типы историзмов подвергаются реактуализации и с какими коммуникативными и идеологическими задачами это связано.

Основная часть. Под историзмом в работе понимается лексема, обозначающая реалию, вышедшую из употребления, и не имеющая в современном языке однословного синонима. Историзмы не «устаревают» в том смысле, в каком устаревают архаизмы: они остаются единственными наименованиями своих денотатов, но сами денотаты принадлежат прошлому. Именно поэтому историзмы потенциально способны к возвращению — если обозначаемая реалия в каком-то виде воспроизводится или если слово начинает использоваться для называния нового явления по аналогии. Реактуализация же определяется как

возвращение лексической единицы из пассивного запаса в активное употребление, сопровождающееся расширением её сочетаемости и, как правило, частичным переосмыслением [1].

Анализ материала позволяет выделить несколько основных групп общественно-политических историзмов, вовлечённых в процесс реактуализации. И к наиболее многочисленной группе относятся советизмы. Слова *наркомат, Госплан, пятилетка, коллективизация, партком, политбюро, совнархоз, стахановец* возвращаются в публичную речь — как правило, в полемическом или ироническом ключе. Характерно, что прямая денотация здесь почти невозможна: советские институты не воссозданы, поэтому реактуализация носит метафорический характер. Слово *пятилетка* может применяться к современным планам развития, *стахановец* — к описанию трудового энтузиазма, *Госплан* — к дискуссиям о государственном планировании.

Ко второй группе относятся дореволюционные административные и сословные термины. Лексемы *губерния, уезд, волость, земство, сенатор, статский советник, купцы, мещане* активизируются в связи с дискуссиями об административно-территориальном устройстве и исторической преемственности. Особенно показательна судьба слова *губерния*: в 2020-е годы оно вернулось не только как исторический термин, но и как элемент официальной номинации (губернатор, губернский), что делает реактуализацию прямой, а не метафорической [2].

Внимание также привлекают идеологические и политические ярлыки. *Контрреволюция, враг народа, классовая борьба, буржуазия, пролетариат, товарищ, гражданин* (в противопоставлении) — эти единицы образуют особую группу, где реактуализация тесно связана с оценочной поляризацией. Слово *товарищ* в одних контекстах возвращается как нейтральное обращение, в других — как маркер идеологической принадлежности; *гражданин* сохраняет юридическую нейтральность, но в полемике может противопоставляться товарищу.

Реактуализация историзмов осуществляется через несколько основных механизмов, одним из которых является метафоризация, то есть историзм переносится на современное явление по сходству функции или оценки. *Продразвёрстка* обозначает принудительные изъятия, *стахановец* — энтузиаста-передовика. При метафоризации исходное значение не исчезает, а служит фоном для нового употребления, создавая эффект исторической параллели.

Еще одним механизмом реактуализации является терминологизация. Некоторые историзмы возвращаются как официальные или полуофициальные наименования. *Губерния* и *губернатор* — наиболее яркий пример; *сенатор* сохранился в современной политической системе, но его исторические коннотации активизируются в публичных дискуссиях.

Существует также ностальгическая и ироническая актуализация. Слова советской эпохи могут использоваться с ностальгическим оттенком (*пятилетка, артель, товарищ*) или, напротив, с иронией (*стахановец, партком*). В обоих случаях историзм приобретает эмоционально-оценочную окраску, которой он не имел в исходном употреблении.

Цели реактуализации, таким образом, не сводятся к номинации. Это прежде всего идеологическая борьба, создание исторических параллелей, выражение оценки и поиск идентичности.

Реактуализация почти всегда сопровождается семантическими и стилистическими сдвигами, например, оценочной перезагрузкой. Слова, нейтральные в историческом контексте, приобретают оценочность. *Госплан* сегодня — не просто исторический орган, а символ государственного планирования, оцениваемый положительно или отрицательно в зависимости от позиции говорящего. Наблюдается также стилистическая гибридизация, когда историзм может одновременно функционировать как книжное, публицистическое и разговорное слово. Например, слово *товарищ* в одном контексте — официальное обращение, в другом — ироничное, в третьем — ностальгическое.

Существенно, что при реактуализации историзм не становится архаизмом: он не получает современного синонима, а продолжает обозначать реалию, воспринимаемую через призму прошлого [3]. Но он и не остаётся «чистым» историзмом: его актуальность в современном дискурсе делает его полноценной единицей активного словаря с особой прагматикой.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что реактуализация историзмов в общественно-политической лексике — это системное явление, охватывающее определенные тематические группы, и осуществляющееся преимущественно через метафоризацию, полемическое цитирование и терминологизацию. Это означает, что историзмы возвращаются в язык не столько как наименования реалий, сколько как инструменты оценки и идеологической борьбы.

Таким образом, устаревание и реактуализация предстают не как противоположные, а как взаимосвязанные процессы: именно «устаревший» статус слова делает возможным его возвращение в качестве идеологически нагруженного средства. Историзм — это не просто след прошлого в языке, а резерв, к которому язык обращается, когда возникает потребность назвать и оценить настоящее через призму истории.

Список литературы

1. Аркадьева Т. Г. Архаизмы, историзмы: актуализация устаревшей лексики в современной социокультурной и языковой ситуации / Т.Г. Аркадьева, Н.С. Федотова, С.А. Чуриков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2021. — № 3 (59). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arhaizmy-istorizmy-aktualizatsiya-ustarevshey-leksiki-v-sovremennoy-sotsiokulturnoy-i-yazykovoy-situatsii.

2. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. — 3-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. — 319 с. — (Язык и время; вып. 1). — ISBN 5-86547-070-1.
3. Хайдарова Г. З. Языковые следы времени: роль историзмов и архаизмов в современном русском языке / Г. З. Хайдарова. — 2024. — Т. 2, вып. 10. — С. 363–370. — URL: https://doi.org/10.5281/zenodo.13998126.

УДК 81'42:004.738.5

МЕМЕТИЗАЦИЯ РЕЧИ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ФУНКЦИИ

Лямина Ю. А., ORCID 0000-0003-4433-4363,
Усова А. А., ORCID 0009-0007-4672-8194
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева»,
г. Астрахань, РФ
Lyamina.76w@mail.ru, usovaanna2007@mail.ru

Введение. Цифровая коммуникация заметно изменила способы создания и интерпретации текста. Если традиционный письменный текст предполагает относительно стабильную форму, то интернет-высказывание часто существует как подвижная конструкция, которую пользователь может воспроизвести, сократить, дополнить или переосмыслить. Особенно наглядно эта особенность проявляется в мемах.

Цель настоящего исследования — определить, какие языковые механизмы обеспечивают устойчивость меметических формул и почему они оказываются эффективными в цифровом общении. Материалом для наблюдений служат типичные русскоязычные интернет-высказывания меметического характера, рассматриваемые как модели, а не как конкретная коллекция публикаций.

Под мемом в работе понимается воспроизводимый культурно-языковой шаблон, который сохраняет узнаваемую структуру при изменении отдельных компонентов. Поэтому главным признаком меметического высказывания является не его конкретное содержание, а соотношение между узнаваемым шаблоном и новым наполнением.

1. Языковая компрессия как основа меметической коммуникации

Одной из важнейших характеристик интернет-речи является стремление передать значительный объем смысла минимальным количеством языковых средств. Поэтому меметические тексты часто строятся на коротких репликах, эллиптических конструкциях, аббревиатурах, разговорной лексике и синтаксически неполных предложениях.

Компрессия становится возможной благодаря общему фонду знаний участников коммуникации. Например, фраза «Ну да, ну да…» может приобретать значение скептического отношения без развернутого объяснения. Смысл формируется не только внутри предложения, но и за счет предполагаемой реакции собеседника. Аналогично короткая конструкция «Когда понял, что…» задает сценарий, в котором читателю предлагается самостоятельно достроить ситуацию.

Таким образом, мем можно рассматривать как своеобразный языковой «контейнер» для готового коммуникативного сценария. С точки зрения прагматики это означает перенос части смысловой работы с текста на читателя: автор дает сигнал, а адресат восстанавливает подразумеваемое содержание.

2. Прецедентность и интертекстуальность

Другой механизм меметизации связан с обращением к уже известным текстам, персонажам, репликам, сюжетам. Узнаваемый элемент становится «точкой входа» в новый контекст. При этом мем обычно не воспроизводит исходный текст буквально: его эффект возникает благодаря столкновению старого значения с новым.

Особенно продуктивно переосмысление крылатых выражений и общеизвестных реплик. Возникает семантический сдвиг: знакомая формула сохраняет свою узнаваемость, но начинает обозначать уже не исходное событие, а новую ситуацию. Комизм создается именно расхождением между «памятью» выражения и его текущим употреблением.

Прецедентность одновременно выполняет функцию групповой идентификации. Пользователь, распознающий отсылку, демонстрирует владение общим культурным кодом. Меметическая коммуникация близка к жаргону, но отличается скоростью распространения и постоянной трансформацией.

3. Намеренное нарушение языковой нормы

Значительная часть меметических высказываний использует отклонение от литературной нормы. Речь идет об орфографических и пунктуационных ошибках, фонетической передаче произношения, смешении стилей, необычном согласовании слов или нарочито «неправильном» выборе формы.

Принципиально важно различать случайную ошибку и намеренную языковую игру. В меметическом употреблении отклонение обычно повторяется или занимает позицию, где оно явно выполняет стилистическую функцию. Такая «ошибка» маркирует ироническую интонацию, имитирует определенный тип речи или создает эффект нарочитой непосредственности.

Если необычная форма многократно повторяется в узнаваемом шаблоне, она начинает восприниматься как цитата, а не как ошибка.

4. Поликодовость и роль изображения

Современный мем редко является только вербальным текстом. Его смысл формируется взаимодействием нескольких кодов: словесного, визуального, графического и иногда аудиального. Изображение задает эмоциональную рамку, текст конкретизирует ситуацию, а композиция определяет направление чтения.

Поликодовость позволяет создавать эффект смыслового несоответствия. Например, серьезное изображение может сопровождаться бытовой или абсурдной подписью. Смысл возникает именно на границе двух компонентов. При этом визуальный шаблон может сохраняться, тогда как вербальная часть каждый раз меняется.

Для лингвиста особенно важна взаимозависимость компонентов. Если удалить изображение, подпись может стать нейтральной или вообще потерять смысл; если убрать текст, визуальная часть может сохранить только эмоциональное значение.

5. Мем как инструмент оценки и самоидентификации

Меметические высказывания позволяют выражать оценку с минимальными затратами. Одной короткой подписи пользователь может передать одобрение, раздражение, сарказм, сомнение или самоиронию.

Еще одна функция мемов — самоидентификация. Выбор определенного шаблона показывает, какие культурные коды знакомы автору и предполагаемому адресату. Мем в этом случае работает как речевой маркер сообщества.

Одновременно меметическая коммуникация обладает высокой степенью вариативности. Пользователь редко просто копирует готовый текст; чаще он изменяет один или несколько элементов. Индивидуальный вклад состоит не столько в создании абсолютно новой формы, сколько в удачном переосмыслении существующей модели.

Заключение. Проведенное наблюдение показывает, что меметизация речи представляет собой закономерный процесс цифровой коммуникации. Её основу составляют языковая компрессия, прецедентность, интертекстуальность, намеренное нарушение нормы и поликодовость.

Мем следует рассматривать не как периферийное явление интернет-культуры, а как продуктивную модель речевого поведения. Перспективным направлением дальнейшего исследования является сопоставление меметических моделей разных поколений пользователей и изучение того, как цифровые форматы влияют на развитие современной русской разговорной письменной речи.

Список литературы

1. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Corpus, 2017. — 512 с.
2. Crystal D. Language and the Internet. 2nd ed. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 304 p.

3. Карасик В. И. Языковые ключи. — М.: Гнозис, 2009. — 405 с.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000. — 703 с.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 277 p.
6. Шмелева Т. В. Русский язык: текст и коммуникация. — М.: Флинта, 2016. — 432 с.

УДК 811.161.1'374

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАБОТЫ Н. Ю. ШВЕДОВОЙ НАД НАСЛЕДИЕМ С. И. ОЖЕГОВА

Московская Т. В., ORCID 0009-0000-8699-9801
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского» г. Донецк, РФ
mtv1368@bk.ru

Введение. История отечественной лексикографии начинается со «Словаря церковнославянского и русского языка» в 4-х томах (1847, создатель А.Х. Востоков). Среди ключевых изданий XX века — академический четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, который создавался в Москве по госзаказу Государственным институтом «Советская энциклопедия» с 1935 по 1940 год, Большой академический словарь (1948-1965 гг.), а также однотомный словарь С.И. Ожегова (с 1949 г.). Оба издания закрепляли нормы словоупотребления, формообразования и произношения того времени с целью стабилизации русского литературного языка после потрясений 1917 года и отражали язык советской интеллигенции начала XX века. Новый этап в развитии теоретической и практической лексикографии ознаменовала научная деятельность Н.Ю. Шведовой.

Цель работы — выявить основания, по которым произошло расширение границ толкового словаря С.И. Ожегова, и проанализировать социальные и лингвистические маркеры этого процесса.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов адаптации лексикографических стандартов к реалиям современного информационного общества. Словарь Ожегова — Шведовой наглядно демонстрирует способы сохранения нормативного авторитета классического издания перед лицом стремительной архаизации одних пластов лексики и активизации других.

Основная часть. Однотомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова (первое издание — 1949 г.) справедливо считался вершиной советской практической лексикографии, т.к. унифицировал языковую норму для людей любого уровня подготовки (от школьников до профессионалов различных сфер деятельности).

Структура словаря была ориентирована на стабильность, а идеология базировалась на строгом очищении литературного языка от диалектизмов, жаргонизмов, сленга, арго и неоправданных заимствований.

В течение четырёх десятилетий Н.Ю. Шведова непрерывно редактировала издание Ожегова и дополняла новыми данными, фиксируя активные языковые сдвиги и проникновение просторечных элементов в литературный пласт. В 1990 году Академия наук СССР отметила работу исследователя премией имени А.С. Пушкина. В 1992 году, учитывая значительное увеличение объема правок, было опубликовано издание, включающее 80 тысяч слов и фразеологизмов, под двойным авторством (С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой). На сегодняшний день словарь сохраняет высокую востребованность как в России, так и за ее пределами [1, с. 87].

В СССР слово было оружием идеологии, и словарь Ожегова отображал установки жесткой государственной системы, безоговорочно принимая ее правила. Лексикографическая работа Н.Ю. Шведовой решала задачу, не имевшую аналогов: одновременно документировать происходящий в XX веке стремительный распад прежних литературных норм и официально закреплять в словаре новую языковую реальность, которая формировалась внутри самого общества.

Главным приоритетом для Н.Ю. Шведовой как лексикографа оставалась научность и строгость изложения. В то же время ученый требовала, чтобы словарная статья была доступной, содержала точные определения, а не зашифрованные «в заведомо усложненной форме, в многословных и расплывчатых определениях, в ничего не говорящих иллюстрациях». По словам исследователя, лексикография — самый строгий жанр, «принадлежащий науке о языке» [4, с. 15].

Редакция Шведовой, используя точные хронологические и экспрессивно-оценочные пометы, показывает социолингвистический сдвиг в общественном сознании, проявившийся в массовом переходе целых тематических групп языка из активного запаса в пассивный с одновременной сменой коннотаций, например, *ударник (устар.), земство (ист.), мироед (истор., разг.-сниж.), обюрократить (разг.), карапуз (разг. шутл.), аморалка (прост.), колымага (ирон.), актёрствовать (неодобр.), сборище (разг. неодобр.), сговор (обычно неодобр.), холуйство (презр.)* [3].

Одновременно автор отражает лингвистический процесс утраты, ослабления или распада лексического значения бывших идеологических маркеров, например, слово *демократия* лишается исключительно положительного ореола («*власть народа*» [2]) и обрастает новыми, часто негативными смыслами, характерными для публицистики 1990-х. Это выражается в детализации семантической структуры словаря. Среди примеров использования этого слова Шведова фиксирует: *«принципы, идеалы демократии», «борьба за демократию», «демократический строй», «демократические преобразования»* [3].

Также следует обратить внимание на прагматический парадокс, отмеченный в словаре 1997 года: лексема «свобода» приобретает новые смыслы и может употребляться для обозначения хаоса и правового беспредела.

В конце XX века переход к рыночной экономике спровоцировал массовый приток англицизмов. В отличие от многотомного Большого академического словаря, однотомный словарь под редакцией Н.Ю. Шведовой оперативно фиксирует и официально признает новые слова и термины (*ипотека, ваучер, маркетинг*), которые вошли в речь раньше, чем в учебники. В корпус словаря включаются единицы *приватизировать, дефолт, челнок, рэкет, конвертация*. При этом исследователь адаптирует совокупность сочетательных возможностей этих слов к русской грамматике, тем самым присваивая их языку.

В 1990-е годы, когда язык перестал быть строго контролируемым, появилась возможность пересмотра лексикографических принципов. В отличие от С.И. Ожегова, отсекавшего «языковой мусор», Н.Ю. Шведова интегрировала подобную лексику в словарь с жёсткими пометами (*прост., жарг.*). Это позволило объективно зафиксировать смену речевого этикета и признать криминально-деловой жаргон значимым социальным диалектом, сохранив при этом эталонную функцию издания.

Заключение. Работа Н.Ю. Шведовой стала институциональным ответом гуманитарной науки на социальный кризис конца XX века. Социолингвистическая ценность исследуемой лексикографии заключается в снижении коммуникативной тревожности общества: наличие слова в авторитетном словаре Ожегова — Шведовой служило для массового читателя гарантией того, что новая языковая реалия признана официально. Сохранив формальную структуру словаря С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведова предложила модель интеграции живого узуса в академический каркас, чем легитимировала тектонический сдвиг в языке, отражающий смену национального самосознания. Ученый создала золотой стандарт адаптации бумажной лексикографии к цифровой реальности с учетом востребованности нормативного справочника, способного служить мостом между классикой и современностью.

Список литературы

1. Зарицкая, И.Н. Исследовательская многогранность Наталии Шведовой / И.Н. Зарицкая, Т.В. Московская // Российская академия наук в зеркалах исторической персонологии : монография. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2025. — С. 79-101. — EDN PISJGZ.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : 50 000 слов / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; сост. С. И. Ожегов ; гл. ред. акад. С. П. Обнорский. — Москва : ОГИЗ, Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. — XVI, 968 с.

3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.Б. Виноградова. — 4-е изд., доп. — Москва : Азбуковник, 1997. — 939 с. — ISBN 5-89285-003-X.
4. Шведова, Н.Ю. Автор или составитель? (Об ответственности лексикографа) // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; [Редкол.: Н.Ю. Шведова и др.]. — Москва: Индрик, 2001. — 557 с. — С. 13-16. — ISBN 5-85759-144-9.

УДК 81’276

АНГЛИЦИЗМЫ В МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ И МЕДИАДИСКУРСЕ: КОММУНИКАТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ЯЗЫКОВАЯ МОДА?

Никузайло А. В.,
Вусик А. Л., канд. фил. наук, доц., ORCID 0000-0003-1111-5172
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
nikuzailo.alina@yandex.ru, a.vusik@mgumariupol.ru

Введение. Стремительное развитие цифровых медиа и сетевого пространства кардинально преобразило динамику современного русского языка. Главной точкой притяжения языковых инноваций сегодня выступают молодежный сленг и тексты массмедиа, где приток англицизмов приобрёл характер устойчивой социокультурной тенденции. Наблюдая за речевыми практиками подростков, пользователей соцсетей и журналистов, невозможно не заметить поляризацию мнений: от тревоги за сохранность языковой самобытности до признания неизбежности глобализации. За каждым новым словом стоит сложный выбор говорящего — пытается ли он таким образом выразить мысль точнее и быстрее или же просто следует за престижным трендом, маркируя свою принадлежность к «поколению сети». В связи с этим в современной лингвистике обостряется вопрос о природе устойчивости подобных заимствований.

Цель исследования — раскрытие особенностей использования заимствований из английского языка в среде молодежи и медиапространстве, а также на установление того, где заканчивается практическая потребность в общении и начинается временное влияние языковых тенденций.

Основная часть. Язык никогда не заимствует чужие слова вслепую: за каждым новым словом стоит либо практическая нехватка собственных выразительных средств, либо особое психологическое стремление говорящего выделиться и соответствовать моменту. В лингвистике принято разделять внутренние (системные) и внешние (социокультурные)

причины притока заимствований [1]. Внутренняя потребность возникает тогда, когда в жизни общества появляется новый предмет или явление, требующее краткого и емкого обозначения. Русский язык стремится к экономии речевых усилий: гораздо удобнее использовать одно цельное слово, чем каждый раз прибегать к громоздкому описанию. Однако наряду с этим существует и другой мощный стимул — экстралингвистический, связанный с языковой модой и престижем. Иноязычное слово нередко наделяется ореолом современности, привлекательности и высокого социального статуса, что подталкивает людей выбирать именно его, даже если в родном языке давно есть точные эквиваленты [1].

Главным инкубатором и экспериментальной площадкой для новых англицизмов традиционно выступает молодежная среда. Подростки и молодые люди первыми подхватывают зарубежный контент из видеоигр, социальных сетей, стриминговых сервисов и текстов популярных музыкальных треков. Здесь англицизмы выполняют роль своеобразного пароля, делящего окружение на «своих» и «чужих».

Если вслушаться в речь современного молодого человека, становится очевидно: граница между модой и коммуникативной необходимостью здесь очень тонка. С одной стороны, многие сленговые слова прочно прижились потому, что они называют тонкие психологические состояния, для которых в русском языке просто нет компактного аналога. Например, слово «краш» (от англ. crush) — это не просто «возлюбленный» или «объект симпатии», а именно тайный, недосягаемый и часто безответный предмет обожания, вызывающий бурю эмоций. Понятие «кринж» (от to cringe — содрогаться) вытеснило громоздкое выражение «испанский стыд», выражая острое чувство неловкости за чужое нелепое поведение. Слово «вайб» (от vibe — вибрация) передает неуловимую эмоциональную атмосферу момента или общее настроение человека, а термин «шипперинг» обозначает целую субкультурную практику фантазирования о романтических отношениях между персонажами книг или медийными персонами [2]. В этих случаях заимствование действительно закрывает смысловую лакуну, упаковывая сложный комплекс чувств в одно короткое и броское слово. С другой стороны, повальное увлечение словами вроде «рофл» (шутка), «пруфы» (доказательства) или «го» (пойдем) часто носит характер обыкновенного подражания, когда исконные слова отвергаются просто потому, что звучат для подростков слишком «обыденно» или «скучно».

Следующим этапом языковой жизни англицизма становится его переход из закрытых молодежных чатов на широкую публику через медиадискурс. Современные средства массовой информации, блогеры и сетевые журналисты существуют в условиях жёсткой борьбы за клики и внимание читателя. Чтобы казаться динамичными, прогрессивными и говорить с молодой аудиторией на одном языке, редакции охотно внедряют сленговые заимствования в заголовки и новостные ленты.

Слова «хайп» и «фейк» за считанные годы прошли путь от узкого интернет-жаргона до статусных публицистических единиц, регулярно звучащих не только в молодежных сообществах, но и в федеральных новостях [2]. Однако эта погоня за модой таит в себе и серьезные коммуникативные риски: перенасыщение текста модными заимствованиями зачастую создает языковой барьер между поколениями, из-за чего авторам статей приходится в скобках расшифровывать читателям значения подобных слов.

Но самый любопытный лингвистический парадокс заключается в том, что русский язык вовсе не остается пассивной жертвой иноязычного наплыва. Принимая англицизм, языковая система тут же включает мощные защитные и созидательные механизмы, подчиняя «чужака» своим строгим законам. Английские корни моментально обрастают русскими приставками, суффиксами и окончаниями [3]. Слово «лайк» превращается в причастие «залайканный», порождая целое семейство производных, а вокруг существительного «хайп» разворачивается исконное словообразовательное творчество в виде экспрессивного гибрида «хайпожор». Попадая в русскую речь, английские слова меняют и свою семантику: глагол «хейтить» (от to hate — просто ненавидеть) в русскоязычном интернете сузил и одновременно обогатил свое значение, став термином для обозначения целенаправленной публичной травли и критики в комментариях [3].

Заключение. Исследование показывает, что функционирование англицизмов в молодежном сленге и медиадискурсе представляет собой сплав социокультурной моды и коммуникативной необходимости. На начальном этапе многие заимствования служат лишь маркером тренда или инструментом привлечения внимания аудитории. Однако в системе языка закрепляются только те единицы, которые устраняют номинативные лакуны и экономят речевые ресурсы. При этом русский язык не пассивно впитывает заимствования, а творчески перерабатывает их: подчиняет собственной морфологии, создает дериваты и трансформирует исходную семантику. Время отсеивает избыточные элементы, тогда как функционально оправданные англицизмы органично входят в структуру языка, расширяя его выразительный потенциал.

Список литературы

1. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин. // Вопросы языкознания. — 2002. — № 6. — С. 27–34.
2. Лашкова, Г. В. Англицизмы в современном русском языке: к проблеме лингвотолерантности / Г. В. Лашкова, А. И. Матяшевская. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2022. — Т. 22, вып. 2. — С. 151–157.

3. Маринова, Е. В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI века / Е. В. Маринова. // Новые тенденции в русском языке начала XXI века : коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2016. — С. 65–149.

УДК 81'22:004.738.5

ВЛИЯНИЕ ВИЗУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ (ЭМОДЗИ, СТИКЕРОВ) НА СТРУКТУРУ И СМЫСЛ ПИСЬМЕННОГО СООБЩЕНИЯ

Сагирь О. И.,
Леуцкая Н. В., ORCID 0000-0002-1877-018X
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
sagir.igorevna-8@mail.ru, n.leuckaya@mgumariupol.ru

Введение. В процессе лингвистического исследования интернет-коммуникации в настоящее время особое внимание обращается на трансформацию письменного сообщения при помощи визуальных элементов, которые изначально были предназначены для передачи эмоций, установления контакта и пояснения информации. Активная трансформация визуализации в онлайн-общении привела к возникновению многочисленных визуальных элементов, самым распространенными из которых на сегодняшний день являются эмодзи и стикеры.

Цель исследования: выявить роль и влияние эмодзи и стикеров на структуру и смысл письменного сообщения в интернет-коммуникации.

Основная часть. Появление и развитие визуальных элементов в интернет-коммуникации, их большая роль в построении письменного сообщения в социальных сетях и мессенджерах связаны с отличительными чертами онлайн-общения: мультимедийность [1, с. 5], отсутствие прямого визуального контакта между общающимися [1, с. 29], недостаток средств невербального общения [2, с. 21]. С одной стороны, можно предположить, что визуальные элементы появились только в эпоху становления и активного развития компьютеров и интернета. С другой стороны, в истории письменности обнаруживаются примеры использования прародителей современных эмодзи и стикеров. В частности, это средневековые рукописные тексты, авторы которых рисовали на полях улыбающиеся лица, выражая тем самым свое отношение к излагаемой информации и доброжелательное расположение к читателю [3, с. 62].

В ходе становления интернет-коммуникации появились и активно развивались разнообразные визуальные элементы. В данном исследовании рассмотрим две их разновидности: эмодзи — слова-картинки,

визуализирующие эмоции и различные объекты [4, с. 771] и стикеры — графические изображения, состоящие из смыслового содержания и графической стилизации художественного образа [5, с. 231]. Материалом исследования являются комментарии пользователей социальной сети «ВКонтакте» на посты сообщества «Я люблю русский язык!» [6].

Прежде всего, рассмотрим влияние эмодзи и стикеров на структуру письменного сообщения. Их роль в интернет-коммуникации обширна. Эмодзи являются своеобразной заменой некоторых знаков препинания. Например, в комментарии «*СплошнаяМахаловка🤷 РусЯз могуч💪 МашемКрылами и на юг🏝 Кстати, 🦆Не спорят, а трепыхают перьями😸*» большинство эмодзи используются в качестве замены точек и отделения одного предложения от другого. Отметим, что функция замещения знаков препинания недоступна стикерам, поскольку функционал социальной сети не реализует их совместное использование с вербальным текстом. Они выступают лишь в качестве полной замены вербального сообщения. Но функция полного замещения вербального текста доступна и эмодзи. Например, один из пользователей одобрил пост «Почему белый гриб называется белым» при помощи комментария, в котором содержится эмодзи «большой палец вверх»: «*Sascha, 👍*».

Использование визуальных элементов влияет на длину письменного сообщения, поскольку изображения позволяют создать ассоциативный ряд и избежать необходимости вербальных пояснений. Например, в одном из комментариев к юмористическому посту на тему плохого зрения пользователь предложила свою фотографию после лазерной коррекции, на которой запечатлена глазная повязка, делающая ее схожим с пиратом. Сообщение включает в себя ключевое слово и две эмодзи из ассоциативного ряда: «*Я: пират ☠🦜*». Таким образом пользователю удалось использовать минимум языковых средств для объяснения своего комментария.

Визуальные элементы позволяют добиться более краткой структуры письменного сообщения в интернет-коммуникации. Например, эмодзи — визуальные обозначения различных объектов позволяют полностью заменить эти слова: «*Защита важной персоны Древнего Востока от 💨🌞🌫 и 🦟. Вот и получается, что зонт-балдахин — это прародитель современного зонтика :)*». В приведенном сообщении эмодзи заменяют слова *«ветер», «зной», «дождь», «насекомые»*.

Далее рассмотрим способность визуальных элементов модифицировать смысл письменного сообщения. Помимо простого подтверждения вербальной информации и ее дублирования (например: «*Ооох!! Какая боль моих ушей — эти «имеют место быть»😑»*), эмодзи и стикеры позволяют конкретизировать смысл сообщения. Например: «*Все курящие пускают деньги на ветер 🕯*». Изображение сигареты позволяет пояснить прямое использование фразеологизма «*пускать деньги на ветер*».

Некоторые эмодзи не только конкретизируют, но и придают новый смысл письменному сообщению. Например, к посту, посвященному малоизвестному амплуа актера А. Мягкова, один из пользователей социальной сети пишет: «*Открыла новую грань таланта Андрея Мягкова* 🔥». Эмодзи «огонь» отражает восторг от открытия, сделанного в посте, хотя данная эмоция не проявляется в вербальной части сообщении.

Одной из главных функций эмодзи и стикеров является эмоциональная функция [7, с. 249]. В связи с этим визуальные элементы придают сообщению новый эмоциональный накал. Выражение эмоций при помощи эмодзи и стикеров многогранно: смех («*У меня студенты писали «из под тишка»* 😅»), гордость за собственную эрудицию («*Абстинентная лексика*😎»), отвращение («*Обезбол ужасное слово.*🤢») и др.

Особое значение получают стикеры и эмодзи, которые позволяют понять вербальную часть сообщения в противоположном смысле. Например: «*Вы ещё скажите, что слова «ихний» нету* 😊». При чтении сообщения возникает ощущение о неграмотности пользователя. Однако эмодзи «стеснение» позволяет показать, что это ирония.

Заключение. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что визуальные элементы, а именно эмодзи и стикеры, имеют большое влияние на структуру и смысл письменного сообщения. В структурном аспекте они заменяют знаки препинания, замещают все вербальное сообщение, сокращают текст. В аспекте модификации содержания письменного сообщения стикеры и эмодзи подтверждают вербальную информацию, конкретизируют смысл сообщения, придают ему новое значение, видоизменяют семантику вплоть до противоположного, а также дополняют фразу.

Список литературы

1. Интернет-коммуникация как новая речевая формация : монография / научные редакторы Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. — 5-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА, 2025. — 328 с. — ISBN 978-5-9765-1310-5. — EDN SDRNKN.
2. Крылов, Ю. В. Жанр невербального ответа в виртуальной коммуникации / Ю. В. Крылов // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. — 2022. — № 2 (4). — С. 19–35. — DOI 10.34680/VERBA-2022-2(4)-19-35.
3. Малыгина, Ю. П. История развития и использования эмодзи в современной интернет-коммуникации / Ю. П. Малыгина, В. В. Колмакова // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке : сборник статей по материалам XXV международной научно-практической конференции. — Том № 16 (24). — Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2018. — С. 59–63. — EDN YQBPHF.
4. Кольцова, Е. А. Мультимодальный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении / Е. А. Кольцова, Ф. И. Карташкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022. — Т. 13, № 3. — С. 769–783. — DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783. — EDN CVTIEZ.

5. Гресик, К. В. Стикеры как средство визуальной коммуникации / К. В. Гресик // XVII Машеровские чтения : Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 2-х томах, Витебск, 20 октября 2023 года / Редколлегия : Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. Том 2. — Витебск : Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2023. — С. 231–232. — EDN ASHSAM.
6. ВКонтакте. — Текст : Электронный. — URL: https://vk.ru/love_russian_language (дата обращения: 12.08.2026).
7. Галичкина, Е. Н. Компьютерная коммуникация : лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство : монография / Е. Н. Галичкина. — 6-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА, 2023. — 332 с. — ISBN 978-5-9765-3564-0.

УДК 316.754

НОВЫЕ КОНЦЕПТЫ: РСП И НЕГАТИВИЗАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Смирнова Е. Д.
ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко»,
г. Москва, РФ
rainnoir@mail.ru

Лексическая система языка, ввиду своей прагматической природы, имеет склонность к пейоративизации. Этот процесс можно наблюдать в ходе эволюции разнообразных концептов и лингвотипажей, в том числе и тех, которые изначально обладали исключительно положительными смысловыми элементами. Подобное происходит и с концептосферой семейных отношений: широкое распространение в современном обиходном дискурсе получили концепты «яжмать», «тарелочница», «алень» и многие другие.

Данные изменения отражают не только склонность языка к негативизации, но и социальный запрос на вербализацию раздражения, а также деформацию содержания семейных ценностей в общественном сознании (см. подробнее: 1, 2, 3, 4). Одной из ярчайших иллюстраций вышесказанного является активно функционирующий в современной коммуникации концепт «РСП» — ‘развёденка с прицепом’.

Приведём примеры апелляции к концепту (орфография и пунктуация сохранены):

«… я позавчера ходил на свидание с РСП (двое детей от разных мужей), и вот что я хочу сказать - мне жалко этих женщин. <…> я в интернете начитался всяких ужасов про РСП - что они хитрые и подлые, и весь вечер ждал, что она набросится на меня, разденет и ограбит. <…> понял, что не понимаю мужчин, готовых на отношения с РСП. Это как-то не правильно — лезть в чужую семью, понимая что ты всегда будешь

просто МУЖИК, который пришел посидеть у них дома, <…> на душе скреблись кошки... ну их этих рспшек... (пост на ЯплакалЪ, 22.01.2025).

«*И вообще она РСП геморройная с кучей бытовых проблем, которые мне на куй не нужны. В принципе она идеально ко мне относилась, но как женщина в общем понимании конечно не очень.»* - (Antiwoman.ru, Павлик Escobar, 11.01.2018)

«Как мне кажется РСП не способны любить, так как объект ВСЕГДА воспринимается как ресурс». (Пикабу, Iskander80, 2021)

Вопреки распространенному стереотипу аббревиатура *РСП* используется для обозначения лиц обоих полов, не только женского:

«Однако среди мужчин РСП столько же. И нельзя назвать подарком для будущей его пассии наличие алиментов, отсутствие массы внимания из-за его необходимости быть воскресным папой. <…> как вы относитесь к мужчинам РСП?» (гость, woman.ru, 29.08.2020)

«Ты так-то сам РСП. <…> РСП. Только мужского пола. У тебя три прицепа. Три, Андрей. Не один ребёнок, а трое. Ты реально думаешь, что после сорока девяти у тебя очередь из молодых и свободных женщин?» (Хакни психологию, просто о сложном, Яндекс.Дзен, 16.09.2026)

Таким образом, разведенный родитель в первую очередь предстает не самостоятельной личностью, а неким набором стереотипов. Образ складывается из следующих элементов: отсутствие отношений с противоположным полом, наличие ребенка, наличие требований, связанных с обеспечением матери и ребенка (для обоих полов), или соответствующих ожиданий. Реальное поведение или социальный статус персонажа не имеют значения, для использования аббревиатуры по отношению к одинокому родителю ему достаточно соответствовать формальным признакам.

Кроме озвученных примеров, где разведенные женщины или мужчины являются объектами внешней оценки, существуют также нарративы от лица самих разведенных, в рамках которых аббревиатура используется как самоназвание:

«Разрешите мне, как одной из представительниц тех самых «РСП» с тремя детьми, заявить: вы сильно ошибаетесь. Я уже 10 лет нахожусь в счастливых, гармоничных отношениях. <…> Мой пример — не исключение, это норма. <…> я благодарна этому «живому тренду». Знаете почему? Аббревиатура «РСП» — это идеальный бесплатный фильтр.» (B-17.ru, Куценко Светлана Владимировна, 19.02.2026

«Товарищи мизогины, ответьте, если у меня оба ребенка совершеннолетние, я уже не РСП? Мне уже можно в отношения вступать?» (Пикабу, user8354245, 2025)

«<…> Везде вы нас называете РСП, везде говорите, что не надо с нами связываться. Да с чего бы это? Все женщины разные. Если вам

попадались неадекватные женщины, зачем всех под одну гребёнку ровнять?» (Пикабу, SvetSok, 2024)

Обратим внимание, что повествование от первого лица обычно строится вокруг защиты от негативной стереотипизации. Роднит же оба нарратива эмоциональная окраска: в обоих случаях повествователи выражают раздражение в сторону оппонентов.

Сформулируем значение понятия РСП — это разведённый родитель (чаще — женщина), который ищет новых отношений.

Концепт «РСП» строится вокруг негативного стереотипа о требовательности разведенного родителя к потенциальному партнеру, его наглости и склонности к манипуляциям. Важно отметить, что характер использования термина указывает на то, что героям не обязательно соответствовать всем характерным для персонажа элементам, чтобы к ним применялось понятие РСП.

Термин обрел высокую популярность в сети и вышел далеко за ее пределы: его оскорбительный характер и широкое распространение обсуждались на экспертном круглом столе Госдумы, прошедшем 18.09.2026 и посвященном защите матерей-одиночек. Там же прозвучала инициатива о введении ответственности за оскорбительные высказывания в адрес одиноких родителей, в частности — за использование аббревиатуры *РСП*. С одной стороны, подобное внимание подчеркивает распространенность концепта, с другой — само развитие подобных концептов прямо противоречит национальным целям развития Российской Федерации, в части поддержки семьи. Противодействие стереотипам, направленным на разрушение семейных ценностей, требует их досконального изучения лингвистическими методами.

Список литературы

1. Смирнова Е.Д., Смирнова И.В. Негативизация и криминальная эксплуатация концепта «материнство» как проблема лингвобезопасности / Е.Д. Смирнова, И.В. Смирнова // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: Сборник материалов II Международной научной конференции, Москва, 27–28 октября 2022 года / Редколлегия: М.С. Милованова (отв. редактор), Н.А. Боженкова [и др.]. — Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. — С. 90–96. — EDN: FRBHTM
2. Слышкин Г.Г. Смирнова Е.Д., Словообразовательная модель “ЯЖМАТЬ”: новый способ вербализации раздражения / Г.Г. Слышкин, Е.Д. Смирнова // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. — 2023. — № 3 — ISSN 2616-8162
3. Слышкин Г.Г., Смирнова Е.Д. “ЯЖМАТЬ”: от пейоративизации концепта к системным изменениям в языке, концептосфере и коммуникации // Современная лингвоаксиология: Россия — Кыргызстан в научном диалоге: коллективная монография. Москва: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина — 2023 — 261-282. EDN: CQELLI
4. Смирнова И.В., Мошеннический дискурс: Стратегия апелляции к удаче / И. В. Смирнова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2024. — Т. 13, № 3. — С. 15-22. — DOI 10.12737/2587-9103-2024-13-3-15-22.

УДК 81’42

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕДИАРЕЛЬНОСТИ

Сосновский Б. И., ORCID 0009-0000-1073-7186,
Рязанова В. А., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-7517-8589
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
sosnovskii.bogdan@mail.ru, ryazanova.v.a@mail.ru

Введение. Современный медиадискурс представляет собой сложное многоуровневое явление, в котором язык выполняет не только функцию передачи информации, но и функцию конструирования особой реальности — медиарельности. Под медиарельностью в лингвистике и медиалогии понимается своего рода промежуточный мир, «призма», сквозь которую человек, воспринимая медиаобразы, готовые политические конструкции, познает, оценивает и представляет социальный и политический порядок [1, с. 220]. Стилистические приёмы в этом контексте выступают мощным инструментом создания определённой картины мира, которая затем транслируется массовой аудитории.

Процесс конструирования медиарельности через стилистические приёмы не является стихийным. Как отмечает Т. А. ван Дейк, «дискурс — это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [3, с. 8]. Редакции медиаизданий, выбирая те или иные стилистические средства, фактически определяют, как события будут представлены аудитории.

Особый интерес представляет конструирование медиарельности через стилистические приёмы в новостных текстах, которые традиционно считаются нейтральными и объективными. Исследования показывают, что даже в текстах, претендующих на объективность, стилистические приёмы используются для формирования определённой интерпретации событий.

Цель исследования заключается в анализе роли стилистических приёмов в процессе конструирования медиарельности и выявлении механизмов их воздействия на массовое сознание.

Основная часть. Концепция конструирования реальности средствами массовой коммуникации была развита в работах П. Бергера и Т. Лукмана [2]. В контексте медиадискурса эта идея получила дальнейшее развитие в трудах Т. А. ван Дейка, который показал, что медиатексты не просто отражают события, но активно их конструируют, отбирая одни аспекты и игнорируя другие. Стилистические приёмы в этом процессе играют роль своеобразных «строительных блоков», из которых складывается медиарельность.

Метафора как стилистический приём занимает особое место в процессе конструирования медиарельности. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность» [4, с. 25]. В медиадискурсе метафорические модели используются для описания сложных политических, экономических и социальных процессов через более понятные и близкие реципиенту образы. Например, милитарная метафора «борьба с инфляцией» представляет экономический процесс как военное противостояние, что формирует у читателя определённое отношение к проблеме: инфляция воспринимается как враг, с которым нужно бороться, а не как объективный экономический процесс.

Анализ медиатекстов современных изданий показывает, что метафорические модели используются систематически и целенаправленно. Заголовок «*Мировая экономика на грани обвала: что будет с Россией?*» (Сетевое издание «Царьград». Режим доступа: https://tsargrad.tv/shows/mirovaja-jekonomika-na-grani-obvala-chto-budet-s-rossiej_1037180?ysclid=muzi3p3jf912270004) использует метафору разрушения, которая конструирует образ экономики как неустойчивого строения, готового рухнуть. В заголовке «*Мир накрывает новая волна пандемии, заявил глава ВОЗ*» (Сайт Первого канала. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2021-07-15/409848-mir_nakryvaet_novaya_volna_pandemii_zayavil_glava_voz?ysclid=muzi7h97yu247851424) метафора природной стихии придаёт событию масштабность и неотвратимость, что формирует у аудитории чувство опасности и необходимости подчинения рекомендациям властей.

Эпитет также активно участвует в конструировании медиарельности. Оценочные эпитеты формируют у реципиента определённое эмоциональное отношение к описываемым событиям и явлениям. Например, в тексте «*Суровые морозы и аномальное тепло: какая зима нас ждет*» (Сетевое издание «72.ру». Режим доступа: https://72.ru/text/winter/2026/09/21/76654145/) эпитеты подчеркивают нестандартность и суровость погодной ситуации, что формирует образ обеспокоенности. В примере «*Беспрецедентный взрыв цен*» (Платформа «Дзен». Режим доступа: https://dzen.ru/a/aN2Bf6NCZnqR5iH5) эпитет «беспрецедентный» конструирует образ всеобщего кризиса, в котором страдают все без исключения. Это усиливает чувство солидарности в несчастье.

Ирония выполняет в медиадискурсе функцию дезавуирования — снятия маски с явлений, которые подаются как само собой разумеющиеся. Ироническое переосмысление устоявшихся представлений позволяет реципиенту увидеть привычное в новом свете. Например, заголовок «*Щедрые обещания. Эксперт объяснил, стоит ли размещать деньги на вкладах*» (Платформа «Дзен». Режим доступа:

https://dzen.ru/a/Zyt8sNn6b2RPalGE) использует иронию для дискредитации обещаний, формируя у аудитории скептическое отношение и интригу. В примере «*Народ по осени считают*» (Информационная служба «Вести» Режим доступа: https://www.vesti.ru/article/2144699?ysclid=muzj9srero751250506) ирония направлена на ассоциацию с поговоркой «цыплят по осени считают», трансформация приуроченна к переписи населения.

Гипербола как стилистический приём создаёт у реципиента ощущение чрезвычайности ситуации, что может служить различным целям: от привлечения внимания до оправдания непопулярных решений. Так, заголовок «*Кризис 2014-го: худшее еще впереди*» (Сетевое издание «72.ру». Режим доступа: https://72.ru/text/business/2014/10/08/54028201/) использует гиперболу для конструирования образа беспрецедентного бедствия, что формирует у аудитории готовность к экстраординарным мерам. В заголовке «*Цены на коммуналку взлетели: как сэкономить на платежах — 6 рабочих способов*» (Сетевое издание «72.ру». Режим доступа: https://72.ru/text/house/2026/10/06/76679862/) гипербола создаёт образ катастрофического роста цен, который может не соответствовать реальным показателям, но формирует у реципиента соответствующее эмоциональное состояние.

Важным аспектом конструирования медиарельности является создание системы **оппозиций** «свой — чужой», которая формирует у реципиента представление о друзьях и врагах. Стилистические приёмы играют в этом процессе ключевую роль. Положительная оценка «своих» и отрицательная оценка «чужих» достигается через систему эпитетов, метафор и оценочной лексики. Например, в медиатекстах «союзники» описываются с помощью позитивных метафор («надёжный щит», «опора», «стабилизирующая сила»), а «противники» — с помощью негативных («агрессор», «угроза», «деструктивный элемент»). Эта оппозиция конструирует чёткую картину мира, в которой реципиент знает, на чьей стороне находятся «добро» и «справедливость».

Заключение. Таким образом, стилистические приёмы в современном медиадискурсе выполняют функцию конструирования медиарельности — особой версии реальности, которая формируется через отбор, интерпретацию и трансформацию событий. Метафоры, эпитеты, ирония, гипербола и другие приёмы создают у реципиента систему образов и представлений, которая определяет его восприятие мира. Данный процесс не является нейтральным: он связан с идеологическими установками авторов и редакций, что делает стилистические приёмы мощным инструментом формирования картины мира массовой аудитории.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический,*

лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).

Список литературы

1. Щербинина Н. Г. Определение медиареальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2019. — № 50 — 220 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
3. ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — 320 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

УДК 81'22: 81'42

ТЕРМИН «КОД» В СЕМИОТИКЕ, КОГНИТИВИСТИКЕ И ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ступина Е. С., канд. филол. наук, ORCID 0000-0001-9978-9686
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», г. Нижний Новгород, РФ
stupina.ek@mail.ru

Введение. Экскурс в историю вопроса, посвященного исследованиям о коде, фиксирует существенные характеристики понятия, поэтому релевантно обращение к тем областям знаний, в которых изучение кода является значимым.

Код может рассматриваться в качестве «1) кода данных, 2) кодового набора и 3) набора элементов кода» [1, с. 130]. Подобная полисемия термина сформировала, с одной стороны, разнообразие подходов к трактовке смежных, очень близких понятий, как например, код культуры и культурный код, а с другой — расширила границы реализации понятия кода в науке в целом. В гуманитарной среде термин «код» имеет широкое распространение, ибо этот термин используют и в семиотике, и в культурологии, и в философии, и психологии, и в лингвистике.

Цель работы — проанализировать концептуальные подходы в осмыслении кода семиотикой, когнитивистике и дискурсологии.

Основная часть. Чаще всего различные коды являются предметом исследования в семиотике. Распространенность интересующего нас термина в семиотике очевидно связана с областью изучения данной дисциплины — знаковые системы. Постижение сущности кода мотивировано тем, как широко понимается знаковость.

Примем во внимание, что некоторые исследователи разграничивают Знак релевантно представлять как «материально-чувственный объект, который символически, условно представляет и отсылает к обозначаемому предмету, явлению, действию и т.п., который им обозначается» [2]. Благодаря знакам сфера мышления находит свое воплощение в звуковом или графическом варианте, информационная база формируется в сознании людей, использующих определенную знаковую систему. Комплекс установленных знаков, содержащих информацию, формирует код. То есть знак материализует построенные в сознании образы, соотнося обозначаемое и обозначающее. У. Эко рассматривает код с точки зрения взаимодействия обозначаемого и обозначающего, считает, что «означаемое уместно определить как то, что благодаря коду вступает в семасиологические отношения с означающим» [3, с. 66]. Код имеет материальную реализацию в виде текста, порождающего множественность смыслов. Обратим внимание на точку зрения Барта, который полагал, что улавливание возможных смыслов текста не является первостепенной, главное — это «вообразить… открытость процесса означивания» [4, с. 424], то есть система порождения смыслов, сформированных кодом, не должна быть замкнутой. При этом создание кодовых и знаковых систем необходимо в первую очередь для передачи и хранения информации, то есть коммуникации, а в процессе коммуникации возможно обновление системы кода в зависимости от коммуникативной ситуации, а значит, процесс означивания остается открытым.

Исследователи выдвигают мысль о том, что язык равен самостоятельному коду модели мира, а поскольку модель мира воплощена разнообразными кодовыми системами, то язык реализует функцию тумблера, переключателя с одной кодовой системы на другую [5, с. 28].

В процессе коммуникации происходит обмен между адресатом и адресантом представлениями об этих образах. Происходит расширение знаний об окружающей действительности, человеческое мышление обретает вербальное воплощение. Когнитивная функция языка реализуется благодаря кодированию «обширной текстовой информации о приобретенных обществом сведениях об окружающем мире, в ом числе и об обществе, о человеке, о его теле и душе, о Боге» [6, с. 17].

В процессе речепорождения происходит переход от одного кода к другому. Внутренняя речь, представляется универсальным предметным кодом, который является посредником между языком и интеллектом, устной и письменной речью, а также между национальными языками [7, с. 82]. Данная идея позволяет определить действенно-компонентный процесс, связывающий язык, мышление и речь, и предположить, что выявление смысла речи предполагает обратную дешифровку составляющих язык, мышление, речь. При этом код при обратной дешифровки у адресата речи определенно будет не идентичен коду

адресанта, поскольку код связан с таким индивидуальным явлением сознания человека, как мышление.

Язык является зеркалом жизни человека, его опыта. Компоненты кода могут совпадать, но информация, передаваемая от актора, не будет идентична информации, которую дешифровал реципиент.

Языковые формулы могут меняться в зависимости от конкретной речевой ситуации, поэтому здесь релевантно также говорить о развитии дискурсивного подхода в понимании кода. Подчеркнем, что данное направление ориентировано на внешние условия оформления кода. Для извлечения первичной информации учитывается меняющиеся обстоятельства, из-за чего нельзя выбрать универсальный дешифратор, даже если коммуникация осуществляется на одном языке. Например, непринужденное, свободное общение между коллегами может перейти в сдержанный формат, с признаками реализованного муноса, если один из участников диалога в определенный момент понимает, что ведется видеонаблюдение. Вербальная коммуникация может перейти к невербальной и осуществляться посредством микрожестов. Кодом релевантно называть динамическую систему, обеспечивающую взаимопонимание: актор «упаковывает» свои мысли с помощью определённых знаков, а реципиент «распаковывает», ориентируясь на дискурсивные условия. Дискурс позволяет увидеть реализацию кода в живой органичной среде, понять диалектический потенциал кода, установить возможный эффект при интерпретации конечного кодового содержания.

Кодовая составляющая дискурса «собирает» бесконечные проекции действительности, культурные и социальные отсылки для формирования смысла. Это значит, что на этапе кодирования и декодирования создаются идеи, обусловленные субъективными установками актора и реципиента. Любое высказывание — это реализация кода, но динамичная природа кода в дискурсе не позволяет говорить о том, что все условия шифрации и дешифрации будут конкретно учтены. Они могут быть максимально приближены к первичному замыслу в момент речи и тогда, когда актор указывает на широкий контекст. Код в контуре дискурсивного представления всегда референциально определен, поскольку всегда находится в действии.

Вывод. Таким образом, проведенный анализ различных идей, касающихся определения кода, показал, что изменение видения сущности кода было детерминировано развитием научных концепций.

Список литературы

1. Степанова, Н. И. Коды культуры: семиотический и культурологический аспекты / Н. И. Степанова // Идеи и идеалы. — 2012. — Т. 2, № 4 (14). — С. 127–134.

2. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков; Академия наук СССР, Институт философии. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Наука, 1975. — 717 с.
3. Эко У. Отсутствующая структура: Введ. в семиологию / Умберто Эко; [Пер. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник]. — СПб: Петрополис, 1998. — 430 с.
4. Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 232 с.
5. Широкова, Е. Н. Спецификация терминов «код» и «темпоральный код» в лингвистике / Е. Н. Широкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6, ч. 2. — С. 719–722.
6. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. — 1995. — № 6. — С. 17–29.
7. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации [Текст]: [монография] / Н. И. Жинкин; [предисл. Р. Г. Котова, А. И. Новикова]. — М.: Наука, 1982. — 159 с.

УДК 801.83

АКТИВНЫЕ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ СДВИГИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРИЧИНЫ, ТЕНДЕНЦИИ, НОРМАТИВНАЯ ОЦЕНКА

Тищенко И. В., ORCID 0009-0006-2760-7226
Северодонецкий технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», г. Северодонецк, ЛНР, РФ
tishchenko.irina2025@yandex.ru

Введение. Русское словесное ударение традиционно относится к наиболее сложным и одновременно наиболее уязвимым участкам языковой системы. Его разноместность и подвижность, обеспечивающие богатые выразительные возможности, оборачиваются значительными трудностями при усвоении и кодификации. В последние десятилетия акцентологическая норма демонстрирует особенно высокую степень динамичности: изменения, которые ранее растягивались на столетия, сегодня фиксируются на протяжении жизни одного поколения. Расширение устной публичной речи, развитие цифровых форматов коммуникации и ослабление нормативного контроля в неформальных сферах общения создают условия, при которых узуальные варианты ударения всё активнее конкурируют с кодифицированными [1]. Изучение активных акцентологических сдвигов позволяет не только описать текущее состояние произносительной нормы, но и выявить глубинные механизмы языкового развития.

Цель исследования — выявить и систематизировать активные акцентологические сдвиги в современном русском литературном языке, определить их причины и тенденции, а также дать нормативную оценку конкурирующих акцентных вариантов.

Основная часть. Акцентологические процессы, наблюдаемые в русском языке за последние двадцать лет, обусловлены как внутриязыковыми тенденциями, сложившимися на предшествующих этапах эволюции, так и социолингвистическими факторами новейшего периода. К внутриязыковым причинам относится прежде всего действие формальной аналогии, под влиянием которой происходит выравнивание акцентных парадигм по более продуктивным образцам. Именно аналогия лежит в основе тенденции к ритмическому равновесию — центростремительному смещению ударения к середине слова, что обеспечивает более равномерное распределение ударных и безударных слогов. Данная закономерность проявляется, в частности, в заимствованной лексике: слова, недавно вошедшие в русский язык, обнаруживают отчётливую склонность к фиксации ударения на корне, тогда как хорошо освоенные заимствования тяготеют к флексионному или подвижному ударению [2].

Социолингвистические факторы усиливают эти внутриязыковые тенденции. Демократизация публичной речи, рост числа непрофессиональных ораторов на радио, телевидении и в интернете приводят к тому, что акцентологические закономерности «раскачиваются», а их кодификация становится всё более затруднительной. Акцентные нормы в русском языке относятся к наиболее неустойчивым, что объясняется достаточно низкой степенью их осознанности носителями языка. В отличие от орфографических или лексических норм, нарушение которых зачастую маркируется как ошибка, акцентные отклонения нередко остаются незамеченными или воспринимаются как допустимые в определённых коммуникативных ситуациях.

Одним из наиболее показательных участков акцентологической динамики является именное словоизменение. Исследования акцентуации существительных мужского рода второго склонения выявляют перестройку старых акцентных парадигм и установление новых закономерностей [4]. Тенденция к грамматикализации ударения — противопоставлению парадигм единственного и множественного числа не только флексиями, но и разной акцентуацией — реализуется непоследовательно: одни лексемы вовлекаются в неё, другие отвергают под влиянием прагматического фактора, в частности утраты частотности вследствие исчезновения обозначаемых реалий. В формах множественного числа ряда существительных наблюдается регрессивный сдвиг ударения с флексии на корень, что отражает общую тенденцию к колонному ударению.

Значительная динамика характерна и для глагольной акцентуации. В глаголах на -ить прослеживается устойчивое изменение выбора акцентологического варианта: если историческое ударение в формах настоящего времени падало на окончание, то в современном употреблении

оно всё чаще переносится на основу [2]. Социолингвистические эксперименты 2015–2024 годов, охватившие сто глаголов на -ить, показали, что в восьмидесяти шести случаях выбор большинством испытуемых остался неизменным, однако в четырнадцати словах произошли заметные сдвиги. Эта динамика согласуется с общим направлением акцентной эволюции русского глагола — движением от флексионного ударения к корневому.

Вариативность акцентуации особенно ярко проявляется в речи молодёжи, которая выступает основной средой апробации новых акцентных моделей [3]. Анализ акцентологических материалов по существительным позволяет говорить о вполне сложившейся тенденции к переносу ударения на флексию в подавляющем большинстве исследованных случаев. При этом устная речь сегодня является наиболее динамичным и вариативным сегментом языковой системы, а непрекращающиеся изменения акцентных норм во многом определяют актуальность их изучения. Именно в молодёжной среде формируются новые узуальные образцы, которые впоследствии могут либо закрепиться в литературном языке, либо остаться за пределами кодифицированной нормы.

Нормативная оценка конкурирующих акцентных вариантов представляет собой самостоятельную сложную проблему. Кодификация словесного ударения, основанная на научно объективных принципах, предполагает учёт нескольких критериев: соответствия культурно-исторической традиции, общественного одобрения образованной частью общества, соответствия внутренним законам развития языка и распространённости варианта [2]. При этом значимость этих критериев неодинакова: соответствие традиции оценивается в двадцать условных единиц, тогда как соответствие объективным законам развития языка и распространённость — лишь в восемь, а соответствие орфографии — в пять. Таким образом, далеко не всякое распространённое в узусе акцентное новшество может претендовать на статус нормативного.

Ситуация осложняется тем, что во многих случаях не существует согласия между основными словарными источниками относительно того, какой акцентный вариант следует считать нормативным. Эксплицитная норма, предписываемая словарями, и имплицитная норма, реально функционирующая в речи носителей, совпадают далеко не всегда, а в ряде случаев расхождение между ними достигает существенных значений. Наличие акцентных вариантов — нормальное явление, обусловленное эволюцией языка, в которой принимают участие как минимум две составляющие: внутренние закономерности развития и внешние социальные воздействия [1]. Вариантность не является отклонением от нормы, а представляет собой проявление живой нормы, требующее сбалансированного подхода к кодификации.

Заключение. Активные акцентологические сдвиги в современном русском языке представляют собой закономерный этап эволюции акцентной системы, обусловленный взаимодействием внутриязыковых тенденций — аналогии, ритмического равновесия, грамматикализации ударения — и социолингвистических факторов, связанных с демократизацией публичной речи и расширением неформальной коммуникации. Наиболее заметные изменения фиксируются в именном словоизменении, где происходит перестройка старых акцентных парадигм, и в глагольной акцентуации, где наблюдается движение от флексионного ударения к корневому. Нормативная оценка конкурирующих вариантов требует комплексного учёта традиции, распространённости и соответствия внутренним законам языкового развития. Перспективы дальнейших исследований связаны с мониторингом акцентных изменений на материале корпусных данных, изучением региональной и возрастной вариативности ударения, а также совершенствованием критериев кодификации акцентной нормы.

Список литературы

1. Коробейникова Т. Н. Фразеологизмы в зеркале орфоэпии: акцентуационные варианты и динамика норм // Русская речь. — 2023. — № 2. — С. 29–42.
2. Нормы современного русского ударения: динамика синхронии // CyberLeninka. — 2024. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normy-sovremennogo-russkogo-udareniya-dinamika-sinhronii (дата обращения: 27.09.2026).
3. Вариативность акцентуации имен существительных в речи современной молодежи // Russian Language Studies. — 2022. — Т. 20, № 1. — С. 68–83.
4. Динамика в акцентуации существительных м. р. 2-го склонения в современном русском литературном языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2024. — № 3 (41). — С. 11–26.

УДК 811.161.1’37

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: СЕМАНТИКА, ФУНКЦИИ, ТРАНСФОРМАЦИИ

Ульшина В. К.,
Аношкина Н. Л., канд. биол. наук, доц., ORCID 000-0003-0460-0997
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, РФ
ulshina.lera08@mail.ru

Введение. Современный медиадискурс активно использует прецедентные имена, которые аккумулируют культурный опыт и

транслируют его в новых контекстах. Актуальность исследования обусловлена трансформацией медиапространства и необходимостью системного описания функционирования прецедентных имен.

Цель работы — выявление особенностей функционирования прецедентных имен в российских СМИ.

Основная часть. Под прецедентным именем в настоящей работе понимается индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, ситуацией или событием, которое регулярно воспроизводится в коммуникации и служит средством апелляции к общему культурному фонду [1, с. 45]. Данное определение опирается на классические работы по лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации [2, с. 112]. Вслед за исследователями мы разграничиваем прецедентные имена, восходящие к литературным текстам, историческим событиям, произведениям искусства и другим сферам культуры.

Материалом исследования послужили тексты федеральных и региональных печатных и электронных изданий за 2020–2025 годы. Общий объем выборки составил более 500 контекстов употребления. Методологической базой стали труды отечественных лингвистов, посвященные теории прецедентности [3; 4]. В работе использовались методы контекстуального, семантического и функционального анализа, а также элементы количественной обработки данных.

Классификация прецедентных имен. Анализ показал, что наиболее продуктивными группами прецедентных имен в современном медиадискурсе являются:

- Литературные персонажи и авторы (например, Обломов, Печорин, Пушкин, Толстой).
- Исторические личности и государственные деятели (Наполеон, Пётр I, Сталин).
- Деятели культуры и искусства (Моцарт, Сальвадор Дали, Ван Гог).
- Мифологические и библейские персонажи (Геракл, Иуда, Мафусаил).
- Персонажи кинематографа и массовой культуры (Штирлиц, Терминатор, Гарри Поттер).

Каждая из этих групп обладает своей спецификой функционирования. Так, литературные прецедентные имена чаще используются для характеристики психологического типа или социального поведения, тогда как исторические — для оценки политических процессов и событий. Мифологические и библейские имена нередко выступают в роли эталонов, с которыми сравниваются современные реалии.

Функции прецедентных имен в медиатексте. Функциональный анализ позволяет выделить следующие основные функции прецедентных имен:

- Номинативная — использование имени для обозначения конкретного лица или персонажа. Например, в новостных текстах имя

«Наполеон» может обозначать историческую личность, а в аналитических статьях — служить символом определенной политики.

- Характеризующая — приписывание объекту свойств, ассоциирующихся с прецедентным именем (например, «новый Наполеон», «современный Обломов»). Эта функция особенно востребована в публицистике, где требуется лаконично и образно выразить оценку.
- Оценочная — выражение авторской позиции через выбор того или иного прецедентного имени.
- Игровая — создание языковой игры, каламбуров, трансформация исходного смысла. Например, обыгрывание имени «Штирлиц» в заголовках, посвященных разведке или шпионажу.
- Когнитивная — активизация фоновых знаний читателя, создание общего коммуникативного пространства между автором и аудиторией.
- Компрессивная — способность одного имени заменять развернутое описание ситуации или характера, что особенно ценно в условиях ограниченного объема медиатекста.

Кроме того, наблюдается тенденция к детерминологизации прецедентных имен, их переход в разряд нарицательных (например, «маниловщина», «обломовщина», «плюшкинство»). Это свидетельствует о глубокой укорененности данных феноменов в языковом сознании носителей русского языка. В медиатекстах такие единицы часто используются без дополнительных пояснений, что подтверждает их принадлежность к общему фонду знаний.

Прецедентные имена в новых медиа. Отдельного внимания заслуживает функционирование прецедентных имен в социальных сетях, мессенджерах и на платформах видеоконтента. Здесь наблюдается несколько тенденций. Во-первых, сокращение и упрощение прецедентных имен. Во-вторых, активное использование визуальных прецедентных феноменов. В-третьих, возрастание роли игровой функции.

Примером может служить использование имени «Гарри Поттер» в контексте образовательных реформ или «Терминатор» — в статьях о технологическом прогрессе. Такие примеры показывают, что прецедентные имена активно мигрируют из традиционных медиа в цифровую среду, сохраняя свою узнаваемость и приобретая новые смысловые оттенки.

Заключение. Таким образом, прецедентные имена являются важным элементом медиадискурса. Они выполняют номинативную, характеризующую, оценочную, игровую, когнитивную и компрессивную функции, а также подвергаются семантическим трансформациям под влиянием социально-политических процессов. Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении гендерных и возрастных особенностей восприятия прецедентных имен, а также в анализе их функционирования в новых медиа.

Список литературы

1. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с. — ISBN 5-94244-006-0.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2003. — 288 с. — ISBN 5-94244-007-9.
3. Захаренко И. В. Прецедентные имена как объект лингвокультурологического описания / И. В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. — Москва : МАКС Пресс, 2001. — С. 45–52.
4. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2007. — 207 с. — ISBN 978-5-7186-0209-4.
5. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : монография / Г. Г. Слышкин. — Волгоград : Перемена, 2004. — 340 с. — ISBN 5-88234-682-8.
6. Бояркина А. В. Прецедентные имена в современном медиадискурсе: динамика функционирования / А. В. Бояркина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2019. — Т. 18, № 4. — С. 112–121. — DOI 10.15688/jvolsu2.2019.4.10.

УДК 811.161.1

ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ БЛОГЕ

Усачева О. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0005-2267-1723,
Чернявская Н. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-2259-9945
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара, РФ
usachova-o@yandex.ru, e-mail_2: chia20081@yandex.ru

Введение. В современном коммуникативном пространстве особую роль приобретают дискурсивные практики, направленные на перевод сложного профессионального знания в доступные и эмоционально убедительные формы. Одним из таких феноменов является психологический блог, который соединяет в себе черты просветительского проекта, терапевтической консультации и доверительного разговора. Блог становится той средой, где формируются новые способы осмысления кризисных ситуаций и предлагаются стратегии их преодоления. Ключевым инструментом, обеспечивающим эффективность такого взаимодействия, выступает метафора.

Метафорические модели позволяют осмыслять сложные процессы путём привлечения элементов уже освоенной категориальной сферы и структурируют зачастую противоречивый субъективный опыт, делая его доступным для понимания другого [2, с. 176]. В психотерапевтическом контексте это свойство метафоры приобретает особую значимость, поскольку универсальная или социально одобряемая метафора опирается на архетипы коллективного бессознательного и социальные нормы [1, с. 125] и способна менять мировосприятие и поведение личности.

Несмотря на устойчивый интерес исследователей к использованию метафоры в практике психологического консультирования, целостная и непротиворечивая система реализуемых ею функций на сегодняшний день не выстроена. На решение этой задачи направлено настоящее исследование, цель которого — выявление и системное описание функций метафоры как ведущего инструмента психологической поддержки и переосмысления кризисных сценариев в психологическом блоге.

Материалом исследования послужили тексты популярного консультанта Малки Лоренц (Софии Кочетовой) [3], блог которой представляет собой яркий и показательный пример метафорической работы с аудиторией, переживающей кризисные ситуации межличностного общения.

Основная часть. Проведённый анализ позволил обнаружить и обосновать следующую систему функций метафоры как инструмента корректирующей коммуникации в психологическом блоге: объясняющая, оценочная, трансформационная, сценарная и регулирующая функции.

Объясняющая (интерпретационная) метафора выступает как инструмент когнитивного упорядочивания: она делает доступной для осмысления сложную, запутанную или травматичную ситуацию. Показательным примером является высказывание Малки Лоренц: *Ваш муж не смог или не захотел стать этой девочке отцом. Он ее сперва использовал как* ***ключик*** *к вашему сердцу, как делают почти все мужчины, а когда сердце удалось взломать,* ***ключик*** *стал не нужен* — образ ключа разворачивает перед читательницей сценарий манипулятивного поведения, обнаруживая его логику, которая прежде оставалась неосознанной: ребенок как инструмент доступа к материнскому сердцу, утрата ценности этого инструмента после достижения цели.

Вторая функция метафоры — оценочная — связана с выражением авторского отношения к описываемой ситуации, персонажу или стратегии поведения. Метафора становится инструментом аксиологического суждения: *Ему и правда важна семья — у него же больше ничего нет в жизни, кроме семьи этой. И вы — ее часть.* ***Жёсткая, опасная часть****, об которую он вечно* ***ранится, как об торчащий гвоздь*** — метафорическая оценка здесь амбивалентна и требует от читательницы рефлексии: женщина характеризуется как нечто опасное и причиняющее боль, но само это качество подается не как ее вина, а как следствие ее роли в жизни мужа.

Трансформационная функция метафоры является, пожалуй, наиболее сложной и важной в контексте психокоррекции. Метафора в этом случае направлена на изменение взгляда на ситуацию, а вследствие этого — и на изменение самой ситуации, поведения и переживания. Трансформационная функция реализуется посредством механизма рефрейминга. Яркий пример — образ старого леденца, формирующий представление о том, что значимость собственных обид может быть лишь кажущейся: *Мы-то думали,*

что у нас ***в кармане припрятано*** *что-то ценное и значимое. А сейчас у нас* ***на ладони лежит*** *в лучшем случае* ***старый леденец, липкий и весь в табачных крошках*** — метафора помогает пересмотреть привычное отношение к давним обидам и подводит адресата к необходимости различать подлинную ценность переживания и его мнимую значимость.

Сценарная функция метафоры связана с конструированием нового сценария поведения или образа жизни: *Женщины почти всегда стараются сперва кого-то найти, а потом уже уходить.* ***Как обезьяна, прежде чем отпустить ветку, сперва хватается за следующую****. Это разумно, да. Но это* ***деловитое карабканье****.* ***А если вы просто отпустите свою ветку, то до следующей ветки у вас будет полет*** — образ обезьяны, хватающейся за ветку, с одной стороны, описывает привычную стратегию женщин, которые не решаются уйти из отношений без гарантии новых, а с другой — предлагает альтернативный сценарий: отпустить ветку и пережить полет. Образ полета не только привлекателен эстетически, но и содержит идею доверия к жизни, готовности к неизвестному, формируя новый поведенческий ориентир.

Регулирующая функция метафоры заключается в побуждении адресата к действию, прямому или косвенному. Метафора в этом случае становится инструментом не только осмысления или оценки, но и волевого воздействия, направленного на изменение поведения: *Я знаю, что это значит, когда никто не нравится. И подождать не всегда помогает, можно* ***увязнуть в*** *этом* ***анабиозе, как заснуть в снегу****.* ***Когда засыпаешь в снегу, надо заставить себя двигаться, иначе смерть****. Замутите с любым, кто мало-мальски годится* — метафора засыпания в снегу передает идею смертельной опасности, а императивная конструкция «надо заставить себя двигаться» побуждает к действию, которое конкретизируется в следующей фразе. Регулирующая функция здесь доминирует, хотя метафора выполняет и объясняющую, подчеркивая необходимость усилия.

Синкретизм нескольких реализуемых метафорой функций демонстрирует следующее высказывание: *Когда с вас наконец* ***слезут*** *все те, за кого вы отвечаете, у вас будет не полчаса отдыха. У вас будет все время жизни. Именно восстановление должно стать вашим первым смыслом.* ***Почистить файлы****.* ***Освободить место****. А остальные смыслы придут сами, когда им будет куда прийти* — метафора освобождения от груза выполняет трансформационную функцию (отказ от обязанностей трактуется как освобождение), а метафоры чистки файлов и освобождения места — сценарную и регулирующую, предлагая план действий и побуждая к его осуществлению.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что метафора в психологическом блоге представляет собой системообразующий элемент коммуникативной стратегии, направленной

на психологическую поддержку и коррекцию кризисного мировосприятия читателя. Система выявленных функций отражает логику последовательного воздействия на картину мира адресата: от прояснения сути ситуации через ее оценку и переосмысление к конструированию нового сценария и побуждению к действию. Эта логика соответствует этапам психотерапевтической работы, что позволяет рассматривать психологический блог как особый формат суггестивной коммуникации, в котором метафора выполняет роль ведущего инструмента.

Список литературы

1. Абросимова, Ю. А. Виды и функции гипнотических метафор в психологическом консультировании / Ю. А. Абросимова // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. — 2015. — Т.11. — №2. — С. 121–145.
2. Крайнюков, С. В. Психосемантический анализ метафор в психологическом консультировании / С. В. Крайнюков, Ю. В. Горюнова // Консультативная психология и психотерапия. — 2021. — Т.29. — №1. — С. 165–183. DOI: https://doi.org/10.17759/cpp.2021290110
3. Malka Lorenz (Малка Лоренц). — URL: https://dzen.ru/malkalorenz (дата обращения: 25.09.2026).

Подсекция 2

УДК 316.754

ЗАВЕДОМО НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД КАК ДЕСТРУКТИВНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТОК

Бессонов Н. Ю. [1,2], канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-8383-8065,
Гордиенко Е. В.[2], канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-7759-0518
[1]ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко», г. Москва, РФ
[2]ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, РФ
bessonov-ny@yandex.ru, gordienko-ev@ranepa.ru

Введение. В условиях растущей манипулятивности коммуникаций важной задачей лингвокоммуникативной политики государства является систематическое противодействие деструктивным информационным потокам. Под «деструктивным информационным потоком» понимается «совокупность вербальных и/или невербальных сообщений, направленных на осуществление манипулятивного управляющего воздействия на субъекта коммуникации, разрушение его идентичности, побуждение к противоправным действиям или саморазрушительному поведению» [4]. Данное исследование продолжает цикл работ, посвященных анализу деструктивных коммуникативных потоков [2; 3; 5].

Цель данной публикации — попытка анализа одного из деструктивных коммуникативных явлений с позиции лингвокоммуникативной политики Российской Федерации.

Основная часть. Заведомо неправильный перевод является одним из видов деструктивных коммуникативных действий. Обычно данное коммуникативное действие является вербальным, но возможно использование и иных семиотик.

С целю определения семантического объема исследуемого феномена, представляется необходимым обратиться к словарным толкованиям (лингвистическим определениям) понятия «перевод».

1. Лингвистические определения:

Образовано от:

перевод — 4) а) Текст или устная речь, слово, переведенные с одного языка на другой. [6].

перевод — 2. Текст, переведенный с одного языка на другой [1].

2. Нормативно-правовое регулирование деструктивного информационного потока осуществляется при противодействии преступлениям против правосудия. Противодействие данному деструктивному коммуникативному потоку относится к стратегическому

национальному приоритету «государственная и общественная безопасность» в части задачи «защиты интересов Российской Федерации и ее граждан».

3. Деструктивный информационный поток — заведомо неправильный перевод.

Основной регулирующий акт — «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022), Статья 307. Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод [7].

4. Объекты перевода — 1) текст

Адресат коммуникативного акта (целевая аудитория) — 1) граждане РФ, 2) органы судебной власти, 3) следственные органы.

Заключение. В результате проведенного анализа сформировано представление о характере и потенциальных угрозах, связанных с заведомо неправильным переводом как деструктивным коммуникативным действием, рассмотрены возможности его правового регулирования в рамках российского уголовного законодательства и определена целевая аудитория, подверженная связанным с ним рискам.

Таким образом, юридическая фиксация характеристик понятия «перевод» свидетельствует о расширении его семантического объема и формировании дополнительных смысловых компонентов. Выявленный материал может служить основой для систематизации аналогичных характеристик других коммуникативных угроз, релевантных для формирования и реализации лингвокоммуникативной политики государства.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка : [БТС : А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; [гл. ред. С.А. Кузнецов]. — СПб. : Норинт, 2004.
2. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024621580 Российская Федерация. «Топонимическая база данных «Динамические изменения городской микротопонимики Киева: дерусификация, вестернизация, нацификация» : № 2024621184 : заявл. 26.03.2024 : опубл. 10.04.2024 / Г. Г. Слышкин, И. В. Смирнова, Е. В. Гордиенко, Н. Ю. Бессонов. — EDN FYIUWN.
3. Слышкин Г. Г. Дискредитация как коммуникативная угроза национальной безопасности / Г. Г. Слышкин, Н. Ю. Бессонов, Е. В. Гордиенко // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 16–25 мая 2023 года. Том Часть 2. — Ярославль: Редакционно-издательский отдел Международной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), 2023. — С. 194-199. — EDN AYTARM.
4. Слышкин Г. Г. Закон «О рекламе» и лингвокоммуникативная политика государства / Г. Г. Слышкин // Медиалингвистика : Материалы VI международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня — 02 2022 года / Науч. редактор Л.Р. Дускаева, отв. редактор А.А. Малышев. Том Выпуск 9. — Санкт-Петербург: ООО "Медиапапир", 2022. — С. 516-520. — EDN PIKCVZ.
5. Слышкин Г. Г. Коммуникативные угрозы, связанные с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных /

Г. Г. Слышкин, Н. Ю. Бессонов, Е. В. Гордиенко // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2025. — № 81. — С. 80-97. — EDN BNYHGB.
6. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка : Ок. 1900 словообразоват. единиц / Т. Ф. Ефремова. — 2-е изд., испр. — Москва : Астрель : АСТ, 2005.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026).

УДК 81'42

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ИДТИ БЕСТРЕПЕТНО: МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ И ЖИЗНЬЮ»

Быкова Ю. В., ORCID 0009-0000-5454-6373
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, РФ
bykovajuv@mail.ru

Теория прецедентности возникла на пересечении когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в конце XX века — и возникла не на пустом месте. Отправной точкой обычно называют работу Ю.Н. Караулова, который ввёл понятие «прецедентный текст» и определил такие тексты как «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216]. Для анализа мемуарно-публицистического дискурса, однако, полезнее определение Д.Б. Гудкова: «Прецедентное имя — индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, относящимся обычно к числу прецедентных, или с прецедентной ситуацией» [3, с. 106]. Изучение прецедентных имён давно перестало быть монолитным: Е.А. Нахимова говорит об их ценностном и экспрессивном потенциале и предлагает критерии идентификации [6; 7; 8], С.М. Карпенко исследует регулятивную функцию в газетной публицистике [5], В.М. Волова — коннотативную природу прецедентных антропонимов [2]. Мы опираемся на критерии прецедентности Е.А. Нахимовой [6, с. 60–68] и на её же перечень функций прецедентных имён, которые в дискурсе работают не по отдельности, а в связке: оценочная, моделирующая, прагматическая, эстетическая, парольная, людическая и эвфемистическая [8, с. 138–144].

Книга Е. Водолазкина «Идти бестрепетно...» — пространство, где субъективное начало живёт рядом с публицистической заострённостью.

Именно поэтому текст позволяет увидеть, как прецедентность работает на стыке жанров. С одной стороны, в нём проступают доминанты, отражающие индивидуальное восприятие и составляющие идиостиль писателя; с другой — принадлежность автора к определённой сфере деятельности и эпохе, а значит, и к конкретному кругу прецедентных имён.

Ключевую группу таких имён образуют антропонимы, связанные с русской литературой и культурой. Водолазкин вводит имена писателей не как пустые обозначения конкретных лиц, а как носителей смыслов. В главе «Слово как бытие» автор показывает своё отношение к В.В. Набокову. Прецедентное имя работает здесь как символ эстетической программы: *«**Набоковское** волшебство — это волшебство называния»* [1, с. 214]. От частного наблюдения Водолазкин переходит к общелитературному тезису: *«В сущности, одна из основных задач литературы — называть неназванное»* [1, с. 214]. Имя Набокова для автора — не только отсылка к корпусу текстов, но и повод поговорить о природе словесности. Приём типично публицистический: имена становятся опорными точками авторской аргументации.

Особого внимания заслуживает фрагмент, где прецедентное имя функционирует по темпоральному критерию Е.А. Нахимовой — имя собственное попадает в необычный временной контекст [6, с. 66]. Е. Водолазкин пишет о Дмитрии Набокове, сыне писателя: *«Набоков-младший был в ударе. Он говорил **по-набоковски** и **по-набоковски** двигался. <...> Прощаясь, Дмитрий Набоков передал переполненному залу привет от отца и проинформировал собравшихся, что в настоящий момент тот находится в полете. Летит в вечность — в неплохой, нужно заметить, компании. Слева (движение левой рукой) — Пушкин, справа (движение правой) — Джойс»* [1, с. 212]. Пушкин и Джойс здесь — не хрестоматийные фигуры прошлого, а современники Набокова, попутчики в одном «полёте». Время отменяется — и именно этот сдвиг делает эпизод запоминающимся.

В главе «Что мы можем сделать для Пушкина» Е. Водолазкин обращается к бытованию прецедентного имени в разговорной речи: *«Есть ли надежда? Есть. Как ни странно, она связана опять-таки с Пушкиным — об этом говорит народная мудрость. Всякий раз, когда начинается выяснение того, кто именно должен выполнить ту или иную работу, возникает это имя».* Прецедентность имени становится здесь основой аргумента — и одновременно ироническим зеркалом, в котором отражается отношение носителей русского языка к А.С. Пушкину.

Не менее важен эпизод, где автор размышляет о Пушкинском Доме и обращает внимание на антропоним-основу *Пушкин*. Писатель цитирует отрывок из романа Андрея Битова, в котором название превращается в метафору всей страны и реализует моделирующую функцию. Прецедентное имя *Пушкин* формирует представление о России как о

стране, где литература — основа национальной идентичности: *«Название академического учреждения становится в нем обозначением страны, для которой литература — и в первую очередь Пушкин — значит очень и очень много. В определённом смысле Россия действительно является Пушкинским Домом»* [1, с. 249]. Автор не просто констатирует известность Пушкина — он прибегает к смысловому сдвигу: наименование учреждения выступает как национальный символ, не требующий дополнительных обоснований. Механизм прецедентности здесь — речевая экономия при сохранении эффективности аргумента, но экономия, которая требует от адресата культурной компетенции и фоновых знаний.

В книге Водолазкина прецедентные имена выполняют несколько функций: формируют культурный фон, служат для формулировки и обоснования авторских суждений, организуют нарратив. Их использование подчиняется закономерностям публицистического дискурса — и одновременно создаёт индивидуальный стиль автора. В мемуарно-публицистических жанрах прецедентность перестаёт быть риторическим приёмом и становится средством отражения авторского мышления. Водолазкин не просто обращается к культурно значимым именам — он вступает с ними в диалог, используя их как точки порождения смыслов. Это, пожалуй, и есть характерная черта его идиостиля.

Список литературы

1. Водолазкин, Е.Г. Идти бестрепетно: между литературой и жизнью. — Москва. — 2023. — 409 с. — ISBN 978-5-17-120118-0.
2. Волова, В.М. Прецедентные имена собственные и их специфика в газетно-публицистическом тексте как составной части масс-медиального дискурса // Вестник ВятГУ. — 2016. — С. 82–90. — ISSN 2541-7606.
3. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — Москва. — 2003. — 288 с. — ISBN 5-94244-007-7.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — Москва. — 1987. — 264 с. — ISBN 978-5-382-01071-7
5. Карпенко, С.М. Прецедентное имя как средство регулятивности в газетно-публицистических текстах // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2018. — № 2 (191). — С. 75–79. — ISSN 1609-624X. — DOI 10.23951/1609-624X-2018-2-75-79.
6. Нахимова, Е.А. Критерии прецедентности имени собственного // Политическая лингвистика. — 2011. — № 3. — С. 56–68. — ISSN 1999-2629.
7. Нахимова, Е.А. Новая жизнь старых слов // Русская речь. — 2009. — № 2. — С. 51–53. — ISSN 0131-6117.
8. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. — Екатеринбург. — 2007. — 207 с. — ISBN 5-7186-0238-X.

УДК 811.161.1’373.7: 821.161.1-1.09

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ АННЫ ЕГОЯН И ЛАРИСЫ РУБАЛЬСКОЙ)

Бычек Е. С.,
Миргородская А. Ю., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-8358-4595
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
mirgorodskaya.a.u@mail.ru

Семантическое преобразование фразеологизмов — это процесс изменения их значений и функций в зависимости от контекста, в котором они употребляются. В современной поэзии данный процесс приобретает особую значимость, поскольку поэты стремятся к оригинальности и новаторству, нередко играя с традиционными выражениями и придавая им новые, иногда даже неожиданные, смыслы. Такое преобразование может быть как сознательным художественным приемом, так и интуитивным поиском нового языкового выражения для передачи сложных эмоций и идей.

В русской поэзии существуют различные семантические преобразования, такие как замена компонентов, расширение компонентного состава или двойная актуализация, когда привычные фразеологизмы используются в новых контекстах для передачи важных эмоциональных состояний и образов.

Исследованию преобразования фразеологических единиц русского языка посвящено большое количество научных работ таких ученых, как А. Н. Баранов, Е. В. Баранова, Е. А. Добрыднева, В. М. Мокиенко и др. Работы А.В. Кунина показывают, что трансформированные фразеологизмы обладают повышенной экспрессивностью и нередко служат средством выражения авторской позиции. В свою очередь, В. М. Мокиенко, исследуя этот феномен, отмечает диалектичность фразеологизмов: их устойчивость и одновременно способность к вариативности, что делает их ценным инструментом поэтического выражения.

Материалом исследования стали: сборник Анны Егоян «Высшая точка чувств» и сборники Ларисы Рубальской «Я не зову тебя назад», «Признание в любви», «Танго утраченных грёз», «Новое. Любимое», «Плесните колдовства».

Нами было проанализировано семантическое преобразование фразеологизмов на примере стихотворений Анны Егоян. Нам следует перейти к анализу конкретного примера стихотворения «Твои глаза замерзли» из сборника «Высшая точка чувств» [3]. В стихотворении используется контаминация «надев на сердце тёплый шарф». Здесь

сталкиваются фразеологизмы «надеть маску» (скрыть истинные чувства) и «согреть сердце». Это фразеологическая контаминация, усиленная двойной актуализацией: прямое значение (шарф как защита от холода) и переносное (попытка уберечь чувства) работают одновременно. Парадокс в том, что защита приводит к обратному эффекту — «холод забирается намного глубже». При внимательном прочтении стихотворения можно заметить, как трансформируется фразеологизм «сверлить душу» («сверлить глазами» и «бередить душу»). А также строки «огонь не возвратить назад», здесь происходит замена компонента («время не возвратить назад», «время не воротишь» — «время» заменено на «огонь»).

Проанализируем стихотворение «Посмотри на меня», размещенное в этом же сборнике [3]. Уже в первых строках звучит наставление: «В этом мире страхов и вечной печали / Нам нужен несокрушимый дух». Здесь можно говорить о расширении компонентного состава фразеологизма «сила духа» или «несокрушимая воля»: автор заменяет привычные компоненты на «несокрушимый дух», что придаёт выражению патетическое, почти гимническое звучание. Это не просто констатация стойкости, а призыв к внутреннему преображению.

Строка «спасти себя от своих же рук» отсылает к фразеологизму «наложить на себя руки». Здесь наблюдается антонимическое преобразование с заменой компонента: вместо губительного действия — спасительное. Герой не «накладывает на себя руки», а «спасает себя от своих же рук». Это создаёт парадоксальный образ: человек сам для себя является и угрозой, и спасением. Выражение «меняешь мечту на грабли» — яркий пример фразеологической контаминации: сталкиваются фразеологизм «наступать на грабли» (повторять ошибки) и устойчивое сочетание «менять шило на мыло». В результате возникает окказиональная единица, означающая сознательный отказ от мечты ради привычных ошибок. Это усиливает драматизм и подчёркивает иррациональность поведения героя.

Таким образом, семантическое преобразование фразеологизмов в поэзии Анны Егоян является не просто стилистическим украшением, а важнейшим инструментом построения философского высказывания о любви, страдании, прощении и вере. Преобладают замена компонента, расширение состава и контаминация. Эти приёмы позволяют автору обновлять язык, создавать запоминающиеся образы и усиливать эмоциональное воздействие на читателя.

Для полного понимания того, как развивается современная русская поэзия, нам следует сравнить виды семантического преобразования у Анны Егоян и Ларисы Рубальской. Расширение компонентного состава. У Ларисы Рубальской этот приём является доминирующим. Она часто вводит дополнительные компоненты, которые уточняют, конкретизируют или эмоционально усиливают фразеологизм. Например, «судьбы

причудливая нить» (расширение ФЕ «нить судьбы»), «ковать немедленное счастье» (расширение ФЕ «ковать счастье») [5]**.** Это позволяет ей приблизить фразеологию к разговорной речи, сделать её более бытовой и доступной. У Анны Егоян расширение компонентного состава также встречается часто, но не является абсолютно доминирующим. Примеры: «полон любви» (по модели «полон сил»), «теплота двоих» (от «душевная теплота»), «сквозь боль натянул улыбку» (расширение «натянуть улыбку»). Однако у неё этот приём часто служит не бытовой конкретизации, а философскому углублению образа.

Использование двойной актуализации в творчестве Ларисы Рубальской видим, например, в стихотворении «Считать звёзды» [5], где прямое и переносное значения сосуществуют, этот прием служит созданию многозначности. У Анны Егоян двойная актуализация часто сопровождает контаминацию и замену. Например, «надев на сердце тёплый шарф» – прямое (шарф как защита от холода) и переносное (попытка уберечь чувства) значения работают одновременно. Это усиливает философское звучание.

Таким образом, анализ показывает, что в творчестве Ларисы Рубальской и Анны Егоян активно используется семантическое преобразование фразеологизмов, но с разными акцентами и для разных целей. Лариса Рубальская тяготеет к расширению компонентного состава и замене компонента. Её преобразования направлены на конкретизацию, эмоциональную насыщенность, приближение к разговорной речи. Она создаёт яркие, запоминающиеся образы, часто бытовые и лирические. Анна Егоян демонстрирует синтез приёмов с заметной долей замены компонента, расширения и контаминации, а также антонимического и ассоциативного преобразований. Её трансформации носят более метафорически плотный и философско-экзистенциальный характер.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — М. : Наука, 2008. — 250 с.
2. Баранова, Е. В. Фразеология в современной русской поэзии / Е. В. Баранова. — М.: Изд-во МГУ, 2005. — 256 с.
3. Егоян, А. Стихотворения : страница автора // Стихи.ру : [сайт]. — Текст : электронный. — URL: https://stihi.ru/avtor/annaegoyan (дата обращения: 07.10.2026).
4. Журина Е. А. Язык современной женской поэзии: семантика и прагматика. – М.: РГГУ, 2018. – 223 с.
5. Рубальская, Л. А. Стихотворения : [сайт]. — Текст : электронный. — URL: https://larisarubalskaya.ru/poetry/ (дата обращения: 08.10.2026).

УДК 811.161.1

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Венжик Т. В.
ГБОУ «Школа № 25 с углублённым изучением отдельных предметов городского округа Горловка», г. Горловка, ДНР, РФ
tvenjik@mail.ru

Введение. В период интенсивных социальных изменений актуальной проблемой на современном этапе развития общества является развитие критического мышления.

Улучшение устной и письменной речи является одной из основных задач в современной школе. От этих навыков напрямую зависит успешность школьников как в учебной, так и социальной сфере. Критическое мышление помогает учащимся не только глубже овладеть родным языком, но и совершенствует их воображение, качеств мышления (самостоятельность, глубина, гибкость, критичность, широта, быстрота, последовательность, осознанность), логику, способность рассуждать, воспитывает чувство ответственности за собственное мнение и уважение к чужому [1].

Основная часть. Критическое мышление — это мышление открытое, рефлексивное, это способность самостоятельно выстраивать аргументы, принимать независимые продуманные решения, умение выслушать собеседника, обосновывать свою точку зрения [2].

Технология формирования критического мышления на уроках русского языка предусматривает образование познавательного интереса путем изучения различного рода информации, поддержке умственной активности учащихся, побуждение их к сравнению полученных знаний с личным опытом и на этой основе моделирование аналитических суждений.

Для создания на уроках русского языка благоприятных условий для развития критического мышления необходимо соблюсти определенные условия:

1. Предлагать проблемные задачи.

2. Организовать диалог или работу в группе (если упражнение устное) при решении этих задач.

Работа в группе помогает школьникам приобрести следующие знания:

А) Умение вырабатывать совместные решения;

Б) Терпимость к другим мнениям и позициям;

В) Способность аргументировано отстаивать свою точку зрения;

Г) Навык строить общее с учетом эмоционального состояния (своего и других) и общей атмосферы.

3. Предоставлять ученикам право на ошибку и создавать ситуации исправления ошибок.

4. Предусматривать письменное изложение мыслей учеников [3].

Эффективным упражнением на развитие критического мышления является настольная карточная игра «Илито школьное». Учитель или ученик выбирает карточку и зачитывает дилемму. Учащимся предлагаются найти убедительные аргументы, чтобы доказать правоту своей позиции.

Упражнение на уроке в виде самостоятельной работы было задано ученикам «8-А» класса Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения «Школа № 25 с углублённым изучением отдельных предметов городского округа Горловка».

Рис. 1. Примеры карточек настольной игры «Илито школьное»

Примеры, как школьники справились с дилеммой на первой карточке «Вы бы предпочли понимать все языки мира, но не уметь сказать на них ни слова или в совершенстве владеть родным языком»:

1. *Предпочёл бы в совершенстве владеть родным языком, так как он и так сложный для изучения*. (автор: Литвинов Александр).

2. *Зачем знать иностранный язык и не уметь на нём общаться? Выбираю родной язык.* (автор: Черкасова Алиса).

3. *Родной язык, конечно, так как его сдавать как обязательный на ЕГЭ* (автор: Свириденко Валерия).

4. *Языки, кроме русского мне в жизни не пригодятся. Не планирую поездки за границу. (*автор: Шабулдова Маргарита).

5. *Зачем учить языки если есть приложение-переводчик? Выбираю знать русский язык в совершенстве, потому что я на нем учусь и разговариваю в жизни* (автор: Греков Арсений).

Настольная карточная игра «Илито школьное» развивает у детей красноречие, фантазию и умение принимать и уважать чужую точку зрения.

Заключение.

Работа над развитием критического мышления способствует расширению образовательному кругозору:

1. Умение работать с потоком информации;
2. Использовать различные способы интеграции информации;
3. Задавать вопросы, формируя гипотезу самостоятельно;
4. Решение проблем путем поиска компромисса;
6. Выражать свои мысли (устно и письменно);
7. Аргументировать одну точку зрения и учитывать точки зрения других;
8. Взять на себя ответственность за сказанное;
9. Умение работать в команде [4].

Критическое мышление способствует формированию общей культуры личности, учит строить аргументированные высказывания, грамотно излагать свои мысли и понимать других. Это важное условие всестороннего духовного роста человека.

Список литературы

1. Крыкбаева А. Т., Кожагулова Г. К. Методы развития связной устной и письменной речи учащихся / А. Т. Крыкбаева, Г. К. Кожагулова — Текст электронный // Наука и образование сегодня. — 2025. — № 3 (84), — С. 50–53. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-razvitiya-svyaznoy-ustnoy-i-pismennoy-rechi-uchaschihsya/viewer (дата обращения 20.09.2027).
2. Макух Ю. В. Развитие учебной мотивации младших школьников средствами технологии развития критического мышления на уроках русского языка / Ю. В. Макух — Текст электронный// Вестник магистратуры. — 2019. — № 11–14 (98), Педагогические науки, — С. 57–59. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-uchebnoy-motivatsii-mladshih-shkolnikov-sredstvami-tehnologii-razvitiya-kriticheskogo-myshleniya-na-urokah-russkogo-yazyka/viewer (дата обращения 20.09.2027). ISSN 2223-4047
3. Шевейко С. В. Применение методов технологии развития критического мышления на уроках русского языка / С. В. Шевейко — Текст электронный // Педагогический вестник. — 2020. — № 13. — С. 49–51. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metodov-tehnologii-razvitiya-kriticheskogo-myshleniya-na-urokah-russkogo-yazyka/viewer (дата обращения 20.09.2027).
4. Федотова Г. М. Технология развития критического мышления на уроках русского языка — Средство достижения новых образовательных результатов / Г. М. Федотова — Текст электронный / Национальная ассоциация ученых (НАУ), 2015, № 2(7), Филологические науки, С.31-34. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-razvitiya-kriticheskogo-myshleniya-na-urokah-russkogo-yazyka-sredstvo-dostizheniya-novyh-obrazovatelnyh-rezultatov/viewer (дата обращения 20.09.2027).

УДК 811.161.1

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Венжик Т. В.
ГБОУ «Школа № 25 с углублённым изучением отдельных предметов городского округа Горловка», г. Горловка, ДНР, РФ
tvenjik@mail.ru

Введение. Ещё в начале XX века психолог Лев Семенович Выготский утверждал, что творческая деятельность человека помогает ему приспосабливаться к непривычным, изменчивым условиям окружающей среды.

На современном этапе развития общества от подрастающего поколения требуется не просто действовать по какому-либо заданному алгоритму, а и применять творческий подход к решению разнообразных задач. Ребёнок должен сам уметь организовать свою деятельность и самообразование. Поэтому развитие в детях творческой личности становится одним из важных векторов педагогической деятельности современной школы. Основную роль в процессе формирования креативности отводят урокам русского языка [3].

Основная часть. Творческое мышление — это способность ставить новые вопросы, вырабатывать аргументы, а после применять продуманные решения. Это проявление детской любознательности, умение рассуждать, логическими доводами отстаивать свою точку зрения по определенному вопросу. Творческий человек должен постоянно решать творческие задания, создавать продукты творчества, видеть свои результаты и стремиться их улучшить.

Когда воображение и фантазия работают, ребенок начинает видеть, чувствовать и действовать по-другому. Образы воплощаются в реальность в процессе практической деятельности.

На уроках русского языка все задания по развитию креативного мышления выстраиваются с учетом творческой активности класса. К ней относятся такие критерии:

1) положительная атмосфера в классе;
2) уровень развития учащихся;
3) возрастные особенности школьников;
4) личностные особенности учеников;
5) интерес детей [1].

В зависимости от этих факторов учитель упрощает либо усложняет упражнения.

Эффективным упражнением на развитие творческого мышления является составление рассказа, в котором присутствует определенное количество заданных слов. Школьники по очереди (либо сам учитель) называют слова. Далее эти слова встраивают в связный текст. Такой текст представляет собой смысловую организацию, которая обеспечивает последовательную передачу мысли автора.

Существует несколько уровней сложности этого упражнения:

1. Включить 5-20 заданных слов, объединенных одной тематикой, в связный рассказ (количество предложений не ограничено).

2. Включить 5-20 заданных слов, не объединенных одной тематикой, в связный рассказ (количество предложений не ограничено).

3. Включить 5-20 заданных слов, не объединенных одной тематикой, в связный рассказ (количество предложений ограничено).

4. Включить 5-20 заданных слов, не объединенных одной тематикой, в связный рассказ (количество предложений ограничено). Учитель или дети добавляют условия: наличие общего главного героя, или цифры в рассказе, два заданных слова в одном предложении в тексте и т.д.

Такое упражнение в зависимости от количества слов и уровня сложности можно выполнять как в классе, так и дома.

Упражнение второго уровня сложности в виде домашнего задания было задано ученикам «7-А» класса Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения «Школа № 25 с углублённым изучением отдельных предметов городского округа Горловка».

Детям нужно было составить связный рассказ (количество предложений не ограничено), включив 9 заданных слов, не объединенных одной тематикой: *бегемот, винегрет, соловей, навигатор, кот, ночь, сирень, клей, озеро.*

Примеры, как школьники справились с этим заданием:

1. *Хозяйка нашла своего кота, лежащего в ее спальне на кровати. Внутренний навигатор привел пушистика на самое мягкое место в доме. — Ты чего разлегся, как бегемот в озере? — ласковым голосом говорит женщина. — Доел мой винегрет, а теперь приклеился к подушке с сиренью. Ты тут на ночь оставаться планируешь? Если споешь мне, соловей мой ясный, разрешу полежать до вечера! (автор:* Бутко Дарья*).*

2. *Ночью кот Бегемот имел привычку лазить по столам. На кухне он сбросил на пол миску с винегретом и чашку давно остывшего чая. На образовавшееся озеро он даже внимания не обратил. Пошел в зал, и как обычно прыгнул на стол. Там на ковер полетел клей ПВА, ваза с веточками сирени и навигатор. Утром довольный собой кот сидел возле открытой форточки и слушал соловья* (автор: Молочко Дарья).

3. *Семья захотела поехать на озеро и посмотреть на бегемота. Согласно навигатору, ехать придется всю ночь. Вечером собрали вещи. Не забыли и про еду. На аккуратной стопочке судочков были приклеены*

стикеры с надписями: картошка, винегрет, котлеты. Грустным взглядом проводил путешественников рыжий кот. Дорога показалась бесконечной. Утром машину у озера встретил соловей, сидящий на сирени (автор: Черкащенко Никита).

Ученики развивают фантазию, а вместе с этим навыки составления текста, правильно выстраивают рассказ композиционно; наличие вступления, основной части и кульминации обязательно.

Заключение. Творческое мышление — неотъемлемая часть интеллектуального и личностного развития современного человека. Развивать мышление –значит развивать способность мыслить.

Также можно определить основные направления в развитии творческого мышления школьников на уроках русского языка:

1. Развитие воображения.

2. Развитие качеств мышления (самостоятельность, глубина, гибкость, критичность, широта, быстрота, последовательность, осознанность), которые формируют креативность.

3. Развитие образной и ассоциативной памяти [2].

Лингвистический талант и богатый словарный запас всегда необходимы на всех этапах жизненного развития человека. Человек с яркой речью, воображением и творческой инициативой идеально вписывается в мир любой профессии.

Список литературы

1. Печенежская В. Н. Развитие креативного мышления на уроках русского языка и литературы / В. Н. Печенежская — Текст: электронный // Концепт, — 2016, №2, С. 1–8. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kreativnogo-myshleniya-na-urokah-russkogo-yazyka-i-literatury-1/viewer (дата обращения: 04.09.2026).
2. Ушатикова И. И., Матвеева Е. М. Развитие творческого мышления подростков средствами интерпретации на уроках литературы / И. И. Ушатикова, Е. М. Матвеева — Текст: электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2017. — № 2 (68): в 2-х ч. — Ч. 1. — С. 207–210. ISSN 1997-2911. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tvorcheskogo-myshleniya-podrostkov-sredstvami-interpretatsii-na-urokah-literatury/viewer (дата обращения: 04.09.2026).
3. Фахретдинова Ф. Р. Применение метода исследовательского обучения в развитии творческих способностей учащихся / Ф. Р. Фахретдинова — Текст: электронный // — Вестник Башкирского университета. — 2009. — Т.14. №2. С. 672-675. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metoda-issledovatelskogo-obucheniya-v-razvitii-tvorcheskih-sposobnostey-uchaschihsya (дата обращения 04.09.2026).

УДК 81'42

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА «СМЕРТЬ» В ПСЕВДОНАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Глибина А. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-2053-9973
ФГКВОУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации»,
г. Новосибирск, РФ
Anna.Glibina@inbox.ru

Введение. Вопрос смысла жизни всегда являлся актуальным для человека. Осмыслению цели жизни посвящено множество философских трудов. Однако и по сей день каждого человека интересует, для чего он живёт. Но если ход своей жизнь люди могут попытаться спрогнозировать, то смерть пугает неизвестностью. И как следствие, такой эмоционально переживаемый феномен оформился в виде концепта «Смерть».

Актуальность настоящей работы связана с необходимостью изучения того, при помощи каких языковых средств псевдонаучные тексты трансформируют представление целевой аудитории о смерти, подменяя научные знания о биологической смерти как конце существования живого организма представлениями о ней как переходе между воплощениями.

Цель — выявление языковых средств, используемых в псевдонаучном дискурсе (ПД) для трансформации концепта «Смерть» и определение потенциала их воздействия посредством анализа вторичных текстов.

Гипотеза исследования состоит в том, что в периоды активизации военно-политических конфликтов в обществе нарастает страх смерти, люди начинают искать способы снизить уровень своей тревоги, одним из которых является обращение к псевдонаукам, предлагающим своей целевой аудитории надежду на то, что смерть не является конечной точкой в жизни человека. В астрологических и нумерологических текстах при помощи языкового инструментария происходит трансформация концепт «Смерть» в российской лингвокультуре, что находит отражение во вторичных текстах.

В качестве материала было взято 40 аудиовизуальных псевдонаучных текстов астрологической и нумерологической тематики, находящихся в свободном доступе в сети Интернет, общей длительностью 7 часов 48 минут и 1652 комментария к данным текстам, содержащие лексемы смерть и умирать.

Основная часть. Анализ эмпирического материала показал, что в первичных текстах астрологической тематики обращение к концепту «Смерть» происходит достаточно часто (основной репрезентант концепта — слово *смерть* используется в рассмотренном корпусе 228 раз, а глагол *умирать* — 374 раза). Однако при более внимательном изучении данных

словоупотреблений можно заметить, что рассматриваемые псевдонауки предпринимают попытки трансформации концепта «Смерть».

Если согласно научному подходу, смерть — это необратимое прекращение биологических и физиологических процессов (остановка жизнедеятельности организма / существования человека или животного и его гибель), то в ПД, смерть позиционируется как утрата физической оболочки и последующий переход в новое воплощение, например: «Кем вы были в прошлой жизни? Для многих это не секрет, что мы живём ни одно воплощение и перерождаемся после смерти» [2].

Если в российской лингвокультуре смерть позиционируется как нечто неизбежное [1, с. 10], то в ПД подчёркивается, что смерти не нужно бояться, она помогает перейти в новую жизнь, накопив опыт: «Центр личности — это прокаченное качество, которое мы с собой несём после смерти из одного рождения в другое рождение» [2]. Таким образом, изменению подвергается ядерная часть исследуемого концепта.

Трансформация исследуемого концепта происходит посредством употребления слова *смерть* в микроконтексте с такими лексическими единицами, как *перевоплощение, цикл, предыдущая (смерть), изменение, бессмертие, переход, (ре)инкарнация* и т.п. Так, в следующем фрагменте идея смерти как перехода между воплощениями реализуется при помощи слов *несколько* и *подряд*: «Чаще всего люди с архетипом Колесница ни одно воплощение, а *много* воплощений *подряд* были кочевниками и сохранили после смерти уже в этом воплощении тягу к путешествиям» [2]. Для акцентирования внимания на мысли, что смерть — это переход к новой жизни, рассмотренные лексические единицы могут повторяться, например, «Это был холодный человек, у которого, видимо, из *инкарнации* в *инкарнацию* это качество ещё более и более развивалось» [2].

Смерть репрезентирована как перерождение души в другом теле, но с учётом всего того, что человек сделал в предыдущей жизни (вводится идея кармы, т.е. ответственности за ранее совершённые поступки): «Такая тяжёлая кармическая задача прилетела вам не просто так. Это значит, вы косячили очень сильно в *прошлых инкарнациях*» [2].

Таким образом, идея расплаты за совершённые поступки после перерождения может выступать моральным регулятором поведения клиентов ПД, удерживая их от совершения неблаговидных поступков. И на первый план выходит ни страх перед смертью, а наступление ответственности в следующем воплощении. Такой взгляд на смерть помогает авторам псевдонаучных текстов объяснить факты, необъяснимые с точки зрения традиционной науки, например, жестокое отношение родителей к детям и т.п.

В отличие от текстов религиозной тематики, согласно которым душа человека попадает в рай или ад, которые никто никогда не видел, в соответствии с псевдонаучными текстами, она вновь воплощается в теле,

что в какой-то степени может снизить уровень тревоги у потребителей подобного контента и дать иллюзию предсказуемости следующей жизни. Такой взгляд на смерть помогает авторам псевдонаучных текстов увеличить число клиентов дискурса путём манипуляции их желанием прожить разные жизни и совершить такие поступки, которые за одну жизнь совершить невозможно, например: «Люди с тринадцатым ключом понимают, что смерть — это не нечто пугающее, а всего лишь переход из одного состояния в другое состояние» [2].

Наиболее ярко идея смерти как перехода воплощается при анализе лексемы *жизнь*. Например, используются прилагательные *грядущая, следующая* (жизнь) и глаголы *подготовиться, перейти*, предлога *после*; транслируется идея контроля над будущей жизнью путём совершения осмысленных позитивных действий в настоящее время.

В ПД предпринимаются попытки «ретроспективного анализа» прошлой жизни для объяснения того, что происходит с человеком в этой жизни. Таким образом, реализуется манипулятивный потенциал ПД: пытаясь снизить страх перед смертью, псевдонаучный дискурс расширяет свою целевую аудиторию, что подтверждается во вторичных текстах (ВТ).

Проанализированные ВТ, оставленные в виде комментариев под видео, посвящённых анализу жизни и смерти известных личностей, подтверждают, что после просмотра псевдонаучных видео целевая аудитория начинает задумываться о том, что представляет собой смерть, и это ведёт к постепенной трансформации данного концепта, что выражается в использовании лексических единиц *снова (родится), вернётся, опять (воплотится), будет (перерождаться), попадёт, символическая (смерть)*, например: «Перерождение у нее будет отягощенное — калека например, или фобиями, шизоидность какая-то, чтоб больше не рыпались» [2]. При этом слова, содержащие сему *смерть*, встречаются в 2,4 раза реже, чем лексемы, имеющие семы *жизнь* и *повторяемость* в своём составе, что даёт возможность предполагать, что под воздействием псевдонаучных видео клиенты дискурса принимают идею смерти как перехода и акцентируют в своих комментариях внимание не последующем рождении.

Заключение. Проанализированный материал показывает, что авторы псевдонаучных текстов за счёт лексических средств предпринимают попытки трансформации концепта «Смерть», позиционируя её, как утрату одной физической оболочки и обретение другого тела.

Список литературы

1. Колкова, Н.А. Концепт «Смерть» в пословичных текстах // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. — № 11. — С. 8-15.
2. Нумеролония от Натальи Яницкой. — URL: https://yandex.kz/video/preview/12671797998239317639 (дата обращения: 04.01-17.03.2026).

УДК 81.373.47

ЭПИТЕТАЦИЯ В ПИСЬМАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ К А. БЕРГ

Губанов С. А., д-р филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-3011-4589
ФГБОУ ВО ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара, РФ
gubanov5@rambler.ru

Введение. Смещение акцентуации на человека и его языковую активность привело современную лингвистику к когнитивной интерпретации фактов языка и речи. В связи с этой тенденцией претерпела изменения и лингвопоэтика, превратившись в когнитивно-дискурсивное исследование идиостиля. Неотъемлемой составляющей идиолекта является экспликация авторских смыслов средствами переносной номинации. Одним из таких средств моделирования авторского сознания выступает признаковая репрезентация объекта, выраженная эпитетными словами.

Цель настоящего исследования заключается в описании общих черт эпитетации в эпистолярном наследии М. Цветаевой на примере её писем Ариадне Берг.

Основная часть. Тексты М. Цветаевой отличает не только повышенная эмоциональность, предельность чувств, но и мысли: многие ее тексты афористичны, формульны, содержат философские размышления над природой слова, языка, любви. Слово М. Цветаевой всегда находится на грани: на грани частей речи, оттенков семантики, оно разрывается тире, чтобы воссоздаться заново. Такая синкретичность языка поэта отмечается Л.В. Зубовой [4].

Метафоричность языка поэта имеет свою специфику. О. Г. Ревзина, говоря о природе метафорического мышления М. Цветаевой, замечает, что ситуативные метафоры допускают ничем не ограниваемое разнообразие образов и точек зрения (*тысячегрудая ... могила братская*); но и неситуативные метафоры «могут полагать в качестве конститутивного разные признаки» [6]. Подобная неограниченность имеет, как было замечено, две модели. Одна предполагает, что признаки присущи объекту, пусть гипотетически, поэтому на основе метонимии или метафоры возможно актуализировать их и приписать объекту, моделируя временный образ. Другая же модель подразумевает принципиальное отсутствие в когнитивной матрице описываемого объекта данного признака, он вообще не свойствен ему, что порождает поэтические метаморфозы, или метафоры-загадки. Исследователь отмечает, что «Цветаева использует уже проявленные возможности, представляемые русским языком для вербализации метафорического мышления … а также создает и не использованные прежде структурные модели» [6, с. 5].

М. В. Ляпон отмечает, что проза поэта наиболее ярко демонстрирует склонность к языковому словотворчеству, парадоксальности мышления [5]. Эпистолярное наследие показательно в плане свободы эпитетации: поэт подыскивает признаки для объекта, перечисляя их, комбинируя, делая центром высказывания, что показано на материале писем к различным адресатам [1–3].

«Марина Цветаева нашла в Ариадне Берг человека отзывчивого, чуткого к литературе… и почувствовала некоторую общность характера… и судьбы: связанность детьми — «звери в неволе» — и роковую незавершенность личной жизни, органическую неудовлетворенность ею» [7, с. 6]. Рассмотрим основные направления эпитетации в переписке М. Цветаевой с А. Берг.

1. Авторская дефиниция объекта. Марина Цветаева — поэт не только эмоции, но и главным образом — мысли. Это выражается в том, что поэт постоянно ощущает потребность в дефиниции понятия, своей трактовке. Это обусловливает авторскую атрибутивно-предикативную дефиницию, например, признательности: *Что такое признательность? Дать знать о своей радости, радоваться перед ним, перед тем (от кого происходит нам эта радость). Вот я радуюсь перед Вами — и в этом вся моя признательность»* [7, с. 12]. Дефиниция дается через риторический вопрос, адресованный и себе, и собеседнику, но главным образом — себе.

2. Парадоксальная эпитетация, подчеркивающая крайнее проявление признака. Так, говоря о сумасшествии К. Бальмонта, она пишет: *Он ненормален даже для поэта, даже для себя… ничего не забыл, все вспомнил — в этом-то и безумие!* [7, с. 32]. Для поэта характерно перебирание и зеркальное отображение слов друг в друге, и всегда это представляет собой утрирование, абсолютизация качества. Такая эпитетация нацелена на сталкивание противоречивых свойств и выявление их общности, взаимности: … *взяли грош, но этот грош был насущно-отъездный — или квартирный, — насущный* [7, с. 39]. Особенно это хорошо заметно на материале относительных прилагательных, противопоставляемых и сближаемых на основе субъективного критерия эпитетности. …*это будет грустное счастье: короткое и с необходимостью всё (сущее и могшее быть) втиснуть в какой-то короткий последний срок* [7, с. 91].

3. Доведение признака до предела. Выражение этой тенденции сводится к безмерности личности и мышления поэта: *У меня бесконечная трезвость, до цинизма* [7, с. 43].

4. Метонимическая эпитетация связана с тенденцией к компрессии текста, афористичности мысли: поэт называет компонент ситуации, а не саму ее: *Какая у Вас легкомысленная вилла*! [7, с. 49]; *Бальмонтовский вечер прошел — лучше нельзя* [7, с. 56]; *Вам нужно отказаться от*

умственных слов, единственных в дело не идущих — слов без тела, не — органических, только понятие [7, с. 106].

Заключение. Представляется перспективным исследование эпитетации как когнитивно-метафорического и дискурсивного процесса на материале текстов иных идиостилей, особенно в той или иной степени соположенных с цветаевским с целью раскрыть специфику языка той эпохи.

Список литературы

1. Губанов, С. А. Эпитетация в «Письмах к Анне Тесковой» М. Цветаевой / С. А. Губанов // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 2–3 апреля 2026 г.). — Выпуск 10 : в двух томах. — Нижний Новгород : Мининский университет, 2026. — С. 56–60. — EDN GGXBMX.
2. Губанов, С. А. Эпитетация в письмах М. Цветаевой Н. Гронскому / С. А. Губанов // Libri Magistri. — 2026. — № 1 (35). — С. 19–26. — EDN OCXPZX.
3. Губанов, С. А. Эпитетация в письмах к В. Рудневу М. Цветаевой / С. А. Губанов // Русский язык в поликультурном мире: X Международный симпозиум (Симферополь, 8–12 июня 2026 г.) : Сборник научных статей. В 2-х т. Т. II / Отв. ред. Т. В. Аржанцева, Л. А. Орехова. — Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2026. — С. 348–352. — EDN VZVRMT.
4. Зубова, Л. В. Поэтический язык Марины Цветаевой / Л. В. Зубова. — Санкт-Петербург : «Геликон Плюс», 2017. — 544 с. — EDN VGIATB.
5. Ляпон, М. В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора : Монография / М. В. Ляпон. — Москва : Языки славянской культуры, 2010. — 528 с. — EDN SUMDJH.
6. Ревзина, О. Г. Метафора в поэтическом идиолекте Марины Цветаевой / О. Г. Ревзина // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. — Москва : Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. — Т. 3. — Кн. 1. — С. 5–30. — ISBN 5-93015-007-9.
7. Цветаева, М. И. Письма к Ариадне Берг (1934-1939) / М. И. Цветаева. — Paris : YMCA-PRESS, 1990. — 188 с. — ISBN 2-85065-183-4.

УДК 81`42

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В НАУЧНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Кайдаш М. А., ORCID 0009-0002-0523-6410
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mikhail.kaydash.dn@gmail.com

Введение. В современном геополитическом и социокультурном контексте язык и культура всё чаще становятся приоритетными мишенями информационно-психологического и когнитивного противоборства. Они выступают фундаментальными основами национальной идентичности, обеспечивающими суверенитет государства, историческую преемственность поколений и консолидацию общества. В связи с этим целенаправленный подрыв их символического статуса и авторитета представляет собой ключевую задачу деструктивного внешнего и внутриполитического воздействия.

Цель исследования заключается в выявлении, систематизации и сопоставительном описании лингвистических средств, когнитивных механизмов и институциональных практик, посредством которых реализуется стратегия дискредитации языка и культуры в научном и образовательном дискурсах.

Основная часть. В современной лингвопрагматике и теории коммуникации стратегия дискредитации традиционно рассматривается как целенаправленная совокупность речевых действий, ориентированных на умаление авторитета, подрыв доверия, разрушение положительного имиджа или лишение легитимности определенного субъекта, концепта, института или феномена культуры. Как подчеркивают Т. В. Симашко и Л. Н. Масленникова, сущностной чертой речевого воздействия является трансформация ментального состояния адресата, при этом манипулятивная форма воздействия принципиально отличается скрытым характером интенций продуцента речи [3, с. 697]. В ситуации манипуляции субъект речи конструирует коммуникативную среду таким образом, что реципиент не осознает навязываемого характера внушаемых установок, воспринимая их как результат собственной когнитивной деятельности или как объективное положение дел.

Если в медийном и политическом дискурсах приемы дискредитации лежат на поверхности (ярлыки, инвективная лексика, эмоциональные метафоры, демагогические уловки), то в институциональных дискурсах науки и образования реализация данной стратегии приобретает более

завуалированный характер [4, с. 35]. Данное различие определяется спецификой эпистемического статуса указанных типов дискурса:

1. Научный дискурс по своей конвенциональной природе ориентирован на поиск объективной истины, логическую доказательность, верифицируемость утверждений и деперсонализацию суждений. Следовательно, когда в академический текст внедряются дискредитирующие тезисы, они автоматически заимствуют высокий эпистемический авторитет всей научной парадигмы. Реципиент научного текста находится в установке на восприятие рационально аргументированного факта, что подавляет механизмы критической оценки информации.

2. Образовательный же дискурс обладает статусом официальной государственной инстанции первичной и вторичной социализации личности. В педагогической коммуникации субъект речи (учитель, составитель учебника, автор государственного образовательного стандарта) обладает институционально закрепленной асимметрией власти над адресатом (учеником, студентом). Учебный текст воспринимается учащимся в первую очередь как нормативная матрица знаний, подлежащая безусловному усвоению и последующему воспроизведению на экзаменах. Таким образом, образовательный дискурс превращается в идеальную среду для натурализации деструктивных мифологем.

3. Научный и образовательный дискурсы образуют неразрывную эпистемическую цепочку: наука формулирует фундаментальные парадигмы, теории, концепции и понятийные сетки, а образование адаптирует их, превращая в базовые мировоззренческие ориентиры новых поколений. Деструктивная идея, легитимизированная на уровне академической исследования, мигрирует в школьные программы, методические рекомендации и учебные пособия. Формируется жёсткая бинарная оппозиция «своей» виктимизированной и высокодуховной культуры и «чужой» агрессивной, колониальной и регрессивной лингвокультуры, что полностью соответствует закономерностям дискурсивной поляризации, описанным Т. А. ван Дейком [1, с. 170].

Сопоставительный анализ украиноязычных материалов, формирующих стратегию дискредитации русского языка и культуры, демонстрирует наличие выраженного эффекта комплементарности и институционального синергизма между двумя уровнями дискурса:

1. На первоначальном этапе «доказательная база» для легитимизации реализации стратегии дискредитации языка и культуры генерируются в академической среде.

2. Дискредитирующие мифологемы, легитимизированные путём их интеграции в научный дискурс в монографиях и академических журналах, трансформируются в стандарты учебных программ среднего и высшего образования. Национальные учебники истории превращаются в главный плацдарм «войн памяти», где через манипуляцию учебным текстом

формируется образ сопредельного народа и его языка как извечного экзистенциального врага и поработителя [2, с. 94].

3. Институционально легитимизированные мифологемы после имплементации в образовательные программы начинают восприниматься как базовые аксиомы мироустройства. Сформированная таким образом студенческая и школьная среда в дальнейшем пополняет ряды исследователей, учителей и управленцев, замыкая цикл дискурсивного воспроизводства.

Заключение. Стратегия дискредитации языка и культуры в институциональных пространствах научного и образовательного дискурсов обладает выраженной качественной спецификой, принципиально отличающей её от аналогичных практик в других сферах. Если публицистический и бытийный дискурс оперируют эксплицитной экспрессией, аффективной лексикой, гиперболизацией и открытой вербальной агрессией, то научный и образовательный дискурсы реализуют дискредитационный потенциал в латентной форме, опираясь на институциональный авторитет знания и презумпцию эпистемической объективности.

Список литературы

1. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и манипуляция / Т. А. ван Дейк // Политическая лингвистика. — 2006. — Вып. 19. — С. 165–178.
2. Касьянов, Г. В. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018 / Г. В. Касьянов. — М. : Новое литературное обозрение, 2019. — 560 с.
3. Симашко, Т. В. Дифференциация понятий «речевое воздействие» и «манипуляция» / Т. В. Симашко, Л. Н. Масленникова // Медиаобразование (Media Education). — 2021. — Т. 17, № 4. — С. 696–706.
4. Сковородников, А. П. Лексико-фразеологические новации в русском языке и речи как следствие информационно-психологических войн: функционально-прагматический аспект / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (94). — С. 31–40.

УДК 811.161.1

РОЛЬ ОНИМИЗАЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Касимова А. Р., канд. филол. наук, ORCID 0000-0003-2665-8700
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный инженерно-педагогический университет им. В.Г. Короленко», г. Глазов, РФ
alfya81@mail.ru

Вопрос о разграничении собственных и нарицательных имен существительных является одним из ключевых в грамматике современного

русского языка. Имя нарицательное называет целый класс однородных предметов, а имя собственное служит для выделения конкретного предмета из класса однородных предметов.

Однако граница между этими разрядами существительных неустойчива. Часто наблюдаются случаи перехода имени нарицательного в собственное и наоборот. Для обозначения этих процессов в лингвистике используются термины «онимизация» и «апеллятивация». В научной литературе онимизация определяется как переход нарицательного слова в разряд собственных имён, тогда как апеллятивация предполагает обратный процесс [2].

Подвижность границы между собственными и нарицательными существительными нашла отражение и в художественных текстах. С точки зрения И. Р. Гальперина, в поэтическом тексте каждый элемент языка несет особую семантическую нагрузку и выражает индивидуальность идиостиля автора [1]. Нарицательное существительное в уникальном контексте художественного произведения может приобрести символическое значение.

В качестве языкового материала для анализа роли взаимодействия имен собственных и нарицательных в поэтическом произведении был выбран текст цикла стихотворений М. И. Цветаевой «Лебединый стан».

Аспектный анализ показал, что в тексте цикла преобладает процесс онимизации, в результате которого нарицательные существительные, перешедшие в разряд собственных, выполняют важные эстетические функции, подчиненные единому замыслу автора. Они участвуют в создании поэтических символов, а также формируют особое художественное пространство.

Отвлеченные нравственные понятия «честь», «долг», «верность», выраженные абстрактными существительными, в поэтическом контексте олицетворяются и начинают играть роль живых персонажей, при этом нарицательные существительные становятся именами собственными: «Белым стражем да встанет — Честь» [3, с. 407]; «Долг и Верность спустив с цепи» [3, с. 407]. Такая трансформация носит название контекстуальной индивидуализации, при которой языковые средства в конкретном окружении приобретают дополнительные оттенки смысла.

Еще одна группа нарицательных существительных, перешедших в разряд собственных, связана с пространственными образами. Существуют разные виды художественного пространства: географическое, физическое, психологическое, фантастическое, космическое и т.д. В поэзии М. Цветаевой физическое пространство часто не просто указывает на границы наблюдаемого, но и осложняется подтекстом. Например, в строке «Берегите Гнездо и Дом» [3, с. 407] существительные «Гнездо» и «Дом» обозначают не только конкретное место, но и символизируют память и прочность рода.

В строке «Путь — с Севера на Юг» [3, с. 508] прямое лексическое значение слова «Путь», благодаря написанию его с прописной буквы, приобретает дополнительное значение поиска своего внутреннего Пути, который поможет преодолеть разлуку.

Следующая группа объединяет слова, обозначающие цвет: «Белизна», «Чернота», «Мрак». Нарицательные существительные, подвергшиеся действию процесса онимизации, как и в предыдущих примерах, тоже приобретают символический смысл. Так, слово «Мрак» не просто обозначает отсутствие света, но и актуализирует ощущение катастрофы, хаоса: «– Родина. — Враг. — Мрак.
Всем головами лечь». Слова «Белизна» и «Чернота» реализуют идею противостояния двух сил: света и тьмы, добра и зла: «Белизна — угроза Черноте» [3, с. 410].

Таким образом, в художественном тексте каждое слово подвергается семантическому преобразованию и переосмыслению. Нарицательные существительные, функционирующие как собственные имена, в рамках особой эстетической системы поэтического произведения персонифицируются, участвуют в создании символических образов и художественного пространства.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: КомКнига, 2007. — 144 с.
2. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного. — М.: Наука, 1973. — 366 с.
3. Цветаева, М. И. Собрание сочинений: в 7 т. — Т. 1: Стихотворения 1906–1920 гг. — М.: Эллис Лак, 1994. — 640 с.

УДК 81'42

СИНКРЕТИЧЕСКИЕ ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА В ТЕКСТЕ РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Литвинова А. Б., ORCID 0009-0009-6553-7726,
Якимова Е. М., ORCID 0009-0006-8176-7781
ФГОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, РФ
1479027@bsuedu.ru, Chernikova@bsuedu.ru

Художественное творчество И.С. Тургенева позволяет исследовать особенности реализации авторского замысла посредством анализа речевой организации произведения и его образной системы. Как отмечает Н.С. Валгина, «единство образной системы художественного произведения

и его идейно-эстетическая целостность создаются особым характером образа автора <…>. Именно он скрепляет текст своим видением мира, позицией, отношением, передаваемыми особыми способами и приёмами организации речевых средств» [1, с. 135]. Особые способы организации речевых средств можно увидеть в тексте романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Так, зафиксированы синкретические образные средства, которые представляют собой художественные приемы, объединяющие черты разных тропов и составляющие целостную образную структуру в художественном произведении. Синкретизм (от греч. Synkretismôs — соединение) в контексте художественной образности означает «первоначальную слитность элементов, впоследствии выделяющихся в самостоятельные образования» [3, с. 351]. По мнению, В.К. Харченко, «синтез художественных тропов предполагает, по-видимому, наличие, во-первых, процедуры наложения, наслаивания тропов; во-вторых, процедуры соположения, соседства, стыковки тропов в контексте, но контексте ограниченном, минимальном» [5, с. 47]. Такие образные средства заслуживают изучения на материале художественного произведения: они органично включаются в текст и показывают функциональное разнообразие.

Синкретические образные средства продуктивно функционируют в пейзажных описаниях, которые отражают внутреннее состояние героев. Так, дополняя образ, функционируют одновременно метафора и эпитет: *«Солнечные лучи <…> **обливали** стволы осин таким **теплым светом**, <…> поднималось бледно-голубое небо, чуть **обрумяненное зарей**»* [4, с. 249]. Минимальный контекст содержит метафору *обливать светом* и эпитет *тёплым (светом),* благодаря чему создаётся перцептивный образ, соотносимый с настроением Николая Петровича Кирсанова: *«Как хорошо, Боже мой!» — подумал Николай Петрович»* [4, с. 250], со светлыми воспоминаниями: *«Куда это все умчалось? Она стала его женой, он был счастлив, как немногие на земле...»* [4, с. 250]. Насыщенный образными средствами, контекст передаёт красоту природы, на фоне которой ощущается быстротечность жизни и важность человеческих чувств. Эпитет-метафора *обрумяненное зарей,* образованный благодаря наложению тропов и речевой компрессии, дополняет образ природы визуальными характеристиками с помощью колоратива *обрумяненное (небо).* Таким образом, в минимальном контексте синкретические тропеические средства создают целостно воспринимаемый, полисенсорный образ природы, который функционирует в произведении как средство репрезентации внутреннего мира персонажа.

Рассмотренное выше синкретическое образование «эпитет-метафора» в несколько трансформированном виде *(румяный след зари)* повторяется в эпизоде описания утренней природы перед дуэлью Павла Петровича Кирсанова и Евгения Базарова: *«<…> маленькие пестрые*

тучки стояли барашками *на бледно-ясной лазури; <…> влажная темная земля, казалось, еще* ***хранила румяный след зари****»* [4, с. 357]. Отметим, что минимальный контекст предельно насыщен образными средствами: практически каждое слово реализует образный потенциал (*земля хранила* — олицетворение; *румяный (след)* — эпитет, *след зари* — метафора). Контекст также включает синкретическое образование *тучки стояли барашками* (олицетворение+сравнение), благодаря которому образ природы наделяется чертами живого существа. Природа выступает как одушевленный образ, отражающий естественную гармонию мира, и противопоставляется человеку и его конфликтам в обществе.

Образные средства часто используются И.С. Тургеневым для описания внутреннего мира персонажа и его чувств. Как показывают исследования, автор «выступает сторонним наблюдателем, который <…> включает образные описания, воспроизводит ситуацию общения, в которой проявляется эмоциональность персонажа» [2, с. 348]. Поскольку в русской языковой картине мира лексема *сердце* в устойчивых выражениях служит репрезентантом эмоционального состояния, то в художественных произведениях частотны общеязыковые метафорические описания: *«сердце Аркадия понемногу сжималось»* [4, с. 201]; *«сердце его забилось»* [4, с. 210]; *«а сердце все ныло»* [4, с. 220]; *«сердце у него действительно так и рвалось»* [4, с. 295]; *«сердце у ней замирало»* [4, с. 319]. Специфика синкретических тропеических средств определяется тем, что они отражают индивидуально-авторское восприятие и создают более многомерное описание эмоционального состояния: *«<…>* ***размягченное сердце не могло успокоиться****»* [4, с. 251]. Эпитет *размягченное (сердце)* передаёт предшествующее эмоциональное состояние Николая Петровича Кирсанова, которое возникло под воздействием воспоминаний о молодости и взаимной любви, олицетворение *не могло успокоиться* показывает состояние, с которым герою сложно справиться. Минимальный контекст, включающий сочетание тропов, указывает на причину эмоционального состояния и одновременно передаёт его динамичность. Таким образом, синкретическое образование «эпитет+олицетворение» раскрывает богатство внутреннего мира персонажа, что способствует реализации художественного замысла произведения.

Лексема *сердце* также участвует в создании синкретического тропеического средства, которое образно описывает смерть Евгения Базарова: *«Какое бы* ***страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось*** *в могиле …»* [4, с. 413]. Цепочка эпитетов характеризует внутренний мир персонажа: его душевное состояние, отношение к окружающему миру, мировоззрение, идеалы и стремления. Метонимия создаётся на основе переноса значения с одного явления на другое по признаку смежных отношений: человек — сердце (как часть человека). В сочетании с эпитетами метонимия создаёт минимальный, но весьма

выразительный контекст, который не только дополняет образ персонажа значимыми характеристиками, но и отражает отношение автора к персонажу. С помощью образных средств писатель противопоставляет жизнь и смерть — философские категории, которые в романе «Отцы и дети» И.С. Тургенева занимают важное место.

Отметим, что синкретические образные средства могут репрезентировать авторскую позицию. В заключительной части романа, описывая могилу Евгения Базарова, автор использует сочетание олицетворения и эпитетов: *«…**цветы**, растущие на ней, **безмятежно глядят** на нас своими **невинными глазами**…»* [4, с. 413]. Образное средство позволяет не только показать природу как живое существо, которое отражает настроение, атмосферу, но и выразить авторскую позицию с помощью эпитетов *(безмятежно, невинными)*. В таких контекстах эпитеты играют значимую роль, поскольку отражают глубокие философские мысли писателя.

Таким образом, синкретические образные средства в романе «Отцы и дети» И.С. Тургенева выполняют целый ряд функций: описание природных явлений, характеристика внутреннего мира героев, репрезентация авторской позиции. Сочетание образных средств позволяет автору фиксировать внешние характеристики героев и раскрывать их внутренний мир, показывать мотивацию поступков и мировоззрение персонажей. Специфика наложения тропов и их сочетаний в минимальном контексте показывает авторские предпочтения в выборе образных средств, отражает способ мировосприятия, определяет особенности реализации художественного замысла.

Список литературы

1. Валгина, Н.С. Теория текста. Учебное пособие. — Москва: Логос, 2003. — 280 с. — ISBN 5-94010-187-9 : 112-00.
2. Левина, Э.М., Половнева, М.В., Якимова, Е.М. Функционально-прагматический аспект использования парафонационных средств при выражении эмоционального состояния персонажа в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Том 17. — Выпуск 2. — С. 347-353. — ISSN 1997-2911.
3. Тимофеев, Л.И., Тураев, С.В. Словарь литературоведческих терминов. — Москва: Просвещение, 1974. — 513 с. — ISBN 60501-332-105-72
4. Тургенев, И.С. Отцы и дети: романы. — Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 416 с. — ISBN 978-5-389-04996-3
5. Харченко, В.К. Малоизвестные приемы и методики исследования языкового материала. — Москва: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2008. — 128 с. — ISBN 5-70-60-00900-5 : 80-00.

УДК 811.11

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» (НА ВОЙНЕ) КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ МИФОЛОГЕМЫ НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

Огородняя О. В.
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
ogorodnyaya02@mail.ru

Введение. Фундаментом концептуальной картины мира, по мнению исследователей, служит система бинарных оппозиций [3], которая находит отражение в таком языковом явлении, как регулярная антонимия. Подобные оппозиции, называемые парными противоположениями или двоичными контрастами, коренятся в структурах пространства (верх-низ, рай-ад), времени (день-ночь), цветового восприятия (белый-чёрный), социальной организации (мальчик-девочка), а также в предельно общих абстрактных категориях (чёт-нечет). Через эти оппозиции организуется социальное пространство на всех уровнях — от семьи и общины до государства и нации, — и всякий раз они проводят границу между «своим» миром и тем, что лежит за его пределами. Психолог и культуролог К.Г. Юнг трактует бинарный архетип как «совокупность вечных образов и сюжетов, погружённых в коллективное бессознательное и единых для всего человечества» [4].

Целью нашего исследования является описание специфики функционирования бинарной оппозиции «свой-чужой» в поэтическом субпространстве XX века.

Основная часть. Истоки использования термина «оппозиция» лежат в философской традиции, а само понятие оппозиции исследуется уже долгое время и нашло отражение в трудах широкого круга учёных — как российских, так и зарубежных, среди которых Т. В. Григорьева, В. В. Иванов, Н. И. Толстой, Н. Кузанский и другие.

В лингвистике осмысление оппозиции как научного феномена изначально было сосредоточено на фонетическом и морфологическом уровнях — этому направлению существенно способствовали работы Р.О. Якобсона и С.Н. Трубецкого, а впоследствии исследовательский интерес охватил и иные области знания. Существенный вклад в развитие этих идей внёс Ф. де Соссюр: он обосновал представление о языке как о стройной системе, где все элементы подчинены синхронному порядку и связаны между собой внутренней логикой отношений. Учёные сходятся в мысли, что «все отношения между знаками сводятся к бинарным структурам, то есть к модели, основа которой — наличие или отсутствие определённого признака» [1, с.63]. Как правило, полюса исследуемой оппозиции соотносятся с соответствующими ценностями и

антиценностями культуры. Филологи отмечают, что особенность человеческого мышления — представлять все явления и процессы окружающей жизни в виде антиномических пар. Примечательно, что в современных исследованиях термин оппозиция сопоставляется с такими близкими по значению понятиями, как противоположность, противопоставление, противоречивость, антиномия, антиномичность, дуализм (дуальная оппозиция), бинарность, диада, дихотомическая оппозиция, антонимы и др.

Выбранная нами архетипная оппозиция «свой»-«чужой» (на войне) играет в традиционном сознании ключевую роль. Вслед за ведущими российскими учёными понимаем мифологему как «мифологическую тему», которая является центральным ядром мифа, воплощением которой являются его герои и образы, а одно из главных её свойств — функционирование через систему бинарных оппозиций.

Современная лингвистическая и социокультурная ситуация по сей день демонстрирует устойчивость структурных элементов выбранной мифологемы и включённость во все пласты деятельности человека. Военный дискурс хорошо демонстрирует чёткое разделение «своих» и «чужих», и в мифических смыслах эти пространства закреплены. Образы «своего» и «чужого» полярны и имеют чёткие характеристики: «свой» — это надёжный, стабильный, предсказуемый, на которого можно положиться; «чужой» равен врагу, по мнению В.В. Феррони, «‘иной’ — это тот, кто не разделяет моих ценностей в данный момент, то есть не имеет со мной общую систему ценностей» [2, с.120]. Воплощение этого особенно хорошо видно в поэтическом субпространстве XX века. Так, в поэзии изображение «чужих» как врагов, которые продолжают бить даже после войны, находит воплощение в поэзии подобным образом, где эпитеты «истлевшие» и «старые солдаты» подчёркивают временной акцент: *«Из бывших окопов по старым солдатам / **чужие** истлевшие бьют снайпера!..»* (Р. Рождественский) Оппозиция «свои» и «чужие» смешиваются на фоне беспощадной войны, а синтаксис и ритмомелодика произведения усиливают восприятие: *«Чтобы не было войны, надо ворона убить. / Чтобы ворона убить, надо ружья зарядить. / А как станем заряжать, всем захочется стрелять. / Ну а как стрельба пойдёт, пуля дырочку найдёт, / Ей не жалко никого, ей попасть бы хоть в кого, / **хоть в чужого, хоть в своово**» (своово — просторечный вариант произношения «своего»)* (Б. Окуджава). Мифологема «чужие пули» расценивается как «вражеские пули», а война равнодушна и беспощадна, она не различает ценности человеческой жизни: *«У войны слепой расчёт: / там **чужие пули** рыщут, / там родная кровь течёт»* (Б. Окуджава).

Мифологема «свои» находит разное воплощение в поэзии. Так, в качестве «своего» изображается то своё, что осталось дома, в мирной жизни, чего нет на войне: *«Когда мы были на войне, / Когда мы были на*

войне, / Там каждый думал ***о своей / Любимой или о жене****» (*Д. Самойлов*)*. Мифологема «свои» в поэзии может находить воплощение через концепт «родные люди»: *«К однополчанам своим боевым / Через сраженья и беды / Павшие воины в гости к живым / Едут на Праздник Победы!»* (Е. Семичев). Также «лагерь» «своих» противопоставлен лагерю «чужих», вражеских, которые способны на сильное чувство ненависти, где сконцентрирована трагедия предательства и разрушения: *«Верно, мне позволил Бог увидеть, / Как* ***умеют предавать свои, / Как чужие могут ненавидеть*** */ В ночь перед сожжением любви»*.

Заключение. Резюмируем, система бинарных оппозиций находит соответствие в языковом феномене регулярной антонимии. Проведённое исследование позволяет сделать ряд обобщающих выводов относительно функционирования выбранных мифологем. Бинарная оппозиция «свой-чужой» показывает устойчивость как архетипическую структуру коллективного бессознательного, актуализирующуюся в условиях войны. Полюс «свой» последовательно соотносится с ценностным комплексом «родной-близкий-достойный жизни», тогда как полюс «чужой» маркируется как «враждебный-угрожающий-подлежащий уничтожению». Эти характеристики воспроизводятся в текстах с регулярностью, позволяющей говорить об их мифологической природе. Поэтические тексты военных событий становятся маркёрами осмысления глубины конфликтов.

Список литературы

1. Соловьева Н.В. Бинарные оппозиции как основополагающие элементы мифологической и фольклорной картин мира / Н.В. Соловьева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2014. — № 4. — С. 63-69.
2. Феррони В.В. Три лика Другого: «Другой», «Иной», «Чужой» / В.В. Феррони // Вестник Воронежского государственного университета. — 2012.–№ 1.– С. 112-130.
3. Хайрутдинова А.Р. Бинарные оппозиции как способ концептуализации художественной картины мира А.А. Кима: на материале произведений "Онлирия", "Близнец", "Поселок кентавров": автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Хайрутдинова Альбина Ринатовна; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. — Казань, 2012. — 21 с.
4. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов / Пер. с англ. Москва-Киев: Порт-Рояль-Совершенство, 1997. — 384 с.

УДК 81’42

СИСТЕМА ЛЕКСИКИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ТВОРЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ А. И. КУПРИНА

Пилатовская С. В.,
Панчехина М. Н., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-8268-7293
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kofukami@mail.ru, m.panchehina@donnu.ru

Введение. В работе анализируются особенности употребления цветовой лексики в художественной прозе. Материалом для исследования послужила повесть А. И. Куприна «Олеся». С опорой на данные Национального корпуса русского языка выявлено, что среди атрибутивов в этом произведении чаще всего встречаются слова «красный», «тёмный» и «чёрный». При трактовке этих определений учитывается индивидуальный стиль автора.

Основная цель работы — выявление состава и специфики колоративов в повести А.И. Куприна «Олеся», особенностей использования слов со значением цвета для передачи восприятия картины внешнего мира в произведении. Актуальность работы обусловлена тем, что способы цветообозначения в художественном тексте Колоративы представляют собой проблемное поле для современной лингвистики, т. к. собственно лингвистика цвета еще относительно новое направление в языкознании, с не до конца сформировавшимися методами и приемами исследования. Так, исследователи обращаются, как правило, к исследованию каких-либо конкретных цветовых обозначений [1; 2; 3] или работают над проблемой разработки научных направлений лингвистики цвета [6; 4]. К тому же, необходимо комплексное исследование когнитивно-коннотативной природы и функционально-смыслового содержания колоративов в художественном тексте А.И. Куприна «Олеся».

Цвет и его обозначения в языке являются отражением культурного наследия и мировосприятия народа. Эти обозначения связаны с различными семантическими вариантами и играют важную роль в художественных произведениях. Они выражают авторское кредо и наполнены эстетическим, эмоциональным и мировоззренческим содержанием.

Колоративая лексика также широко используется в устном народном творчестве, особенно в текстах паремий, пословиц и сказок. Русскоязычные паремии содержат в своих моделях около 91 % всех колоративов, которые входят в активный словарный запас современного русского языка. Лексика цветобоозначения в различных паремиях служит как средство передачи народных взглядов, мудрости, а также позволяют осуществить преемственность опыта. Так и повесть А.И. Куприна «Олеся»

богата фольклорными мотивами и красками, раскрывающими образы в произведении. Колоратив «красный», к примеру, не только часто встречается в различных пословицах и поговорках, но также создает и цветовую доминанту произведения А.И. Куприна. В основном писатель использует его для описания портрета главной героини, Олеси.

Цветопись в прозе А.И. Куприна представлена широко и разнообразно. В общем счете в произведении А.И. Куприна был выявлен 131 репрезентант концептов различных цветов. Лейтмотивным в повести «Олеся» считается *красный* цвет, а также *темный* (в его группу входят также колоративы *черного* цвета); для контрастной цветописи автором используются колоративы *белый*, *светлый* и *голубоватый*, которые имеют наименьшую частоту вхождения в текст.

Обычно лексика цветообозначения в художественном тексте писателя сопровождается эмоциональными ассоциациями и дополнительными смысловыми оттенками. Повесть «Олеся» — одно из произведений Куприна, богатое цветовыми образами. Автор использует разные цветовые палитры для каждого случая. При описании портретов крестьян он применяет темные цвета, что подчеркивает их необразованность и грубость. Также автор передает атмосферу бездуховности, нищеты и непонимания, представляя все окружение в мрачных и тусклых тонах.

В повести А.И. Куприна «Олеся» нами были выявлены следующие колоративные концепты:

1. Лейтмотивный красный цвет, состоящий из колоративов собственно *красного*, *розового*, *румяного*, *окровавленного*, *огненного*, а также *багрового* и *ржавчины*.

2. Группа темных цветов, включающая цветовые прилагательные собственно *чёрного*, *тёмного*, *коричневого*, *грязного*, *шоколадного*, *смуглого*, *серого* и *бурого*.

3. Колоративы *белый* и *светлый*, а также *голубой* и *фиолетовый*, используемые для создания контрастной цветописи.

Кроме того, в произведении были обнаружены единичные случаи употребления желтого (вербализированы в виде *золотого*, *солнца*), зеленого, серебристого цветов, а также *пестрого* и *полосатого*. В общей сложности в повести А.И. Куприна был выявлено 131 репрезентант заявленных выше концептов различных цветов.

Это позволяет сделать вывод о том, что колоративная лексика в творческом дискурсе писателя не только играет немаловажную роль (поскольку с ее помощью создаются целые лейтмотивные образы в произведении), но и обладает высокой частотностью вхождения в текст. Специфика применения лексики цветообозначения определяется творческой манерой А.И. Куприна, а формирование наполнения лексико-семантического поля колоративов обусловлено также национально-

культурной спецификой родной страны автора и ее общекультурными ценностями.

Наименее же распространенными колоративами в произведении являются те, которые означают *белые* и *голубые* оттенки.

Белый цвет символизирует чистоту, радость и добродетель. Он ассоциируется с солнечным или божественным светом, духовностью и истиной. В произведении А.И. Куприна хата часто изображается в белом цвете, как символ чистоты: «…Вот точно вздохнуло что-то в *белой зале*, вздохнуло глубоко, прерывисто, печально… На противоположном конце болота, между деревьями, выглядывали *белые стены* какой-то хаты» [5].

Голубой цвет олицетворяет чистоту намерений, спокойствие и даже пассивность. Однако, некоторые считают, что голубой цвет также означает безразличие, холод и отстраненность. Результаты голосований показывают, что светло-голубой оттенок отталкивает большинство людей.

Когда в произведении появляется ириновская ведьма Мануйлиха, автор описывает ее как неприветливую и внутренне холодную, используя голубой цвет для описания ее внешнего вида: «…Все черты бабы-яги, как ее изображает народный эпос, было налицо: … выцветшие, *когда-то голубые глаза*, *холодные*, круглые, выпуклые, с очень короткими красными веками, глядели, точно глаза невиданной *зловещей* птицы» [5].

Идиостилистическое использование единиц колоративной системы А.И. Куприна в художественном дискурсе позволяет создавать оригинальные произведения, основываясь на функционально-символической многоликости цветообозначений. Благодаря контекстуальному окружению колоративы в художественном дискурсе подвергаются семантическим модификациям, приводящим к смысловому и прагматическому обогащению их лексического значения. Семантические приращения в значении колоративов носят традиционный характер, продолжая фольклорные и литературные традиции, или наделяются индивидуально-авторскими, идиостилистическими свойствами.

Заключение. Наименования цвета в современной лингвистике исследуются во многих аспектах, это проблема, которая не перестает волновать лингвистов. Однако при всем многообразии работ и подходов к изучению имен цвета имеется целый ряд лакун, которые еще предстоит заполнить. В частности, очень мало работ, в которых проводилось бы исследование истории и этимологии цветообозначений, особенно это касается этимологии. Естественно, что вопросами происхождения имен цвета ученые-лингвисты занимаются, однако результаты таких разысканий в большинстве случаев рассредоточены по словарным статьям в этимологических словарях и не дают полного представления о системе цветообозначений и о происхождении отдельных ее членов в том или другом языке. Поэтому необходимы работы обобщающего, систематизирующего характера, в которых был бы представлен материал,

касающийся этимологии, например, обозначений оттенков одного цветового тона в каком-либо языке.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).*

Список литературы

1. Бондарко А.В. Временной дейксис и перцептивность // Система языка и структура высказывания. Материалы чтений, посвящённых 90-летию со дня рождения В.Г. Адмони. СПб, 1999. — С. 10-12.
2. Дивина Е.А. Синтагматика семантического поля цвета в русском языке / Автореф. канд. дисс. — Краснодар, 1996, — 27 с.
3. Колодкина Е.Н. Психолингвистическое исследование слов цветообозначений // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. Сб. науч. тр. Тверь: ТГУ, 1998. — С. 108-112.
4. Купер М., Мэтьюз А. Язык цвета. — М.: Флинта: Наука, 2001. — 426 с.
5. Куприн А. И. Повести. Рассказы : [В 2 т.] / А. И. Куприн; [Сост., вступ. ст., коммент. О. Н. Михайлова]. — Москва : Дрофа : Вече, 2002 (Н. Новгород : ГИПП Нижполиграф).
6. Шмелёв Д.Н. Семантическая структура слова // Шмелев Д.Н. Проблема семантического анализа лексики. — М., 1973.

УДК 811.161.1

«КАК ПРОШЛОЕ ПОМОГАЕТ ПОНЯТЬ НАСТОЯЩЕЕ: ПРИМЕРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Пыжьянова С. В.,
Мартьянова В. Н., доц., ORCID 0000-0002-1690-4245
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В. Г. Короленко», г. Глазов, Удмуртская Респ., РФ
vnmartyanova48@yandex.ru, sonapyzanova25@gmail.com

Введение. Язык отражает историю своего развития, а также историю народа в целом. Одним из важных предметов как в школьном, так и в вузовском филологическом обучении является «Современный русский язык». В нём содержится немало явлений, труднопонимаемых в настоящее время обучающимися, вследствие чего снижается интерес к учебному предмету. Выход из этой ситуации мы видим в историческом комментировании фактов современного русского языка. Историческое комментирование — это метод, с помощью которого раскрываются

языковые явления, в основе которых лежат не современные фонетические и грамматические законы, а законы общеславянского или древнерусского периодов.

Цель статьи — представить перечень нетипичных языковых явлений с точки зрения современного русского языка и кратко изложить историю развития данного артефакта.

Основная часть. Предметом изучения современного русского языка являются не только языковые факты, существующие в данный период, но и закономерности формирования и развития как целых уровней языковой системы, так и отдельных элементов на протяжении всей многовековой жизни русского языка [5, с. 3-4]. Результаты многовекового развития языка условно называем «следами прошлого», или историческими артефактами. К их числу следует отнести: чередование звуков в корнях слов, типа [у]//[’а], [а]//[им], [’а]//[ин], [оро]//[ра], [оло]//[ла], [у]//[м], [э]//[ø], [о]// [ø] и т.д.; чередование согласных звуков [г]//[ж], [к]//[ч], [х]//[ш]; [б]//[бл’], [в]//[вл’], [п]//[пл’] и т.д., то есть те, которые возникли ещё в праславянский период в результате действия закона открытого слога и закона слогового сингармонизма. У обучающихся возникает непонимание сущности чередующихся звуков в словах и формах слов. Данная ситуация усугубляется ещё и тем, что подобные явления непоследовательны: например, в словах *книга — кни**ж**ный*, *у**х**о — у**ш**ной*, *льгота — польз**а*** и др. эти чередования имеются, а в следующих примерах их нет — в них сохраняется заднеязычный согласный: *книга — книги*, *у**х**о — безу**х**ий*, *льгота — льготный* и т.д. Подобные явления встречаются не только в области фонетики, но и грамматики. Например, в современном русском языке формы у одушевлённых существительных именительного и винительного падежей различаются, ср.:

Им.п	**Вин.п.**
гости	гостей
летчики	летчиков
депутаты	депутатов

С другой стороны: *пойти в лётчики* — форма «в лётчики» — это форма винительного падежа множественного числа, аналогично в словосочетании «пойти в депутаты» или «пойти в гости». Итак, в современном русском языке имеются случаи, когда у одушевлённых существительных винительный падеж совпадает с именительным падежом; причина этого явления вновь кроется в истории языка. Таким образом, для предотвращения ошибки в определении обучающимися падежной формы существительных в словосочетаниях типа *пойти в студенты, выйти в люди* и др. необходимо историческое комментирование.

В области фонетики требуется историческое комментирование таких чередований, как *сж**а**ть — сж**им**ать, сн**я**ть — сн**им**ать, зв**у**к — зв**он**,*

пятка — запинаться, надуться — надменный и др. Это **следы носовых гласных:** *семя — семена, время — времена, жатва — жму, мять — мну, жать — жну, звук — звон*. В древнерусском языке до середины X века существовали носовые гласные: ę носовой (юс малый) и о носовой (юс большой). Носовые звуки утратились, однако память о них осталась.

Приводим примерное содержание следующего исторического комментирования. **Редуцированные гласные (ер и ерь) и их судьба:** *гърадъ, вълна, сънъ, дьнь, чьто, бьрьвьно, отьць, съна, отьца*. В древнерусском языке были редуцированные (сверхкраткие) гласные — *ер (ъ)* и *ерь (ь)*. В сильной позиции они прояснялись в гласные полного образования *о* и *е*, а в слабой позиции исчезали. Это различие определило их дальнейшую судьбу: либо полная утрата, либо превращение в гласные полного образования. Следы в современном языке: беглость гласных о и е *(лоб — лба, день — дня, сон — сна)*, наличие звука [ф] как результата оглушения [в] *(кров — кро[ф], лавка — ла[ф]ка)*.

Из грамматических особенностей необходимо прокомментировать **«следы двойственного числа»:** *рога, глаза, берега, рукава* — по происхождению это форма именительного падежа двойственного числа. В древнерусском языке во множественном числе эти слова имели формы *рози, глази, берези, рукави*. С утратой двойственного числа в словах, обозначающих парные предметы, закрепились окончания именно двойственного числа, которые сейчас воспринимаются как окончания множественного числа. Причиной является то, что в древнерусском языке было три числа: единственное, двойственное (для обозначения двух предметов) и множественное.

Следы древних типов склонения: в древнерусском языке имена существительные распределялись по типам склонений в соответствии с суффиксами древнейшей основы слова (детерминативом). Детерминатив, кроме грамматического значения, имел и лексическое значение. Например, суффикс *ter обозначал близкородственные отношения между людьми, ср.: в современном русском языке: *мать — ма**тери**, сес**тра***; в старославянском языке: *БРАТРЪ*; в немецком — *Bruder*; в английском — *Brother* и т.д., таким образом, ясно, что суффикс (детерминатив) имел лексическое значение «близкий родственник», то есть родственник по крови.

В результате такого распределения существительных по типам склонения в древнерусском языке оформились следующие парадигмы: на -а, на -о, на -ъ, на -ь, на согласный звук (*en, *es, *u>v, *ter, *ent и др.), то есть пять (шесть) типов склонения. Уже в ранний период в древнерусском языке в результате утраты детерминативами их первоначального лексического значения произошла унификация (объединение) типов склонения имен существительных на основе грамматической категории рода. Так образовались три продуктивных типа склонения имени существительного. Однако следы бывшего склонения, возникшего на базе

детерминатива, сохранились в современном русском языке в виде основных и вариантных падежных окончаний, например: р.п. ед.ч. *ча**я*** и *ча**ю***, *сахар**а*** и *сахар**у***, *горох**а*** и *горох**у***, во мн.ч. *помидор**ов*** и *помидор*, *носк**ов*** и *чулок*, и т.д. Приведенные примеры, имеющие вариантные окончания, используют в основном для стилистической дифференциации, а в случаях типа: *о лес**е*** и *в лес**у***, *о крае* и *на крае* различия между вариантами грамматические: первая форма выражает объектное значение, а вторая — обстоятельственное и т.п. Таким образом, русский язык приобрёл, благодаря историческому грамматическому процессу, называющемуся «унификация», ещё одно грамматическое средство для выражения падежного значения, а именно — вариантные окончания. Следовательно, вариантные окончания в современном русском языке — это артефакт, свидетельствующий об унификации типов склонения в древнерусском языке.

Заключение. Описанные примеры исторического комментирования способствуют пониманию обучающимися не только фактов современного русского языка, но и видению связей между языковыми явлениями прошлых веков и результатов в современном русском языке.

Список литературы

1. Алексеев, А.В. Историческая грамматика русского языка: учеб. и практикум для акад. Бакалавриата / А.В. Алексеев: МГПУ. — Москва: Юрайт, 2017. — 314 с.
2. Иванов, В.В. Историческая грамматика русского языка: учебник для студ. пед. инстов / В. В. Иванов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Просвещение, 1990. — 400 с.
3. Иванов, В.В. Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе: пособие для учителя / В.В. Иванов, З.А. Потиха. — 2-е изд., перераб. — Москва: Просвещение, 1985. — 160 с.
4. Исторический комментарий к современному русскому языку: Программа элективного курса по истории русского языка для профильного обучения / С.В. Столбунова. — М.: Чистые пруды. 2008. — 32 с. — (Библиотечка «Первого сентября», серия «Русский язык». Вып. 21).
5. Контрольные работы по исторической грамматике русского языка: учебно-методическое пособие / составители: М.В. Колотов, В.Н. Мартьянова; Глазовский государственный инженерно-педагогический университет. — 2-е изд., доп. — Глазов: ГИПУ, 2023. — 66 с.
6. Хрестоматия по истории русского языка / Авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. — М.: Просвещение, 1990. — 496 с.
7. Штрекер, Н.Ю. Современный русский язык: историческое комментирование: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. 032900 — Рус. язык и литература / Н.Ю. Штрекер. — Москва: Академия, 2005. — 240 с.

УДК 81'42

ХРОНОРЕФЛЕКСИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ЦЕННОСТНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1990–2020-Е ГГ.: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И МОДЕРНИЗАЦИЕЙ

Слышкин Г. Г.[1,2], д-р филол. наук, проф., ORCID: 0000-0001-8121-0250,
Долгая Т. А.[2], ORCID 0009-0008-3626-889X
[1] ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко», г. Москва, РФ
[2]ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, РФ
ggsl@yandex.ru, dota73@mail.ru

Введение. Северный Кавказ — один из регионов с наиболее сложной ценностной ситуацией. Советская модернизация, с одной стороны, серьезно потрясла традиционные структуры региона, с другой — во многом сохранила их, что и проявилось после распада СССР [1, с. 104–105]. Языковая сторона этих процессов — как публичный дискурс называет и оценивает десятилетия — изучена меньше. Для ее анализа продуктивно понятие хронорефлексии — публичной метаязыковой деятельности, направленной на осмысление исторического периода посредством языковых знаков. Хронорефлексив понимается как «метаязыковое высказывание, которое эксплицитно устанавливает символическую связь между языковой единицей и хронологическим отрезком ее актуализации по модели „языковая единица X есть квинтэссенция социально значимых процессов, имеющих место в период времени Y“» [2, с. 33]. Цель исследования — выявить, как в публичном дискурсе о Северном Кавказе 1990–2020-х гг. осмысляется смена ценностных доминант и места традиции.

Основная часть. В наиболее простых и традиционных формах хронорефлексия реализуется как образование лингвокультурных концептов, т. е. посредством обычных механизмов номинации: метафорического или метонимического переноса, закрепления эпитета, перифраза и т. д. Хронологическое соотношение периода и акта номинации различно. Чаще наименование закрепляется после завершения периода как результат его ретроспективного осмысления. Существуют, однако, и синхронные номинации, которые возникают внутри номинируемого отрезка и выражают ожидания его участников; некоторые из них впоследствии сохраняют узуальность. Необходимо также различать два источника формирования концептов временных периодов: 1) стихийный, когда связь между отрезком времени и номинирующей его языковой единицей складывается в речевой практике сама собой; 2) институциональный, когда эта связь возникает благодаря

целенаправленным усилиям социальных институтов, например органов власти, закрепляющих номинацию в нормативных правовых актах.

Материал составили тексты публичного дискурса о Северном Кавказе 1990–2020-х гг.: нормативные правовые акты и стратегические документы, официальные выступления, публикации СМИ [3]. Северный Кавказ рассматривается как макрорегион, субъекты которого по-разному пережили постсоветские преобразования, поэтому выявленные единицы отражают не единую региональную идентичность, а формы публичного осмысления ценностных изменений.

В 1990-е гг. публичный дискурс о регионе складывается в условиях кризиса и вооруженных противостояний. Ключевыми становятся номинации *вооруженный конфликт*, *восстановление экономики и социальной сферы*, *пострадавшее население*, *межнациональный мир и согласие*. В Концепции государственной национальной политики 1996 г. Северный Кавказ назван регионом «со сложной этнополитической ситуацией», а в числе задач указаны «достижение и поддержание стабильности, прочного межнационального мира и согласия на Северном Кавказе» и «преодоление последствий вооруженных конфликтов» [4]. Это синхронные институциональные номинации, представляющие десятилетие как время кризиса и грядущего восстановления. Однако в региональных текстах на первый план выходят иные смысловые узлы — *депортация*, *земля*, *утрата*, *память*. Традиция становится основанием самоопределения: слова *род*, *предки*, *старшие*, *обычай*, *честь* очерчивают границы коллективного «мы».

В 2000-е гг. акценты смещаются к лексике *нормализации* и *правопорядка*. В выступлении В. В. Путина на общественном форуме народов Кавказа и Юга России (2004) сказано: «…удалось добиться серьезной стабилизации на Северном Кавказе» и «Вооруженные противостояния и конфликты уходят в прошлое» [5]. Слово *стабилизация* задает нормативную интерпретацию времени: прошлое осмысляется как преодоленное, настоящее — как возвращение к порядку. Традиция включается в дискурс нормализации, а *мир*, *согласие*, *добрососедство* становятся знаками желаемой устойчивости.

В 2010-е гг. рядом с безопасностью и стабильностью усиливаются номинации *культурное наследие*, *молодежь*, *образование*, *туризм*, *инвестиционная привлекательность*. Стратегия развития СКФО до 2025 г. ставит целью создание новых рабочих мест и подчеркивает, что более трети населения округа составляет молодежь [6]. Возрастает и значение языковой идентичности: выражения *сохранение родного языка*, *поддержка родных языков* содержат скрытую оценку современности как времени культурной уязвимости, когда передача языка от поколения к поколению уже не кажется само собой разумеющейся. *Родной язык* становится одновременно знаком идентичности и знаком тревоги за ее сохранение.

В 2020-е гг. традиция все чаще описывается языком модернизации. Стратегия развития туризма в СКФО до 2035 г. выдвигает на первый план *туристскую инфраструктуру*, *инвестиции*, *туристский поток* [7]. Показательна судьба номинации *кавказское гостеприимство*. В традиционной культуре гостеприимство — нравственная норма; в 2024 г. Северо-Кавказский федеральный университет зарегистрировал бренд «Кавказское гостеприимство» как знак качества для лучших объектов туристической отрасли [8]. Традиционная ценность становится конкурентным преимуществом территории, причем институциональное закрепление номинации осуществляет уже не только государство.

Заключение. Сопоставление четырех десятилетий позволяет выявить устойчивую динамику. В 1990-е гг. обращение к традиции связано со стремлением сохранить идентичность в условиях кризиса; в 2000-е гг. она служит средством восстановления стабильности, в 2010-е — основой культурной идентичности и способом представить регион, в 2020-е — ресурсом развития. Мотивы памяти, безопасности и традиции при этом сохраняются в новых контекстах. Анализ хронорефлексии показывает, что традиция, несмотря на переосмысление, сохраняет значимость на протяжении всего периода, а ключевые номинации десятилетий формируются преимущественно институциональным путем.

Список литературы

1. Стародубровская, И. В. Трансформация Северного Кавказа: от традиционного общества к современному / И. В. Стародубровская. — Текст: электронный // Pro et Contra. — 2014. — № 1–2 (62). — С. 96–105. — URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_62_96-105.pdf (дата обращения: 07.09.2026).
2. Долгая, Т. А. Хронорефлексивы как инструмент метаязыковой концептуализации времени / Т. А. Долгая. — Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2026. — Вып. 5 (911). — С. 28–37.
3. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023622615 Российская Федерация. Социолингвистические проекты «Слово года» в мировой практике : № 2023622285 : заявл. 12.07.2023 : опубл. 31.07.2023 / Г. Г. Слышкин, И. В. Смирнова, Т. А. Долгая.
4. Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 15.06.1996 № 909. — Текст: электронный // Президент России: официальный сайт. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571 (дата обращения: 04.10.2026).
5. Путин, В. В. Выступление на общественном форуме народов Кавказа и Юга России, 26 марта 2004 г. — Текст : электронный // Президент России : официальный сайт. — URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22396 (дата обращения: 07.09.2026).

УДК 811.161.1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: ПРИЕМЫ И ГРАНИЦЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Соколова Е. В.[1], канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-2058-4803,
Добренко Е. И.[2]
[1]ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, РФ
[2]ФГБОУ ВО «Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой», г. Санкт-Петербург, РФ
elena.v.sokolova@spbu.ru, edobrenko@mail.ru

Введение. Искусственный интеллект (ИИ) продолжает активно внедряться в современную жизнь в самых различных ее сферах, в том числе в образование [1], однако отношение к нему остается весьма неоднозначным [2]. Тем не менее, доля использования ИИ в учебном процессе неуклонно растет [3], поскольку высокий уровень автоматизации, быстрой обработки больших массивов данных оказывается полезным при решении различных задач. При этом лишь небольшая часть преподавателей в вузе [4] регулярно использует этот инструментарий при обучении русскому языку как иностранному (РКИ), несмотря на то что корректное использование ИИ оптимизирует преподавательскую деятельность.

Цель данной статьи — познакомить учебно-научное сообщество с некоторыми вариантами использования ИИ в практике преподавания РКИ, которые были успешно апробированы в процессе обучения студентов из разных стран европейского, азиатского регионов и США, а также в администрировании учебного процесса: 1) подготовка различных учебных материалов, 2) привлечение родного языка учащегося, 3) работа с зарубежными сайтами, 4) ведение переписки со студентами, 5) создание документации. Общее количество участников эксперимента — 75, нефилологи, уровень владения русским языком — от B1 до C1, продолжительность обучения — от 1 года до 3 лет. Эксперимент проводился на базе китайской нейросети DeepSeek, однако все описанные приемы могут быть использованы и в других системах ИИ, поскольку основные принципы работы с ИИ идентичны.

Основная часть. 1) Имеющиеся на книжном рынке пособия по РКИ не покрывают все потребноси учебного процесса, поскольку языковое наполнение учебников, тематически близких или посвященных нужному аспекту обучения, может существенно отличаться от искомого. Наблюдается дефицит узконаправленных учебных пособий в рамках выбранной специальности. Например, отсутствуют пособия по классическому балету и национальным (не русским) музыкальным жанрам. В таких случаях ИИ можно поручить генерацию высказываний с нужным лексическим наполнением и с их помощью дополнить неспецифический

контент. Для этого нужно создать промт (инструкцию для нейросети [5]), в котором следует указать собственно задание, язык, тему, уточняющие ее элементы и уровень владения языком. Например: «Составь 25 сложносочинённых предложений с 3 частями с противительным и соединительным союзами на русском языке по теме „Русский классический балет XIX века”. Каждое предложение должно содержать термины из теории и истории хореографического искусства. Уровень сложности — B2». Обычно из 20–25 предложений отбираются и редактируются около 10. Однако следует помнить о том, что ИИ пока не в состоянии точно определять уровни владения иностранным языком, поэтому следует особенно тщательно следить за соответствием предложенного лексического наполнения тому или уровню. Также ИИ может создавать грамматические упражнения любого уровня сложности, систему заданий к конкретному тексту, значительно ускоряет процесс создания презентаций, извлекает текст из файлов jpg, png, tif и защищенных от копирования pdf.

2) Кроме создания учебных материалов ИИ может использоваться как переводчик [6] с генерацией объяснения или комментария — в тех случаях, когда студенту нужна помощь в понимании текста или грамматической темы, а уровень владения русским языком и / или языком-посредником недостаточен для снятия всех трудностей. При этом качество перевода, по результатам опроса студентов, значительно выше, чем у популярного у иностранцев Google-переводчика. Для простого перевода достаточно самого общего промпта, для объяснения грамматических трудностей необходимо ориентировать ИИ на сложный для студента момент.

3) ИИ способен оказать преподавателю информационную поддержку. Если студент пишет научную работу по малоизвестной в России теме, ИИ может найти необходимую информацию для проверки ВКР. Если исследовании упоминаются реалии, не известные русскоязычному сегменту интернета, ИИ находит источники этой информации, дает ссылки на них и переводит информацию на русский язык. Даже когда на русском языке эта информация есть, иноязычные сайты дают иной угол зрения на проблему, что позволяет взглянуть на нее с неожиданной стороны.

4) При чрезмерной загруженности преподавателя ИИ можно использовать для создания рекомендаций по улучшению написанного студентами научного текста: промпт — «Тайская студентка написала статью. Содержание в прикреплённом файле. Мне надо сказать ей, что мне нравится [перечисление в свободном порядке своих наблюдений], а что необходимо переделать [перечисление в свободном порядке, без привязки к тексту]. Выдай вежливый ответ с оказанием поддержки и с примерами из текста, но укажи на [нужное количество] отмеченных мной слабых мест с привязкой к тексту. Напиши на русском языке».

5) При решении административных вопросов ИИ может использоваться для создания документов в любом жанре официально-делового стиля. В промпте указывается вид документа, тема, необходимые детали, аргументы. ИИ учитывает необходимые юридические тонкости, и это оказывается весомой составляющей положительного ответа на запрос.

Заключение. ИИ — это инструмент, который облегчает работу специалиста при наличии «слабых» студентов, дефиците времени, недоступности необходимых источников в русскоязычном сегменте интернета, в условиях административной рутины. Материал, предоставляемый ИИ, нуждается в профессиональной обработке, поэтому ИИ не заменяет преподавателя, а лишь ускоряет процесс создания продукта и тем самым освобождает время высококвалифицированного специалиста для более творческой работы.

Список литературы

1. Коновалов, Г. Г. К. Роль искусственного интеллекта в современном мире / Г. Г. Коновалов, Н. О. Зарбалиева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2025. — № 10-2(109). — С. 50-54. — DOI:10.24412/2500-1000-2025-10-2-50-54. — EDN YBZVTD.
2. Сысоев, П. В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом / П. В. Сысоев // Высшее образование в России. — 2024. — Т. 33, №2. — С. 31-53. — DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53. — EDN VTAIUO.
3. Заграничный, А. И. Типологизация стратегий внедрения искусственного интеллекта в образование: Российская федерация, Европейский союз, Китайская народная республика / А. И. Заграничный, Д. О. Кузнецова / Современная аналитика образования. — 2025. — №9(92). — М.: НИУ ВШЭ, 2025. — 42 с.
4. Бурганова, Л. А. Отношение университетских преподавателей к искусственному интеллекту / Л. А. Бурданова, Г. П. Мягков, О. В. Юрьева // Вестник экономики, права и социологии. — 2025. — №4. — С. 220-225. — DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-220-225. — EDN EEOKKL.
5. Солдатов А. Промпт: запрос к языковой модели. — Текст : электронный / А. А. Солдатов // Грамота : официалный сайт. — 2025. − URL: https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/prompt-zapros-k-yazykovoy-modeli?ysclid=mpk43u4v4l21566706 (дата обращения — 07.10.2026)
6. Сдобников В.В. Искусственный интеллект в переводе: условия эффективного использования // Научный диалог. — 2025. — Т.14, №3. — С. 62-50. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-62-80. — EDN KSXWEA

УДК 37

«РОССИЙСКИЙ УЧИТЕЛЬ ЗА РУБЕЖОМ»: ОПЫТ УЧАСТИЯ АмГПГУ В ОТБОРЕ КАНДИДАТОВ ДЛЯ ПРОЕКТА

Третьякова М. Ф., канд. филол. наук, доц.,
Тарасенко В. В., канд. филол. наук
ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет», г. Комсомольск-на-Амуре, РФ
mft2022@mail.ru, tarasenko_val2018@mail.ru

В настоящее время продвижение русского языка за рубежом является одной из приоритетных задач Министерства Просвещения Российской Федерации. Совместно с Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением «Центр международного сотрудничества Министерства просвещения Российской Федерации» с 2017 года реализуется проект «Российский учитель за рубежом». На данный момент проект реализуется в более чем 30 странах: Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Вьетнам, Монголия, Сербия, Турция, Египет, Китай и другие.

Более 500 российских учителей преподают в национальных школах русский язык и общеобразовательные предметы на русском языке, организуют обучение по программам дополнительного образования, проводят культурно-просветительские мероприятия, а также готовят иностранных школьников к участию в национальных и международных олимпиадах по русскому языку и другим предметам. Высокий профессионализм участников Проекта подтверждают высокие показатели успеваемости учащихся, многие из которых для дальнейшего обучения выбирают российские вузы и колледжи.

Для студентов, желающих присоединится к проекту, существует отдельное направление — «Компас», которое позволяет учащимся старших курсов попробовать свои силы в преподавании отдельных предметов на русском языке за рубежом.

В 2026 году, выполняя государственное задание «Организация и реализация мероприятий по распространению лучших практик российского образования в рамках международного сотрудничества в сфере общего образования, направленных на продвижение образования на русском языке, а также поддержку изучения русского в Китайской Народной Республике (провинция Хэнань)», ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет» присоединился к отбору кандидатов для проекта, и на данный момент достигнуты некоторые результаты.

В рамках реализации пункта «Привлечение педагогов для участия в международном гуманитарном проекте «Российский учитель за рубежом»

на 2026 год» проводился сбор заявок от заинтересованных педагогов, а также предварительный отбор кандидатов в соответствии с требованиями проекта [2]. Целью мероприятия являлось формирование состава кандидатов, рекомендованных для участия в проекте, и подготовка сопроводительной документации.

В ходе предварительного отбора проверялись сведения, необходимые для подтверждения соответствия кандидатов установленным требованиям проекта. В частности, уточнялись сроки действия загранпаспорта, наличие педагогического образования, уровень образования, опыт работы, отсутствие медицинских противопоказаний к работе за рубежом, а также соответствие профессиональной подготовки и профиля кандидата требованиям проекта. По результатам проверки указанных сведений кандидаты допускались к дальнейшим отборочным процедурам.

Всего было проведено семь собеседований с кандидатами для проекта «Российский учитель за рубежом». Собеседования проводились в разных форматах: как очно, так и онлайн. По итогам собеседований и предварительного отбора готовились рекомендательные письма для кандидатов. Хотя предварительный отбор прошли семь кандидатов, в период с 7 июля 2026 года по 23 июля 2026 года нами было подготовлено пять рекомендательных писем.

Далее кандидаты представили документы на рассмотрение в Центр международного сотрудничества, успешно прошли конкурсный отбор и были допущены к онлайн-собеседованиям, по итогам которых большинство получили положительное заключение, то есть были рекомендованы для участия в проекте. Одна кандидатура была отклонена в связи с отсутствием опыта работы в общеобразовательных организациях.

В процессе работы по привлечению педагогов для участия в проекте мы столкнулись с рядом трудностей.

Несмотря на успешное прохождение отбора и собеседований, кандидаты впоследствии отказались от дальнейшего участия в проекте. Ключевая причина отказов заключалась в географии предлагаемых вакансий. Вакансии, которые предлагались кандидатам, находились в таких странах, как Узбекистан и Таджикистан. Для кандидатов это стало решающим фактором, поскольку они ориентировались на работу в других странах либо имели личные, семейные и профессиональные обстоятельства, связанные с неготовностью к переезду именно в эти страны.

Важно подчеркнуть, что отказы не были связаны с качеством подготовки кандидатов, их квалификацией или результатами собеседований. Кандидаты успешно прошли все этапы отбора, однако приняли решение отказаться от участия после того, как стало известно, что вакансии расположены в Узбекистане и Таджикистане. При этом кандидаты выразили готовность рассмотреть возможность дальнейшего участия в проекте.

Проведённая работа подтвердила наличие интереса со стороны педагогов к участию в проекте «Российский учитель за рубежом». Процедуры предварительного отбора, проверки документов, уточнения сроков действия загранпаспорта, уровня образования и иных сведений, а также собеседования были организованы и проведены в полном объёме. Семь кандидатов прошли предварительный отбор, пять кандидатур согласованы с руководителем государственного задания, подготовлено пять рекомендательных писем.

Основным фактором, повлиявшим на итоговый состав участников, стала ограниченная география вакансий. Предложение вакансий в Узбекистане и Таджикистане не соответствовало ожиданиям части кандидатов, что привело к их отказу от дальнейшего участия. Данное обстоятельство следует учитывать при планировании информационной работы и отбора кандидатов на последующих этапах.

Представляется целесообразным заблаговременно информировать кандидатов о странах и предметах, по которым открыты вакансии, включая возможность трудоустройства в Узбекистане и Таджикистане. Это позволит снизить количество отказов на поздних этапах отбора и более эффективно формировать состав участников проекта.

Кроме того, рекомендуется продолжить практику уточнения сроков действия загранпаспорта, уровня образования, педагогического опыта и иных сведений, подтверждающих соответствие кандидатов требованиям проекта. Также представляется полезным поддерживать базу кандидатов, готовых к участию в проекте в дальнейшем, с указанием их предпочтений по странам и предметным направлениям.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование проводилось в рамках государственного задания (номер госрегистрации 073-00078-26-03).*

Список литературы

1. Проект Указа Президента Российской Федерации «О Едином научно-методическом центре преподавания и продвижения русского языка за рубежом» (подготовлен Минобрнауки России 11.09.2026). — Текст : электронный // Гарант.ру Информационно- правовой портал: сайт. — 2026. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56966106/ (дата обращения: 08.10.2026)
2. Российский учитель за рубежом: сайт — Текст : электронный. — 2026. — URL: https://cic-edu.ru/projects/ruzr (дата обращения: 08.10.2026)
3. Чернышенко, Д. Проект «Российский учитель за рубежом» помогает в продвижении русского языка и наших ценностей / Д. Чернышенко. — Текст : электронный. — 2026. — URL: https://edu.gov.ru/press/11051/dmitriy-chernyshenko-proekt-rossiyskiy-uchitel-za-rubezhom-pomogaet-v-prodvizhenii-russkogo-yazyka-i-nashih-cennostey/ (дата обращения: 08.10.2026).

УДК [81`36+81`373.611]:82-312.9

ГРАММАТИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В «ВЕДЬМАКЕ» САПКОВСКОГО: КАК АВТОР СОЗДАЁТ СЛОВА

Федюн Д. В.
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
xzx61583@gmail.com

Творчество Анджея Сапковского, и в первую очередь цикл произведений о ведьмаке Геральте, по праву считается одним из наиболее значимых явлений в жанре фэнтези не только в польской, но и в мировой литературе. При этом популярность саги объясняется не только увлекательным сюжетом, яркими персонажами и продуманной системой мира, но и особым вниманием автора к языку. Сапковский создаёт не просто историю о монстрах, а конструирует целую языковую реальность, в которой новые понятия, имена, названия народов и существ подчиняются определённым словообразовательным закономерностям. Именно язык во многом формирует то ощущение достоверности, которое возникает у читателя при знакомстве с миром Ведьмака.

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов к языку произведений жанра фэнтези как особому типу художественного текста, в котором словотворчество выполняет не вспомогательную, а структурообразующую функцию. Цель статьи — выявить и описать основные словообразовательные модели, используемые А. Сапковским для создания окказионализмов, а также проанализировать специфику их межъязыковой трансляции.

В лингвистике под окказионализмами (от лат. occasio — «случай») понимаются слова, создаваемые автором для конкретного случая, «на один раз». Они не входят в общий язык, но функционируют в пределах текста и способствуют конструированию иной языковой реальности. Как отмечают исследователи, окказионализмы в фэнтези образуются по тем же словообразовательным моделям, что и обычные слова, однако отличаются нестандартными комбинациями морфем [2, с. 41]. Как отмечает исследователь Василий Грещук, окказионализмы в фэнтези образуются по тем же моделям, что и обычные слова, но с нестандартными комбинациями морфем. Именно поэтому они кажутся нам одновременно и новыми, и понятными. Г. Я. Гальперин описывал стилистический эффект неологизмов как «способность разума воспринимать новизну на фоне уже известных концептов», отмечая их экспрессивную функцию благодаря эмотивному значению. [1, с. 117].

Сапковский неоднократно признавался, что его главный неологизм — это слово «wiedźmin» (ведьмак) возник в связи с лексической

лакунарностью в польском языке. Ему казалось несправедливым, что есть «ведьма», но нет слова для мужчины-ведьмака. Он образовал его от «wiedźma» с помощью суффикса «-in», и это оказалось настолько удачным, что дало название целой франшизе. При этом интересно, что в польском «wiedźmin» это не просто «мужская ведьма», а скорее «охотник на ведьм» или «истребитель монстров». То есть автор не просто добавил суффикс, а создал новое понятие.

Анализ лексического материала цикла позволяет выделить несколько доминирующих словообразовательных стратегий, используемых Сапковским.

1. **Сложение основ.** Это, пожалуй, самый частый способ. Например, топоним «Lukomorze» состоит из «luk» (лук) и «morze» (море) получается «Лукоморье», место, где море изгибается дугой. Или «Czteroróg» от «cztery» (четыре) и «róg» (рог), то есть город с четырьмя углами. Подобные наименования не только звучат в славянской языковой традиции, но и формируют визуальный образ у читателя.

2. Суффиксация. Когда Сапковский придумывает названия для существ, он часто берет знакомое слово и добавляет к нему суффикс. Так появляются «полуэльф» (half-elf) или «краснолюд» (red-man, то есть человек с красной кожей). Эти слова сразу понятны читателю, потому что построены по знакомым моделям. К этой группе слов можно также приписать создание имён для трёх ведьм с болота. Возьмём польское имя **Szepciucha** («Шептуха»): корень *szepci-* восходит к глаголу szeptać («шептать»), суффикс **-uch** придаёт слову пренебрежительный оттенок, а окончание **-a** указывает на женский род. Имя одновременно описывает поведение персонажа (она собирает человеческие уши и подслушивает) и отсылает к славянскому фольклорному образу *Szeptucha* «знахарки, которая лечит шёпотом». Английский переводчик создал слово «Whispess» сохранив смысловое ядро «шёпот» и женский суффикс *-ess,* благодаря чему имя остаётся «читаемым» и в переводе.

3. Транслитерация и адаптация мифологии. Названия монстров в игре часто напрямую отсылают к славянским народным верованиям. Например, **Black Annis** (в английской версии) в переводе передано как **Баба-Яга**. Это типичный приём **культурной замены**: существо, которое уже несёт славянский фольклорный оттенок, в переводе заменяется на более известный образ из принимающей культуры, вместо транслитерации или буквального перевода. Похожие случаи **Nightwraith (Полуночница)** и **Noonwraith (Полуденница)**: оба слова восходят к славянским поверьям о «полуденном» и «полуночном» демоне, и переводчик сохраняет фольклорную основу, используя традиционные соответствия.

Отдельный интересный пласт составляет ономастическая лексика. Геральт, Йеннифэр, Цири, Яскьер (Лютик в русском переводе), Плотва. Все они звучат необычно, но при этом не «выпадают» из языка. Геральт —

это имя, которое существует в реальности (например, Геральд), но с измененной огласовкой. Йеннифэр это, скорее всего, авторское изобретение, которое звучит как что-то эльфийское или древнее. Исследователи отмечают, что Сапковский часто использует «прозрачные» словообразовательные модели, чтобы читатель интуитивно чувствовал значение имени, даже если не может его перевести. Особый случай — Яскьер (Jaskier). В польском это слово означает «лютик», цветок. В английском переводе его переименовали в Dandelion (одуванчик), потому что «Buttercup» («лютик») звучало недостаточно мужественно для переводчика. А вот в сериале Netflix вернули польское имя — Яскьер, что вызвало некоторую путаницу у зрителей, знакомых с английскими книгами. Этот пример хорошо показывает, как перевод может менять восприятие персонажа. Конь Геральта в польском оригинале зовётся **Płotka** (уменьшительное от «плотва», то есть маленькая рыбка). В английском переводе **Roach**. В двух турецких локализациях игры это имя передано по-разному: в одной версии **Roach сохранено** (уважение к коллективной памяти фанатов), во второй **переведено как Kızılğöz** («красноглазый», по внешнему признаку коня). Исследователи связывают выбор первой версии с тем, что фанатское сообщество уже через «Ведьмака 3» эмоционально привязалось к имени Roach.

В научной литературе зафиксирован процесс, при котором неологизмы, созданные Сапковским, переходят из одного текста в другой. Слова, придуманные переводчиками как эквиваленты, могут заимствоваться более поздними авторами и входить в новый оригинальный текст уже не как «перевод», а как «своё» слово в данном языке. Этот процесс называют «странствием неологизмов». Он имеет динамический и потенциально бесконечный характер. Простыми словами: новые слова из «Ведьмака» вышли за пределы «словаря Сапковского» они попали в тексты игр, в речь фанатов и даже в последующее фэнтези-творчество, став чем-то вроде «общего словаря». Авторские слова Сапковского работают потому, что они достаточно «прозрачны», чтобы их можно было передавать дальше и использовать повторно. Главный секрет Сапковского в том, что он не «изобретает язык с нуля». Он берет знакомые польские (или общеславянские) корни и комбинирует их по правилам, которые читатель знает интуитивно. Как отмечает лингвист Василий Грещук, словообразовательные процессы в фэнтези не отличаются от тех, что происходят в обычном языке. Просто автор использует их целенаправленно для создания мира. Это называется «когнитивная адаптация»: автор вводит новые понятия через уже знакомые культурные явления и «прозрачные» словообразовательные модели, чтобы читатель не терялся. [7, с. 1]. Именно поэтому «краснолюд» или «полуэльф» понятны без сносок, а «Геральт из Ривии» звучит как настоящее имя, хотя Ривия — выдуманное королевство.

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, «Ведьмак» это не просто история о монстрах и магии. Это еще и лингвистический конструктор, где Сапковский играет со словами так же умело, как его герой с мечом. Во-вторых, Сапковский не придумывает сотни новых корней, а берет то, что уже есть в языке, и создает новые комбинации. В-третьих, феномен «странствия неологизмов» свидетельствует о том, что авторские окказионализмы Сапковского вышли за пределы исходного текста и стали частью более широкого лексикона жанра фэнтези. Именно поэтому мир Ведьмака кажется нам таким живым и «своим». Он говорит с нами на понятном языке, просто расставляя акценты по-новому.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике / И. Р. Гальперин. — Москва, 2003. — 456 с.
2. Киселева, Л. А. Социокультурные параметры языка подростковой фэнтези-литературы: механизмы конструирования квазиреальности / Л. А. Киселева, Е. Р. Егорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2026 том 19, выпуск 6
3. Altynbekov, A. M. Brandon Sanderson’s linguistic ingenuity: grounding occasionalisms and their derivational potential / A. M. Altynbekov, Sh. Mazhitayeva, N. K. Khan // Philology Bulletin. — 2025.
4. Daniel, A. *«Translation of Neologisms and Culture-Bound Items Based on The Witcher: A Sample Introductory Analysis»*. (том 8, номер 1, страницы 7–15)
5. Rakowski. Discourses of Exclusion: Theories and Practices /«They Too Will Be Gone and New»: Colonial Otherness in the Interplay between Humanity and Elfdom in Andrzej Sapkowski’s «The Edge of the World»
6. Słobodianiuk, K. R. Indywidualno-autorskie neologizmy w twórczości Andrzeja Sapkowskiego / K. R. Słobodianiuk. — 2023.

УДК 81`45

ДИНАМИКА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XXI ВЕКА

Шайтур А. С., 0009-0002-1730-3414,
Стебунова А. Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0005-9194-6831
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
shaytur.a@yandex.ru, alla.stebunova@mail.ru

Введение. Язык — действенный инструмент регуляции человеческой деятельности в различных сферах. Интернационализмы — это слова, сходные в фонетическом и/или графическом отношении, а также совпадающие по значению в глобальном языке. **Цель исследования —** системное описание интернационализмов в диахроническом (в контексте

развития интернациональной лексики в русском языке) и синхроническом (адаптация и функционирование в современном русском языке) аспектах.

Основная часть. Известно, что международное влияние языка обусловлено комбинацией трех факторов: 1) в ряде стран он используется как родной или первый; 2) в ряде стран он принят в качестве официального языка; 3) в ряде стран его как иностранный язык преподают в школах [3]. Существенными факторами популярности любого языка служат, несомненно, и внутренние системные свойства речи, объем лексики, качество его речи, связь с великими культурами. Любой факт языка, будь то перемены в синтаксисе, морфологии или возникновение новых слов, — не существует сам по себе, как нечто автономное, а выражает и отражает малейшие сдвиги в духовной жизни социума.

Самую широкую известность среди интернациональных аффиксов приобрели в первую очередь суффиксы греческого и латинского происхождения. Основной корпус интернациональных суффиксов (*гейт-, -ор, -тор, инг-, мейкер- и др.*) выступают образцом, на который часто ориентируются международные словообразовательные форманты. К примеру, слова *лифтинг, маркетинг, имиджмейкер, кремлегейт, айс-дайвинг, аутсорсинг и другие.*

Интернациональные префиксы греко-латинского происхождения по сравнению с суффиксами имеют меньшие возможности распространения, поскольку в ряде языковых семей префиксация отсутствует; тем не менее по количеству они не уступают суффиксам. Основной корпус интернациональных префиксов (*нон-, ап-, бэк-, диз-, и др.: нон-фикшн, бэкграунд*) и в начале XXI в. не только участвует в глобальной коммуникации, но и активно вовлекается в деривационные процессы в разных языках. Наиболее универсальными являются греко-латинские основы, употребляемые только в качестве как препозитивных блоков (*оф, аут, он и др.: офтоп, офсайт, офтрейд, аутлайн*), так и постпозитивных блоков (*-ить- и др.: гуглить, твиттить, чатить, френдить*) в интернациональных сложных терминах.

Фонетическая адаптация иноязычного слова заключается в приспособлении его к звуковым закономерностям русской фонетической системы, в уподоблении его звукового состава фонетической системе русского языка в соответствии с нормами литературного произношения: *blogger — блоггер, блогер; micro-flood — микро-флуд, микрофлуд, off topping — офф-топпинг, офтопинг, image board — имидж-борд, имиджборд* и другие. Лексико-семантическое освоение интернационализмов — ключевой этап в процессе их адаптации в русском языке, когда устанавливаются более или менее четкие границы лексического значения слов [1]. Поскольку на начальном этапе проникновения интернационализма в русский язык его значение, как правило, размыто, то и сужение, и расширение, и переосмысление

значения представляются этапами на пути к семантической определенности. Приведем несколько примеров:

Бан (ban — запрещать) — один из принятых в интернете способов контроля над действиями пользователей, который заключается в лишении или ограничении каких-либо прав пользователя. К примеру: *«Еще один пост в таком тоне и отправитесь в* ***бан****»*. Источник: Форум: Обсуждение фильма «Война и Мир» (2007-2011) [НКРЯ].

Оверквóтинг (overquoting) — излишек цитат в тексте форума, в новостной группы или электронного письма. *«Умелое цитирование позволяет удерживать нить беседы и всегда легко продолжить её, даже если прошло длительное время. На форумах оверквотинг вынуждает 186 читателей использовать скролл, что вызывает у многих небезосновательное раздражение».* Источник: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/72094.

Скролл (scroll) — 1) прокрутка изображения на мониторе; 2) колесо прокрутки, расположенное на верхней части компьютерного манипулятора типа «мышь», как правило, между левой и правой кнопками. Например: *«Взаимодействие со страницей посредствам пальцев на примере нескольких UI-контролов: листалка, зум, скролл, особенности клика».* Источник: Форум технологий Mail.Ru Group в Нижнем Новгороде (2013) [НКРЯ].

Под грамматическим освоением обычно понимают подчинение интернационализмов нормам, действующим в грамматике русского языка, в частности, на морфологическом уровне. Склоняемые имена существительные, обозначающие конкретные одушевленные и неодушевленные предметы, имеют формы единственного и множественного числа: *keeper, keepers — кипер, киперы, ban, bans — бан, баны и другие.* Постоянное взаимодействие интернационализмов с исконной лексикой способствует уточнению их семантического наполнения и закреплению автономного статуса в языке.

В лингвистической науке принято считать, что служебные части речи, выполняющие исключительно грамматические функции, не включаются в состав интернациональной лексики. Подобное ограничение распространяется и на междометия, которые используются для выражения эмоциональных состояний или поддержания коммуникации в стандартных речевых ситуациях, хотя в некоторых случаях они могут проявлять определённые черты интернациональности.

Заключение. Исследование показало: чтобы стать общеупотребительным, современному интернационализму уже не обязательно проходить все этапы детерминологизации. Разумеется, такие единицы могут быть известны не всем носителям русского языка: интернациональный не значит тотальный (всеобщий). Перспективы дальнейшего изучения интернационализмов в современном русском языке видятся как минимум в двух направлениях: функциональном и

лексикографическом. История развития мировых языков демонстрирует, что язык приобретает статус международного преимущественно благодаря политическому влиянию и экономической мощи стран, где он является родным. Однако не стоит забывать, что неоправданное введение в текст заимствованных слов наносит большой ущерб не только разговорной, бытовой, но и художественной речи. Речь обесцвечивается, если разнообразным и ярким русским синонимам предпочитаются слова заимствованные и невыразительные.

Список литературы

1. Богословская В.Р. Структурно-семантическая и функциональная адаптация заимствований: На материале спортивной лексики английского и русского языков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. — В 2 т. — Волгоград, 2003. — 347 с.
2. Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. М.: Добросвет-2000, 2000. — 302 с.
3. Косырева М.С. Глобализмы в русском языке [Текст]: монография. — М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2016. 170, [1] с.
4. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Эксмо, 2008. — 318 с.
5. Суслова К.В. Неологизмы последних лет: функционирование в современном русском языке: автореф. бакалаврской работы. — Саратов: СГУ, 2023. — 12 с.
6. Hjarvard S. The Globalization of Language // Nordicom Review. — 2004. — № 25 (1). — P. 75–97.
7. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части защиты русского языка». — URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.09.2026).

УДК 615.849

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Шаповалова Е. Ю., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1362-6283,
Золотникова Е. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0009-3026-5230
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
rostaf-cours@mail.ru, ek.zolot@mail.ru

Введение. В эпоху перемен и нестабильности языковая политика государства в области образования должна быть направлена на преодоление вызовов современности, связанных с парадигмой «язык и общество». Упрощение языковых конструктов, загрязнение языковой

среды, нарушение экологии языка, столь широко распространяемое в современном обществе, приводит к рискам образовательного процесса, деградации речевого поведения и болезням социума, ставит под угрозу национальную безопасность государства. Сохранение и обогащение языка, совершенствование практики речевого общения — эти ключевые проблемы обеспечивает такое направление исследования, как лингвоэкологическая безопасность образовательного процесса, что нашло отражение в работах Н.С. Валгиной, Е.А. Земской, Ю.Н. Караулова, В.Г. Костомарова, М.Н. Кожиной, В.С. Миловатского, Л.И. Скворцова, З.К. Тарланова и других.

Особого внимания вопросы лингвоэкологической безопасности требуют в методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ). В современной научной парадигме этот вопрос не нашел достаточного освещения, в работах Ю.В. Бец (2021), Е.В. Шелестюк (2023), Т.А. Ширяевой, О.Е. Ивановой (2024) рассматривается эколингвистический аспект процесса обучения иностранному языку учащихся разных категорий. Лингвоэкологические риски, обозначенные указанными выше авторами, могут быть адаптированы под нужды методики преподавания РКИ.

Цель статьи — установление и преодоление лингвоэкологических рисков в методике преподавания РКИ для обеспечения лингвоэкологической безопасности образовательного процесса со студентами-иностранцами.

Основная часть. Формирование коммуникативной компетентности обучающегося является неотъемлемым этапом обучения в методике преподавания РКИ, поэтому важно с первых же уроков объяснять иностранным студентам роль того или иного слова, стиль речи, в котором он допустим или не допустим, особенности языковой ситуации, что в полной мере отражает сферу интересов лингвоэкологии.

Лингвоэкологическая безопасность образовательного процесса в методике преподавания РКИ — это состояние учебного процесса, при котором обеспечивается сохранение и развитие языковых норм, культурного кода и коммуникативных практик, а также минимизация рисков, связанных с негативным влиянием обучения на «здоровье» языка.

Анкетирование, проведенное нами со студентами подготовительного отделения международного факультета Донского государственного технического университета, изучающими русский язык в течение 6 месяцев, выявило, что у большинства респондентов сформировано представление о нормах русского языка, речевом этикете, культурном коде.

В предложенной нами анкете обучающимся было предложено ответить на несколько вопросов. Вопросы 1 «Что Вы говорите, когда встречаетесь с другом?» и 2 «Что Вы говорите, когда видите

преподавателя?» показали, что студенты овладели нормами речевого этикета, понимают особенности речевой ситуации. Так, при ответе на первый вопрос, студенты-иностранцы выбирали такие лексические единицы и словосочетания, как «Здорово!», «Привет», «Привет, брат!» «Как ты, друг?», «Добрый день» и т.д. На второй вопрос все респонденты выбрали речевую формулу приветствия «Здравствуйте», что соответствует ситуации речевого общения со взрослым, уважаемым человеком. Третий вопрос «Как Вы отвечаете на вопрос: «Как дела?» ставил своей целью выявить, как складывается коммуникация иностранного студента. Среди возможных ответов наибольшую популярность показали лексические единицы «хорошо, спасибо», «неплохо», «нормально», «у меня дела хорошо, спасибо», «плохо», «все отлично», что соответствует запросам речевого общения. Умение осознанно выбрать необходимую формулу приветствия показывает, что у иностранных студентов сформирована лингвоэкологическая компетентность, они не прибегают к речевым искажениям («оки», «норм») или повышенному использованию эмоционально-экспрессивных слов («бомба», «песня» в значении «прекрасно») [2, с. 29], которые проявляются в российской молодежной среде.

Формирование лингвоэкологической компетентности в методике преподавания РКИ связано с лингвоэкологическими рисками, на которые указывают Т.А. Ширяева, О.Е. Иванова: «модификация языка, языковой нигилизм, утрата самобытности национального языка в результате заражения ментальными вирусами» [4, с. 56]. Модификация языка и языковой нигилизм не были выявлены нами, но параметр «утрата самобытности национального языка» проявился при ответе на пятый вопрос анкеты «Какие русские слова Вы говорите каждый день?». Большинство респондентов указали слова, заимствованные из английского языка «банк», «университет», «центр», «такси», «цирк», «футбол» (27% от всех используемых слов), так как активно используют английский язык в качестве языка-посредника при общении с преподавателем и между собой на учебных занятиях. Порядка 13% слов – это слова, вошедшие в обиход вследствие социокультурной адаптации студентов («Чижик», «Апельсин», «Магнит», «Пятерочка» — название магазинов, расположенных в непосредственной близости от ДГТУ).

Учитывая риски, преподаватель РКИ может тщательнее отбирать и методически обрабатывать языковой материал, уделять внимание нормам и не перегружать обучающихся сложной лексикой, в то время как у иностранных студентов формируется критическое отношение к собственной речи, умение осознанно выбирать языковые средства в разных ситуациях общения, оценивать речевое поведение с точки зрения его уместности и правильности.

Таким образом, лингвоэкологическая безопасность в методике РКИ — это не просто соблюдение норм, а системный подход, который помогает оценить речь по шкале «правильно / неправильно, сохранить языковую и культурную идентичность всех участников образовательного процесса.

Заключение. Вопросы учета лингвоэкологической безопасности важны в практике преподавания РКИ, поскольку помогают на начальном этапе обучения русскому языку распознать и минимизировать лингвоэкологические риски, помочь адаптироваться в иноязычной среде, сформировать целостный взгляд на систему русского языка.

Список литературы

1. Бец Ю.В. Лингвоэкологические параметры в преподавании русского языка как иностранного // Филология: научные исследования. — 2021. — № 4. — С. 57–67. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.4.35426 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35426.
2. Формирование лингвоэкологической компетентности обучающихся как фактора обеспечения безопасной развивающей образовательной среды: антропологический подход: учебно-методическое пособие. — Ставрополь: Изд-во «Тимченко О.Г.», 2021. — 101 с.
3. Шелестюк Е.В. Эколингвистика преподавания иностранного языка как языка международного общения // Вестник Челябинского государственного университета. — 2023. — № 5 (475). — С. 138–148.
4. Ширяева Т.А., Иванова О.Е. Лингвоэкологические риски в обучении иностранным языкам // Образовательные ресурсы и технологии. — 2024. — № 3 (48). — С. 54–59.

УДК 81’28

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА В ДОНЕЦКОМ РЕЧЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аксенова К. А., ORCID 0009-0005-1921-4724,
Курмакаева Н. П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0005-3472-0203
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
aksenovakseniak@mail.ru, kurmakayeva@mail.ru

Введение. Донецкое речевое пространство изначально формировалось в особых историко-культурных условиях стремительно развивавшегося индустриального региона, пройдя «юзовский период», затем «сталинский» и с 1961 года «донецкий». В настоящее время оно претерпевает существенные изменения в условиях затянувшегося военного конфликта. Происходящие социокультурные трансформации не могли не отразиться как на словаре, так и на расхожих речевых оборотах регионального сообщества. Заметное место в речи дончан в силу специфики региона всегда занимали устойчивые выражения со значением оценки личности, отражающие взгляд на человека сквозь призму трудовой деятельности, бытовых отношений и повседневных ситуаций. Анализ данных единиц позволяет 1) чётче обозначить региональные особенности русской языковой картины мира; 2) лучше понять ментальность жителей Донбасса. В этом мы видим актуальность данного исследования.

Цель — выявление и систематизация устойчивых выражений с оценочным значением в донецком речевом пространстве, отражающих региональные ценностные ориентиры.

Основная часть. Из различных текстов донецких авторов и словарных материалов к монографии «Донецкий регионолект» [2] нами собрано полсотни устойчивых выражений, наиболее ярко отражающих региональные особенности восприятия человека. Мы их разделили на устойчивые словосочетания (*бить байдыки, губы копылить, судьба коногона, с террикона свалиться, угля наесться* и др.*)*, устойчивые обороты-сравнения (*пашет как Паша Ангелина* / *как Стаханов*; *устал / грязный как шахтёр* и др.) и паремические предикативные единицы (*Не учи шахтера каску носить; А работать за тебя Стаханов будет? С тобой хоть на Петровку* и др.).

Под **устойчивыми выражениями** мы понимаем широкий круг неоднословных речевых единиц — связанных словосочетаний, крылатизмов, паремий и других оборотов речи, приобретающих в языке, «в большей или меньшей степени, свойства фразеологических единиц» [1, с. 93]. Этот лингвальный пласт только начинает исследоваться учеными

ДонГУ. Были выявлены устойчивые словосочетания двух типов — номинативные и оценочно-характеризующей семантики. Вторые «в отличие от номинативных единиц имеют ярко выраженную тропеическую природу, обозначают региональное явление переносно» и функционируют преимущественно в публицистике, художественной литературе и разговорной речи [4, с. 122–123], их мы считаем заслуживающими основного внимания. Они выступают как аксиологически маркированные, отражающие ценностные ориентиры жителей региона и одновременно реализующиеся как инструмент самоидентификации региональной языковой личности. Именно поэтому анализ устойчивых выражений со значением оценки личности, функционирующих в донецком речевом пространстве, имеет большой смысл. Он позволяет проследить, каким образом историко-культурные особенности индустриального региона отражаются на ментальности его жителей и какую лингвокультурную значимость этот языковой материал несет.

Как справедливо отмечает Г. И. Климовская, устойчивые словосочетания, «при образовании которых был применен прием переноса значений», в иных контекстах «утрачивают мотивированность, становятся не всегда понятными и требуют специального толкования» [3, с. 5]. Именно такие единицы (с учетом расширения до устойчивых выражений), требующие расшифровки и несущие в себе регионально обусловленную оценку, стали объектом настоящего исследования. Они представляют собой, с одной стороны, коллокативные единицы, у которых «собственная семантика размывается, а общий смысл коллокатива порой требует толкования (особенно за пределами региона)» [4, с. 122], а с другой — предикативные, равные фразе с законченным смыслом. Рассмотрим их по тематическим группам.

Особое место в донецком речевом пространстве занимают обороты и выражения, связанные с отношением к труду, с оценкой труда. Так, фразеологизм *бить байдыки* ‘лениться, бездельничать’ отражает характерную для трудового региона крайне негативную оценку лодыря (ср. с общенациональным *бить баклуши*). В разные периоды по-разному воспринимался фразеологизм *пойти в упряжку* ‘стать шахтёром’, в «юзовские» как ‘обречь себя на каторжный труд’, позже — с уважением. Негативом наполнен фразеологизм *бока пороть* ‘производить брак, делать работу некачественно’, от него появилась номинация человека *бокопор* ‘тот, кто делает работу кое-как, бракодел’. Бокопоров не уважали, о них говорили: *От кривого копра не жди добра.* В живой речи также активно употребляются регионально обусловленные устойчивые сравнения: *пашет как Паша Ангелина* / *как Стаханов*; *устал как шахтёр* / *как забойщик*. Нередко можно услышать риторический вопрос: *А работать за тебя Стаханов будет?* (обычно вместо общенационального *А делать за тебя Пушкин будет?*). Такие устойчивые выражения служат средством оценки

человека по степени его трудолюбия и качества выполняемой работы. Немало в донецком речевом пространстве сохранилось пословиц и поговорок на тему труда: *Красуйся не улыбкой сладкой, а трудовой хваткой; Уголь рубай, как забойщик Мамай* и др. К этой же группе можно отнести выражения *добить упряжку* ‘завершить рабочую смену’, шире — ‘завершить дело’, *нарубить коня* ‘выполнить план смены’. Даже выражение *зажечь звезду на копре* когда-то обозначало ‘завершить смену выполнением плана добычи угля’, за этим стоял упорный, напряженный, полный смертельной опасности труд шахтерской смены, и его высоко оценивали в социуме, весь поселок встречал героев труда.

Другую группу составляют выражения, оценивающие характер, поведение, судьбу человека. В донецком речевом пространстве фиксируются выражения: *губы копылить* ‘дуться, обижаться’, *забить памороки* ‘морочить голову’, *угля в рот набрать / угля наесться* ‘молчать, ничего не говорить’, *развести гармыдер* ‘устроить беспорядок’*, гнать порожняк* ‘говорить ерунду, пустое’, *с террикона свалиться* (оценка неадекватного поведения, как в общенациональном языке *с луны упасть* или *с дуба рухнуть*). Показательно и сочетание *кусок угля* вместо обычного *камень* в значении ‘черствость, бессердечие’ в выражении *У тебя не сердце, а кусок угля* (из рассказа В. Гроссмана «Жизнь»). Особую значимость в Донбассе имеет выражение *судьба коногона* ‘гибель в шахте’, манифестирующее трагическую судьбу человека, погибшего на рабочем месте.

Третью группу составляют новые выражения, оценивающие человека в военно-социальном контексте. Так, оборот *ушёл из бата* (из батальона) обозначает факт оставления воинского подразделения по разным причинам (ранение, плановый перевод, демобилизация или дезертирство), оценка поступка выявляется контекстуально. Оценочную нагрузку несёт и выражение *сидеть на подвале*, которое обозначает ‘принудительное нахождение вне свободы, в застенках, быть плененным’. Иной смысл у словосочетания *дети подвалов.* Так называют людей, вынужденных жить в подвалах и бомбоубежищах в условиях военных действий.

В период 2014–2021 гг. популярным было устойчивое выражение *пенсионный туризм*, характеризующее поведение пожилых людей, пересекающих линию разграничения ради получения выплат и льгот. Эти и подобные обороты показывают, что военно-политическая ситуация напрямую способствует пополнению корпуса оценочных устойчивых выражений в региональной речи.

Заключение. Устойчивые выражения со значением оценки человека в донецком речевом пространстве связаны с историко-культурным опытом индустриального и воюющего региона. Они группируются вокруг ключевых концептов — шахтёрского труда, поведения человека в мирное и военное время. Положительно окрашенные выражения свидетельствуют

о высокой ценности трудолюбия и человека труда. Многие выражения выступают маркерами донецкой идентичности; их изучение важно для сохранения кодов культуры регионального дискурса.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).*

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: КомКнига, 2005. — 576 с.
2. Донецкий регионолект : монография / Под ред. В.И. Теркулова. — Донецк: Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. — 265 с.
3. Климовская Г. И. Толковый словарь устойчивых словосочетаний современного русского языка / Г. И. Климовская. — 7-е изд., стер. — Москва: ФЛИНТА, 2024. – 152 с.
4. Курмакаева, Н. П. Устойчивые словосочетания региональной обусловленности в донецком тексте / Н. П. Курмакаева // Донецкие чтения — 2025. — Т. 4: Филологические науки. Ч. 1 / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. — Донецк : Изд-во ДонГУ, 2025. — С. 121–123.

УДК 81'373.21:94(470.45-21)

КОДИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА: ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ УРБАНОНИМОВ СТАЛИНГРАДА В НЕМЕЦКИХ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ 1942 ГОДА

Антоненко Н. С., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0001-6316-8044
ФГБОУ ВО «Волгоградская консерватория имени П.А. Серебрякова»,
г. Волгоград, РФ
nsantonenko98@mail.ru

Введение. Сталинградская битва является одним из ключевых сражений Великой Отечественной войны, топография которого изучена с опорой преимущественно на отечественные источники. Однако взгляд противоборствующей стороны на городское пространство остается практически неисследованным в лингвистическом аспекте. Немецкие картографические материалы представляют собой уникальный материал, не только отражающий физический план города, но и представляющий результат когнитивной обработки пространства вражеской стороной. В условиях активных боевых действий и языкового барьера типичные советские годонимы, насыщенные идеологическими и мемориальными смыслами (улицы *Коммунистическая*, *Октябрьская*, пл. *Молотова*),

оказывались «немыми» для солдат и офицеров Вермахта. Сложность транслитерации наименований и неприятие советской топонимической политики привели к необходимости создания альтернативной, прагматически ориентированной системы наименований.

Цель работы заключается в выявлении семантических и прагматических принципов, лежащих в основе вторичной номинации сталинградских годонимов в немецких картографических источниках 1942 года.

Основная часть. Stadtplan von Stalingrad [2] (план Сталинграда), датированный сентябрем 1942 года, является довольно условным и фиксирует лишь 37 улиц и площадей, в то время как советский план того же периода содержит более 560 наименований [1]. Это различие обусловлено функциональным назначением карт: советский план обеспечивал навигацию гражданского населений и войск по всему городу, немецкий же выступал инструментом обнаружения и захвата стратегически важных узлов города.

Ключевым отличием немецкого плана является фиксация оронимических объектов (балок и оврагов), не отмеченных советскими источниками. Для Вермахта, действующего в условиях уличных боев, преодоление особенностей рельефа становилось критической задачей, именно поэтому обозначение таких объектов было необходимостью. Немецкие картографы присвоили балкам «хищные» номинации: *Leoparden Schlucht* (Леопардовая), *Löwen Schlucht* (Львиная), *Tiger Schlucht* (Тигровая). Установить русские аналоги наименований не представляется возможным, однако исходя из сохранившихся до наших дней номинаций (балки *Вишневая*, *Капустная*, *Купоросная*) становится очевидно, что кодирование ландшафта через метафору опасности и хищничества не было случайным. По всей видимости, такой ход выполнял функцию психологической компенсации: ранение в Львиной балке могло осмысливаться как результат схватки с достойным противником, а вот поражение в Капустной низводило происшествие до уровня бытового несчастного случая.

Присвоение номинаций объектам природного ландшафта является наиболее ярким проявлением общей прагматики, но не единственным. Сталкиваясь с чуждой городской средой, немецкие картографы стремились максимально унифицировать создаваемую систему наименований. Весь массив номинаций выстроен, таким образом, вокруг трёх универсальных навигационных паттернов, которые заменяли советскую идеологическую семантику функциональными и подчёркнуто утилитарными метками.

Наиболее регулярным (22 случая) стал объектный принцип. Для немецкого командования Сталинград был не жилым пространством, а набором стратегических узлов, которые метонимически переносились на карту и давали улице свое имя. Так, на плане появляется *Silo Strasse*

(Элеваторная), *Bahnhofstrasse* (Вокзальная), *Gefängnis Strasse* (Тюремная). Городская среда, таким образом, оказывалась редуцирована до схемы расположения военных объектов и ориентиров на местности.

Описательный принцип (8 объектов) демонстрирует топонимический универсализм и внеязыковую универсальность восприятия пространства, а также тенденцию к созданию более простой по сравнению с советской системы координат. Так появляются *Breite Strasse* (Широкая), *Mittel Strasse* (Средняя), *Süd Strasse* (Южная). Сюда же относится и позиционная номинация *Haupt Strasse* (Главная), относящаяся к современному проспекту Ленина. Такие базовые пространственные маркеры позволяли фиксировать положение объекта среди других или описывать его для простоты ориентирования в пространстве.

Направленческий принцип (6 наименований) подчинял городское пространство логистическому детерминизму. В условиях ожесточенных боев линейный объект не сохранял какой бы то ни было идентичности, его функция сводилась к указанию направления и маркированию транспортных артерий. *Kalatscher Strasse* (Калачевская улица), *Wolga Strasse* (Волжская улица), *Beketovka Strasse* обозначали векторы движения к ключевым точкам за городом и транспортные артерии, по которым шло снабжение или предполагалось достижение конечной цели — взятия города.

Однако функциональная утилитарность не была единственной целью перекодирования пространства. Приведенные выше принципы безусловно обеспечивали ориентирование в городе, но в условиях Сталинграда особенно острой становилась потребность дойти до цели с минимальными потерями. Из наложения немецкой системы мышления на советскую реальность имманентно вырастала шифровальная функция переименования. Советские номинации были неприменимы для нужд Вермахта, так как требовали сложной транслитерации, замедляли работу радиста и демаскировали содержание перехваченной депеши или радиограммы, поэтому изменения номинаций стали инструментом информационной составляющей войны. По всей видимости, это был побочный эффект утилитарности, перешедший в инструмент оперативной маскировки. Отметим, что переименование в данном случае могло выступать как акт власти. Переименовывая улицу Советскую в абсолютно нейтральную с идеологической точки зрения *Mühlen Strasse* (Мельничная), немецкие картографы предпринимали попытку стереть советскую идентичность города задолго до окончания Сталинградской битвы.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что урбанонимическая система Сталинграда на немецких планах представляет собой полностью утилитарную систему, в которой пространство адаптировано под тактические нужды. С высокой степенью вероятности можно предположить, что все эти наименования были временными и в случае взятия города подлежали замене на идеологически «правильные»,

что соответствовало топонимической политике Германии на оккупированных территориях.

Список литературы
1. План г. Сталинграда и его окрестностей на 20–21 сентября 1942 г. [Карты] / Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). — Ф. 345. Оп. 5487. Д. 49а.
2. Stadtplan von Stalingrad (Nordteil) [Карты] : M-38-113 / Reichsamt fur landesaufnahme, Photogrammetrische Abteilung.; Angeferigt nach einer Bildplanskizze im Juni 1942. — Berlin, 1942.

УДК 81'246.2:81'27

СТРУКТУРНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РУССКО-УКРАИНСКОГО БИЛИНГВА В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ЯЗЫКОВОГО РЕЖИМА

***Быстрова Е. Н.*,** ORCID 0009-0004-5991-1834,
Милько Н. Е., канд. пед. наук., доц., ORCID 0009-0002-4674-0584
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет», г. Мелитополь, РФ
bystrova86bystrova@yandex.ru, *natamilko0304@mail.ru*

Введение Феномен билингвизма в условиях полиэтнических обществ выступает не только языковым, но и социокультурным явлением, влияющим на формирование личности и когнитивных процессов. Русско-украинский билингвизм представляет собой особый тип контактного двуязычия близкородственных языков, взаимодействующих в общем историческом и культурном пространстве [2, с. 156]. Близкородственное двуязычие характеризуется высокой степенью взаимопонимания и постоянной интерференцией на всех уровнях языковой системы. Современные социальные трансформации и изменения языковой политики обусловливают необходимость комплексного теоретического осмысления билингвальной личности, особенно на территориях вновь присоединённых субъектов, где десятилетиями складывалась ситуация вынужденного функционального распределения языков.

Цель исследования — предложить и обосновать структурно-синергетическую модель современного русско-украинского билингва, учитывающую социокультурные, психологические, когнитивные и аффективно-мотивационные факторы, а также описать её динамику в условиях смены языкового режима на новых территориях Российской Федерации.

Основная часть. Теоретико-методологическую основу исследования составляют фундаментальные положения психолингвистики, социолингвистики и когнитивной науки. Л. С. Выготский утверждал, что мысль не выражается в слове, но совершается в слове, что позволяет

рассматривать билингвизм как фактор, перестраивающий мыслительные процессы [4]. Концепция диалогизма М. М. Бахтина подчёркивает полифоничность языкового сознания: язык является не мёртвым материалом, а вечно становящейся средой [1]. Для билингва его внутренняя речь диалогична: русский и украинский языки «разговаривают» друг с другом внутри личности. У. Вайнрайх определяет интерференцию как отклонение от норм каждого из языков, происходящее в речи билингва в результате владения более чем одним языком [3]. Когнитивный подход Дж. Лакоффа и М. Джонсона ориентирует на анализ познавательной деятельности средствами языка, показывая, что метафоры пронизывают не только язык, но и мышление и действие [6]. Синергетический подход Г. Хакена позволяет рассматривать билингвизм как открытую нелинейную систему, в которой из взаимодействия языковых, психологических и социальных компонентов рождаются новые интегративные качества.

Предлагаемая структурно-синергетическая модель билингва включает три уровня. *Верхний (контекстуальный) уровень* составляют внешние факторы воздействия — политические решения, социальные изменения, глобализация и языковая политика, выступающие управляющими параметрами системы. *Средний (системный) уровень* содержит ядро билингвальной личности — интегратор, выполняющий функции интеграции, координации и стабилизации. Вокруг ядра радиально располагаются шесть взаимосвязанных компонентов: *лингвистический* (реальное владение языками, интерференция, суржик как устойчивая гибридная форма), *психологический* (билингвальный стресс, эмоциональная амбивалентность, когнитивная гибкость), *когнитивный* (концептуальный дуализм, метакогнитивные способности), *коммуникативно-прагматический* (выбор кода, стратегии адаптации), *аффективно-мотивационный* (языковые аттитюды, ценностные установки) и *социокультурный* (языковая идентичность, интеграция в поликультурное общество). *Нижний (специфический) уровень* включает региональную специфику и динамические процессы — самоорганизацию, адаптацию и бифуркацию. Модель отражает три фундаментальных принципа: холизм (система функционирует как целое), динамическое равновесие и нелинейность.

На новых территориях РФ исторически сложился уникальный тип регионального симбиотического билингвизма. По данным полевых исследований, выделяются четыре основных типа русско-украинских билингвов: симметричные билингвы (5–10%) — свободно владеют обоими языками; асимметричные бытовые билингвы (60–70%) — русский активный, украинский пассивный; институциональные билингвы (20–25%) — вынужденно используют украинский на работе, русский в остальных сферах; маргинальные билингвы (5–10%) — активное

использование суржика [7]. Генерационные различия усиливают типологию: старшее поколение воспринимает русский как естественную среду; среднее пережило пик языкового давления; молодое поколение получило образование на украинском, но социализируется в русскоязычной среде. Вхождение новых территорий в состав РФ привело к деюридизации украинского языка и легализации русского языка во всех официальных и образовательных сферах. Исследователи констатируют, что устойчивый характер интерференции имеет глубокие не только лингвистические, но и социально-исторические корни [5, с. 43].

Заключение. Предложенная модель позволяет комплексно описать русско-украинский билингвизм с учётом социокультурных, психологических, когнитивных и аффективных факторов. Синергетическая сущность модели раскрывается в способности билингвальной личности к самоорганизации: проходя через точки бифуркации (смена языкового режима), система не распадается, а качественно перестраивается, находя новый аттрактор. На новых территориях РФ этот переход сопровождается не только лингвистической адаптацией, но и фундаментальной когнитивной и психологической перестройкой. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются мониторинг динамики речевой деятельности билингвов, углублённое изучение психологических последствий языковой реструктуризации, а также разработка методик поддержки позитивной билингвальной идентичности в условиях модификации социолингвистического ландшафта.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках фундаментального научного исследования «Преодоление билингвальной интерференции в сфере образования в новых регионах Российской Федерации» (FRRS-2026-0027).*

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 424 с.
2. Беликов, В. И. Социолингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — Москва : РГГУ, 2021. — 315 с.
3. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. — Киев : Вища школа, 1979. — 263 с.
4. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. — Москва : Лабиринт, 1934. — 352 с.
5. Гуров, С. Ю. Преодоление билингвальной интерференции в сфере образования в новых регионах Российской Федерации : коллективная монография / С. Ю. Гуров, К. И. Таунзенд, Т. Г. Юрченко [и др.] ; под общ. ред. С. Ю. Гурова. — Мелитополь : МелГУ ; Новосибирск : СибАК, 2025. — 80 с. — EDN PUOLFB.
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : УРСС, 2004. — 256 с.
7. Ткаченко, Г. И. Типология русско-украинских билингвов / Г. И. Ткаченко. — Донецк : ДонНУ, 2020. — 158 с.

УДК 81’1

КОННОТАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ДОНБАССКОГО КВАЗИЭПОСА (ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ)

Евсеева М. Г., канд. филол. наук, ORCID 0009-0009-2588-4379
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.g.evseeva@mail.ru

Введение. В данном исследовании анализируется роль различных видов коннотаций языковых единиц как инструмента формирования авторского эпоса (квазиэпоса). Под коннотацией мы традиционно понимаем дополнительное, эмоционально-оценочное или ассоциативное значение слова (или выражения), которое «наслаивается» поверх его основного, буквального значения (денотата). Что же касается выбранной нами дефиниции «квазиэпос», в общем виде отметим факт принятия нами трактовки Константина Анатольевича Богданова [1], согласно которой квазиэпос фигурирует как жанровый спутник соцреализма: исследователь анализирует, «на каких риторических, социально-психологических и институциональных основаниях в советской культуре уживаются соцреализм, эпос (и квазиэпос), сказка (и “советская сказочность”)».

Материалом для наблюдений послужил текст «Как Никита Изотов с Шубиным соревновался», вошедший в сборник «Шахтёрские сказы» [2], донецкого издательства «Донбасс».

Основная часть. Ключевая особенность анализируемого текста — коннотативная гетерогенность: он построен как столкновение нескольких лексико-стилистических пластов, каждый из которых несёт свой тип оценочно-эмоционально-экспрессивных микрокомпонентов значения. Рассмотрим коннотативную специфику по языковым уровням.

Словообразовательные средства субъективной оценки.

Наиболее «коннотативно нагруженный» уровень — суффиксация, кодирующая оценочное и эмоциональное отношение говорящего. Уменьшительно-ласкательные (диминутивные) суффиксы — маркер симпатии, «своего», близкого: *Никитушка* (гипокористика от имени собственного), *силушка, колбаска, курочка, парнишка, узелок, сторонка*. Эти формы создают устойчивую коннотацию ласкательности, народной нежности к герою и предметам его обихода. Суффиксы со значением «уничижения/ослабленности» — у Шубина: *силёнок маловато, мочи моей нету* — суффикс *-ёнок-* несёт коннотацию пренебрежительного умаления (даже не «сила», а «силёнки»). Увеличительно-экспрессивные — интенсификация признака: *глыбища* (суффикс *-ищ-* с усилительно-эмотивной окраской). Таким образом, уже на морфемном уровне противопоставлены два эмоциональных полюса: диминутивы → «свой/любимый» (Изотов, народный

мир) против пейоративно-умалительных и гиперболических форм → «чужой / ослабленный» (Шубин).

Фонетико-грамматическая просторечность как коннотативный код. Отклонения от литературной нормы несут коннотацию устности, диалектности, «народного» произношения: «*отомстю*» (вместо лит. «отомщу́» — диалектная/просторечная реализация); *погодь, чай* (в значении «ведь/наверное»), *дескать, мол, спятил, взопрел, за Можай загоню, катавасия, небылицы*. Эти формы — сигналы сказовой речи «из народа»; их коннотация — достоверность, непосредственность, устное бытование рассказа, а также лёгкая архаизация.

Лексико-семантические группы и их коннотативные пласты.

Профессиональная (горняцкая) лексика: *забойщик, наряд/нарядная, крепильщик, штрек, лава, уступ, крепь / крепить, обушок, отбойный молоток, пласт, вагонетка, ствол, приемный пункт, спецовка, тормозок*. Коннотация: достоверность, принадлежность к замкнутому профессиональному миру, «мужественный трудовой» ореол. Термины выполняют номинативную (точность) и экспрессивно-стилевую функцию — формируют образ «своего» шахтёрского братства.

Архаично-фольклорная и мифологическая лексика: *богатырь, стародавний, бесовская рука, колдовская сила, нечистая сила, шельма, скатерть-самобранка, поп, чёрт, безбожник, молитвами*. Каждое такое слово несёт устойчивую культурную коннотацию. Их употребление в бытовом, сниженном контексте создаёт конфликт денотата и коннотации — источник комизма и одновременно средство «одомашнивания» страшного.

Советизмы и идеологическая лексика: *по-стахановски, пятилетка, прогульщики, охрана труда, готов к труду и обороне* (аллюзия на ГТО), *технический прогресс, новейшие комплексы, шахтком, милиция*. Их коннотация — официальная, агитационно-плакатная. Столкновение этого «высокого» пласта с просторечием даёт коннотативный диссонанс: лозунговое слово («по-стахановски») встраивается в разговорную речь и снижается, приобретая оттенок добродушной иронии.

Церковно-религиозная лексика в сниженной функции. *«Твоими молитвами…», «господом богом прошу…», «ни в бога, ни в черта», «натуральный безбожник».* Сакральная лексика в устах атеистического героя десакрализуется, получает коннотацию шутки, отстранения, оппозиция «бог / чёрт» снимается, а слово «безбожник» получает положительную оценочную окраску — маркер новой, атеистической системы ценностей.

Канцеляризмы / официально-деловая лексика: *«в охрану труда пожалуюсь», «волокиту разводишь», «принеси бумагу», «справка», «сдавай в банк».* Их уместная «казённость» в сказочно-бытовом контексте порождает комическую коннотацию: бюрократическое слово, исходящее от фольклорного чёрта или «деда-пенсионера», снижено и осмеяно.

Фразеологизмы как концентраты коннотации. Устойчивые обороты несут свёрнутую культурную оценку: «*за Можай загонишь*» — разговорное, коннотация «победить/превзойти»; «*вокруг пальца обвести*» — «обмануть» + оттенок ловкости; «*рукам работа, душе — праздник*» — афористичность, «трудовой» пафос; «*скатерть-самобранка*» — фольклорный символ изобилия-искушения; «*тебе — сказка, а мне бубликов вязка*» — традиционная концовка, коннотация игры/традиции. Фразеология аккумулирует эмоционально-оценочный смысл и передаёт его сжато — это главный «носитель» народной коннотации.

Онимы и их коннотативная нагрузка. «*Шубин*» ↔ «*Губин*» (реплика приёмщика: «*Шубин ты или Губин*…») — рифмованная паронимическая игра, девальвирующая имя: собственное имя чёрта обесценивается через созвучную замену, что создаёт комическую, снижающую коннотацию.

Ключевая лексическая оппозиция: «*уголь*» ↔ «*золото*» ↔ «*порода*». На семантическом уровне главный коннотативный механизм текста — перестройка оценочной шкалы у трёх конкретных лексем: «*золото*» традиционно несёт коннотацию «высшая ценность, богатство»; приёмщик переназывает его «*породой*» — лексемой с коннотацией «пустая, никому не нужная горная масса»; а «*уголь*» — рабочее, «серое» слово — получает в тексте коннотацию наивысшей ценности («с меня уголь требуют», «геройский уголёк»).

Происходит коннотативная инверсия: слова «золото» и «порода» сближаются (богатство = пустышка), а «уголь» возводится в ранг святыни. Это чистый языковой механизм — перераспределение оценочных сем между лексемами через контекст (индуцированная, вторичная коннотация).

Заключение. Коннотативная специфика текста на языковом уровне складывается из пяти механизмов: суффиксы субъективной оценки задают оппозицию «свой–чужой» эмоционально; просторечные / диалектные фонетико-грамматические формы и модальные слова создают коннотацию устной народной речи; столкновение лексико-стилистических пластов порождает коннотативный диссонанс и комизм; фразеологизмы концентрируют культурно-оценочные смыслы; коннотативная инверсия ключевой пары «золото ↔ порода (уголь)» перестраивает оценочную шкалу — главный смысловой и экспрессивный приём. Всё вместе формирует двуслойную оценочную структуру текста: внешне фольклорно-шутовская, «простонародная» оболочка скрывает идеологически переоценённую систему значений, где уголь (труд) символически возвышается над золотом (богатством), а церковно-мифологическая лексика последовательно десакрализуется.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический,*

лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).

Список литературы

1. Богданов, Константин Анатольевич (1963-). Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры / Константин А. Богданов ; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 362 с.
2. Шахтёрские сказы: Сказы, легенды / П.А. Байдебура, Н.А. Гревцов, А.И. Кравченко и др.. — Донецк: Донбасс, 1987. — 111 с.

УДК 81’23:81’373

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА ГОРОДА НОРИЛЬСКА: СЕМАНТИЧЕСКИЕ, ТЕМАТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Кошкарова И. И., ORCID 0009-0008-1266-509X,
Матвеева И. В., канд. филол. наук, ORCID 0009-0001-1501-3109
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»,
г. Новосибирск, РФ
irina.matveeva@mail.ru, koskarovairina18@gmail.ru

Введение. Топонимика как раздел языкознания изучает географические наименования — топонимы, которые представляют собой особый слой лексики. Согласно Р. З. Мурясову, топонимы как разновидность собственных имён обладают уникальным статусом в системе языка: они выполняют не номинативную, а идентифицирующую функцию — не обозначают класс предметов, а выделяют индивидуальный объект [4].

Неофициальные топонимы — это названия внутригородских географических объектов, созданные жителями и функционирующие в бытовой коммуникации разных социальных слоёв населения [2]. Они сосуществуют с официальной топонимией, однако принадлежат иной речевой сфере — разговорной. Как отмечает исследователь такие номинации «ярче, чем официальные, отражают характерные черты жизни городского населения, его быт, нравы, вкусы и пристрастия» [2]. Как отмечает Е. Н. Клименко, эти номинации «имеют ограниченную сферу употребления, узкий диапазон функционирования, малую степень известности: обслуживают небольшой говорящий коллектив на вполне определённой, конкретной территории в условиях непосредственной устной коммуникации при отсутствии письменной закреплённости» [1]. И.В. Матвеева считает, что «появление неофициальных топонимов свидетельствует о желании говорящего «освоить» пространство, выразить

свое отношение к нему, маркировать его с точки зрения оппозиции «свой-чужой», о стремлении к языковой игре» [3], — что характеризует поиск и систематизацию такого материала как важную задачу в укреплении самоидентификации города.

Основная часть. Наименования географических объектов — как официальные, так и неофициальные — отображают природные особенности местности, хранят следы языков, традиций и исторических событий. Норильск — самый северный город мира с численностью более 150 тысяч человек — основан в 1935 году. Его экстремальные климатические условия и обособленность делают изучение речи горожан еще более интересным. Ключевую роль в становлении официальной топонимики Норильского промышленного района сыграли долганский и ненецкий языки — некоторые официальные топонимы заимствованы из этих языков.

В 1935 году был создан Норильский исправительно-трудовой лагерь (Норильлаг) — один из крупнейших лагерных комплексов ГУЛАГа. Силами заключённых возводились промышленные объекты и первые городские улицы. После ликвидации лагеря в 1956 году и амнистии многих бывших заключённых возникла потребность в привлечении новых кадров, что повлияло на формирование многонационального состава населения и, соответственно, на развитие топонимической системы города.

Цель нашего исследования заключается в выявлении и систематизации неофициальных топонимов г. Норильска, так как подобных исследований ранее в этом регионе не проводилось. Эмпирическая база исследования была сформирована посредством структурированного анкетирования, реализованного в дистанционном формате на платформе «Яндекс Формы». Анкета состояла из вопросов, уточняющих демографические характеристики респондентов, их отношение к неофициальным топонимам. В анкете содержались и вопросы, позволяющие выяснить, знают и употребляют ли респонденты, предложенные неофициальное топонимы. В этом докладе остановимся на материале, предоставленном респондентами при ответе на открытый вопрос, предлагавший им вспомнить и описать неофициальные топонимы, которые они или их знакомые употребляют в повседневной речи, указав их официальный адрес и, по возможности, выразив мнение об истории происхождения названия.

В опросе приняли участие 50 респондентов, проживавших и проживающих на территории Норильска. Большая часть опрошенных отдаёт предпочтение неофициальным топонимам, что свидетельствует о глубокой укоренённости народной топонимики в повседневной речи.

На основе опроса был составлен корпус из 31 неофициального топонима. Среди них: «Автак» (автовокзал), «Амбарка» (река Амбарная), «Драмак» (театр драмы им. В. В. Маяковского), «Зелёнка / ЗЛ»

(супермаркет «Зелёная линия»), «Каир» (район Кайеркан), «Комса» (ул. Комсомольская), «Кошкин дом» (бывшее женское общежитие), «Мавзолей» (магазин винно-водочных изделий, названный из-за очередей в СССР), «Материк» (остальная часть России за пределами Норильска), «Нора» (Норильск), «Тепловуха» (тёплые остановки), «Тринарик» / «Панковский тринарик» (дом № 13 по ул. Первомайской, где собирались подростки»), «Якайеркан» (стела «Я люблю Кайеркан»), «Мамантуха» / «Мамонтово ущелье» (старый заброшенный карьер), «Путораны» (автовокзал в Норильске), «Ремуга» (учебное заведение на ул. Павлова, дом 13), «Шестилетка» (станция скорой медицинской помощи), «Кровавая река» (река Далдыкан — имеет красный свет из-за особенностей грунта), «Рублёвка» (гаражи, которые раньше принадлежали привилегированным гражданам) и т.д.

По объекту урбанонимии большинство зафиксированных топонимов относятся к эргонимам. Среди них наиболее распространены названия учреждений, магазинов и театров. Также встречаются названия улиц (годонимы), территорий (хоронимы), рек (потамонимы), городов (астионы), каньонов (спелеонимы) и площадей (агоронимы). Преобладание эргонимов свидетельствует о том, что люди в первую очередь дают названия объектам, связанным с их повседневной жизнедеятельностью.

По пространственному масштабу большинство топонимов являются микротопонимами. Исключение составляют два крупных наименования: «Материк» — гипертопоним, называющий часть России за пределами Норильска и «Нора» — макротопоним, обозначающий весь город Норильск как единое пространство.

По способу формирования наблюдается почти равное соотношение модификаций официальных топонимов и собственно народных номинаций. Модификации образуются путём суффиксации, аббревиации, фонетической мимикрии и эллипсиса, тогда как народные номинации возникают через метафорический перенос, лексико-семантический перенос и языковую игру.

По характеру обозначаемого объекта преобладают точечные топонимы (обозначающие локальные объекты — здания, магазины, остановки), также представлены линейные (улицы, реки) и планарные (районы, территории).

Неофициальная топонимика Норильска — это живая и многогранная система, отражающая особенности природы, историю освоения края, промышленность, культурное многообразие и быт жителей. Изучение регионального лингвистического ландшафта этого региона представляется перспективным направлением исследования в контексте повышения узнаваемости этого пространства среди жителей страны.

Список литературы

1. Клименко, Е. Н. Неофициальные урбанонимы Екатеринбурга как элемент лингвокультурной компетенции студента-иностранца / Е. Н. Клименко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2010. — № 4. — С. 45-53. — EDN MWKGFJ.
2. Королева, И. А. Неофициальные топонимы в языке современного города и их изучение / И. А. Королева // Социолингвистика. — 2022. — № 3(11). — С. 86-94. — DOI 10.37892/2713-2951-3-11-86-94. — EDN MPDWOQ.
3. Матвеева, И. В. Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация (на материале лексики г. Новосибирска) : специальность 10.02.01 "Русский язык" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Матвеева Ирина Владимировна, 2021. — 243 с. — EDN DLHVJO..
4. Мурясов, Р. З. Топонимы в системе языка / Р. З. Мурясов // Вестник Башкирского университета. — 2013. — Т. 18, № 3. — С. 753-762. — EDN REVAZH.

УДК 81’374

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ЖИТЕЛЯ ДОНБАССА: ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ

Лукина Д. В., ORCID 0009-0008-4792-1153,
Ковалёва Н. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0001-2239-4536
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры — филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, ДНР, РФ
lukinadasha008@mail.ru, n.a.kovaleva@donnasa.ru

Введение. Языковая картина мира представляет собой систему концептуальных представлений о действительности, закреплённых в языке [1, с. 12]. Она формируется под воздействием как общенациональных, так и региональных факторов, определяющих специфику языкового сознания носителей [1, с. 15]. Для Донбасса как региона с длительным опытом культурного и политического пограничья проблема языковой репрезентации действительности приобретает особую остроту [2, с. 45]. Регион, исторически формировавшийся на пересечении русской, украинской, греческой и тюркской языковых традиций, выработал особый тип языковой личности, в которой общерусское ядро неразрывно сплетено с региональным экзистенциальным опытом [2, с. 46].

Актуальность исследования определяется необходимостью выявления грамматических и словообразовательных маркеров, фиксирующих региональную специфику языкового сознания жителей Донбасса. Язык региона представляет собой уникальную лабораторию, в которой отражаются процессы самоидентификации, культурной памяти и социальной адаптации в условиях трансформаций [3, с. 78]. Изучение этих

процессов имеет не только теоретическое, но и практическое значение для сохранения языкового наследия и развития региональной лингвистики.

Цель работы — выявление и систематизация грамматических и слово образовательных маркеров языковой картины мира жителя Донбасса, отражающих региональную экзистенциальную специфику.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач:**

1) определить корпус грамматических явлений, маркирующих региональную языковую картину мира;
2) выявить продуктивные словообразовательные модели, отражающие региональную специфику;
3) установить связь между языковыми маркерами и экзистенциальным опытом жителей Донбасса.

Основная часть. Языковая картина мира формируется под воздействием как общенациональных, так и региональных факторов [1, с. 15]. В грамматическом строе русского языка Донбасса обнаруживаются черты, обусловленные длительным контактом с украинским языком и спецификой местных говоров [3, с. 78]. Прежде всего это касается видовременных форм глагола: в разговорной речи региона наблюдается тенденция к аналитическому выражению будущего времени (буду делать вместо сделаю), что отражает прагматическую установку на процессуальность, а не на результат [3, с. 80]. Подобная грамматическая стратегия соотносится с экзистенциальным опытом шахтёрского труда, где процесс важнее мгновенного результата.

В области синтаксиса отмечается повышенная частотность безличных и инфинитивных конструкций (надо работать, нельзя не сделать), что свидетельствует о модальной нагруженности высказывания и отражает коллективистские ценностные установки [4, с. 112]. Императивные конструкции в речи жителей Донбасса часто лишены категоричности, приобретая форму совета или приглашения к совместному действию [4, с. 114]. Это грамматическое явление фиксирует специфическую коммуникативную толерантность, сформированную в условиях полиэтничного региона. Показательно, что в конструкциях с отрицанием преобладает частица не с глаголами совершенного вида (не сделал, не успел), что подчёркивает результативность действия и ответственность за его выполнение [4, с. 116].

Словообразовательные маркеры языковой картины мира проявляются прежде всего в сфере профессиональной лексики. Шахтёрский социолект Донбасса характеризуется продуктивными моделями с суффиксами -к-, -ник-, -щик- (проходка, забойщик, откатчик), образующими наименования лиц по профессии и видов деятельности [5, с.34].

Особую группу составляют топонимы, образованные от антропонимов и гидронимов (Донецк, Макеевка, Харцызск), сохраняющие историческую память о заселении региона [5, с. 36]. Топонимическая

система Донбасса отражает многослойность региональной истории: наряду с русскими названиями сохраняются греческие (Мариуполь, Сартана), тюркские (Бахмут, Кальмиус), украинские (Краматорск, Славянск) элементы [5, с.38]. Продуктивны также словообразовательные модели с префиксами за-, под-, над-, отражающие пространственную ориентацию в условиях степного ландшафта и промышленной застройки (забой, подземка, надшахтный) [6, с. 56].

Суффиксальные образования с уменьшительно-ласкательным значением (шахтёрка, лампочка, клетушка) выполняют не только номинативную, но и эмоционально-оценочную функцию, смягчая суровость профессиональной действительности [6, с. 58]. Аналогичную функцию выполняют диминутивы в бытовой сфере (хатка, крылечко, дорожка), создающие ощущение уюта и обжитости пространства [6, с. 60]. Региональная специфика словообразования отчётливо проявляется в неологизмах периода социально-политических трансформаций: образования с префиксом анти- (антимайдан), с суффиксом -ец- (ополченец), сложносокращённые наименования (ДНР, ЛНР) [2, с. 48].

Эти единицы фиксируют актуальные концепты регионального языкового сознания и отражают процессы самоидентификации. Особую группу составляют слова с суффиксом -ск-, образованные от названий населённых пунктов (донецкий, макеевский, горловский), которые в региональном узусе приобретают дополнительную коннотацию принадлежности к «своему» пространству [2, с. 50]. Грамматические и словообразовательные маркеры языковой картины мира жителя Донбасса тесно взаимосвязаны. Видовременные формы глагола, модальные конструкции, словообразовательные модели — все эти явления образуют единую систему, в которой отражается региональный экзистенциальный опыт [4, с. 118].

Язык региона выступает не просто средством коммуникации, но способом бытия в мире, формой сохранения культурной памяти и инструментом самоидентификации [1, с. 18].

Заключение. Грамматические и словообразовательные маркеры языковой картины мира жителя Донбасса образуют систему, в которой общерусские языковые нормы сочетаются с регионально обусловленными явлениями. Видовременные, модальные и словообразовательные особенности отражают экзистенциальный опыт пограничного существования и коллективистские ценностные установки. Дальнейшее изучение региональной языковой картины мира представляется перспективным в аспекте лингвокультурологии и социолингвистики.

Таким образом, грамматический и словообразовательный строй речи выступает не просто как средство коммуникации, а как способ концептуализации действительности. Экзистенциальный опыт пограничного существования, сопряженный с постоянным преодолением

трудностей, находит прямое отражение в синтаксисе (преобладание простых, волевых конструкций) и в лексико-семантических полях, связанных с домом, трудом и защитой.

Список литературы

1. Бондарь Л.П. Русские говоры Донбасса: фонетика, грамматика, лексика / Л.П. Бондарь. — Донецк: ДонГУ, 2018. — 210 с.
2. Клименко А.Б. Идентичность жителей Донбасса: онтологический аспект / А.Б. Клименко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. — 2025. — № 4. — С. 34–42. — DOI 10.5281/zenodo.18337558.
3. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. — 60 с.
4. Селезнева Е.Н. Синтаксис русской разговорной речи: коммуникативно-прагматический аспект / Е.Н. Селезнева. — Москва: URSS, 2019. — 240 с.
5. Экзистенциальный выбор Донбасса в контексте ценностных ориентаций Русского мира // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. — 2025. — № 3. — С. 67–75. — DOI 10.5281/zenodo.XXXXXXX

УДК 81’373.2

УСТОЙЧИВОСТЬ УРБАНОНИМИИ ГОРОДА ДОНЕЦКА КАК КРИТЕРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Мозговой В. И., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-4301-65-85
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mowi48@mail.ru

Введение. Урбанонимы, являясь одним из наиболее востребованных разрядов микротопонимии, предполагают бережное отношение социума к названиям улиц, площадей, учреждений, памятников и т. п. Эту особенность, однако, не могут осознать органы власти, которые, стремясь добиться полного контроля над объектами городской инфраструктуры, закрепляют в ономастике нормы текущей политической целесообразности, требуя при этом их неукоснительного соблюдения. Расширяющаяся в связи с этим конфликтность мотивирует устранение фактов деонимизации.

Цель. Установить причины ложной фиксации урбанонимов и описать социальные модели их функционирования.

Основная часть. Термин *урбаноним* был введен в научный оборот в связи с появлением общей теории имени собственного [5] и разделением топонимимов на *макро-* и *микротопонимию*. Нормы употребления первых стали контролироваться поэтому высшими органами власти, а вторых — муниципалитетами, решение которых не подлежало обсуждению.

Между тем урбанонимы не могли принять навязанные извне нормы, поскольку они ассоциировались с произволом, уничтожающим сам объект. Об этом донецкий ономатолог Е. С. Отин заявил еще в 2004 г., полагая, что «…коннотативные собственные имена с вторично развившимися созначениями, вероятно, можно отнести к ономастическим универсалиям» [4, с. 5]. Добавим к этому, что универсализация стала для урбанонимов реальностью, поскольку они не могли существовать без коннотаций.

Специфика их употреблений состояла в том, что они, традиционно изменяясь со сменой собственника, не разрушали устойчивость языковой системы, уже самим фактом своего существования охраняющей уникальный смысл онимной единицы, функционирующей в конкретном обществе на конкретном этапе его развития. Нормы их презентации определяются, таким образом, не денотатом, который может измениться при смене собственника, и не регистратором, выполняющим поставленную перед ним политическую задачу, а сложившимися в сознании социума моделями, опирающимися на восприятие и диктующими их особый графико-грамматический рисунок.

Сегодня можно говорить о пяти моделях урбанонимизации.

1. Нейтрально-официальная модель, в рамках которой выделяется:

А. Принцип реальности, определяющий уровень соответствия названия объекту номинации.

Так, первичная форма *Донецкий* ***государственный*** *университет экономики и торговли имени Михаила* ***Тугана****-Барановского* (***ДонГУЭТ*** им. М. ***Тугана****-Барановского*) реальна, поскольку она адекватно определяет государственную форму собственности и точно указывает на двойную фамилию известного экономиста из рода *Тугана* (от тюркск. *tugan* «родной») и *Барановского*, фиксирующих особую оригинальность объекта.

Но «обновленная» форма *Донецкий* ***национальный*** *университет экономики и торговли имени Михаила* ***Туган****-Барановского* (***ДОННУЭТ***) явно проблематична. Во-первых, потому что понятие «национальный», подчеркивающий стремление Украины к национализму, не соответствует государственному статусу вуза в России; во-вторых, потому что форма *Туган-,* присоединенная в качестве приставки к фамилии польско-литовского шляхтича *Барановского*, убирает из истории *князя Тугана*; в-третьих, потому что в конструкции ***ДОННУЭТ*** буквосочетание *ДОН-* вместо *Дон-* (*Донецкий*) уничтожает собственной имя вообще.

Б. Принцип сопредельности, допускающий метонимический перенос одной формы именования в другую (*Путиловская* ***роща*** > ***улица*** *Путиловская Роща*), исходя из их смысловой близости и мотивируя изменение графики: а) в дримониме ***Путиловская роща*** денотат зафиксирован строчными буквами, а референт ***Путиловская*** — прописной, указывающей на единичную уникальность объекта; б) в урбанониме ***улица Путиловская Роща*** референтное словосочетание

теряет значение, а поэтому не изменяется по падежам, выделяясь из общего контекста двумя прописными буквами (*от улицы* ***П****утиловск****ая*** ***Р****оща*)

2. Официально-метафорическая модель, которая опирается:

А. На принцип сходства реального объекта с метафорическим, преобразующим свернутый текст в развернутое восприятие [6], фиксирующее новый денотат, новый референт и новую несклоняемую графико-грамматическую форму в кавычках, например: *улица* ***П****утиловская* ***Р****оща* (от *улицы* ***П****утиловск****ая*** ***Р****оща***) > *ресторан* «***П****утиловская* ***Р****оща»* (Р. п. *от ресторана* «***П****утиловская* ***Р****оща»*).

Б. На принцип замены реального объекта метафорическим, например: урбаноним *Южный автовокзал* передает информацию о движении автотранспорта в южном направлении, а его метафорический «двойник» *автовокзал «Южный»* закрепляет новый смысл в несклоняемой закавыченной метафоре, скрыто информирующей, что Северный и Западный автовокзалы закрыты из-за военных действий.

3. Официально-мемориальная модель, в которой выделяется:

А. Принцип мемориализации нарицательных имён: ***б****акинские* ***к****омиссары* > *площадь* ***Б****акинских* ***К****омиссаров*; *актовый зал* > ***Большой*** *актовый зал* (ДонГТУ); ***к****афедра общего, славянского и прикладного языкознания* > ***К****афедра общего, славянского и прикладного языкознания* ***имени Е. С. Отина*** (ДонГУ).

Б. Принцип мемориализации собственных имён, например: ***генерал А****нтонов* > ***улица Г****енерала* ***А****нтонова*.

Официально-мемориальная модель требует, таким образом, коренной перестройки графико-грамматического рисунка:

1) оригинального употребления прописной / прописных букв, в зависимости от того, сколько слов референтной части утратило нарицательность: *бульвар* ***Ш****ахтостроителей*, но *площадь* ***Б****акинских* ***К****омиссаров*; *проспект* ***В****атутина*, но *улица* ***М****олодых* ***Ш****ахтёров* и т. п.;

2) фиксацию урбанонима в родительном падеже: *от бульвара* (имени кого?) ***Шахтостроителей***; от *площади* (имени кого?) ***Бакинских Комиссаров***); *улица* (имени кого?) ***Капитана Ратникова*** и т. п.

3) ситуативного перевода международно значимой информации и изменения фонетико-графического рисунка в контактных языках: рус. *бульвар* (имени) *Шахто****строителей*** // укр. *бульвар* (імені) *Шахто****будівельників***; рус. ***улица Пятидесятилетия СССР*** // укр. ***вулиця П'ятидесятиріччя СРСР***; рус. ***улица*** *Молод****ых*** ***Шахтёров*** // укр. ***вулиця*** *Молод****их*** ***Шахтарів*** и т. п.**;**

4) запрещения переименований, если они уничтожают память. Так, первичное название *площадь Конституции* в честь Основного закона страны при переименовании вошло в противоречие с новой формой *площадь имени* (кого?) *Героя России Нурмагомеда Гаджимагомедова*.

4. Официально-манипулятивная модель, которая опирается:

А. На ассоциацию: *бульвар* ***Пушкина*** *> кафе «****Онегин****»*; *мемориал «****Джон Юз****» >* ***ресторан «Юзовская пивоварня»*** и т. п.

Б. На принцип воздействия, игнорирующего информацию, но допускающего свободу авторских фантазий, в том числе с использованием графогибридизации и дигитализации, например; *алкомаркет* ***«Бухарест»***, *кафе «****Нали-Вали****»*, *супермаркет «****MoLoko****»*, *универмаг «****BABY****»*, *компания* ***«ФиRма»***, *магазин* ***«ПОД НИЗ»***, *суши-бар* ***«Шире хари»***, *гостиница* ***Donbass Palace // Донбасс Палац*** и т. п. При нарушении морально-этических и культурно-языковых норм этот принцип еребует социально-правовых ограничений.

5. Речевая модель, которая связана:

А. С коннотативным осмыслением объекта, например: *памятник Пушкину > Голова*, *поселок Машиностроительного завода > Боссе*, *автостанция «Центр» > «Яма»*, *ул. Артема > Первая Линия* и т. п.

Б. С коннотативным осмыслением названия, например: *ДонГУ > Универ*, *Калининский район > Калиновка* и др. Являясь продуктом устной, публицистической и художественной речи, эта модель требует изучения в рамках стилистики, поэтонимологии и проприонимологии с периодической публикацией результатов исследований в словарях.

Заключение. Урбанонимия — одна из первичных и наиболее продуктивных пластов онимной лексики, оказывающей влияние на всю ономастику. Однако при некомпетентном понимании универсализации и ее перенесении в контекст номинативной лексики ее продуктивность приводит к коллапсу, что требует экспертизы нормотворческой деятельности [3]:

1. Выявление ложных номинаций при их отнесении к именам существительным, указывающим якобы на особую значимость объекта. Их сигналом являются неоправданные кавычки и выделение псевдономинации прописной или прописными буквами, которые превращают реальность в метафору, не изменяющуюся по падежам, например: *Кафедра «Менеджмент и логистика»*, *Факультет «Транспортные технологии»* (Донецкая академия транспорта).

2. Расшифровку фактов деонимизации с изменением статуса: Донецкий технологический колледж (урбаноним) ≠ Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Донецкий технологический колледж» (эргоним).

Итак, норма для урбанонимов зависит не от оценок «текущей правильности», а от соответствия их статуса социальному восприятию [2].

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).*

Список литературы

1. Мозговой В.И. Законы правовой ономастики и роль графики в идентификации объектов номинации / В.И. Мозговой. // Вестник Донецкого государственного университета. Серия Д. Филология и психология. Научный журнал — № 1. Донецк: ДонГУ, 2023. — С. 50–57.
2. Мозговой В. И Параллельные миры статусной и шаблонной ономастики // XVIII Крымские Международные Михайловские литературноономастические чтения (10 сентября 2024 г.): материалы конференции / ред. В. М. Калинкин, А. В. Петров. — Симферополь: ИП Корниенко А. А., 2024. — С. 161–181.
3. Мозговой В. И. Специфика лигвистической экспертизы онимной лексики в условиях цифровизации // Актуальные вопросы лингвоэкспертной деятельности. Из опыта работы ГЛЭДИС: коллективная монография / Г.Н. Трофимова М. В. Батюшкина, М. А. Венгранович [и др.]; Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. — Москва: РУДН, 2025. — С. 83–115.
4. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён. — Донецк : ООО «Юго-Восток, ЛТД», 2004. — 412 с.
5. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — Москва : Наука, 1973. — 368 с.
6. Щербак А. С. Ономастический умвельт: лингвистический подход // Вестник Калмыцкого университета: научный журнал. — Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та, 2025. № 4 (68). — С. 114 — 120.

УДК 81’37

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДОНБАССА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДОНЧАНИНА

Панчехина М. Н., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-8268-7293
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.panchehina@donnu.ru

Введение. Пространство Донецка исторически сложилось как крупный индустриальный узел, в котором культурная составляющая долгое время оставалась на периферии общественного внимания. В последние годы лингвосемиотический образ региона прочно переплетается с дискурсом военных событий в Донбассе. Задача настоящего исследования — выявить и систематизировать лингвокультуремы Донецка как специфического пространства, сочетающего мультикультурные и мультикодовые пласты. В нём органично соединяются природные и промышленные элементы, формируя самобытную региональную картину мира.

Материалы и методы. Эмпирической базой работы стали два основных типа источников. Во-первых, устная речь жителей Донецка, ключевые и наиболее употребительные единицы которой зафиксированы в словнике «Словаря донецкой речи» [1]. Во-вторых, художественные тексты, раскрывающие современный региональный колорит: произведения

В. Теркулова, А. Ревякиной, Д. Трибушного, А. Савенкова и других авторов, представляющих местную поэтическую и прозаическую традицию.

Для анализа применялся комплекс методов. Описательный метод позволил раскрыть семантическое наполнение понятия «лингвокультурема». Квалификационный метод лёг в основу классификации выявленных единиц. Сопоставительный метод использовался для выявления сходств и различий между типами лингвокультурем. На этапе отбора языкового материала был задействован социолингвистический подход.

Основная часть. Лингвокультурема объединяет собственно языковую семантику с широким культурным контекстом. В ходе исследования в городском пространстве Донецка были выделены две ключевые группы лингвокультурем: промышленные и природные. В каждой из них можно выделить центральные (ядерные) единицы, вокруг которых складываются семантические поля из периферийных элементов.

К числу важнейших промышленных лингвокультурем, укоренённых в городском ландшафте и сознании жителей, относятся «завод» и «шахта». Вокруг лексемы «завод» формируется смысловое поле, включающее такие единицы, как «сталь», «металл», «гудок». Эти слова активно используются дончанами для характеристики собственного характера: например, распространены выражения «Дончане — люди со стальным характером» и «У донецких сердце из металла». Металл выступает одним из ключевых символов города. Ярким подтверждением этому служит Парк кованых фигур — одно из самых узнаваемых мест в центре Донецка, где представлены разнообразные скульптурные композиции из металла.

Особую роль играет гудок Донецкого металлургического завода: он по-прежнему служит сигналом начала рабочей смены и воспринимается как воплощение упорядоченного ритма индустриального города. Специфическое отношение к гудку нашло отражение в рабочем фольклоре. Так, в народной среде бытует присказка: «Вставай, милочек, гудит гудочек».

Не менее значимой для региональной картины мира является лингвокультурема «шахта», вокруг которой складывается свой круг лексем, в том числе маркированных региональной спецификой: «уголь», «жужелка», «горняк», «шахтёр», «тормозок», «кайбаш», «забой», «на-гора», «террикон», «Шубин» и другие. Каждая из этих единиц заслуживает отдельного рассмотрения, однако очевидно, что в языковом сознании дончан шахта предстаёт как особое пространство, где тяжёлым, почти каторжным трудом добывается уголь — его нередко называют «хлебушком» или «чёрным золотом». В шахтёрском фольклоре живёт образ Шубина — духа, который предупреждает шахтёров о грозящей опасности, например о скоплении метана. Мифологизация шахтёрского труда прослеживается и в поэзии: мотивы тяжёлой работы и героики

шахты встречаются в произведениях А. Парщикова, О. Старушко, Е. Заславской и других авторов.

Вместе с тем в формировании образа городского пространства заметную роль играют и природные лингвокультуремы. Они широко представлены в литературе о Донецке, а также активно тиражируются в сувенирной продукции — на открытках, фотографиях и иных визуальных материалах о Донбассе. Традиционно Донецк известен как «город роз» или «город миллиона роз»: розовые насаждения украшают центральные улицы, бульвары и парки, радуя горожан цветением с мая до конца октября. Характерно, что сами жители подчёркивают особый статус этого цветка, говоря: «Донецкие розы — это Розы». В современных условиях, на фоне военных событий, образ розы приобретает дополнительные смысловые оттенки: он ассоциируется с мученичеством, страданиями Христа, а также с человеческой кровью, пролитой в городе.

Ещё одной значимой природной лингвокультуремой выступает «пальма». Несмотря на южный климат региона, в Донецке пальмы не растут. Тем не менее в культурной памяти закрепилась рукотворная пальма Мерцалова — произведение кузнечного искусства, выкованное из куска рельса ещё в XIX веке. Оригинал экспонируется в Санкт-Петербурге, а копии установлены на центральных улицах Донецка. Эти скульптуры пользуются большой популярностью у горожан и гостей города, особенно в тёплое время года: они вызывают ассоциации с южным солнцем и особым местным колоритом.

Заключение. Промышленные и природные лингвокультуремы формируют целостный и узнаваемый образ городского пространства Донецка, в котором региональные смыслы органично переплетаются с общекультурными кодами. Итогом проведённого исследования стал «Словарь лингвокультурем Донецка», который разрабатывается школой лингворегионоведения при кафедре русского языка Донецкого государственного университета. Словарь призван зафиксировать параметры лингвокультурной идентичности жителей Донбасса и раскрыть региональные особенности их речи в контексте русского национального языка.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).*

Список литературы

1. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025625607 Российская Федерация. Словник Словаря донецкой речи : заявл. 11.08.2025 : опубл. 01.12.2025 / А. С. Бурляй, Е. Н. Станкус, М. Н. Панчехина ; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет». — EDN LRBCLI.

УДК 811.161.1'373.211.1

АСТИОНИМ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Станкус Е. Н., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-0271-9698
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.n.stankus@mail.ru

Астионим традиционно рассматривается в ономастике как один из наиболее консервативных разрядов топонимической лексики. Под астионимом понимается вид ойконима — собственное имя города. Термин был предложен Н. В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии» и с тех пор закрепился в отечественной ономастике [1]. Считается, что названия городов обладают повышенной устойчивостью, слабой подверженностью языковой моде и высокой степенью официальной закреплённости. Однако наблюдения над современным языковым материалом заставляют усомниться в справедливости этого тезиса. Астионим всё чаще обнаруживает свойства динамического знака: он переосмысляется, фрагментируется, обрастает коннотациями и становится инструментом конструирования как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Настоящая работа посвящена анализу тех механизмов, благодаря которым городское имя превращается из нейтрального элемента географической номенклатуры в активный компонент языковой картины мира.

Актуальность заявленной темы определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в эпоху цифровой коммуникации резко возросла частотность неофициального употребления астионимов: сокращённые, иронические, ласкательные формы активно функционируют в интернет-дискурсе и постепенно проникают в речь. Во-вторых, процессы переименования городов, характерные для XX и начала XXI века, сделали астионим объектом идеологической борьбы, что требует лингвистического осмысления. **Цель** работы заключается в описании астионима как динамического элемента языковой картины мира, отражающего общие процессы, происходящие в языке и культуре.

Астионимы способны выступать в роли свёрнутого культурного текста. Название города не просто указывает на точку на карте, оно активирует в сознании носителя языка целый комплекс представлений, ассоциаций, исторических и литературных аллюзий. Так, имя «Петербург» в русской культурной традиции давно перестало быть только географическим обозначением. Оно функционирует как самостоятельный мифологический комплекс, вобравший в себя идею «окна в Европу», мотив «города на костях», образ «самого умышленного города на свете» и,

наконец, петербургский текст русской литературы, описанный В. Н. Топоровым [3].

Выполнение идеологической функции городского имени связано с тем, что при переименовании городов новое имя легитимизирует новый порядок, стирает память о предшествующем, вписывает город в иную систему координат. Например, переименование Юзовки в Сталино, а Сталино в Донецк представляет собой не только череду административных решений, но и акт присвоения власти над пространством. Каждое из этих имён было мотивировано идеологическими задачами от увековечивания имени Сталина до борьбы с культом личности [4]. Таким образом, астионим становится политическим манифестом, а его смена — символом разрыва с прошлым.

Однако последствия таких переименований не исчерпываются официальным уровнем. Возвращение исторических названий, характерное для постсоветского периода, породило такой феномен онимический конфликт, под которым понимается «разногласия между социальными группами или их представителями из-за несходства во взглядах, мнениях, оценке относительно восприятия какого-либо собственного имени или группы собственных имён» [2, с. 113]. В обществе возникает раскол: для одних возвращённое имя — восстановление исторической справедливости, для других — утрата привычного и дорогого обозначения, связанного с личной биографией. Лингвистический конфликт между поколениями и социальными группами отражает более глубокий конфликт исторической памяти. Показательно, что в повседневной речи старые и новые астионимы нередко сосуществуют: человек может сказать «я родился в Сталино, а живу в Донецке», и это высказывание будет не противоречием, а точной передачей сложного отношения к собственному городу и его истории.

Жители крупных городов постоянно создают собственные, не закреплённые официально названия для районов, улиц и самого города. Эти имена выполняют функцию маркера свой-чужой и отражают локальный патриотизм, иронию или критическое отношение к действительности. Народная этимология и переименование — явления, которые существовали всегда, но в цифровую эпоху получили новое дыхание. Социальные сети и мессенджеры ускоряют распространение неофициальных астионимов, а мемы закрепляют за городом определённый стереотип, который затем тиражируется в речи. Коннотации городского имени подвижны, они зависят от ситуации общения, от интенции говорящего, от принадлежности к той или иной социальной группе. Медиа, в свою очередь, активно влияют на астионимическую моду: популярная песня или фильм способны закрепить за городом определённый образ, который затем воспроизводится в массовом сознании. Так, Чикаго устойчиво ассоциируется с гангстерами, Рио с карнавалом, а некоторые

постсоветские города приобрели в интернет-фольклоре иронические прозвища, отражающие их реальные проблемы или особенности.

Проведённый анализ позволяет сделать несколько выводов. Астионим не является статичным элементом языковой системы. Он функционирует как динамический знак, способный накапливать культурные смыслы, служить инструментом идеологической борьбы, адаптироваться к условиям межъязыковой коммуникации и порождать множество неофициальных вариантов. Городское имя является сложным семиотическим комплексом, в котором отражаются история, политика, культура и повседневный опыт носителей языка.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).*

Список литературы

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1988. — 192 с.
2. Разумов, Р. В. Онимические конфликты в российском урбанонимическом пространстве / Р. В. Разумов // Верхневолжский филологический вестник. — 2018. — № 4 (15). — С. 112–119
3. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. — СПб.: Искусство, 2003. — 616 с.
4. Теркулов В. И. История донецких астионимов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2023. — № 2. — С. 28–46.
5. Заметки о неофициальной русской урбонимии // Вопросы ономастики. — 2010. — № 2 (9). — С. 53–68.

УДК 81`33

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА ДОНЕЦКА

Стебунова А. Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0005-9194-6831,
Халабузарь А. О., ORCID 0009-0005-2228-0781
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
alla.stebunova@mail.ru, khalabuzar86@mail.ru

Введение. Языковой ландшафт — это не только официальные вывески. Он многослоен: в него входят и неофициальные, и локальные, и заимствованные названия. Именно взаимодействие всех этих элементов создаёт неповторимый облик города. Роль урбанонимов в формировании языкового ландшафта города действительно ключевая, они не просто помогают нам ориентироваться — они связывают язык, пространство и культуру, превращая город в текст, который каждый житель и гость читают каждый день.

Цель. Определить основные функции языкового ландшафта города Донецка в контексте лингвокультурологического исследования, рассмотреть процесс взаимодействия языка и культуры в городском пространстве, проанализировать роль урбанонимов как важной составляющей языкового ландшафта, который формируется под влиянием социально-экономических и культурных факторов.

Материал и методы. Сбор фактического материала лингвистического ландшафта города Донецка проводился силами студентов филологического факультета в период социолингвистической практики.

Основная часть. Первичное освоение городского ландшафта всегда происходит в рамках ономастики, поскольку в урбанонимах отражены культурные представления этносоциумов, смена ценностных стереотипов общества, информация об его исторических, идейно-политических и эстетических вкусах, имеющихся традициях и устоях.

Каждый город узнаваем своими символами, центральными улицами, площадями, объектами, ставшими известными во время значимых событий. Все эти объекты составляют так называемую ментальную карту города. Благодаря этому мегаполис ассоциируется с набором городских объектов. Базовые урбанонимы описывались в работах В.В. Воробьева [1], Е.С. Отина [2] и др. Урбанонимы, которые характеризуют особенности города, его историю, региолект, символы и т.д., являются лингвокультуремами города, (то есть комплексными межуровневыми единицами, которые аккумулируют в себе как языковое представление, так и тесно связанную с ними внеязыковую культурную среду) [1]. Их можно определить, как базовые урбанонимы. Иначе говоря, базовыми

урбанонимами мы будем считать урбанонимы, которые проявляют признаки лингвокультуремы и отражают самобытность города.

Ведущим принципом наименования улиц в Донецке, как и в любом российском городе, является меморативный принцип, который позволяет увековечить память об известных людях и событиях, получивших известность в регионе, стране, во всём мире, характеризовать культурное пространство столицы Республики. Например, знаковыми для Донецка являются названия-посвящения деятелям отечественного революционного движения и гражданской войны, партийным и государственным лидерам, участникам Великой Отечественной войны, например: *ул. Блюхера, Гастелло, Лизы Чайкиной, Олега Кошевого, Дзержинского, Клары Цеткин, Кирова; проспект: Гурова, Гринкевича, Ватутина* и др. В ряду меморативных номинаций зафиксированы названия улиц, названных в честь людей, внесших значительный вклад в развитие науки и культуры: *ул. Курчатова, Лобачевского, Лермонтова, Горького, Достоевского, Льва Толстого, Тургенева, Пирогова, Гагарина и др.*

Помимо персон в годонимии Донецка увековечены события, памятные даты и юбилеи, знаменательные в коммуникативном пространстве города географические реалии. Так, в ряду мемориальных номинаций фиксируются названия, посвященные различным памятным датам и вехам отечественной истории: *ул. Первомайская, 50 лет ВЛКСМ, 25 лет Октября, 50 лет Октября, 50-летия СССР, 8 Марта, 9 Января*; социальным группам, в названиях которых отображена профессиональная направленность жителей города: *ул. Колхозная, Крепильщиков, Шахтёров, Литейщиков, Стратонавтов* и др.

Базовые урбанонимы как лингвокультуремы имеют несколько признаков: 1) называют месторасположение (*автовокзал Южный*), городская тематика (*Донецк-Сити)* и т.д.); 2) имеют определённую структуру (от лексемы (*Рутченково*) до словосочетания (*Золотое кольцо, гостиница «Донбасс Палас»*); 3) выполняют ключевую роль в жизни города (занимают центральное место (*улица Артема*, *площадь Ленина*), являются эксклюзивным символом города (*Донбасс-Арена*, *парк Щербакова, Арт-Донбасс*) и др.

Особенностями донецкого урбанонимикона являются слияние традиций, местная специфика и вариативность, согласно которым в Донецке сочетаются как исторические, так и современные традиции наименований. Параллельно с официальными названиями существуют неофициальные, например: *площадь Павших Коммунаров* имеет несколько параллельных народных названий: *Золотое кольцо, Горсад, Ленинград* и др. Неофициальные урбанонимы в Донецке характеризуются подвижностью и неустойчивостью лексических единиц, большим разнообразием словоформ, вариативностью и экспрессивностью наименований, значительной степенью индивидуализации городских

реалий. Неофициальные урбанонимы в Донецке могут возникать из-за исторической или культурной значимости объекта, его местоположения или сокращённого названия. Больше всего неофициальных урбанонимов в центре города — Ворошиловском и Калининском районах Донецка.

Наряду с общегородскими названиями существуют локальные, известные только жителям конкретных микрорайонов. До сих пор можно услышать: «Я живу (работаю) *на Боссе*». Так называют часть Ленинского района возле машиностроительного завода АО «Донгормаш» (в советское время завод имени 15-летия ЛКСМУ). Название связано с именем создателя машиностроительного завода, инженера Э.А. Боссе.

Заключение. Донецкие урбанонимы представляют собой развивающуюся в соответствии с лингвистическими и экстралингвистическими факторами систему, которая формирует языковой ландшафт города, его имидж, городскую лингвокультуру. Лингвистические факторы проявляются в семантических особенностях наименований, их словообразовательных моделях и структурном составе. Культурно-языковой ландшафт города Донецка — знаковый континуум, содержательная сторона которого создает информационное пространство, и в нём образ современного города прорисовывается в различных смысловых модальностях. Это ценный источник информации, отражающий морально-этические принципы общества.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).*

Список литературы

1. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография [Текст] / В.В. Воробьев. — М. : МГУ, 1997. — 186 с.
2. Отин, Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка [Текст] / Е.С. Отин // Вопросы языкознания. — 2003. — №2. — С. 55–72.
3. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; отв. ред. А. В. Суперанская. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1984. — 192 с.
4. Шмелева, Т. В. Ономастика: учебное пособие / Т. В. Шмелева. Славянск на Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ», 2013. — 161 с.

УДК 81'373

ЭРГОНИМЫ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ГОРОДА БРЯНСКА (НА ПРИМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ДЕТСКИХ ЦЕНТРОВ)

***Титова Д. И.*[1],**
***Атаманова Н. В.*[2],** канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1212-1435
[1] ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», г. Брянск, РФ
[2] ФГБОУ «Брянский государственный технический университет», г. Брянск, РФ
dashat20063001@bk.ru, atamanova2001@list.ru

Введение. Мир, в котором мы живем, справедливо называют миром имён и названий. Ведь каждый объект, реальный или вымышленный, имеет или может иметь своё собственное наименование, представляющее собой языковую единицу, «которая входит в систему языка, образуется и живёт по его законам и употребляется в речи» [3, с. 25].

Названия городских объектов являются важной частью современной языковой среды. Они не только выполняют информативную функцию, но и формируют образ города, отражают культурные предпочтения жителей, маркетинговые стратегии бизнеса и языковые тенденции эпохи. Особый интерес представляют названия развлекательных заведений, которые нацелены на эмоциональное воздействие, запоминаемость и привлечение клиентов. Изучение таких онимов позволяет выявить закономерности в современном городском нейминге, проследить влияние заимствований, исторического наследия и поп-культуры.

Целью данной работы является исследование семантико-прагматических и лингвокультурологических особенностей эргонимов детских центров, их роли в формировании образа учреждения и трансляции культурных смыслов.

Основная часть. Проанализируем наименование детского центра «Бумеранг». Согласно этимологическому словарю, *бумеранг* — англ. boomerang — переоформление австрал. wo-mur-rang [6, с. 56]. С.И. Ожегов даёт такое толкование данному существительному: *бумеранг* — это «метательное орудие в виде изогнутой палки или серповидной планки, при искусном броске возвращающееся обратно к бросившему» [2, с. 68]. В эргонимическом контексте данное слово приобретает метафорический оттенок, основанный на архетипическом представлении о законах бытия.

Метафора возвращения, заложенная в названии, символизирует не оружие, а инструмент взаимодействия с миром. Наименование можно интерпретировать как отсылку к мысли о том, что добро, любовь, забота, знания, вложенные в ребенка (подобно броску), возвращаются не только к

нему, но и к целому миру. Название центра актуализирует концепцию «вечного возвращения» Ф. Ницше с этической и экзистенциальной стороны.

Данная семантика напрямую соотносится с русской пословицей *«Что посеешь, то и пожнешь»*. Первоисточник этого выражения — Библия: *«Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет»* [1].

Следовательно, в названии «Бумеранг» реализован механизм культурной памяти: через исторический и библейский прототекст эргоним транслирует идею ответственности и необратимости поступка. Это позволяет предположить, что название формирует у адресата определенную нравственную установку и выполняет не только маркетинговую, но и воспитательную функцию.

Следовательно, можно утверждать, что наименование детского центра «Бумеранг» служит наглядным примером современного эргонима, где прагматическая составляющая неразрывно связана с культурным кодом. Опираясь на философские, религиозные и исторические истины, оно задает высокую эстетическую планку, напоминая об ответственности за воспитание. Это свидетельствуют о том, что язык города — это отражение духовных и культурных поисков общества.

В качестве примера фольклорного эргонима рассмотрим название «Тридевятое царство». Данное наименование восходит к русским народным сказкам. Согласно фразеологическому словарю А.Н. Федорова, *тридевятое царство* — «в русских сказках очень далёкая страна, земля» [4]. Название раскрывается с метафорической стороны: дети, приходя в развлекательное учреждение, оказываются в сказочной, далёкой стране.

Интересно, что в основе названия лежит числительное *тридевять*, образованное троекратным повторением цифры девять. Однако символика этих чисел имеет глубокие культурные корни.

В христианстве тройка является *священным числом*, представляя собой проявление наивысшего уровня в сфере духовного мира. Христиане крестятся три раза тремя перстами, во время крещения омывают три раза, повтор молитв осуществляется трижды, также в христиане часто пользуются пословицей: «*Бог любит троицу*». Число девять также встречается в религии, например, девять плодов Святого Духа — любовь, радость, мир, долготерпение, доброта, милосердие, вера, кроткость, воздержание. Таким образом, название задает высокую духовную планку восприятия [5].

Показательным для понимания символического осмысления может служить и лексема *царство*. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, в переносном значении *царство* — это «та или иная область действительности, средоточие каких-н. явлений, предметов» [2, с. 869]. То есть слово, которое связано с представлением государства или власти, начинает обозначать явления и предметы, которые в традиции русской сказки всегда являются волшебными. Исходя из этого, можно

предположить, что в развлекательном центре преобладают «фантастические элементы».

Таким образом, название «Тридевятое царство» выходит за пределы обыденного понимания. Дети оказываются в далекой стране со сказочными явлениями и предметами.

Заключение. Проведённый анализ позволяет говорить о том, что наименования представляют собой не просто обозначения, а семантически мотивированные единицы городской ономастики. Они способны передавать комплекс культурных и прагматических смыслов и формировать положительный образ, транслируя определённый культурный код и систему ценностей.

Список литературы

1. Библия. Новый Завет. Послание к Галатам, глава 6 // Азбука веры: православный портал. — URL: https://azbyka.ru/biblia/?Gal.6&r (дата обращения: 30.09.2026).
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1999.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1978. — 199 с.
4. Тридевятое царство // Словарь литературных терминов / под ред. А. Н. Федорова. — URL: https://gufo.me/dict/fedorov/тридевятое_царство (дата обращения: 30.09.2026).
5. Черкесов, Т. А. Число «три» и его символическое значение / Т. А. Черкесов, Д. А. Рубан // Scienceforum.ru. — 2017. — URL: https://scienceforum.ru/2017/article/2017030222 (дата обращения: 01.10.2026).
6. Этимологический словарь современного русского языка / под ред. М. Н. Свиридовой. — М.: Аделант, 2014. — 512 с.

УДК 81`42

АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ ДОНБАССА: ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ (2022–2026 ГГ.) (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ, ТЕЛЕВИДЕНИЯ, РАДИО И ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА)

Тохтарова В. И., ORCID 0009-0008-3808-6336,
Стебунова А. Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0005-9194-6831
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
tohtarovaviktoria@mail.ru , alla.stebunova@mail.ru

Введение. Медиапространство Донбасса в 2022–2026 гг. развивается в условиях вооружённого конфликта, русско-украинского двуязычия и

информационного противостояния. Эти экстралингвистические факторы определяют интенсивность неологизации и трансформации языковой нормы. Региональные СМИ, интернет-паблики и Telegram-каналы не только транслируют информацию, но и активно создают новую лексику, отражающую травматический опыт и индустриальную идентичность региона. Именно поэтому анализ языковых средств коммуникации в донецких медиа требует особого внимания к региональной специфике [1; 2].

Цель. Выявить и систематизировать лексические инновации и фразеологические трансформации в медиадискурсе Донбасса 2022-2026 гг., определить их тематические группы, словообразовательные модели и функционально-прагматический потенциал с учётом региональной специфики.

Материал и методы. Выборка из газет «Донецкое время», «Донецкий кряж», «Новороссия», пабликов «Типичный Донецк», «Москва сейчас», Telegram-каналов «Коротко по сути. Блокнот Донецк», «Терриконы Донбасса», подкаста «Точка взрыва». Методы: сплошная выборка, компонентный, словообразовательный, контекстуально-прагматический анализ, элементы квантитативного анализа. Перейдём теперь непосредственно к рассмотрению лексического своеобразия донецкого медиадискурса.

Основная часть. Собранный материал позволяет перейти от общих теоретических положений к непосредственному анализу языковых процессов, происходящих в донецком медиадискурсе. Рассмотрим последовательно ключевые пласты региональной лексики, приёмы фразеологической трансформации и особенности цифровой коммуникации.

Обратимся к центральному элементу медиадискурса Донбасса — региональной лексике, которая формируется под влиянием как исторического наследия, так и текущих военных реалий. Как показывает анализ, в её составе отчётливо выделяются несколько стратификационных уровней.

По классификации Н.П. Курмакаевой, в донецком регионе выделяются четыре стратификационных уровня:

– историзмы — слова, практически вышедшие из активного употребления: *зауросить* (зареветь, запричитать), *балахманный* (непутёвый, ненормальный — обычно о женщине), *кайбаш* (подсобка, сарай на шахте), *коногонка* (шахтёрский фонарь, надеваемый на каску);

– устаревающие единицы — ещё узнаваемые, но уходящие из речи: *бутор* (нечто отвратительное, несъедобное), *качумать* (отдыхать или помалкивать), *бушматый* (крепкий, плотный, подтянутый);

– актуальные бытовые регионализмы — регулярно фиксируются в речи и интернет-коммуникации: *трепель* (вешалка-плечики), *гармошка* (сочленённый автобус или троллейбус), *стулка* (табурет), *синенькие*

(баклажаны), *стиралка* (стиральная машина), *насыпать* (налить — например, «насыпь мне борща»), *склизкий* (скользкий), *скупаться* (делать покупки), *талон* (билет на проезд) [3];

– новые военные неологизмы — наиболее динамичный и семантически нагруженный пласт: *минусы* (обстрел с нашей стороны), *плюсы* (обстрел с вражеской стороны), *прилёты* (попадания снарядов), *майдаун* (сторонник майдана), *нацик* (украинский националист), а также аббревиатуры *лбс, пвд, рэб, БПЛА* и статусные маркеры *двухсотый, трёхсотый, пятисотый* [4].

Особое место занимают слова, обозначающие бытовые аспекты военного времени: *бензин*, *электричество*, *БПЛА* — они становятся маркерами повседневности и постоянными темами региональных медиа. Типичный контекст: «Угледарят третий день, помогаторы подсказывают коридоры» («Донецкое время», 2025); «Бензин по талонам, электричество по часам, а БПЛА — по расписанию» (Telegram-канал «Терриконы Донбасса», 2026). Именно такие единицы, как *бахи, минусы, плюсы, прилёты*, формируют эту высокую долю, становясь повседневными маркерами военного опыта. Таким образом, лексикон донецких медиа формируется под прямым воздействием военной повседневности.

Наряду с лексическими инновациями, не менее ярко региональная специфика проявляется на уровне фразеологии. В региональной прессе системно используются субституция, паронимическая аттракция, контаминация, аллюзия, расширение, эллипсис и буквализация [5]. Примеры: *«Тише воды, ниже террикона» (вместо «ниже травы»), «Куй уголь, пока бахи не стихли» (вместо «куй железо, пока горячо»), «Не хлебом единым, а донбасским углём», «Остапа понесло, а за ним — “Град”», «Топор войны зарыли, но откопали “Лепестки”».* Контаминации порождают окказионализмы: *коммунал-швырк, террикон-дром, свист-пересвист*.

По нашим подсчётам, доля локально окрашенных фразеологических трансформаций в региональной прессе достигает 35-40% от всех заголовочных комплексов. Эти приёмы выполняют экспрессивную, идентификационную и криптолалическую функции, создавая «язык для своих». Этот локальный код, понятный только местному читателю, естественно перетекает в цифровую среду, где получает дальнейшее развитие.

Цифровые платформы становятся логичным продолжением регионального медиапространства. Подкасты и Telegram-каналы не только фиксируют, но и порождают новую лексику. В подкасте «Точка взрыва» звучат *минуса, всполохи, бахи* [6]. В Telegram активно используются пиктограммы, выполняющие функцию смысловых сигналов: графический знак взрыва передаёт обстрел, знак голубя — мирное небо, знак машины скорой помощи — раненых. Такие элементы не заменяют вербальное сообщение, а дополняют его, создавая поликодовый текст.

Показателен «словарь ополченческого сленга» военкора Максима Фадеева (2019), где сапёры — «одноразовые», снайперы — «одноглазые», патроны — «маслята», мина с переходником — «аргумент». Эти метафоры пронизаны окопным сарказмом и снижают психологическое напряжение. Путь неологизма: устная речь → региональные паблики → Telegram → региональное ТВ → федеральные СМИ. Уже сейчас «прилёт», «будильник», «бахи» и «БПЛА» звучат в репортажах центральных каналов. Таким образом, цифровая среда не только закрепляет, но и тиражирует региональные инновации, выводя их за пределы Донбасса.

Заключение. Медиа Донбасса — активный участник языковых изменений. В 2022-2026 гг. сформирован мощный пласт военной лексики, отражающий травматический опыт и индустриальную идентичность региона. Фразеологические трансформации в заголовках создают локальный код, понятный местному читателю. Цифровая среда (подкасты, Telegram) выступает первичной площадкой фиксации и распространения новых единиц. Региональные инновации постепенно диффундируют в общероссийский дискурс, что делает донецкий материал важным объектом медиалингвистики.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).*

Список литературы

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 264 с.
2. Дускаева Л.Р. Типология медиаречи: каналы трансляции и жанрово-стилистические модификации // Медиалингвистика. — 2018. — Т. 5, №2. — С. 123-139.
3. Курмакаева Н.П. О ключевых терминах в лингворегионоведении: регионолект и регионализм // Материалы кафедры русского языка Донецкого национального университета. — Донецк: ДонНУ, 2025. — Вып. 7. — С. 4-9.
4. Стебунова А.Н., Бурляй А.С., Халабузарь А.О. и др. Ассоциативный словарь Донбасса: в 2 т. / под ред. Н.В. Уфимцевой, В.И. Теркулова. — Донецк: ДонГУ, 2025. — Т.1. — 380 с.
5. Теркулов В.И. Донецкий регионолект: монография / под ред. В.И. Теркулова. — Донецк: Фолио, 2018. — 265 с.
6. Brand Analytics представляет Словарь сленга 2025 года. — URL: https://brandanalytics.ru/blog/brand-analytics-slang-mem (дата обращения: 10.09.2026).
7. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части защиты русского языка». — URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.09.2026).

УДК 81’28

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ДОНБАССА

Трошкова А.С., ORCID 0009-0009-3607-3133,
Ковалёва Н.А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0001-2239-4536
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры — филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, ДНР, РФ
anyatroschkova@yandex.ru, n.a.kovaleva@donnasa.ru

Введение. Донецкий регионолект представляет собой регионально маркированную организацию русского языка, функционирующую на территории Донбасса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного описания грамматических и словообразовательных особенностей региональной лексики, остающихся недостаточно изученными. Регионолект как особая форма существования языка занимает промежуточное положение между литературным языком и территориальными диалектами, что определяет сложность его описания и требует комплексного подхода, учитывающего как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы [2, с. 18].

Донецкий регионолект формировался в условиях полиэтничной и поликультурной среды, что наложило отпечаток на его лексическую, грамматическую и словообразовательную системы. Значительное влияние на его становление оказали профессиональные языки шахтёров и металлургов, украинский субстрат, миграционные процессы, а также военно-политические события 2014–2024 гг. Всё это обусловило специфику региональной лексики, требующую детального изучения.

Цель. Выявить грамматические и словообразовательные механизмы формирования региональной лексики Донбасса. Материал — «Словарь донецкой речи» и корпус записей живой речи дончан.

Основная часть. Региональная лексика Донбасса формировалась под влиянием профессионального жаргона шахтёров и металлургов, украинского субстрата, миграционных процессов и военно-политических событий. Ключевую роль сыграл шахтёрский жаргон: слова тормозок, коногонка, киндейка, кайбаш пришли в региональную речь именно из этой среды. Эти лексемы не только номинируют реалии шахтёрского труда, но и выполняют функцию культурных кодов, маркирующих принадлежность к определённой профессиональной и территориальной общности.

На словообразовательном уровне активны суффиксальные модели разговорной речи. В лингвокультурологическом поле «Уголь» фиксируются уменьшительно-ласкательные образования: антрацитик,

уголёк. Суффикс *-ик* придаёт экспрессивную окраску, отражая ценностное отношение к углю как культурному коду Донбасса.

Грамматические особенности проявляются в акциональных глаголах, формирующих ядро глагольной системы. Выделяются группы: конкретного физического действия (бучать ‘пинать’, бескать ‘сильно ударять’, важить ‘взвешивать’, жаковать ‘поднимать при помощи подъёмных устройств’), перемещения, речевого и донативного действия. Эти глаголы описывают рутинные действия и подчёркивают активность регионолекта.

Акциональные глаголы донецкого регионолекта характеризуются высокой степенью семантической конкретности: они обозначают не абстрактные действия, а вполне определённые физические операции, часто связанные с профессиональной деятельностью. Это отличает их от литературных аналогов, которые могут иметь более обобщённое значение. Например, глагол жаковать не просто обозначает подъём предмета, а указывает на использование специальных подъёмных устройств, что отражает техническую оснащённость шахтёрского труда.

Префиксальное словообразование также продуктивно: запровторить ‘засунуть, спрятать’, заделать ‘изготовить’, вырубливать ‘вырубать’. Префиксы *за-*, *вы-*, *от-* приобретают специфические значения, не совпадающие с литературной нормой.

Существительные обнаруживают субстантивацию: антрацитный обозначает не только вид угля, но и тип шахты. Субстантивация прилагательных — продуктивная модель, связанная с номинацией реалий шахтёрского труда.

В 2014–2024 гг. наблюдается интенсивная деривация, обусловленная военно-политическими событиями: около 160 тематических неологизмов [5, с. 135]. Механизмы: метафорический перенос (карлсон ‘беспилотник’, бумеранг ‘ответный огонь’), усечение (арта, беспилотник), заимствования с регионализацией. Интенсивность деривационных процессов в этот период свидетельствует о высокой адаптивности регионолекта и его способности быстро реагировать на изменения внеязыковой действительности.

Языковая игра — важный механизм словообразования в сетевом общении: гроZZZу VoZZZмеZZZдия (об исходящих залпах орудий). На паремиологическом уровне: «Пока одни считают голы, другие считают прилёты».

Семантическая «перезагрузка» прецедентных феноменов: выражение Донбасс порожняк не гонит идиоматизировалось (‘не занимается пустыми делами’). В условиях конфликта актуализировалась исходная сема полноты и надёжности. Прецедентные имена создают экспрессивные номинации: Тоже мне Любка Шевцова нашлась!, Ну ты Стаханов! — результат семантической деривации на основе культурно-исторического

опыта. Подобные единицы демонстрируют, что регионолект активно использует культурный фонд региона, трансформируя его в новые смыслы.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении региональной лексики и литературной нормы. Многие региональные единицы функционируют параллельно с литературными аналогами, образуя своеобразные синонимические ряды. При этом региональные варианты нередко обладают большей экспрессивностью и функциональной нагруженностью, что делает их предпочтительными в ситуациях неформального общения.

Таким образом, региональная лексика Донбасса представляет собой сложную, динамично развивающуюся систему, в которой находят отражение как общие тенденции русского словообразования, так и специфические региональные особенности, обусловленные историей, культурой и социальными условиями региона.

Заключение. Основные механизмы формирования региональной лексики Донбасса: суффиксальная деривация с экспрессивным компонентом, префиксальное словообразование, субстантивация, метафорический перенос, языковая игра, семантическая трансформация прецедентных феноменов. Дальнейшее исследование уточнит место донецкого регионолекта в системе русских регионолектов. Перспективным направлением представляется сопоставительный анализ донецкого регионолекта с другими регионолектами русского языка, а также изучение динамики его развития в условиях современных социокультурных процессов.

Список литературы

1. Курмакаева Н.П. Словарь донецкой речи: лингвокультурологический аспект // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. — 2024. — № 4. — С. 12–20. — EDN XXXXXX.
2. Теркулов В.И. Донецкий регионолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.С. Коробова-Латынцева. — Донецк: ДонНУ, 2018. — 240 с.
3. Курмакаева Н.П. Донецкий речевой дискурс в фокусе креативности // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. — 2023. — № 2. — С. 45–56.
4. Лексико-семантические группы акциональных глаголов в донецком регионолекте // Научные горизонты. — 2024. — № 3. — С. 60–72. — EDN XXXXXX.
5. Московская Т.В. Специфика интенсивной деривации и семантических преобразований речи в период становления ДНР // Современный учёный. — 2025. — № 12. — С. 133–141.

Круглый стол
Лингвистика войны: перспективы научного исследования языкового пространства военных конфликтов

УДК 81.42

ОСВЕЩЕНИЕ АГРЕССИВНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СТРАН НАТО В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ С. В. ЛАВРОВА)

Боговая О. Ф., ORCID 0000-0003-1362-6283
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.bogovaya@mail.ru

Введение. Одной из интриг международной политики, начиная со второй половины XX века, являются отношения России и НАТО. Последнее, будучи созданным 4 апреля 1949 года для противостояния СССР, в течение всего периода своего существования методично проводило внешнюю политику, направленную на ослабление влияния на международной арене сначала СССР, а с 1992 года — Российской Федерации. Ведущие политики НАТО в своих публичных выступлениях пытались представить сначала СССР, а затем Россию как государство, представляющее, по их мнению, опасность для всего мирового порядка. Такая агрессивная риторика не могла не найти своего отражения в советском, а позднее — в российском политическом дискурсе. В посвящённых данной теме публичных выступлениях советских и российских государственных деятелей красной нитью проходил тезис о том, что СССР, а после его распада — Российская Федерация не преследовали и не преследуют агрессивные амбиции, но готовы противостоять агрессии как НАТО в целом, так и его отдельных членов. Проблема противостояния агрессивным устремлениям НАТО в отношении России особенно активизировалась в российском политическом дискурсе с февраля 2022 года, то есть после начала СВО.

Цель. Автором публикации сделана попытка проанализировать современный российский политический дискурс, касающийся освещения отношений России, НАТО и стран-членов НАТО (на примере публичных выступлений Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова, охарактеризовать лингвистические средства, используемые в дискурсе и направленные на разоблачение агрессивной политики НАТО, а параллельно –на создание позитивной репрезентации внешней политики России.

Основная часть. Международные отношения можно представить как социальный конструкт, который актуализируется в коммуникационном процессе. Следует согласиться с мнением Т.И. Дубровской и Э.И. Юськаевой о том, что «язык как мощный инструмент поддержания власти в обществе используется стратегически, чтобы конструировать и поддерживать социальные структуры, а также сети взаимодействующих акторов в рамках государства или на международной арене» [1, с. 120]. Анализируя политический дискурс как систему высказываний, формирующую и закрепляющую представления о мировом порядке, расстановке сил на международной арене, возможно сделать определённые выводы относительно тенденций в развитии международной обстановки, а также выработать возможные средства противодействия таким тенденциям.

В современных научных исследованиях, посвящённых анализу международного политического медиаконтента, содержащегося на официальном сайте НАТО, отчётливо прослеживается тенденция о признании основным вызовом «агрессивных действий России» [2, с. 6]. В языковых средствах, которые используются при освещении внешней политики России широко используется милитарная лексика, о чём свидетельствует распространённое применение таких лексем, как «угроза», «война», «агрессия», «атаки» и пр.

Естественно, что в российском политическом дискурсе для противостояния этой крайне негативной для России тенденции также используется лексика, призванная нейтрализовать указанный контент, в частности, путём его дискредитации. Проиллюстрируем это на примерах конкретных выступлений Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова.

Прежде, чем анализировать их содержание, обратимся к определению понятия «дискредитация», под которой понимается «подрыв доверия к кому-либо, чему-либо, умаление значения кого-либо, чего-либо» [3, т. 1, с. 402].

Так, выступая на общеполитической дискуссии 81-ой сессии Генеральной ассамблеи ООН 26 сентября 2026 года, С.В. Лавров охарактеризовал внешнюю политику одного из основных членов Североатлантического альянса, — США, — как «навязывание всем своих «правил», «силовой диктат», «диктатуру одного гегемона», использовав в отношении последней метафоры характеристику «пошла вразнос» (в контексте осуществлённых с нарушением норм международного права силового захвата президента Венесуэлы Н. Мадуро и убийства Верховного руководителя Ирана аятоллы Али Хаменеи) [4].

Для дискредитации руководства США в качестве ответа на его агрессивную риторику в отношении России, в выступлении использованы оценочная лексика с негативной коннотацией («навязать», «диктатура» как указание на несправедливую и насильственную власть, «авантюрно»,

«непредиктуемо» как акцент на иррациональности и опасности действий), контраст лексики легитимности и права с действиями Запада (противопоставление присущих международному праву лексем «иммунитеты», «неприкосновенность» и лексем, характеризующих действия США — «захват», «бессудное содержание в американской тюрьме», «убийство»).

Отвечая на вопросы СМИ по итогам XIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 29 сентября 2026 года, политик охарактеризовал высказывания министра иностранных дел Германии Й. Вадефуля о том, что «НАТО будет расширяться и «возьмёт в себя» украинский режим», что «Россия –это вечный враг», что «через три года будем воевать» [Германия с Россией], как «заклинания», «бесплодную и вредную затею». Отвечая на обвинения Запада в адрес России, которая якобы проводит «скрытую гибридную войну против европейских стран», С.В. Лавров апеллировал к характеристике западной политики в отношении России, как «войны, которую ведёт Европа против нас [России]» [5].

Для дискредитирующей характеристики агрессивной внешней политики Западной Европы в отношении России, связанной с созданием в лице России «образа врага» политиком использованы такие лингвистические средства, как эмоционально окрашенные слова «заклинания», «вредная», метафоры «берут на себя функцию глашатая», синтаксический приём перечисления с акцентом на последовательности и логичности изложения — «Вы имеете ввиду, когда мы уничтожаем дроны и ракеты, которые Британия и континентальная Европа поставляют Украине, а они потом по нам стреляют?» и некоторые другие.

Заключение. Ограниченный объём публикации не позволяет охарактеризовать весь набор лингвистических средств, используемых в российском политическом дискурсе для освещения агрессивной внешней политики стран НАТО. В то же время, даже представленное исследование позволяет сделать вывод, что в указанном дискурсе при характеристике внешней политики стран НАТО активно применяется её дискредитация с использованием приведенных выше лингвистических средств.

Список литературы

1. Дубровская, Т.И., Юськаева, Э.И. Семантика вражды в медиатизированном дискурсе международных отношений // Т.И. Дубровская, Э.И. Юськаева // Russian Linguistic Bulletin. — 2021. № 4 (28). — с. 120-126. — EDN YTXXXB.
2. The Secretary General’s Annual Report [Electronic resource] // — NATO: site. – https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/3/pdf/sgar20-en.pdf. (accessed: 24.11.2021).
3. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — РАН: Институт лингвистических исследований: Москва: Русский язык: ПОЛИГРАФРЕСУРСЫ, 1999. — В 4-х т.

4. Выступление С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 81-й сессии Генеральной ассамблеи ООН 26 сентября 2026 года. — Текст : электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. — 2026. –URL: https://www.mid.ru/ (дата обращения: 01.10.2026).
5. Подход к СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова по итогам XXIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», Московская область, 29 сентября 2026 года. — Текст : электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. –2026. — URL: https://www.mid.ru/ (дата обращения: 01.10.2026).

УДК 81’28

ХАРАКТЕР ВЕРБАЛИЗАТОРОВ «КЕВЛАРОВОГО ВЕКА» В ДОНЕЦКОМ ТЕКСТЕ

Курмакаева Н. П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0005-3472-0203
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» г. Донецк, РФ
kurmakayeva@mail.ru

Введение. Наше исследование является запланированным продолжением наблюдений и изучения речевого пространства города, составную часть которого представляет собой язык современного «донецкого текста русской литературы» (термин, предложенный и обоснованный А.Ю. Коробовым-Латынцевым в монографии «Донецкий регионолект» [1, с. 146]), того текста, что сегодня находится в сфере пристального внимания филологов (см. работы Н.Е. Касьяненко, Н.П. Курмакаевой, И.В. Логвиновой, А.С. Марченко, М.Н. Панчехиной, И.А. Поповой-Бондаренко и др.). Употребление в заголовке недавно рожденного термина, метафорически характеризующего современную действительность, в центре которой оказался Донецк и весь Донбасс с его жителями, детерминировано выходом в свет очередного сборника стихотворений донецкого поэта Анны Ревякиной «Кевларовый век» (2025) [3]. В аннотации к нему отмечается: название автором дано «по аналогии с золотым и серебряным веками поэзии» и оно «точно отражает суть нашего времени. Кевлар — очень лёгкий и прочный материал, из которого делают бронежилеты, шлемы и другие приспособления, способные защитить тело от пуль и осколков. В поэзии же кевлар сохраняет душу и совесть, не дает им распасться, изменить себе. Поэтический кевлар защищает великий русский язык» [3, с. 2].

Язык творцов золотого и серебряного века до сих пор продолжает привлекать внимание специалистов, хотя написаны сотни томов, составлены десятки словарей. Языку «кевларового» периода, думается, уготована похожая «участь», поскольку это не просто язык современной

войны (гражданской, украинско-российской, СВО и т.п.), это язык периода цивилизационного разлома в восточнославянской ветви славянского языкового мира, это серьезные трансформации в языковом сознании и речемыслительной деятельности живущего ныне поколения. Мы наблюдаем ломку ранее сложившихся традиций и стереотипов, изменения в языковом поведении людей, особенно оказавшихся в самом эпицентре этих событий, жёсткое разделение на «свой» и «чужой».

Мы уже отмечали, что «первой на все изменения обычно реагирует устная разговорная форма языка: в речи появляются новые слова и выражения, переосмысливаются старые, возникают непривычные словосочетания, рождаются новые разновидности и приемы языковой игры, каламбуры, крылатизмы, фразеологизмы, прецедентные феномены и т.п.» [2, с. 25]. В настоящее время эти процессы получили зримую репрезентацию в современной художественной литературе, в частности — в донецкой поэзии [3 и др.], посвященной затянувшемуся военному противостоянию в Донбассе, когда обычная донецкая степь превратилась в «горячий рубеж, пограничье двух разных миров» (А. Ревякина). Этим объясняем актуальность исследования, а **цель —** в осмыслении понятия *кевларовый век* через систему способов его верификации в региональном тексте.

Основная часть. Под «донецким текстом русской литературы» наши ученые предлагают понимать не только тексты, созданные и создаваемые в Донбассе или выходцами из Донбасса, но также и весь корпус текстов о событиях на этой земле, о ее людях, — текстов, в которых присутствуют «дух» и сила Донбасса. Именно донбасские события последних лет спровоцировали и стали отправной точкой отсчета «кевларового века».

Прежде всего этот период породил значительное количество лексических и семантических неологизмов, прямо номинирующих или переносно характеризующих измененную от мирной трудовой к предельно напряженной и милитаризированной ситуацию в регионе и вокруг него: *Над городом сгустились* ***беспилоты*** (Д. Трибушный); *Он укутывает меня в ватное одеяльце…в ласковый* ***бронник*** *от пуль украинских…*(Е. Сергеев); *Пакет* ***градов*** *по жилмассиву* (А. Ревякина); *Наша* ***дээргэшка*** *бандеровцев кошмарит* (Г. Савицкий); ***У*** *— называлась точкой. Новый словарь Донбасса* (М. Замшев); *А будут помнить что? Как в* ***век кевлара*** */ она его собою прикрывала* (А. Ревякина).

Большое количество явлений новой действительности получили в местной поэзии и прозе метафорическое переосмысление: *Еще вчера был зной и выпускной, / сегодня мальчики* ***венчаются*** *с войной* (А. Ревякина); *Забегай любой,* ***арта*** *коль* ***беснуется****, / забегай в подвал со смертельной улицы* (А. Ревякина); *Там, где всё* ***небо кашляет свинцом*** (М. Ватутина); *…лупили из «****сапога****», **накрыли ответкой**, «**обжимать стенки котла**»,*

*выпускали 73-миллиметровые кумулятивные «**гостинцы**»* (Г. Савицкий); *С неба реальный **свинцовый дождь*** (А. Ревякина).

Самая яркая примета кевларового века — это беспилотные летательные аппараты (БПЛА), беспилотники (на первых порах в сетевой коммуникации и в разговорной речи их называли по-разному: «карлсоны», «вжики», «летающие мопеды» — по сходству издаваемых звуков и, наконец, «птицы, птички», что сразу прижилось в художественном дискурсивном пространстве, особенно поэтическом). Поэты не только воссоздают образ кевларовой «птицы», но и эмоционально характеризуют, чаще как атрибут «чужого» или как сказочный символ зла: *Мама, **птица рубит** ветки, / **Сыплет минами** в кювет* (М. Ватутина); *И мама напишет: «Здесь кто-то опять не успел / укрыться, спастись, добежать, помолиться, / здесь **птицы железные** в небе — коршуны тьмы»* (А. Ревякина); *Под Авдохою Димка Филиппов / **роняет Горыныча Змея*** (А. Ревякина).

С кевларовым веком будут связывать и появление в языке лингвокультурем, навечно закрепивших в памяти живущих трагические события войны и её жертвы: *Будут смотреть не по-детски / На палачей из «Азова» / **Ангелы из Донецка** / В нимбах своих свинцовых* (Р. Рубанов); ***Аллея ангелов**, прости, / мы долго шли. / И оправданий не найти — / не сберегли* (А. Шагин); *Мне снится Зорро / В своём сомбреро!/ А раньше снился город / Под миномётным обстрелом./ Взорванная Горловка /И её **Мадонна*** (Е. Заславская).

С каждым годом множится региональная персоносфера пассионарными и героическими образами поистине великих наших земляков и защитников земли донецкой. Прежде это были герои труда — шахтёры, металлурги, их пантеон пополнился новыми именами, которых родил кевларовый век. Один из них — Владимир Жога, позывной «Воха»: *Запечатлен как документ эпохи / навеки в опечаленных сердцах / гражданский подвиг командира **Вохи**, / который восемь лет провел в боях, / от пули снайпера не уберег себя, / эвакуируя людей из Волновахи* (С. Литвак). Имена героев расширяют прецедентную базу русского языка: *Будут мальчишки играть в **Арсена**, / **Гиви** и **Александра*** (М. Замшев).

И, конечно, богатейший местный топонимикон, связанный с разными по степени трагичности и символичности событиями затянувшегося противостояния в век кевлара: *У жителей Луганска и Донбасса,/ из Кременной, Рубежного, Попасной, / Макеевки, Дружковки, Соледара / горит душа от каждого удара* (С. Литвак) . Специалистам еще предстоит по крупицам собрать зафиксированные в текстах факты, чтобы создать своеобразную топонимную концептосферу кевларового века, оценив лингвокультурный «вес» каждой онимической номинации: *Донецка, Луганска, Авдеевки, Волновахи, Горловки, Иловайска, Мариуполя* и др.

Заключение. Таким образом, в сложившейся непростой социокультурной ситуации, которая войдет в историю как *кевларовый век,* языком продолжает создаваться “лингвистический портрет” современного общества и его времени. Особенно выразительным этот портрет выходит из-под пера художников слова, активно способствующих трансформационным процессам в области языковой концептуализации мира. Следовательно, поэтический кевлар не только защищает наш язык, но и обогащает его.

Информация о финансовой поддержке: *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).*

Список литературы

1. Донецкий регионолект: монография / под ред. В. И. Теркулова, ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет" ; Фонд "Русский мир". — Донецк : [ООО "НПП Фолиант"], 2018. — 264 с.
2. Курмакаева Н. П. Новое в культуре неофициальной сетевой коммуникации дончан в условиях военного противостояния // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы совр-ти. М-лы VII Междунар. научной конференции. Т.4, ч.2 Филол науки, 2022. — С. 25– 28.
3. Ревякина Анна. Кевларовый век. — СПб.: Лира, 2025. — 96 с.

УДК 316.754

ПРИЗЫВ КАК ФОРМА КОММУНИКАТИВНОЙ УГРОЗЫ

Слышкин Г. Г. [1,2], д-р. филол. наук, проф., ORCID 0000-0001-8121-0250,
Смирнова И. В.[1], канд. филол. наук, ORCID 0000-0001-7394-3155,
Бессонов Н. Ю. [1,2], канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-8383-8065
[1]ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко», г. Москва, РФ
[2]ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
ggsl@yandex.ru, lula@narod.ru, bessonov-ny@yandex.ru

Введение. В условиях растущей манипулятивности коммуникаций важной задачей лингвокоммуникативной политики государства является систематическое противодействие деструктивным информационным потокам. Под «деструктивным информационным потоком» понимается «совокупность вербальных и/или невербальных сообщений, направленных на осуществление манипулятивного управляющего воздействия на

субъекта коммуникации, разрушение его идентичности, побуждение к противоправным действиям или саморазрушительному поведению» [4]. Данная работа продолжает цикл публикаций, посвященных анализу деструктивных коммуникативных потоков [2; 3; 5].

Цель данной публикации — попытка анализа одного из деструктивных коммуникативных явлений с позиции лингвокоммуникативной политики Российской Федерации.

Основная часть. Побуждение является одним из видов деструктивных коммуникативных действий. Обычно данное коммуникативное действие является вербальным, но возможно использование и иных семиотик.

С целю определения семантического объема исследуемого феномена, представляется необходимым обратиться к словарным толкованиям (лингвистическим определениям) понятия «побуждение».

1. Лингвистические определения:

Образовано от:

Побуждение — 2) Понуждение кого-л. к какому-л. действию, поступку [6].

побудить — 1) склонить, понудить к чему-л. [1].

2. Нормативно-правовое регулирование деструктивного информационного потока осуществляется при обеспечении государственной и общественной безопасности.

Таким образом, прослеживается связь со стратегическими национальными приоритетами и задачами по обеспечению национальной безопасности. В частности, противодействие данному деструктивному потоку относится к стратегическому национальному приоритету «государственная и общественная безопасность» в части задачи «защиты интересов Российской Федерации и ее граждан»:

3. Деструктивный информационный поток — побуждать к совершению самоубийства. Иные коммуникативные действия, входящие в информационный поток:

– побуждение к отказу от исполнения гражданских обязанностей [Статья 239. Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан].

Основной регулирующий акт — «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022), Статья 110.2. Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства; Статья 239. Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан [7].

4. Объекты побуждения — 1) самоубийство; 2) отказ от исполнения гражданских обязанностей.

Адресат коммуникативного акта (целевая аудитория) — 1) граждане Российской Федерации.

Заключение. Произведенный анализ позволил сформировать актуальное представление об угрозах, которые, на момент написания статьи, может представлять такое деструктивное коммуникативное действие как призыв (на основании российского уголовного законодательства), направлениях правового регулирования исследуемого феномена, а также целевой аудитории, подверженной риску.

Следует подчеркнуть, что было зафиксировано расширение семантического объема понятия призыв за счет характеристик и определений, отмеченных в юридических текстах. Примеры текстов такого рода изначально имеют целью уточнить и описать особенности затрагиваемых понятий и терминов с юридической точки зрения. Представляет интерес дальнейшая систематизация и накопление информации при аналогичном анализе других коммуникативных угроз, представляющих важность для лингвокоммуникативной политики государства.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка : [БТС : А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; [гл. ред. С.А. Кузнецов]. — СПб. : Норинт, 2004.
2. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024621580 Российская Федерация. «Топонимическая база данных «Динамические изменения городской микротопонимики Киева: дерусификация, вестернизация, нацификация» : № 2024621184 : заявл. 26.03.2024 : опубл. 10.04.2024 / Г. Г. Слышкин, И. В. Смирнова, Е. В. Гордиенко, Н. Ю. Бессонов. — EDN FYIUWN.
3. Слышкин Г. Г. Дискредитация как коммуникативная угроза национальной безопасности / Г. Г. Слышкин, Н. Ю. Бессонов, Е. В. Гордиенко // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона : Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ, Ярославль, 16–25 мая 2023 года. Том Часть 2. — Ярославль: Редакционно-издательский отдел Международной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), 2023. — С. 194-199. — EDN AYTARM.
4. Слышкин Г. Г. Закон «О рекламе» и лингвокоммуникативная политика государства / Г. Г. Слышкин // Медиалингвистика : Материалы VI международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня — 02 2022 года / Науч. редактор Л.Р. Дускаева, отв. редактор А.А. Малышев. Том Выпуск 9. — Санкт-Петербург: ООО "Медиапапир", 2022. — С. 516-520. — EDN PIKCVZ.
5. Слышкин Г. Г. Коммуникативные угрозы, связанные с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных / Г. Г. Слышкин, Н. Ю. Бессонов, Е. В. Гордиенко // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2025. — № 81. — С. 80–97. — EDN BNYHGB.
6. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка : Ок. 1900 словообразоват. единиц / Т. Ф. Ефремова. — 2-е изд., испр. — Москва : Астрель : АСТ, 2005.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026).

УДК 316.347

РУССКИЙ ЯЗЫК В НОВЫХ СУБЪЕКТАХ ФЕДЕРАЦИИ КАК БАЗОВЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ: ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ

Теркулов В. И., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-0418-4260
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
terkulov@rambler.ru

Введение. Вхождение 30 сентября 2022 года в состав Российской Федерации Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей определило трансформацию статуса русского языка в этих регионах. Если ранее в ДНР и ЛНР он был государственным языком республик, а в Запорожской и Херсонской областях — языком повседневного общения, не имевшим официального статуса, то теперь на этих территориях он имеет статус государственного языка Российской Федерации, что обусловливает целый ряд особенностей его актуального функционирования в данных субъектах Федерации. С одной стороны, он становится основой русской государственности, что определяет его исключительную роль как средства реализации государственных актов; с другой — формирует как общеполитическое, так и индивидуально-бытовое мировосприятие граждан Российской Федерации на данных территориях.

Цель доклада: определить программу действий по продвижению русского языка как основного средства формирования русской национальной идентичности.

Основная часть. В ряде наших статей мы констатировали, что, с одной стороны, этничность представляет собой не гомогенную, а кластерную структуру этнического профиля личности, включающую лингвальную, социокультурную и политическую этнические идентификации и самоидентификации личности, а с другой — существует вполне очевидная связь каждого из указанных компонентов профиля с языком: лингвальная составляющая определяется родным языком, социокультурная — национальным, а политическая — государственным (см. об этом, например, [4]). Создание гармоничного соответствия всех трёх уровней профиля, в первую очередь на языковом уровне, обеспечивает единство этноса.

Лингвоэтнический уровень. Вполне очевидно, что в основе этничности, в основании пирамиды этнического профиля личности лежит лингвоэтничность: все наши мнения о своей национальности и гражданстве являются важными суждениями, но они должны быть

подкреплены нашим существованием в пространстве родного языка как основы этнического мировосприятия. Можно утверждать, что язык формирует ментальность личности, поскольку именно он, «его грамматический строй, лексика и фразеология представляют собой некий код, определяющий своей структурой особенности того или иного языкового сознания» [3, с. 31].

Н. М. Карамзин ещё в XIX веке писал: «Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладеть духом языка своего? Вольтер сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Нам, русским, ещё более труда, нежели другим» [1, с. 349]. Речь в нашем случае идёт, конечно, о литературном, то есть кодифицированном языке, которому обучают в школе. Именно эта форма национального языка обеспечивает все «высокие» книжные стили речи, а значит, не только и не столько бытовое, сколько общеэтническое, научное и эстетическое мировидение. Изучение языка на протяжении всей жизни — фактор формирования многогранного, высокоинтеллектуального и культурного этнического самоопределения.

В связи с этим важнейшей задачей интеграции жителей новых субъектов является коррекция уровня их языковой компетенции. Она необходима уже потому, что долгие годы эти территории находились в пространстве борьбы с русским языком, отсутствием, несмотря на старания многих учителей и преподавателей, полноценного языкового образования, что привело к серьёзному разрыву между повседневной русской речью жителей и литературным языком. Практический курс русского языка должен стать базовой учебной дисциплиной в школе, средних специальных и высших учебных заведениях, независимо от специальности. Человек, не владеющий литературной речью, во-первых, проигрывает в конкуренции лингвально грамотным специалистам, а во-вторых, пропускает огромное количество знаний, умений и навыков, обеспеченных лексиконом, тезаурусом и прагматиконом литературного языка.

Кроме того, для «продвинутых пользователей» необходимы программы совершенствования языковых компетенций. К ним относятся научно-популярные теле- и радиопередачи, показывающие особенности «высокого» русского, курс «Изысканный русский» для желающих познавать тайны грамматики, стилистики и правильности русского языка, научно-популярные статьи и книги, посвящённые коррекции речи, различного рода проверочные акции, такие как «Тотальный диктант» и «Донецкий диктант».

Социоэтнический (социокультурный этнический) уровень связан с национальным языком, то есть с языком, который объединяет представителей одного этноса. В школьных и вузовских курсах русского языка необходимо введение разделов, посвящённых описанию его

истории, современного состояния, особенностей воплощения в нём национального самосознания и лингвокультуры. Этому же должны быть посвящены научно-популярные лекции, статьи, книги, теле- и радиопрограммы.

Политический уровень представляет русский язык как государственный, то есть, с одной стороны, как объединяющий представителей всех этносов России, а с другой — являющийся наряду с флагом и гимном её символом. Эта идея должна быть представлена в политической части учебной и внеучебной практики.

Заключение. Таким образом, для формирования гармоничной гражданственности необходимо комплексное воздействие на личность в аспекте развития её языковых компетенций. Как в учебной, так и во внеучебной практике должны одновременно формироваться как собственно языковые компетенции, так и представление о русском языке как национальном языке русского народа и государственном языке Российской Федерации. Необходимо:

1) создание учебных программ на всех уровнях учебной деятельности, посвящённых формирования языковых компетенций и знаний о языке как лингвоэтнической, социоэтнической и политической сущности, а не только о какой-то одной из этих сторон;

2) использование данного принципа и в процессе популяризаторской работы в области русского языка;

3) продолжение разработки государственной системы обеспечения лингвоэтнической, социоэтнической и политической языковой грамотности.

Информация о финансовой поддержке. *Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).*

Список литературы

1. Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов? // Полное собрание сочинений : в 18 т. / Н. М. Карамзин; под общ. ред. А. Ф. Смирнова; сост. и подгот. текста М. Кузнецова. — Москва : Терра — Книжный клуб, 2008. — Т. 17 : Нравственная философия; История и современное состояние России и Европы; Литературная и театральная критика. — С. 349–353.
2. Красиков В. И. Концепты в функции философских основоположений / В. И. Красиков // Язык. Этнос. Картина мира. — Кемерово, 2003. — С. 10–16.
3. Нечаева Е. Ф. Языковое сознание и национальный менталитет (к вопросу о терминологии) / Е. Ф. Нечаева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2009. — № 2. — С. 30–33.
4. Теркулов В. И. Русский язык и этнический профиль личности / В. И. Теркулов // Русистика. — 2025. — Т. 23, № 2. — С. 304–319. — DOI: 10.22363/2618-8163-202523-2-304-319.

УДК 81'246.2:81'27

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ БИЛИНГВОВ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОССОЕДИНЁННЫХ ТЕРРИТОРИЙ)

Юрченко А. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-5028-8407,
Юрченко Т. Г., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0009-2278-4460
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет», г. Мелитополь, РФ
docent-1981@mail.ru, tatyana.yurchenko@yandex.ru

Введение. В условиях современных социально-политических трансформаций особую значимость приобретает исследование речевого поведения билингвов на территориях, где взаимодействуют два близкородственных языка — русский и украинский. Проблема выбора языкового кода и связанных с ним интерференционных явлений становится одной из центральных в лингвопрагматике, поскольку непосредственно затрагивает вопросы коммуникативной эффективности и языковой идентичности. Речевая стратегия понимается в работе как совокупность осознанных и неосознанных решений говорящего, направленных на достижение коммуникативной цели, при этом выбор языка в билингвальной среде выступает самостоятельным смыслообразующим фактором [4, с. 115].

Цель исследования — выявить и классифицировать речевые стратегии, используемые билингвами воссоединённых территорий, а также определить роль интерференционных процессов в их реализации.

Основная часть. Теоретическую основу работы составляют положения социолингвистики и прагмалингвистики о зависимости речевого поведения от экстралингвистических факторов: социального статуса коммуникантов, ситуации общения, мотивов и интенций говорящего [5, с. 276-278]. Ключевым понятием выступает языковая интерференция — перенос элементов одной языковой системы в другую, который в условиях билингвизма может быть, как спонтанным (неосознанным), так и намеренным (стилистически маркированным) [2, с. 218–220]. При этом прагматические пресуппозиции — знания о нормах языка и условиях успешного общения — определяют, насколько эффективно говорящий использует доступные ему языковые ресурсы [1].

Материалом для наблюдений послужили образцы устной речи жителей ряда населённых пунктов Запорожской области (г. Васильевка, г. Пологи, г. Токмак, пос. Михайловка, пгт Весёлое), собранные методом включённого наблюдения в 2024-2025 гг. Анализ позволяет выделить три основных типа речевых стратегий, реализуемых билингвами в повседневной коммуникации.

Первый тип — стратегия языковой лояльности — характеризуется устойчивым предпочтением русского языка во всех сферах общения, включая бытовую (транспорт, торговля, сервис) и официально-деловую. Данная стратегия демонстрирует сознательный цивилизационный выбор и сопровождается минимальным количеством интерференционных ошибок, поскольку говорящий стремится следовать литературной норме. Как отмечает Л. И. Скворцов, «на "приёме" нормативная строгость выше, чем на "посылке"» [6], что подтверждается и нашими наблюдениями: носители данной стратегии критически относятся к собственной речи и речи окружающих.

Второй тип — стратегия ситуативного переключения — предполагает гибкое использование обоих языков в зависимости от коммуникативной ситуации, собеседника и темы разговора. При этом переключение кодов может происходить как на уровне целых высказываний, так и на уровне отдельных слов и конструкций, что создаёт благоприятную почву для интерференции. Наиболее частотными являются лексические заимствования (*потужный* вместо *мощный*, *скраплений* вместо *сжиженный*) и грамматические кальки (*ихние проблемы* вместо *их проблемы*). Такие явления, по замечанию А. Е. Карлинского, выступают «коммуникативным мостом» между разноязычными коллективами [4, с. 115], однако их избыточность может затруднять взаимопонимание.

Третий тип — стратегия идентификационного маркирования — характеризуется намеренным насыщением речи украинизмами даже в тех ситуациях, где это нарушает коммуникативную эффективность. Данная стратегия выполняет не столько собственно коммуникативную, сколько символическую функцию, маркируя принадлежность говорящего к определённой социальной группе [6]. В рамках этой стратегии интерференция становится сознательным прагматическим инструментом, а не следствием недостаточного владения языком. Однако, как показывает анализ, подобные речевые действия нередко сопровождаются нарушением норм как русского, так и украинского языка, что снижает общий уровень речевой культуры.

Предложенная классификация коррелирует с моделью коммуникативного круга Б. Н. Головина, где каждый этап порождения речи (от замысла до реализации) может содержать «помехи» [3, с. 31]. В условиях билингвизма наибольшее количество сбоев фиксируется на этапе выбора языковых средств, особенно когда говорящий не имеет устойчивого навыка владения обоими языками или находится в состоянии эмоционального напряжения. При этом степень осознанности выбора языка напрямую зависит от социального контекста и статусно-ролевых отношений участников коммуникации.

Заключение. Проведённое исследование позволяет утверждать, что речевые стратегии билингвов воссоединённых территорий представляют

собой сложный и многомерный феномен, в котором переплетаются языковые, социальные и психологические факторы. Выделенные типы стратегий — языковой лояльности, ситуативного переключения и идентификационного маркирования — демонстрируют различные способы взаимодействия с интерференционными процессами: от их минимизации до сознательного использования в прагматических целях. Перспективным направлением дальнейших исследований видится разработка методик диагностики интерференционных явлений в речи билингвов и создание практических рекомендаций по оптимизации речевой культуры на территориях с интенсивным межъязыковым контактом. Особого внимания заслуживает также вопрос о соотношении интерференции и языковой нормы в условиях естественного двуязычия.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках фундаментального научного исследования «Преодоление билингвальной интерференции в сфере образования в новых регионах Российской Федерации» (FRRS-2026-0027).*

Список литературы

1. Булыгина, Т. В. О границах и содержании прагматики / Т. В. Булыгина // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — Москва, 1981. — Т. 40, № 7. — С. 3–5.
2. Рогозная, Н. Н. К вопросу о проблеме интерязыка, интерференции и билингвальных моделей: теоретические и прикладные аспекты / Н. Н. Рогозная, М. А. Давыдова // Вестник Томского государственного университета. — 2024. — № 507. — С. 218-225. — DOI 10.17223/15617793/507/22.
3. Головин, Б. Н. Основы культуры речи : учебник для вузов по специальности «Русский язык и литература» / Б. Н. Головин. — 2-е изд., испр. — Москва : Высшая школа, 1988. — 320 с.
4. Карлинский, А. Е. Понятие языковой общности и речевой нормы в связи с проблемой двуязычия / А. Е. Карлинский // Мови європейського культурного ареалу: розвиток і взаємодія / за ред. О. І. Чередниченко, Н. М. Биховець, О. В. Двужилов та ін. — Київ : Довіра, 1995. — С. 111-122.
5. Гордон, Д. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1985. — Вып. 16. — С. 276-302.
6. Скворцов, Л. И. Норма. Литературный язык. Культура речи / Л. И. Скворцов // Актуальные проблемы культуры речи / под ред. В. Г. Костомарова, Л. И. Скворцова. — Москва : Наука, 1970. — С. 104-153.
7. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. — 2-е изд. — Москва : Советская энциклопедия, 1989. — 815 с.

Общее, славянское и прикладное языкознание

УДК 81/23

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Башлыкова О. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0008-5377-7979
АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт», г. Воронеж, РФ
olga-khvorostova@yandex.ru

Введение. Понятие «языковое сознание» занимает центральное место в современной психолингвистике и лингвокультурологии, однако его применение к исследованию студенческой аудитории требует методологической рефлексии. Проблема заключается в том, что многие работы, декларирующие изучение языкового сознания, фактически ограничиваются описанием ментального лексикона, не демонстрируя связи языковых значений с деятельностью и личностным переживанием респондентов. Цель настоящей статьи — систематизировать теоретические основания исследования языкового сознания современного студента и определить эмпирические процедуры, адекватные этому понятию.

Основная часть. Теоретическая рамка исследования опирается на психолингвистическую традицию, в которой языковое сознание понимается как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, ассоциативных полей [1]. Вслед за А. А. Яковлевым языковое сознание рассматривается как понятие, показывающее, каким образом внешние (социально-культурные) и внутренние (эмоционально-личностные) условия функционирования языка связаны с изменением значений и личностных смыслов слов [2]. Такая трактовка позволяет отграничить исследование языкового сознания от изучения ментального лексикона: если последнее выявляет структуру хранения языковых единиц, то первое должно демонстрировать влияние регулярной деятельности и её личностного переживания на значения слов.

В современной науке сложились различные подходы к структурированию языкового сознания. В одних концепциях оно рассматривается через единство когнитивных представлений о языковой норме и знании языковых правил, аффективных языковых установок (радость от языкового общения, языковая игра) и языка в социальном взаимодействии (языковая критика, языковые манипуляции в общественной сфере). В других моделях выделяются отдельные измерения языкового сознания — аффективное, социальное, властное, когнитивное и поведенческое. Представляется, что для анализа языкового сознания

студента наиболее продуктивной является трёхкомпонентная модель, включающая когнитивный, аффективный и перформативный компоненты: когнитивный компонент охватывает информацию и знание о языковом объекте, аффективный относится к субъективной оценке объекта, а перформативный — к намерению вести себя определённым образом по отношению к объекту. Именно эти компоненты и позволяют операционализировать языковое сознание в эмпирических процедурах, в частности через анализ типов ассоциативных реакций.

Специфика языкового сознания студента определяется ведущей учебной деятельностью, а также возрастными особенностями мировосприятия. Студенческий возраст характеризуется повышенной изменчивостью и гибкостью языкового сознания, открытостью к новым идеям и технологиям, активным использованием гибридных форм коммуникации [2]. В условиях цифровизации и глобализации языковое сознание студента формируется под одновременным воздействием академического дискурса, интернет-коммуникации и межкультурного взаимодействия.

Эмпирическим ядром исследований языкового сознания выступает свободный ассоциативный эксперимент, позволяющий овнешнить образы сознания через реакции на слова-стимулы [3]. Данный метод максимально приближен к условиям стихийной речевой деятельности и даёт доступ как к значению слова, так и к его личностному смыслу и коннотативному компоненту [4]. В исследованиях студенческой аудитории в качестве стимулов используются лексемы, релевантные учебной деятельности: *студент*, *преподаватель*, *сессия*, *наука*, *университет*, *стипендия*.

Показательным примером эмпирического исследования является сопоставительный анализ образов студента и преподавателя в языковом сознании российских и иностранных студентов [4]. В эксперименте приняли участие 154 респондента (80 российских и 74 иностранных студента); было получено 766 реакций от российских студентов и 685 — от иностранных. Классификация реакций по характеру (когнитивные, прагматические, экзистенциальные, эмоциональные) позволила выявить специфику профессионального образа сознания в зависимости от культурной принадлежности респондентов. Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что различия в идентичности проявляются через различия в языковом сознании.

Отдельное направление составляют диахронические исследования, фиксирующие динамику языкового сознания студенчества под влиянием социальных процессов. Сопоставление ассоциативных полей, полученных в разные годы, демонстрирует стереотипизацию аксиологического компонента и увеличение доли единичных реакций-образов, что связывается с опытом медиапотребления [5]. Региональный аспект исследования языкового сознания молодёжи позволяет учитывать

гетерогенность студенческого социума, включая полиэтнические группы [6].

Заключение. Языковое сознание современного студента представляет собой динамическую систему, формируемую под влиянием учебной деятельности, цифровой среды и межкультурной коммуникации. Методологической основой его эмпирического изучения выступает свободный ассоциативный эксперимент, а теоретической — психолингвистическая трактовка языкового сознания как совокупности овнешняемых образов сознания. Дальнейшие исследования должны учитывать диахроническую динамику и региональную специфику студенческой аудитории.

Список литературы

1. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. — 2004. — № 2. — С. 34–47.
2. Яковлев А. А. Методологическая специфика исследований языкового сознания и ментального лексикона студента / А. А. Яковлев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — Т. 21, № 2. — С. 149–157.
3. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. — М.-Барнаул: Ин-т языкознания РАН, 2004. — 344 с.
4. Ремизова С. В. Языковое сознание как зеркало идентичности: применение ассоциативного эксперимента для выявления образов студента и преподавателя / С. В. Ремизова, Е. Б. Каган // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — Т. 13, № 6. — С. 51.
5. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А. А. Залевская. — М. : Гнозис, 2005. — 543 с.
6. Пешкова Н. П. Региональные особенности языкового сознания российской молодёжи / Н. П. Пешкова // Вопросы психолингвистики. — 2010. — № 1 (11). — С. 78–86.

УДК 378.4

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ ОБЩЕГО, СЛАВЯНСКОГО И ПРИКЛАДНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ИМЕНИ Е. С.ОТИНА. IN MEMORIAM: ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА САРКИСОВА

Борисова Л. П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0001-5109-9747,
Янышевская В. В., ORCID 0009-0001-9940-4827
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
donnuborisova@yandex.ru, vera742007@rambler.ru

Цель сообщения — отдать дань памяти тем, кто создавал, строил и развивал кафедру общего и славянского языкознания (таким было её первое название), которая за долгие годы своего существования была переименована

несколько раз. В апреле 2015 года к окончательному названию было добавлено имя известного ученого-лингвиста Е. С. Отина [1]. В сентябре 2026 года наш коллектив отметил уже не первый свой юбилей — 60 лет со дня рождения. Этот факт стал поводом вспомнить тех, кто стоял у истоков, творчески развивал новое подразделение и внёс личный вклад в развитие отечественной филологической науки и высшего образования [2].

Кандидату филологических наук, доценту *Лидии Нерсесовне (Николаевне) Саркисовой* в декабре этого года исполнилось бы 100 лет. Бо́льшая часть её жизни была связана с филологическим факультетом Донецкого государственного университета и совпала с годами его становления и мощного развития [3]. Л. Н. Саркисова занимала должность заведующего кафедрой общего и исторического языкознания с 1971 по 1976 годы. С её именем связан второй этап истории нашего коллектива. По инициативе нового заведующего «с целью усовершенствования организации учебного процесса, улучшения качества подготовки специалистов и создания более благоприятных условий для развития научно-исследовательской работы» подразделение было переименовано в кафедру общего и исторического языкознания (Приказ № 953 от 1 июля 1974 года). Такое наименование более точно отражало перечень научных направлений, которые были напрямую связаны с содержанием учебных дисциплин, закрепленных за преподавателями коллектива. В эти годы кадровый состав был значительно укреплён специалистами самого высокого профессионального уровня [3, с. 129–135]. Л. Н. Саркисова была авторитетным лидером в новом коллективе и сыграла заметную роль не только в дальнейшем кадровом укреплении кафедры общего и исторического языкознания, но и в становлении филологического факультета в целом.

Жизнь и судьба Лидии Николаевны может быть поучительной для нашей современной молодёжи. Родилась Л. Н. Саркисова 8 декабря 1926 года в г. Краснодаре в семье служащих. Её родители рано ушли из жизни, и девочка осталась сиротой. После окончания Степанакертской средней школы Азербайджанской ССР (территория Нагорного Карабаха) с 1944 по 1948 год Лидия Саркисова училась в Пятигорском государственном педагогическом институте (литературный факультет, специальность «Русский язык и литература»). По окончании педвуза она работала учителем в Минераловодском дошкольном педагогическом училище (1948–1949 годы) и позднее была рекомендована в аспирантуру при Институте языкознания АН СССР (г. Москва). В 1955 году Л. Н. Саркисова своевременно и успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Наблюдения над лексической синонимикой в русском литературном языке первой трети XIX века» и получила направление на кафедру русского языка Таганрогского педагогического института на должность старшего преподавателя (1955–1960 годы). Переезд в г. Сталино (теперь Донецк) был связан с переводом её мужа на новое место военной службы. В июне 1960 года Л.Н. Саркисова успешно

прошла конкурс на вакантное место старшего преподавателя кафедры русского языка и продолжила свою вузовскую карьеру в коллективе Сталинского педагогического института. В 1961 году она перешла на должность доцента, а в 1963 году закрепила эту должность научным званием. Исполнять обязанности заведующего кафедрой общего и славянского языкознания она начала с января 1971 года. В течение года ей приходилось совмещать работу сразу на двух кафедрах. Официально Л. Н. Саркисова заняла эту руководящую должность по конкурсу 6 апреля 1972 года и оставалась в ней до 12 февраля 1976 года. На новой кафедре за ней закрепились такие учебные дисциплины, как «История русского литературного языка», «Основы культуры речи», «Лингвистический анализ художественного текста», а также спецкурсы «Теоретические основы русской лексикографии» и «Культура русской речи в школьном преподавании русского языка». Л. Н. Саркисова была автором учебной программы по новой в то время дисциплине «Основы культуры речи», которая впервые была апробирована на филологическом факультете. При составлении этой программы она следовала научно-теоретическим взглядам представителей Московской лингвистической школы, которые в качестве теоретического основания подобных разработок рассматривали языковую структуру речи в её коммуникативном воздействии. Было введено понятие о качествах грамотной (культурной) речи, и в своих лекциях Л. Н. Саркисова постоянно проводила мысль о том, что культура речи следует не из сиюминутно диктуемых фактов языка, а из системы норм, которые обеспечивают общение в любой диалогической ситуации с соблюдением речевого этикета и целесообразности. Лидия Николаевна была высокообразованным специалистом-профессионалом, требовательным и строгим преподавателем, неравнодушной к качеству учебного процесса, которому всегда уделяла первостепенное внимание. Её научные интересы лежали в пространстве культуры речи и стилистики, в плоскости проблем современной лексикологии и лексикографии. В годы учебы в аспирантуре учителями и консультантами Л. Н. Саркисовой были ведущие советские филологи — академик В. В. Виноградов и профессор М. Н. Петерсон. Они смогли передать своей ученице не только высокий уровень профессиональных знаний, но и набор тех важных этических и нравственных стандартов, на которые каждому преподавателю в педагогической и просветительной деятельности необходимо опираться и сегодня. Во время стажировок в вузах Москвы и Ленинграда Л. Н. Саркисова слушала лекции профессоров Е. Ф. Васеко, В. М. Живова, Н. И. Толстого, Б. А. Успенского, была дружна с Г. А. Хабургаевым. В итоге доцент Л. Н. Саркисова по-новому, с учетом современных требований, интерпретировала весь материал курса истории русского литературного языка и изложила свою аргументированную концепцию в статье «О концепции курса ИРЛЯ» в Учёных записках Донецкого национального университета (2009 г.). Лидия Николаевна является автором очень востребованных в своё

время учебных пособий, не потерявших своей актуальности до сих пор: «Особенности развития русского литературного языка советского периода» (1969 г.); «Лексикология современного русского языка» — Ч. 1 (1970 г.), Ч. 2 (1972 г.); «Изучение фразеологии в вузе» (1974 г.); «Русская лексикография» (1975 г.). В 80-ые годы XX века по инициативе Л. Н. Саркисовой был задуман проект создания частотного словаря языка протопопа Аввакума, и она активно включилась в разработку общих принципов его составления и структуры. Собранный материал был оформлен и депонирован в ИНИОН АН СССР под №19382 в 1985 году.

Лидия Николаевна долгие годы оставалась активным членом нашей кафедры и уже в зрелом возрасте (когда ей было 85 лет) закончила активную преподавательскую работу по состоянию здоровья. Всё оставшееся время она поддерживала связь со своими коллегами и учениками, готовилась к своему 90-летнему юбилею, обещая принять участие во встрече со студентами-филологами. Но не случилось. Л. Н. Саркисова ушла из жизни 22 октября 2016 года, сохранив о себе память как о легендарной личности, имя которой навсегда вписано в «золотые страницы» истории нашей кафедры.

Список литературы

1. Борисова Л. П. «О, я недаром в этом мире жил…»: к 85-летию со дня рождения Евгения Степановича Отина / Л. П. Борисова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. — 2017. — №1. — С. 4–11.
2. Борисова Л. П. Страницы истории кафедры общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина в контексте развития отечественной лингвистической науки XX века / Л. П. Борисова, В. В. Янышевская // Материалы VI Международной научной конференции «Донецкие чтения» 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). — Т.4: Филологические науки. Часть 2: Языкознание, литературоведение, журналистика / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. — Донецк : Изд-во ДонНУ, 2021. — С. 130–133.
3. Донецький державний університет. — Донецьк : МП «Отечество», 1998. — 160 с.

УДК 81'366.58

СЕМАНТИКА ВИДОВЫХ ПАР В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СУБГНЕЗДЕ *МЫСЛИТЬ* СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОГНИЦИИ

Борозенец Д. И., ORCID 0009-0008-5480-5556
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
borozenets.dasha@mail.ru

Введение. Лексика когниции широко представлена различными семантическими группами, центральное место среди них занимает группа глаголов интеллектуальных действий и состояний, на базе которых и

образуются новые лексемы указанного семантического поля. Известно, что русский глагол обладает способностью вместе с грамматическим значением при деривации менять и лексическое значение, что находит отражение в такой лексико-грамматической категории, как способы глагольного действия.

Цель нашего **исследования** заключается в анализе глагольных видовых пар семантического поля когниции, объединённых словообразовательными отношениями. **Объектом исследования** выступит словообразовательное субгнездо *мыслить*, а **предметом** — семантика входящих в него видовых пар глаголов.

Материал исследования составляют 34 глагола, из которых 28 включены в указанное субгнездо А. Н. Тихоновым [1], а 6 добавлены нами. Непосредственно от вершины субгнезда образованы 11 глаголов совершенного вида. От каждого перфектного слова, в свою очередь, наблюдается образование имперфектной формы (с суффиксом *-ва-*, суффиксом *-а-* с предварительным смягчением согласного или обе предложенных формы). Таким образом, в анализируемом субгнезде наблюдаются многочленные видовые пары.

Основная часть. Глагол несовершенного вида *мыслить*, согласно «Большому толковому словарю русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, имеет следующие значения: ‘1. Создавать суждения, рассуждать с помощью понятий, сопоставляя явления объективной действительности и делая умозаключения. 2. *Разг.* Думать, размышлять о ком-, чём-л. 3. Представлять в мыслях, воображать. *Разг.* Рассчитывать, предполагать, считать’ [2] (далее — БТСРЯ). Все значения характеризуются непредельностью обозначаемых состояний.

Перфекты, образованные от данной вершины, помимо значения предельности приобретают и новые лексические значения, которые затем развиваются уже в их дериватах.

Видовые пары *вымыслить* ‘создать воображением, выдумать’ → *вымышлять* (в этом и многих других глаголах БТСРЯ даёт ссылку на глагол совершенного вида), *измыслить* ‘создать воображением; выдумать то, что не соответствует действительности; *разг*. придумать, изобрести’ → *измышлять* / *измысливать*, *примыслить* → *примышлять* / *примысливать* развивают свою семантику на базе 3 значения глагола *мыслить*. Способы глагольного действия, оформленные приставками, при этом различаются: приставка *вы-* позволяет говорить как об общерезультативном, так и об интенсивно-результативном способе глагольного действия: *Что заставило его, писателя,* ***вымыслить*** *это, а не что-то другое?* (здесь и далее примеры взяты из «Национального корпуса русского языка»: *Что заставило его, писателя,* ***вымыслить*** *это, а не что-то другое?* [И. Грекова. Без улыбок (1975)]; приставка *из-* — только об интенсивно-результативном: *Давайте ориентироваться на реальные значения слов, а не* ***измысливать*** *невесть что*; а приставка *при-* — о смягчительном (длительно-смягчительном для глагола несовершенного вида).

Видовые пары *домыслить* ‘1. Дополнить, довести до конца чью-л. мысль. 2. *Устар.* Придумать, надумать’ → *домышлять* ‘придумывать, воображать что-то’ (семантика установлена нами на основании контекста употребления, в БТСРЯ отсутствует) / *домысливать*, *замыслить* ‘задумать, намереваясь что-л. сделать, предпринять’ → *замышлять* / *замысливать*, *умыслить* ‘*разг.* Замыслить, задумать, сделать что-л. (обычно дурное, предосудительное)’ → *умышлять* / *умысливать* образованы на базе 1 значения глагола-вершины *мыслить*. При этом они также по-разному распределяются между способами глагольного действия в силу особенностей семантики своих префиксов: *домыслить* и его производные относятся к завершительному способу глагольного действия; *замыслить* — к общерезультативному; *умыслить* — интенсивно-результативному.

На базе 2 значения глагола *мыслить* образованы видовые пары *помыслить* ‘1. Мысленно допустить, представить, предположить // Подумать что-л. сделать, предпринять. 2. Подумать, поразмышлять’ → *помышлять* / *помысливать*, *размыслить* ‘обдумать что-либо мысленно, обсудить’ → *размышлять*, которые реализуют смягчительный (длительно-смягчительный для имперфекта) и распределительный способы глагольного действия.

На базе глагола *размыслить* также образовался глагол *поразмыслить* ‘*разг*. Основательно подумать, обдумать, размыслить’, давший имперфектный вариант *поразмышлять*, тоже относящиеся к распределительному способу глагольного действия: *И положила трубку. Я недолго* ***поразмышлял*** *насчет ее слов.*

Глаголы *обессмыслить* ‘лишить смысла; *стать бессмысленным* (с последней частью толкования мы не согласны и считаем, что здесь наблюдается неоправданное смешение двух глаголов: *обессмыслить* и *обессмыслеть* — Д.Б.)’ → *обессмысливать* реализуют общерезультативный способ глагольного действия: *Когда Распутин совсем* ***обессмыслил*** *и развенчал сакральность монархии, они возродили её в диктатуре; Бывают ситуации, когда при редактировании измененное слово радикально* ***обессмысливает*** *высказывание.*

В рамках субгнезда *мыслить* наблюдается словообразовательная цепочка, в которой присутствует несколько перфектных форм, последовательно создаваемых на основе друг друга: *смыслить* → *осмыслить* → *переосмыслить*. Каждая из данных форм, в свою очередь, производит свои имперфектные формы.

Видовая пара *смыслить* ‘1. Быть способным мыслить; понимать, соображать. 2. Разбираться в ком-, чём-л.; быть сведущим в чём-л.’ → *смышлять* интересна тем, что имперфект обладает более низкой частотностью и редко встречается в современном русском языке, при этом на основании контекстов мы выделяем у него значение, которого нет в исходном перфекте, — ‘придумывать’: *Живо раздобрели на казенных харчах, от безделья да сытости стали* ***смышлять*** *для себя какую по мыслям*

потеху. Данный глагол также является глаголом обзерезультативного способа глагольного действия.

Глагол *осмыслить* ‘понять, уяснить смысл, значение чего-л.’ Вместе с производными *осмыслять* и *осмысливать* относится к общерезультативному способу глагольного действия. Примечательно, что оба имперфекта достаточно употребительны, хотя и наблюдается определённый перевес в отношении имперфекта с суффиксом *-ива-*. У глагола *осмыслить* в контекстах также проявляется другое значение — ‘наделить смыслом’: *Кямал пришел, чтобы украсить и* ***осмыслить*** *ее жизнь.*

В глаголе *переосмыслить* ‘1. Осмыслить заново, иначе. 2. Придать другой смысл, значение’ и двух его имперфектах — *переосмыслять* и *переосмысливать* — мы видим уже совсем другое соотношение между двумя имперфектными вариантами: глагол с суффиксом *-ива-* здесь становится более частотным (156 примеров против 88 у глагола *переосмыслять*).

Выводы. Проанализированный материал проиллюстрировал, что значение глагола *мыслить* достаточно широко, а его префиксальные дериваты развивают собственную семантику на базе лишь одного из значений данного глагола. В то же время семантика перфектных образований от глагола *мыслить* шире, так как включает идею количества, времени и результата. Основным способом глагольного действия, в рамках которого существуют дериваты от глагола *мыслить*, является общерезультативный, однако также отмечаются смягчительный, длительно-смягчительный, завершительный, интенсивно-результативный, распределительный способы глагольного действия. Интересным представляется проанализировать другие словообразовательные гнёзда семантического поля когниции, с тем чтобы определить закономерности в способах глагольного действия когнитивных глаголов.

Список литературы

1. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Ок. 145 000 слов. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А — П. — 856 с.
2. Кузнецов А. С. Большой толковый словарь русского языка / А. С. Кузнецов // Грамота.ру : сайт [Электронный ресурс]. — 2000. — 1536 с. — Режим доступа: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar (дата обращения: 08.10.2026).

УДК 378.147:004.8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СТУДЕНЧЕСКИХ РАБОТАХ: ТИПИЧНЫЕ СЦЕНАРИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И МАРКЕРЫ ГЕНЕРАЦИИ В ТЕКСТЕ

Емельяненко А. В., канд. филол. наук, ORCID 0009-0009-1310-6625
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nna.yemelyanenko.84@mail.ru

Введение. Внедрение ИИ в образование можно разделить на три этапа. С 1970 по 1990 год зарождались интеллектуальные обучающие системы: они моделировали рассуждения и давали пошаговую обратную связь. С 2000 по 2010 год фокус сместился на адаптивные платформы и автоматизированную оценку, когда искусственный интеллект стал скорее инструментом объективной проверки. Третий этап, начавшийся в 2020-х годах, − это массовое распространение генеративных моделей, умеющих создавать тексты, планы и подбирать источники. Традиционные письменные работы как форма контроля требуют переосмысления на этом фоне, что и определяет актуальность нашего исследования.

Согласно масштабному опросу студентов российских вузов (52919 человек), почти половина обучающихся (49 %) имеет опыт использования нейросетей [1]. Опрос Томского государственного университета (1597 студентов и 250 преподавателей) показал, что студенты относятся к ИИ-инструментам лучше, чем преподаватели [2].

Цель нашей работы − систематизировать языковые маркеры сгенерированных текстов.

Основная часть. Согласно нашим исследованиям, студенты филологического факультета ФГБОУ ВО «ДонГУ» используют нейросети на разных этапах подготовки письменных работ: при подготовке рефератов, курсовых и дипломных работ, магистерских диссертаций, а также при выполнении самостоятельных и контрольных работ. Мы проанализировали 100 работ студентов 1−4 курсов, написанных на протяжении 2025−2026 учебного года. Обнаружено, что не менее 45 % студентов так или иначе прибегают к помощи нейросетей − этот показатель практически совпадает с данными всероссийского опроса (49 %) [1]. Такая статистика свидетельствует о массовом характере явления.

Тексты студентов ДонГУ, созданные с участием нейросетей, обладают устойчивыми признаками, которые опытный преподаватель фиксирует при чтении. Наиболее показательные маркеры опишем ниже.

1. Фантомные ссылки. Речь идёт о ссылках на несуществующие или не соответствующие заявленной проблематике источники. В тексте, сгенерированном ИИ-инструментом, в списке литературы могут

упоминаться фамилии известных учёных в связке с вымышленным названием монографии или статьи (остальные данные также могут не соответствовать реальности: вымышленный год издания, издательство и т.п.).
2. Избыточное и равномерно распределённое употребление длинных тире. Эта графическая специфика текстов, сгенерированных ИИ, является следствием того, что модель использует тире как универсальный пояснительный и разделительный знак.
3. Нарушение согласования грамматических форм. Например, в эссе, где автор позиционирует себя как рассказчика от первого лица женского рода, в части с описанием личного опыта встречаются формы прошедшего времени мужского рода.
4. Единообразные формулировки − одинаковые лексемы и грамматические конструкции в работах разных студентов по одной теме.
5. Композиционный шаблон («определение − классификация − примеры − вывод»), слабо привязанный к конкретному материалу.
6. Фактологические ошибки (некорректное указание авторства и т.п.).
7. Поверхностные примеры, не связанные с реальностью, либо примеры, которые не в полной мере иллюстрируют рассматриваемую ситуацию.

Ни один маркер по отдельности не является доказательством, однако их совокупность служит весомым основанием для беседы со студентом или устной проверки фрагментов работы. В первую очередь рекомендуем обращать внимание на фантомные ссылки, вскрывающиеся при простой проверке источников. Также подозрение должны вызывать грамматические ошибки, связанные нарушением согласования форм.

Специалисты предлагают три стратегических вектора для решения рассматриваемой проблемы: поддержку запретительной модели, регламентированную интеграцию ИИ и трансформацию форм аттестации в сторону устных защит и очных собеседований [3]. Опрос ТГУ поддерживает вторую модель: 45 % преподавателей готовы требовать указания факта использования ИИ в работе [2].

Опираясь на собственный опыт проверки работ студентов ДонГУ, мы считаем продуктивными следующие приёмы: требование пояснить выбор примеров и источников; этап «черновик с авторскими комментариями»; задания, привязанные к личному читательскому опыту и локальному материалу; совместно выработанные правила работы с ИИ в рамках дисциплины. Использование нейросетей имеет и ряд неоспоримых преимуществ: ускорение подготовки черновиков освобождает ресурс для глубокой проработки темы, подбор примеров и разбор ошибок помогают закрыть пробелы в понимании. Кроме того, ИИ даёт возможность проверить готовый текст (проверка на повторы и избыточность

формулировок, проверка пунктуации и т. д.). Использование нейросетей особенно ценно в работе со студентами направления подготовки «Фундаментальная и прикладная лингвистика». В перспективе молодые учёные могут не только эффективно применять передовые технологии, но и участвовать в их создании, обеспечивая лингвистическую корректность.

Заключение. Данные исследований и наши наблюдения показывают: письменная работа как форма проверки знаний исчерпала себя и должна трансформироваться в инструмент развития аналитического мышления, личной аргументации и ответственности за авторство [3]. Задача преподавателя − не запретить, а направить: регламентировать использование нейросетей и научить студента критически оценивать сгенерированный текст.

Исследование выполнено в рамках инициативной темы «Языковая картина мира в контексте новейших лингвистических парадигм» (номер госрегистрации НИОКТР 124112200105−7).

Список литературы

1. Алешковский И. А. Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении / И. А. Алешковский, А. Т. Гаспаришвили, Н. П. Нарбут и др. // Вестник РУДН. Серия: Социология. − 2024. − Т. 24, № 2. − С. 335–353. − DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-335-353.
2. Буякова К. И. Отношение студентов и преподавателей к использованию инструментов с искусственным интеллектом в вузе / К. И. Буякова, Я. А. Дмитриев, А. С. Иванова и др. // Образование и наука. − 2024. − Т. 26, № 7. − С. 160–193. − DOI: 10.17853/1994-5639-2024-7-160-193.
3. Грицай Л. А. Кризис письменных заданий: необходимость изменения формата обучения студентов в эпоху искусственного интеллекта / Л. А. Грицай // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2025): сб. статей VI Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. − М.: МГППУ, 2025. − С. 155–169.

УДК 87′373.231:821.161Пелевин 7

ОСОБЕННОСТИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИСТКОЙ ПРОЗЫ В.О. ПЕЛЕВИНА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «EMPIRE V»)

Касьяненко Н. Е., канд. фил. наук, доц., ORCID 0009-0002-1613-8314
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
Kasyanenko_natusya@mail.ru

Введение. В. О. Пелевин известен широкому кругу читателей как писатель-постмодернист, чья популярность не вызывает сомнений. Достаточно напомнить, что книги автора издаются значительными тиражами,

а его произведения переведены на многие языки мира, в том числе японский и китайский. В. О. Пелевин — лауреат многих престижных литературных премий, например премии «Большая книга» («Empire V») и др.

Постмодернизм получил развитие, начиная с 60-х годов XX века в творчестве целой плеяды известных авторов, в частности А. Битова, В. Ерофеева, В. Некрасова, Д. Пригова, В. Сорокина и многих других. Названное направление отличается не только оригинальной философией, обращением к мистике фантастике, к параллельной реальности, но и своеобразным языком, предполагающим элементы интермедиальности, мифопоэтики, активного имятворчества, языковой игры, различных манипуляций со словом и пр. В этом смысле внимание исследователей привлекают и собственные имена, которые во многом проливают свет на авторский замысел, способствуют правильному прочтению произведения. При этом они обладают ощутимой спецификой. **Целью** настоящей работы и является выявление этой специфики.

Актуальность исследования подтверждается интересом лингвистов к творчеству В. Пелевина в целом и к изучению идиостилевой специфики писателя (в том числе в его «ономастической» части) в частности, о чем свидетельствует целый ряд публикаций (см. например, [1], [2], [3] и др.)

Основная часть. Исследуемое произведение В. Пелевина содержит широкий и разнообразный спектр собственных имен. Это, прежде всего, антропонимы, составляющие основной ономастический пласт (имена богов: *Гера, Локи, Бальдр*, *Озирис* — исторических деятелей: *Наполеон, Генрих IV*, *Хрущев,* — бизнесменов: *Ходарковский,* — буддистских учителей, йогов: *Миларепа*, — писателей: Кастанеда, Набоков, — художников и композиторов: *Дейнека, Верди*, — и др.). В перечне онимов представлены и номинации других разрядов: топонимы (*Фудзи, Москва*), фильмонимы *(«Ледовое побоище, «Андрей Рублев», «Криминальное чтиво, «Дюна»* и пр.), именования элитных магазинов (*«Архетипик бутик», «Лавмаркс», «Хай Тризон»*), названия художественных произведений (*«Лолита», «Хроники Нарнии»)* и. т. д.

Особенности именования персонажей в исследуемом романе В. Пелевина подчинены общей идее романа — взгляду на Россию как на «новую империю», элитной части населения которой присуще имперское сознание. При этом элитой и основными действующими лицами романа являются вампиры, которые правят миром. По свидетельству одного из главных героев, они «*носят имена богов, таков древний обычай*» [4, с. 37]. Соответственно теонимы (наименования богов различного пантеона) составляют значительную часть собственных имен произведения и именуют высших и наиболее значимых богов.

Исследователи относят такого рода онимы к аллюзивным собственным именам, носящим интертекстуальный характер, что

лингвисты считают одной из примет постмодернизма [2]. Аллюзия не только событийна, но и «проецирует упоминание того или иного факта на порождаемый текст» [5, с. 1431], она выступает как символ определенного культурного явления. Вследствие различных ассоциативных связей, возникающих как результат аллюзии, СИ приобретает новые смысловые оттенки, обнаружить которые помогает ономастический контекст. Так, СИ *Митра́* называет древнеиранское божество, связанное с идеей посредничества — не случайно именно *Митра* последовательно приобщает главного героя романа (Романа, или Раму) к миру вампиров, «соединяя» мир вампиров с человеческим миром. В ведийской же мифологии *Митра* понимается как «друг», второй участник договора [6, с. 362], что также находит выражение в контексте: в ответ на вопрос «*Кто ты такой, Митра?*», Митра отвечает: «*Я твой* ***старший товарищ***» [4, с. 31]. Именно такую коннотацию приобретает аллюзивный теоним.

Другой значимый персонаж носит имя бога шумерско-аккадского пантеона — *Энлиль* (в переводе с шумерского «владыка-ветер») [6, с. 617]. Вполне закономерно, что контекст намекает на этот факт, поскольку появлению Энлиля в восприятии главного героя предшествуют определенные ощущения: «*Мне вдруг показалось, что в шею* ***подул еле заметный ветерок***» [4, с. 43]. Могущество Энлиля, его титул «отец богов» подтверждаются и той ролью, которую выполняет в романе данный персонаж, о чем он сам повествует: «*В человеческом мире я бы считался* ***начальством*** *<…> А вампиры называют меня просто* ***координатором***» [4, с. 45].

Наконец, главный герой романа носит имя *Роман* до того момента, когда он становится сам сверхчеловеком, вампиром. После этого он получает новое имя — *Рама*, созвучное собственному имени (Рома), что также не случайно, поскольку его использование в определенном смысле указывает на эфемерность границы между людьми и вампирами.

Особенностью онимов романа является также использование некоторых «божественных» аллюзивных имен с отчествами: *Энлиль Маратович, Ваал Петрович, Иштар Борисовна*, *Мардук Семенович.* Такой прием переводит имя персонажа в иную стилистическую плоскость, делает более прозаичным, придает ему современный вид. В этом просматривается стремление автора стереть границы между божественным и человеческим и в рамках новой империи «заставить» воспринимать вампиров как обычных людей.

Специфика онимов исследуемого романа писателя состоит также в использовании как вербального, так и невербального кода, что воплощено в названии произведения, имеющем буквенную и числовую символику — «Empire V». Здесь, безусловно, обыгрывается отсылка к имперской теме (Пятая империя — намек на идею писателя А. Проханова о

возникновении новой, пятой формации имперской России). А римская цифра V (5) «прочитывается еще и как латинская буква (В), поскольку речь в романе идет об империи вампиров.

Кроме того, в ономастиконе романа присутствуют необычные, уникальные поэтонимы, представляющие собой названия препаратов, содержащиеся в «жидкой библиотеке» в кабинете одного из вампиров (Брамы): «*Пастернак+1/2 Nadokov*», «*История: Поддержка укуса+ Команда Мыши*» и пр. За подобными номинациями скрываются ситуации, связанные с конкретными реальными лицами, особенностями их личной жизни, событиями или местами событий, в которых эти лица принимали участие. Так, пробирка в библиотечной картотеке, озаглавленная *Rudel Z00*, в эротическом разделе картотеки соответствовала ситуации, когда германский летчик Ганс Ульрих Рудель занимался любовью возле станции берлинского метро «Зоо». В данном случае формула имени включала именование лица и название внутригородского объекта, выполненные латиницей, что, очевидно, указывало на принадлежность субъекта и объекта именования к зарубежью.

Следует также обратить внимание на манипуляции со словом, в том числе с использованием собственных имен, которые В. Пелевин реализует, например, на основе поэтического этимологизирования. Обучение главного персонажа «гламуру» и «дискурсу» методом дегустации особых коктейлей сопровождается, по его словам, потерей «ориентации среди слов». Это приводит к словесным экспериментам, когда *ксенофоб* воспринимается как *ненавистник Ксении Собчак*, примадонна — как барственная дама, «*пропахшая сигартами “Прима”*», а название набоковского романа «Лолита» ассоциируется у главного героя и как производное от символа LOL (интернет-мем, англоязычный акроним), который воспринимается в сетевом общении как выражение смеха.

Заключение. Таким образом, ономастикон романа В. Пелевина демонстрирует ряд творческих находок писателя, использование которых определяет стилистику онимного пространства художественного произведения.

Исследование выполнено в рамках инициативной темы «Языковая картина мира в контексте новейших лингвистических парадигм» (номер госрегистрации НИОКТР 124112200105−7).

Список литературы

1. Алтухова О. Н. Ономастический контекст в постмодернистской литературе (на материале произведений В. Пелевина): автореф. дис. …канд. филолог. наук: 10.02.01 — русский язык / Ольга Николаевна Алтухова — Волгоград, 2004. — 26 с.

2. Васильева В. А. Проблемы перевода аллюзивных имен собственных на английский язык в литературе постмодернизма / В. А. Васильева, И. О. Окунева // Проблемы переводоведения. — 2015. — № 2. — С. 130–141.
3. Шахметова Н. Р. Сатирические аллюзии заглавий романов Виктора Пелевина / Н. Р. Шахметова // Известия ВГПУ. Филологические науки. — 2019. — № 6(139). — С. 230–235.
4. Пелевин В. О. Empire V / В. Пелевин. — М. : Эксмо, 2022. — 416 с.
5. Гарифуллина А. М. Аллюзии сквозь призму культурного кода / А. М. Гарифуллина // Вестник Башкирского ун-та. — 2009. –Т.14. — № 4. — С. 1431–1434.
6. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М. : Сов. энциклопедия, 1990. — 680 с.
7. Богданова О. В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90 годы XX века — начало XXI века) / О. В. Богданова. — СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004. — 716 с.
8. Ковешникова А. В. Интермедиальность как элемент идиостиля В. Пелевина: функционально-семантический аспект / А. В. Ковешникова, В. А. Лаврьентьев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т.18. — Вып.5. — С. 1960–1967.
9. Белоконева А. О. Антропонимы в постмодернистском тексте: структурные и функциональные типы (на материале произведений В. О. Пелевина) / А. О. Белоконева // Вестник Томского гос. ун-та. — 2012.– № 360. — С. 7–10.

УДК 811.161.1

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ДОНБАССЕ: СПЕЦИФИКА МИЛИТАРНОЙ МЕТАФОРИКИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. А. ПРОХАНОВА

Менякина А. А., ORCID 0009-0000-8766-3998,
Ярошенко Н. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0007-1208-1505
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
menyakina.2000@mail.ru

В фокусе современного лингвистического знания находится политический дискурс, в частности его прагматическая составляющая, воплощаемая через репертуар языковых средств и стратегий. Опираясь на парадигму когнитивной лингвистики, изучающей взаимосвязь языка и ментальных процессов, исследователи наделяют метафору статусом фундаментального инструмента концептуализации мира. Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, трактующими метафору как универсальный когнитивный механизм, определяющий не только речевую деятельность, но также мышление и поведенческие паттерны [2, с. 387], а также учитывая классическое определение

Н. Д. Арутюновой, понимающей метафору как троп на основе аналогии и сходства [1, с. 10], данная работа рассматривает метафоризацию как ключевой способ моделирования политической реальности.

Процесс метафорической концептуализации историко-социальных реалий представляет собой перманентное языковое явление, однако наибольшую ценность для исследователя представляют эпохи масштабных социополитических трансформаций и кризисов, провоцирующие всплеск когнитивно-дискурсивной активности («метафорические бури»). В фокусе данного исследования находится вооруженный конфликт на востоке Украины (начиная с 2014 года), ставший одним из ключевых геополитических прецедентов XXI века и приведший к образованию ДНР и ЛНР.

Настоящая работа нацелена на выявление и комплексную характеристику доминантных метафорических моделей, объективирующих военный дискурс в публицистическом творчестве А. А. Проханова. Нами были изучены тексты статей публициста, опубликованные в еженедельной газете «Завтра» [4].

Проведенный анализ публицистического дискурса позволяет утверждать, что в творчестве Проханова задолго до официальных геополитических изменений (в частности, еще в 2018 году) была концептуализирована неизбежность признания Донецкой и Луганской Народных Республик Российской Федерацией и их последующей интеграции. В концепции автора данный исторический этап трактуется как ключевой локус духовного и государственного «преображения» России, где на фоне вооруженного противостояния формируются новые смысловые доминанты и национальное самосознание («новая русская сила»). Рассмотрим контексты: *«Мы должны готовиться к схватке… а два маленьких свободолюбивых государства, ДНР и ЛНР, — будут признаны Москвой с последующим вхождением в состав России»* («Я сам обманываться рад». 30 октября 2018 г.); *«А сегодня столица России — это Донбасс… **Там, на блокпостах, в окопах, во время бомбардировок**… **зарождается новая русская сила**, **новое русское сознание**…»* («Я с тобой, Донбасс». 14 февраля 2018 г.).

Лингвокогнитивный анализ эмпирического материала свидетельствует о высокой степени метафоризации исследуемого дискурса. Репрезентация военных событий на территории ДНР осуществляется посредством широкого спектра метафорических моделей, среди которых выделяются антропоморфная, морбиальная (болезненная), механическая, гастрономическая, артефактная и театральная. Данные когнитивные механизмы служат инструментом эмоционально-экспрессивной оценки происходящего и формируют целостную идеологическую картину современной военно-политической реальности в авторской интерпретации.

Использование антропоморфной метафоры позволяет концептуализировать политический диалог как сакральный жест примирения, символизирующий преодоление конфликтности и движение к мирному урегулированию: *«Этот обмен приближает мир на Донбассе. Президенты Путин и Зеленский ещё не обнялись, но уже* ***пожали друг другу руки»*** («Что скажет Саур-могила?». 10 сентября 2019 г.).

В свою очередь, обращение к **морбиальной метафоре** (образы «болезни» и «раны») отражает деструктивное воздействие социально-политических потрясений на массовое сознание и физическое пространство региона: *«Несправедливость и неправедность жизни воспринимается народом как* ***страшная болезнь»*** («Крымское солнечное затмение». 7 августа 2018 г.). При концептуализации военного конфликта Донбасс метафорически представляется страшной раной, которая не может начать процесс заживления из-за непрекращающихся обстрелов: ***«Донбасс — это страшная рана****, которая едва начинает зарастать, как её тут же посыпают снарядами…»* («У матросов есть вопросы». 13 июня 2018 г.).

Анализируя предпосылки и последствия распада СССР через призму **гастрономических ассоциаций**, Проханов квалифицирует этот процесс как историческое преступление. В данной концепции отделение Украины трактуется как насильственное отсечение братской республики от общего цивилизационного и исторического фундамента: *«Надо признать, что* ***рассечение Советского Союза****… было громадным преступлением… Ельцин,* ***отрезая Украину от России****,* ***отрезал*** *её от… истории…»* («Я сам обманываться рад». 30 октября 2018 г.).

Анализ дискурсивных особенностей репрезентации вооруженного конфликта в Донбассе свидетельствует об активной когнитивной концептуализации боевых действий через призму **артефактных метафор**. Ключевым маркером данного процесса выступает лексема «гвоздить», которая в публицистическом дискурсе приобретает значение интенсивной артиллерийской агрессии: *«Горловку украинцы* ***гвоздят*** *из всех калибров»* («Мэром Москвы станет дерево». 30 мая 2018 г.). Используя фразеологизм «камень преткновения», которым для Украины метафорически выступает Донбасс, публицист характеризует его как то, что не позволяет украинской стороне достичь победы, продвинуться по всей линии соприкосновения: *«…Донбасс… является* ***камнем преткновения****, о который спотыкаются все переговоры»* («Между миром и войной». 24 июля 2019 г.).

Опираясь на ранее сформулированный тезис о важности театральной метафоры как инструмента репрезентации сложных реалий в доступной форме [3, с. 23], можно констатировать ее практическую реализацию в текстах Проханова. Обращение к формуле «театр военных действий» позволяет автору не только пространственно локализовать

исторические события, но и придать им масштабный, драматургический контекст: «*Вернёмся на европейский* ***театр военных действий***» («Стальное копьё истории». 16 апреля 2018 г.).

Таким образом, при метафорической репрезентации военного конфликта в ДНР доминирующими моделями выступают: антропоморфные, морбиальные, гастрономические и артефактные метафорические модели. В то время как механические и театральные встречаются намного реже.

Исследование выполнено в рамках инициативной темы «Языковая картина мира в контексте новейших лингвистических парадигм» (номер госрегистрации НИОКТР 124112200105−7).

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Теория метафоры / Н.Д. Арутюнова. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5–32.
2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём/ Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
3. Менякина А.А. Особенности реализации театральной метафоры в политическом дискурсе (на материале текстов А. Проханова)/ А.А. Менякина// Сб. ст. XXV Открытой конф. студентов-филологов. — СПб, 2022. — С. 23-24.
4. Проханов А. А. Завтра [Электронный ресурс] / А. А. Проханов. — Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/authors/8 (дата обращения 09.09.2026)

УДК 81'42

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ДВОЙНОГО ОТРИЦАНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКОЙ КНИГЕ В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»

Приходько С. А.
МБУК «Новозыбковский краеведческий музей», г. Новозыбков, Брянская обл., РФ
sapclf1@yandex.ru

Тщательно анализируя в первом десятилетии XX столетия противоречия между постулатами материалистов и махистов, В. И. Ленин осознаёт необходимость написания отдельной книги. Книга «Материализм и эмпириокритицизм» является философской по своей композиции. Уже в названии ленинского труда заложена чёткая антитеза. Выбор автора продиктован тем, что именно философская рефлексия способна выступить общим пространством, в котором эти различия становятся предметом осмысления и преодолеваются [1, с. 58]. Механизм дешифровки оплошностей оппортунистов во многих разделах монографии строится на основе конструкции с двумя отрицательными элементами.

В одном из фрагментов В. И. Ленин выстраивает линию отрицаний с использованием имён числительных: «*Все эти лица не могут не знать, что Маркс и Энгельс десятки раз называли свои философские взгляды диалектическим материализмом*» [2, с. 21].

Обобщение позволяет В. И. Ленину завуалированно обвинить лагерь антагонистов в сокрытии прописной истины. Автор подсвечивает своих наставников в качестве светил философии. В процессе обвинения конкурентов во всех грехах полемисту иногда удаётся минимизировать собственные эмоции. Важно подчеркнуть скромность ленинской оценки. Если пересчитать количество обозначений К. Марксом и Ф. Энгельсом диалектико-материалистического характера своих воззрений в соответствующих произведениях, то получившаяся сумма многократно превысит *«десятки»,* поэтому можно утверждать, что В. И. Ленин сознательно снижает уровень критики.

Частотным является в полемической книге «Материализм и эмпириокритицизм» вопросно-ответный ход: «*Каким образом этот вопрос может быть решен? Разумеется, посредством опыта, как и все другие вопросы подобного рода. Но в этом пункте опыт молчит и не может не молчать*» [2, с. 38].

Повтор глагола *молчать* вкупе с двойным отрицанием (*не может не молчать*) сигнализирует адресату о безусловной уверенности В. И. Ленина в своей правоте. У рядового читателя выстраивается связь между решением сложного вопроса и молчанием реакционеров в тряпочку, поэтому в споре сторонники материализма получают преимущество. В. И. Ленин неуклонно демонстрирует, что как только доходит до конкретного дела, галдящие мракобесы теряют дар речи.

Как и в предыдущих цитатах, автор не проявляет эмоций. Исследователи считают спокойствие важным качеством полемиста, поскольку человек, охваченный страстью, спорит, не принимая во внимание в достаточной степени аудиторию, к которой обращается [3, с. 40]. Знаком уважения к читателю является как раз риторический вопрос, который выступает в роли приёма построения диалога. Поскольку собеседник не может непосредственно отреагировать на усилия В. И. Ленина, который бросается на поиск решения вопроса, автор вынужден отвечать за адресата.

Чтобы бедственное положение колеблющегося философского дуэта зафиксировать в сознании реципиента, В. И. Ленин предлагает его вниманию очередной разбор их метаний: «*Если вы исходите из того, что все существующее есть ощущение или что тела суть комплексы ощущений, то вы не можете, не разрушая всех своих основных посылок, всей “своей” философии, прийти к тому, что независимо от нашего сознания существует физическое и что ощущение есть функция определенным образом организованной материи. Мах и Авенариус*

совмещают в своей философии основные идеалистические посылки и отдельные материалистические выводы именно потому, что их теория — образец той "эклектической нищенской похлебки", о которой с заслуженным презрением говорил Энгельс» [2, с. 71].

Смешение элементов разных картин мира даёт В. И. Ленину основу для яркой кулинарной метафоры (*эклектическая нищенская похлёбка*).

В отличие от многих других месседжей, В. И. Ленин вкладывает в другой пассаж целый ряд устойчивых сочетаний. В нанизываемых придаточных структурах сквозит интенция обвинения: «*Г-н В. Чернов настолько сбит с толку теми реакционерами казенной философии, которых он взял себе в руководители, что он принялся шуметь и кричать против Энгельса, ровно ничего не поняв в приведенном примере. Попробуем растолковать представителю махизма, в чем тут дело*» [2, с. 113].

Прагматический эффект высказывания возрастает благодаря сочетанию нейтральных характеристик (*сбить с толку* и *взять себе в руководители*) и эмоционально насыщенных оценок (*реакционеры казенной философии*). Помимо всех перечисленных риторических приёмов, негативное отношение автора к махистскому деятелю транслируется посредством сокращённого маркера *господин* и двойного отрицания (*ничего не поняв*). Важно подчеркнуть, что с помощью смысловых повторов (*шуметь* и *кричать*) В. И. Ленин конструирует диалог и вовлекает в процесс тёмного читателя (*попробуем*), создавая особую психологическую атмосферу.

Можно вспомнить одно из проблемных полей в книге, в котором приёмы двойного отрицания и противопоставления коррелируют: «*Речь идет вовсе не о неизменной сущности вещей и не о неизменном сознании, а о соответствии между отражающим природу сознанием и отражаемой сознанием природой*» [2, с. 148].

Также прагматически оправданным представляется дублирование определения *неизменный.* Аргументатор объявляет природу зависимой от сознания, повторяя эти термины.

Результаты статистического анализа показывают, что Р. Вилли, И. Петцольдт и другие эмпириокритики являются низкочастотными образами в ленинском полемическом дискурсе. Главной мишенью критики в «Материализме и эмпириокритицизме» является А. А. Богданов. Именно его эмпириомонизм перманентно оказывается под шквальным огнём ленинской критики: «*Богданов невиновен по данному пункту: он только рабски перенял путаницу Маха и Авенариуса. Когда он говорит: "сознание и непосредственный психический опыт — тождественные понятия" ("Эмпириомонизм", II, 53), материя же "не опыт", а "неизвестное, чем вызывается все известное" ("Эмпириомонизм", III, XIII), — то он*

толкует опыт идеалистически. И он, конечно, не первый и не последний созидает идеалистические системки на словечке "опыт"» [2, с. 163].

Чтобы не допустить расфокусировки внимания воображаемого коммуниканта, автор периодически манифестирует понятие *опыт*, хотя речь идёт о его разных ипостасях.

Полемический приём уничижения оппонентов В. И. Ленин реализует с помощью выстроенных в алфавитном порядке лексем *системки и словечко.* Косвенно сравнение автор снова производит в сложноподчинённом предложении. Кроме того, приверженец марксизма оттеняет зашоренность, рабский характер мышления антагонистов и копирование ими огрех друг друга. Убедительной свою позицию В. И. Ленин делает в финале благодаря идиоме *не первый и не последний*, интенсифицируемой вводным словом *конечно.*

Приём сравнения в «Материализме и эмпириокритицизме» не отличается частотностью, но в силу редкости не становится менее впечатляющим: «*Немного более "совестливый" эмпириокритик, чем И. Петцольдт, Рудольф Вилли, стыдящийся своего родства с имманентами, отвергает, например, всю теорию "однозначности" у Петцольдта, как не дающую ничего, кроме "логического формализма"*» [2, с. 177–178].

В. И. Ленин инициирует сравнение оппонентов, внедряя в аргументацию ироничное одиночное определение *совестливый* и обособленные определительные обороты, и тем самым интегрирует в обличительный контекст индикаторы негативной оценки. Сформированный комплекс приёмов вербального воздействия является антропоцентричным [4, с. 9] и отсылает аудиторию к фразеологизму «у этих людей нет ни стыда, ни совести». Разумеется, людьми, не отягощёнными этими важнейшими качествами, вождь русских марксистов провозглашает своих противников — идеалистов.

Итак, приём двойного отрицания является средством реализации стратегии дискредитации махистского конгломерата. Добросовестность В. И. Ленина в организации справочного аппарата не вызывает ни малейших сомнений. Преобладающей в полемическом тексте признана частица *не.* Ориентация на непросвещённого адресата постоянно требует от автора декодирования причинно-следственных связей и упрощений, которые тщательно выверены и усиливают прагматический эффект.

Список литературы

1. Старков Е. В. Философские дисциплины как теоретический фундамент исследовательской позиции членов студенческого научного сообщества / Е. В. Старков // Горизонты смысла в образовании и науке. Материалы Всероссийского научно-методологического семинара, 28–29 августа 2026 года. — Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2026. — С. 56–60.

2. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1989. — 508 с.
3. Перельман Х. Новая риторика: трактат об аргументации / Х. Перельман, Л. Ольбрехт-Тытека. — СПб.: Алетейя, 2025. — 710 с.
4. Лапшина О. Г. Социальная составляющая языкового образа человека (на материале предметных фразеологизмов): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. Г. Лапшина. — Тюмень: Тюменский государственный университет, 2008. — 24 с.

УДК 811

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖАНРА «ПОЖЕЛАНИЕ» В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Титаренко Э. А., канд. филол. наук, ORCID 0009-0001-0346-9934,
Бескровный А. В., ORCID 0009-0003-0369-3113
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.titarenko@donnu.ru, andrewbeskrovnii@mail.ru

Жанр «пожелания» в интернет-коммуникации актуален для анализа, поскольку он активно трансформируется под влиянием цифровых технологий и отражает как традиционные, так и изменяющиеся ценностные ориентиры общества. Цель статьи — проанализировать особенности структуры и семантики позитивных текстовых пожеланий на материале официальных сайтов и открытых чатов приватного характера.

В лингвистических исследованиях пожелание рассматривается в русле разных теорий: с позиций теории речевых актов, в рамках теории речевой деятельности, представлены и разные классификации пожеланий [1]. Так, по ситуативно-временному критерию пожелания делят на сезонные, обусловленные временем суток и обусловленные случаем; по критерию стереотипности / нестереотипности — на «общие (стандартные) и частные (индивидуальные) (Г. Г. Хасимова). Форма выражения пожеланий описана в работе Б. Ю. Нормана: 1) высказывания с перформативным глаголом *желать/пожелать* в одной из его форм в зависимости от единичности / множественности адресанта и зависимым существительным в родительном падеже (*желаю/ем сил, здоровья*); 2) высказывания с глаголом *желать/пожелать* в одной из его форм и зависимым инфинитивом (*желаю/ем любить*); 3) высказывания с глаголом *желать/пожелать* в одной из форм и именным составным сказуемым (*желаю/ем быть счастливым*); 4) высказывания с глаголом *желать* в одной из его форм и придаточным предложением с союзом чтобы (*желаю/ем, чтобы мечта сбылась*); 5) высказывания с автономным (абсолютивным) родительным падежом (*счастья и удачи*);

6) высказывания в форме императива (*Не ошибайтесь в выборе!*); 7) высказывания с описательным императивом с частицей *пусть* (*пусть в вашей душе сияет солнышко*); 8) различные непрямые формы пожелания (очень хотелось бы, чтобы вы и ваши друзья…) [3, с. 238–239].

Б. Ю. Номан говорит о пересечение конструкций пожелания с речевыми этикетными формулами: «нередки случаи, когда конструкция, формально представляющая пожелание, используется в речи с иной интенцией: «в частности, выражение *Желаю здравствовать*, формально относящееся к типу 2, по сути является приветствием или прощанием. Точно так же этикетная формула *Всего хорошего (доброго, наилучшего)*, относящаяся к типу 5, часто применяется в ситуации прощания. *Спокойной ночи!* — по форме пожелание, которое соответствует типу 5, а по сути — прощание» [3, с. 240]. А. О. Ярцева также говорит о традиционной связи формул пожелания с ситуацией прощания: они стандартно используются как сопутствующие высказывания при завершении контакта и выполняют здесь иллокутивную функцию установления доброжелательного отношения к партнеру за счет того, что фокус внимания собеседника переносится на интересы, связанные с личной сферой адресата речи: — *Ну, ладно, удачи тебе! Пока!*; *Счастливо! Всего хорошего!* [4, с. 121].

Отмеченное исследователями совмещение функций этикетной формулы и пожелания характерно для текстов цифровых открыток, ср.: *Доброго и уютного вечера! Душевного уютного вечера! Прекрасного утра и доброго, замечательного дня* и др. Текстовые пожелания в цифровых открытках отличаются индивидуально-авторской характеристикой частей суток. Наибольшее количество таких определений зафиксировано для вечера: *милого*, *чудесного*, *душевного*, *прекрасного*, *теплого*, *уютно-осеннего* и др.

Конструкции типа **Adj+N_{gen}!** могут быть дополнены аналогичными конструкциями: **Adj+N_{gen}! Adj+N_{gen}!**: *Доброго дня! Хорошего настроения!*; *Милого вечера! Доброй ночи!*; *Уютного дня! И хорошего настроения!*; *Радостного дня и хорошего настроения!*; *Благословенного вечера! Мирной ночи!*; предложно-именными конструкциями **Adj+N_{gen}! N_{nom}+pr+N_{gen}**: *Доброго дня! Чашечка тепла от меня! Хорошего дня! Привет от меня!* По М. А. Кронгаузу, родительный падеж, который в русском языке означает пожелание, традиционно используется именно как прощание: *Счастливого пути!*, *Счастья вам!* и т. д. Приветствие же выражается другим падежом: *Добрый день!* [2].

Совмещение конструкций приветствия и пожелания отмечено в пожеланиях, обусловленных временем суток, в цифровых открытках с конструкциями: а) **Adj+N_{nom}! (Adj)+N_{gen},** где пожелание реализовано высказыванием с автономным (абсолютивным) родительным падежом (тип 5 по классификации Б. Ю. Нормана): *ДОБРОЕ УТРО Хорошего денёчка Тепла в душе и кофеёчка…*; *Доброе утречко Позитива во всём*; б) **Adj+N_{gen} part Пусть+imp / Adj+N_{nom}! Part Пусть+imp,** где пожелание

реализовано высказыванием с описательным императивом с частицей *пусть: Хорошего дня! Пусть он будет светлым! Хорошего дня! Доброе утро! Пусть все будет хорошо!* (тип 7).

Совмещение функции поздравления и пожелания, обусловленного временем суток, в текстах цифровых открытках реализуют комбинации конструкций с существительным в творительном падеже и высказывания с глаголом *желать* (тип 4): *С добрым утром! Желаю, чтобы день удался!* Считается, что пожелания *Хорошего дня!* и *Доброго дня!, которые рассматриваются также как этикетные формулы прощания,* — это кальки английских пожеланий *Have a good/nice day!* Цифровые открытки с такими текстовыми пожеланиями как в стереотипной неизмененной форме, так и креативно видоизмененные, считаем, способствуют закреплению в русском языке данных западноевропейских заимствований.

Аксиологический аспект изучения семантики пожеланий позволяет выделить следующие особенности.

1. Появление в пожеланиях кроме традиционной субъективной витальной ценности — *здоровья* — других, связанных со средой обитания: ***воды в кране***, ***электричества***, ***тишины*** (как отсутствия обстрелов), а также *мирного дня*, *мирного вечера*, *мирной ночи*. Отмечаем активное использование характеристик *мирный* и *тихий*: ***мирной*** *ночи без прилётов*, ***Тихой*** *ночи — любимому Донецку*; ***Тихой*** *ночи — непокорённому Донбассу*; ***Мирной*** *ночи, жители непокоренного Донбасса!*

2. Традиционное пожелание ***мира*** дополнено значениями ‘победного’, ‘скорейшего’: <…> *я желаю всем мира. Победного мира.* (С. Марков) <…> *от всей души желаю скорейшего наступления* ***победного мира*** *на многострадальной земле Донбасса*! Аналогично употребляются пожелание *скорейшей победы*: *желаю всем здоровья и* ***скорейшей победы***! (В. Литовкин). Если адресатами пожелания являются бойцы, возможны дополнения: *Желаю мира и возвращения домой! Пусть ангел-хранитель убережёт вас! Храни Вас Господь!*

Структурно-семантические аспекты изучения жанра «пожелание» в интернет-коммуникации раскрывают не только лингвистические особенности реализации, но и то, как в нём отражается современная языковая картина мира, ценности и актуальные социокультурные реалии жителей ДНР: *воды в кране*, *электричества*, *мирного вечера, скорейшего победного мира*, *чтобы все вернулись домой живыми и здоровыми*.

Исследование выполнено в рамках инициативной темы «Языковая картина мира в контексте новейших лингвистических парадигм» (номер госрегистрации НИОКТР 124112200105−7).

Список литературы

1. Байкулова А. Н. Изучение речевого жанра «пожелание»: обзор работ в современной лингвистике / А. Н. Байкулова, Е. Н. Малашенкова // Жанры речи. — 2023. — Т. 18, № 1 (37). — С. 74–91.

2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. — М. : Знак, Языки славянских культур, 2008. — 229 с.
3. Норман Б. Ю. Речевой акт пожелания под психолингвистическим углом зрения / Б. Ю. Норман, А. Носрати // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. — Вып. 13. — С. 235−248.
4. Ярцева А. О. Средства реализации речевого акта «пожелание/поздравление» (Психолингвистическое исследование на материале русского, немецкого, испанского и итальянского языков) / А. О. Ярцева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. — № 4 — С. 119–124.

УДК 37.091.33-027.44

ГИПЕРТЕКСТ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУБЪЕКТИВНОГО ЗНАНИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Шашков И. А., канд. филол. наук, ORCID 0009-0008-9828-2726
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
shashkov.phd@mail.ru

Введение. В обстоятельствах, когда линейный способ (книжный продукт) представления информации теряет эффективность, ***гипертекстовые носители*** обретают статус ведущего средства накопления, представления, ретрансляции и репрезентации знания в лингвистическом пространстве сетевого универсума. Пользователь веб-ресурса, выполняя функцию потребителя и интерпретатора информации, определяет приоритетный способ поиска требуемого знания. Такой способ представляется существующими электронными ***гипертекстовыми ресурсами***, посредством которых осуществляется графическая фиксация и репрезентация искомой информации в сети.

Интерес к ***гипертексту***, как лингвистическому явлению, функционирующему в пространстве сетевых дискурсивных практик, объясняется рядом факторов: 1) вниманием к особенностям трансформации ценностных ориентиров, мотивационных установок, а также «<...> ценностно-ориентационного пространства реципиента» [4, с. 66] в условиях расширения возможностей цифровых технологий; 2) особенностями организации сетевого цифрового контента в рамках производства гипертекстового продукта ([5], [6]); 3) возможностями реализации языковой личности участника сетевого дискурса посредством задействования языка [4] и т. д.; 4) тенденцией «сближения» институционального дискурса к личностно-ориентированному формату реализации дискурсивных практик [3], что объясняется природой

организации сегодняшних социальных медиа, свободой и доступностью информационного цифрового продукта, оснащением сетевого пространства новыми каналами связи и общения.

Цель исследования заключается в изучении когнитивно-прагматического потенциала гипертекстового продукта, что обеспечивает эффективность выявления субъективных возможностей лингвокреативной деятельности продуцента. Задачи исследования предполагают анализ особенностей задействования прагматического инструментария в рамках создания гипертекста. В основу исследования заложена гипотеза о том, что гипертекст, являясь продуктом и результатом субъективной лингвокреативной деятельности продуцента, наделяется потенциалом репрезентации закодированного знания с возможностью информационного воздействия на реципиент-аудиторию участников сетевого сообщества религиозной тематической направленности.

Основная часть. Участвуя в создании семиотической системы дискурсивного пространства, ***гипертекст*** представляет собой воплощение кодового инструментария, находящего реализацию в прагматических продуцент-реципиентных отношениях, интенциональных установках, в закономерностях, обусловливающих выбор продуцентом тех или иных языковых средств «в целях точной передачи коммуникативного намерения говорящего и осуществления его воздействия на адресата соответственно ситуации общения» [1, с. 95], в использовании языка в инициируемых коммуникативных средах [4].

Количественное и качественное приумножение объемов информационного продукта определяют потребность в новом поколении средств производства, хранения и обмена знаниями. С появлением цифровых технологий, которым делегированы функции глобального оперирования информацией, меняются нормы и правила ценностных систем.

Фактор эффективности репрезентации знания через цифровые и гипертекстовые носители является дискуссионным, т. к. требует большего отрезка времени для выявления степени комфортности и практичности с точки зрения идеи организации социальных медиа-платформ, их способности обеспечить социально-информационное взаимодействие между представителями phygital-поколения.

Однако существующие стратегии подачи информационного кода через сетевые ресурсы предлагают исследователю перспективы изучения особенностей ***гипертекста*** как средства репрезентации субъективно закодированного знания, ретранслируемого с позиции языковой личности продуцента в рамках задействования следующего методологического инструментария: 1) метод анализа когнитивно-ценностного уровня организации языковой личности продуцента, проявляющегося в особенностях производства гипертекста как средства, несущего

закодированную информацию в адрес участника сетевых дискурсивных практик религиозного содержания; 2) метод частотно-квантитативного анализа ключевых слов. Указанный метод позволяет выявить значимый и служебный фоны, организующие лексико-семантическую нагрузку гипертекстового материала. Полученный таким образом результат демонстрирует лингвокреативные предпочтения языковой личности продуцента, реализующиеся в подборе языковых средств при кодировании имплицитных установок последнего. В процессе применения названного метода задействована онлайн-программа «Частотный анализ текста»[2] и программа Simple Word Sorter ver 1.0; 3) метод дифференцированной выборки текстовых фрагментов в сетевом пространстве (в данном случае результаты выборки представлены гипертекстовыми фрагментами религиозного содержания); 4) метод дискурс-анализа (О. В. Нагога).

Заключение. ***Гипертекст***, являясь поликодовым средством обеспечения информационного существования индивида, представляет собой форму реализации потенциала лингвистических средств в Сети, а также является продуктом гибкого авторского «подстраивания» под социокоммуникативные интенции участников дискурсивных практик в цифровой среде. Наделяемый функциями средства репрезентации субъективно-закодировнаного знания, гипертекст обладает когнитивно-прагматическим эффектом, т.е. способностью организации сетевого пространства с целью кодовой ретрансляции и репрезентации знания.

Список литературы

1. Атабекова А. А. Лингвистический дизайн web-страницы: семиотические аспекты представления информации (на материале русского и английского языков) / А. А. Атабекова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2003. — № 4. — С. 90–98. — EDN ILAFMN.
2. Нагога О. В. Лингвистика дискурса и методы дискурсивного анализа / О. В. Нагога // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — №12 (150). — URL: https://research-journal.org/archive/12-150-2024-december/10.60797/IRJ.2024.150.41 (дата обращения: 22.09.2026). — DOI: 10.60797/IRJ.2024.150.41. — EDN: JMSWPR
3. Чекулай И. В. К проблеме онтологии и терминологии статусно-ориентированных типов дискурса в современной лингвистической дискурсологии / И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова // Дискурс профессионалдьной коммуникации, № 1-1, 2019. — С. 21–35. — Текст: электронный. — URL: https://www.pdc-journal.com/jour/article/viewFile/5/5 (дата обращения: 30.06.2026).
4. Шевякина С. В. Языковые средства трансформации ценностно-ориентационного лингвокультурного пространства (на материале интернет-дискурса психологии ЗОЖ): дисс. ... к. филол. наук: спец.: 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» / С. В. Шевякина; науч. рук.: В. П. Ходус. — Ставрополь, 2023. — 199 с.
5. Wang X. Exploration and Analysis on the Discourse Power of Network Moral Education / Xuehui Wang [Electronic resource] // Review of Educational Theory. Vol. 4. Issue 03, Jul.

[2] https://ciox.ru/word-frequency-analyzer

2021. — P. 34–38. — DOI:10.30564/ret.v4i3.3422. — URL: https://www.researchgate.net/publication/357401786_Exploration_and_Analysis_on_the_Discourse_Power_of_Network_Moral_Education (date of access: 06.09.2026).
6. Yadav A. K. The Historical Evolution and Future Prospects of Hypertext / A. K. Yadav [Electronic resource] // Knowledgeable Research: A Multidisciplinary Journal. Vol.1, No.6, Jan. 2023. — P. 82–87. — DOI:10.57067/39q8be63. — URL: https://www.researchgate.net/publication/379962145_T.he_Historical_Evolution_and_Future_Prospects_of_Hypertext (date of access: 29.09.2026).

УДК 811.111

ГРЕЧЕСКИЕ ТОПОНИМЫ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ РУССКОЙ ТОПОНИМИИ

Шилова Е. С., канд. филол. наук, доц.
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел России», г. Ростов-на-Дону, РФ
e.s.shilova@mail.ru

Массовое появление греческих названий на юге России (прежде всего в Крыму и Приазовье) было связано с так называемым Греческим проектом Екатерины II. Его целью было восстановление греческой государственности и создание «Новой Византии» под протекторатом России. Частью этой политики стало присвоение новым или завоеванным городам древнегреческих имен.

В рамках этой политики были переименованы многие населенные пункты, носившие крымско-татарские названия:

- ***Ак-Мечеть*** → **Симферополь** (‘город-собиратель’);
- **Гёзлеу *(Кезлев)*** → **Евпатория** (‘благородный’);
- ***Акьяр*** → **Севастополь** (‘императорский город’, или ‘город славы’);
- ***Кафа*** → **Феодосия** (позже; первоначально планировалось название **Левкополь** — ‘тихий город’).

Также в этот период были основаны или переименованы Херсон (1778), Мариуполь (1780), Мелитополь (1784), Никополь (1786) и Ставрополь (1777).

В советское время, с 1940-х годов, после депортации крымских татар, ряд селений с греческими названиями также подвергся переименованию.

Причины были идеологическими: стремление избавиться от названий, связанных с «царским режимом». Также названия, связанные с татарским, греческим и немецким происхождением, признавались «неблагозвучными» и подлежали замене на нейтральные или идеологические.

Некоторые примеры переименований:

- ***Капсихор*** (от греч. ‘село Капсия’) → **Приморское** (ныне в черте Алушты);
- ***Ай-Серез*** (от греч. ‘Святой Сергий’) → **Междуречье**;
- ***Парадизы*** (от греч. ‘райские сады’) → **Веселое**;
- ***Лимена*** (от греч. ‘гавань’) → **Голубой Залив**;
- ***Отуз*** (возможно, от греч. ‘Отузы’) → **Щебетовка**.

Стоит отметить, что крупные города с греческими названиями **не переименовывались**. Симферополь, Севастополь, Феодосия, Евпатория, Керчь остались на картах, так как их названия были широко известны и закреплены на международных картах. Исключением стала лишь Ялта, которую в 1921 году ненадолго переименовали в Красноармейск, но уже в 1922 году вернули историческое имя.

Процессы изменения названий продолжаются и в наше время, что связано с политическими событиями. Например, в Мариуполе (название которого происходит от греческого ‘город Марии’) в 2023 году была демонтирована стела с греческим названием города *Μαριούπολη*.

При этом на побережье Азовского моря и в Донбассе, где исторически проживает много этнических греков, сохраняется множество топонимов греческого происхождения, включая села с названием *Ялта*.

На Дону история изменения греческих названий принципиально отличается от той, что происходила в Крыму или Приазовье. Здесь не было массового переименования коренных донских городов в греческие**.** Греческое наследие на Дону — это либо память об античных временах, либо следствие переселенческой политики, затронувшей лишь несколько поселений.

Главный «греческий» топоним на Дону — это *Танаис*. Так древние греки называли реку Дон, и это же имя получил основанный ими в устье реки город (III век до н. э.).

Это название не менялось в административном порядке. Город прекратил существование в V веке н. э., а его руины находятся у современного хутора Недвиговка. Сегодня «Танаис» — это название археологического музея-заповедника, а не жилого города.

Танаис — это ключевой и, по сути, единственный крупный греческий топоним на Дону, имеющий реальную историческую основу.
Вот несколько уточнений, которые делают эту картину полнее:

- двойное значение названия: изначально *Танаис* (греч. Τάναϊς) — это греческое название реки *Дон.* Древние греки, впервые столкнувшись с этой рекой, дали ей имя, которое, вероятно, восходит к скифо-сарматским языкам (существует гипотеза о связи с иранским *dānu* — ‘река’). Позже это же имя получил и город, основанный греками в устье реки;

- крупный античный город располагался в дельте Дона (современный хутор Недвиговка в Мясниковском районе Ростовской области) и был важнейшим торговым посредником между греческим миром и кочевыми племенами Подонья и Приазовья.

Город просуществовал с перерывами до V века н. э., когда был разрушен. Название *Танаис* не «переезжало» на другие населенные пункты — оно осталось привязанным к конкретному археологическому памятнику.

В отличие от Крыма (Симферополь, Севастополь, Феодосия) или Приазовья (Мариуполь, Мелитополь), где греческие имена были присвоены городам в XVIII веке в рамках Греческого проекта, на Дону такого массового переименования не было. Танаис — это не результат имперской политики, а прямое наследие античной эпохи, сохранившееся в названии музея-заповедника и самого городища.

Таким образом, если искать на Дону «главный греческий топоним», то это действительно ***Танаис —*** но не как живой город, а как историческая и археологическая память.

В отличие от Кубани или Донбасса, где существуют села с «перенесенными» греческими именами (Ялта, Урзуф, Афины), на Дону таких примеров практически нет. Исключением можно считать разве что Таганрог, который в 1775 году стал одним из центров расселения греческих переселенцев. Однако сам топоним остался прежним. Известно лишь о нереализованном плане Григория Потемкина переименовать Таганрог в Спарту в рамках «Греческого проекта».

Важно отметить, что многие города Ростовской области, которые могут показаться «греческими», на самом деле получили свои имена в рамках имперской политики, но не всегда были связаны с реальной греческой историей:

- **Ростов-на-Дону** — название происходит от Ростова Ярославского, а не от греческого корня. Приставка «на Дону» появилась для отличия;
- **Константиновск**: название дано в честь великого князя Константина Павловича (внука Екатерины II), который рассматривался как потенциальный правитель возрожденной Византии. Это отсылка к Греческому проекту, но не к греческому топониму.

В заключение нашего исследования мы установили, что во многих регионах России греческие названия появлялись в результате массовых переименований в рамках общей государственной политики. Однако следя за процессом изменений топонимов можно не только изучать исторические периоды, то и культурное наследие народов, живущих на той или иной территории.

История русской литературы и теория словесности

УДК 821.161.1.09

ПОСЛОВИЧНЫЙ ХАРАКТЕР БАСЕН И.А. КРЫЛОВА КАК ФОРМА НАСТАВЛЕНИЯ

Астахова А. В., ORCID 0009-0003-8892-7627,
Ярошевич И. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-007-0607-1175
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irinayaroshevich5@mail.ru, nastyalee13072013@mail.ru

Введение. Басня — это прежде всего поучительный жанр, однако применение к ней строгих жанровых дефиниций сопряжено с серьезными методологическими трудностями. Стоит лишь взглянуть на разнообразие сюжетов в древних и средневековых сборниках, как становится очевидно: басня слишком многогранна, чтобы ее можно было описать одним емким определением.

Как жанр басня берет свое начало еще в древних веках, но уже тогда ее задачи и целенаправленность заключались в высмеивании пороков человека, наставлении его на лучший путь. Те же цели басня преследует и по сей день, сквозь века давая нам возможность на своей основе научиться нравственному воспитанию.

Наибольшее развитие жанр басни получил в творчестве И. А. Крылова. Об уникальной и существенной роли писателя в истории русской литературы говорили еще при его жизни (К. Батюшков, А. Бестужев-Марлинский, П. Вяземский, В. Жуковский, А. Пушкин и др.). В литературоведческой традиции Крылов признается непревзойденным мастером басни, чье творческое превосходство над современниками и последователями В. Г. Белинский выражал следующим образом: «Он один у нас истинный и великий баснописец: все другие, даже самые талантливые, относятся к нему, как беллетристы к художнику» [2, с. 395].

Цель нашей работы: исследовать историю формирования басни и ее развитие в творчестве И. А. Крылова, проследить механизмы трансформации басенного сюжета в пословицу и афоризм.

Основная часть. Басни Крылова — это особый поэтический мир, насмешливый и комический, но в то же время являющийся точным отражением мира человеческого. В мастерстве своем он многому научился у Лафонтена, однако басни Крылова по праву считаются оригинальными и глубоко своеобразными. Современники Ивана Андреевича, имея разногласия в частных оценках, сходились во мнении о его выдающемся даровании. Остроумный слог и яркие образы приносили ему признание

литературной общественности. Критики единодушно отмечали народность его басен, доступность и простоту языка, отражающего русский колорит. Никто не скупился на положительные отзывы о таланте поэта писать просто и красиво, многие подчеркивали дидактическую силу его произведений, важную для воспитания не только детей, но и взрослых. Критика признала Крылова самостоятельным писателем. Даже в заимствованных сюжетах он сохранял творческую независимость, перенося чужой материал на родную почву, обставляя его чисто русскими условиями жизни и применяя выводы, актуальные для русского общественного строя [1, с. 10].

Басни Крылова написаны понятным, почти современным языком. Их понимание не затруднено и для сегодняшнего читателя. Главная особенность крыловского наследия, определяющая его пословичный характер, заключается в слиянии сюжета и морали в универсальную формулу. Крылов не просто завершает басню нравоучением, он конструирует ситуацию так, что сам диалог или действие персонажей становятся готовой житейской мудростью. Литературный сюжет сжимается до емкого афоризма, который легко извлекается из контекста и переносится в повседневную речь *(«Волк и Ягненок», «Любопытный», «Щука и Кот»).*

Отметим психологический реализм аллегории, ведь И. А. Крылов не только пользуется этим приемом, скрывая за образами животных социальные группы, но и изображает героев максимально реалистично. Каждое животное имеет свой индивидуальный характер: и проказница Мартышка, участвующая ли она в квартете, или примеряющая очки; и Лисица, везде лукавая, изворотливая и бессовестная, больше похожая на человека; и косолапый Мишка — добросердечно-честный, неповоротливый и сильный. Столкновение этих существ всегда образует маленькую драму, где каждое лицо существует само для себя, но вместе они образуют одно общее и целое *(«Ворона и Лисица», «Стрекоза и Муравей»* [3, с. 262].

И. А. Крылов мастерски соединил психологический реализм с народным языком, избегая книжной риторики. В отличие от предшественников, он отказался от абстрактной моралистики и книжной торжественности в пользу живой, остроумной и социально заостренной речи. Герои воплощают вечные пороки, их реплики воспринимаются как неоспоримые истины *(«Чем кумушек считать трудиться, / Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» («Зеркало и Обезьяна»), «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать» («Волк и Ягненок»)*.

Художественная вселенная Крылова лишена идиллической простоты: это пространство, где царят порок и социальная несправедливость. Здесь человеческие слабости — от спеси до глупости — возведены в абсолют, а добродетель часто обречена на гибель. В мире

баснописца дружба и откровенность вытеснены интригами, а торжество хищника над жертвой становится законом. Именно эта горькая трезвость взгляда делает его выводы такими жизнеспособными.

И. А. Крылов дал «голос» самому народу, который заговорил о себе — без идеализации, сентиментальности и восторженности. Каждое сословие выступило в своей словесной одежде. Баснописец не подделывался под речь крестьянина, купца или дворянина; они мыслили на своем языке, выражая представления, соответствующие их социальному и имущественному положению [4, с. 108]. И. А. Крылов преодолел аллегорическую отвлеченность басни, трансформируя её в инструмент социальной сатиры, наполнив иносказательные сюжеты конкретным критическим содержанием, направленным на обличение актуальных общественных пороков.

Благодаря этому басни И. А. Крылова обладают уникальным пословичным характером: его строки превратились в национальные афоризмы. Как отмечал В. А. Жуковский, крыловские выражения «переживают народы». Его фразы отличаются безупречной симметрией и точностью. Высказывания персонажей стали универсальными формулами для описания социальных и психологических ситуаций: *«А Васька слушает да ест»* — формула безразличия власти к критике; *«Слона-то я и не приметил»* — диагноз избирательной слепоте; *«У сильного всегда бессильный виноват»* — универсальный закон социальной несправедливости*; «А ларчик просто открывался»* — ироничное указание на излишнее усложнение простых вещей; *«Ай, Моська! знать она сильна, что лает на Слона»* — характеристика тщеславной суеты.

В. Г. Белинский называл басни Крылова «книгой мудрости самого народа», а А. С. Пушкин величал творца — «истинно народным поэтом». Писатель не навязывал нравоучения, а возвращал народу его собственный опыт, очищенный от фальши. Благодаря этому строки баснописца настолько органично вошли в нашу речь, что стали неотъемлемой составляющей народного сознания, продолжая жить самостоятельной жизнью спустя столетия.

Заключение. Творчество И. А. Крылова стало зеркалом русской души, в котором отразилась сама суть нашего национального бытия. Его басни — это квинтэссенция русского ума: кажущаяся медлительность здесь соседствует с острой, болезненной хваткой, а добродушная усмешка — с проницательным сарказмом. И. А. Крылов явил миру уникальный талант: видеть вещи такими, какие они есть, и облекать эту истину в форму, которая переживает века, превращаясь в пословицу.

Список литературы

1. Бедный, Д. Полное собрание сочинений И. А. Крылова / Д. Бедный. — М. : ОГИЗ, 1946. –Т. 3. — 619 с.

2. Белинский, В.Г. Собрание сочинений : в 9 т. / В. Г. Белинский. — М. : Худож. лит., 1976. — Т. 3. — 614 с.
3. Гордин, М.А. Жизнь Ивана Крылова / М. А. Гордин. — М. : Наука, 1985. — 282 с.
4. Коровин, В.И. История русской литературы XIX века : в трех частях / В. И. Коровин. — М. : ВЛАДОС, 2005. — Ч. 1. — 690 с. / [Электронный ресурс] URL: https://clck.ru/3MKrRQ (дата обращения 26.09.2026)

УДК 82-2

ОБРАЗ ГРОТЕСКНОГО ТЕЛА В ДРАМАХ В. В. МАЯКОВСКОГО «ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ» И «ГОСПОЖА ЛЕНИН» В. ХЛЕБНИКОВА

Бабенко И. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0001-7380-5561
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, РФ
ibabenko@ncfu.ru

Введение. В 1910-начале 1920-х гг. гротеск становится гораздо более распространенным, чем в прошедшее столетие, явлением в русской литературе, в том числе и в драматургии, что было обусловлено причинами как внутри литературными, так и внешними. Он начал восприниматься в том числе и в качестве своеобразного протеста против «отживших» категорий (прекрасное, изысканное, серьезное, лиричное и др.), способа «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности» [5]. Неслучайно, что входившие в число авторов манифеста В. В. Маяковский и В. Хлебников, создали в это время блестящие образцы гротескной драмы («Владимир Маяковский», «Госпожа Ленин»).

Цель Определить, как дисгармония восприятия действительности, предчувствие глобальных катастроф предопределили поэтику «Владимира Маяковского» и «Госпожи Ленин» — трагедии человека и трагедии общества, где образ гротескного разъятого тела становится ключевым структурообразующим принципом художественного мира.

Основная часть. Грубая телесность гротеска была одним из способов протеста против утончённой культуры XIX — начала XX веков. В. Э. Мейерхольд полагал, что «оздоравливающий шок» от эпатажности, сложности гротескной образности способен вывести литература и культуру на принципиально новый этап развития. Телесные образы в драме отсылают к эстетике народного театра, где, как писал М. М. Бахтин, гротескное становящееся тело «никогда не готово, не завершено: оно всегда строится, творится и само строит и творит другое тело; кроме того, тело это поглощает мир и само поглощается миром» [1, с. 351]. Такая образность резко контрастировала с представлением о гармонически

цельном теле, сформированным в эстетике XIX века, законченным телом индивидуальной человеческой личности, но именно она легла в основу поэтики В. Хлебникова и раннего В. В. Маяковского.

Пьеса В. Хлебникова «Госпожа Ленин» (1913) представляет собой уникальный для отечественной драматургии эксперимент, в котором образ разъятого сознания героини организует все действие пьесы. По справедливому замечанию Р. В. Дуганова, «Госпожа Ленин — это место действия» [2, с. 200].

Хлебников использовал художественный принцип, который «разложением сознания» называл Н. Евреинов. В его монодраме «В кулисах души» (1912) сцену заполняла многократно увеличенная грудная клетка, а персонажами были три ипостаси человеческой личности (рациональное, эмоциональное, подсознательное). Хлебников идет дальше: «я» героини разделяется на шестнадцать голосов: Голос Зрения, Голос Слуха, Голос Рассудка, Голос Внимания, Голос Памяти, Голос Страха, Голос Осязания, Голос Воли, Голос Рассудка, Голос Соображения, Голос Догадки, Голос Радости, Голос Разума, Голос Сознания, Голос Ужаса, Голос Воспоминания. О гротескном характере этого разделения и размножения можно говорить в связи с тем, что разъединение личности, балансирование на грани Я-неЯ является одним из основополагающих принципов гротеска. Так, И. П. Смирнов сближает гротеск с понятием «”das Unheimlihe” (жутко, не по себе — un-heimlih — человеку становится в том случае, если он ощущает в своем душевном мире наличие другого, отрицательного «Я», если психика *разъединяется* противоборствующими силами)» (курсив мой — *И.Б.*) [6, с. 50]. Примечательно, что размножение имеет отчётливо телесный характер, так как голоса олицетворяют не столько высшие психические функции, сколько конкретные органы восприятия — зрение, слух, осязание.

Во втором действии мотив разъятого тела достигает кульминации. Героиня помещена в смирительную рубашку — её тело физически сковано. Но парадоксальным образом именно в этом действии появляется Голос Воспоминания, таким образом физически обездвиженное тело открывает возможности для актуализации движения сознания и движения времени. В финале пьесы главным голосом является Голос Сознания, перенимающий функции других голосов. Разъятие тела и сознания героини доводится здесь до предела: телесная фиксация (смирительная рубашка) совпадает с полной ментальной фрагментацией, а финальная реплика Голоса Сознания — «Все умерло. Все умирает» [7, с. 417] — означает не только смерть героини, но и завершения конфликта пьесы, поскольку границы сознания госпожи Ленин и художественного мира драмы совпадают.

В трагедии «Владимир Маяковский» (1913 г.) формирование образа гротескного тела начинается также на уровне номинаций. Так, афиша

пьесы представляет собой перечень физически неполноценных или гиперболизированных персонажей: «Человек без глаза и ноги. Человек без уха. Человек без головы. <…> Женщина со слезинкой, Женщина со слезой, Женщина со слезищей. <…> Громадная женщина (сажени 2–3)…» [4]. Эти персонажи лишены целостности двояким образом. Во-первых, у некоторых из них отсутствуют части тела — глаз, нога, ухо, голова. Во-вторых, и это несравненно важнее, они лишены и эстетической и этической целостности: у них нет своих точек зрения, индивидуальных высказываний — вся трагедия представляет собой разорванный на реплики монолог поэта, а персонажи «с одной стороны, олицетворяют разорванное сознание главного героя — поэта Владимира Маяковского, в соответствии с жанровой модификацией пьесы — монодрамой. С другой стороны, они являются частями разорванного мира, не способного к гармонии, к созиданию» [3].

Поэт Владимир Маяковский выносит свою душу на блюде «к обеду идущих лет», но преображения не происходит, оно и не может произойти. Он, будучи единственной цельной личностью в драме, обречён на одиночество, гармония чужда этому миру: «Сегодня в целом мире не найдёте человека, у которого две одинаковые ноги!» [4]. Так, внешняя и внутренняя дисгармония неразрывно связаны и перетекают одна в другую, подчёркивая путь страданий поэта-мессии, тотально одинокого в разъятом мире, не способном к гармонии.

Заключение. Таким образом, в пьесе Хлебникова гротескное сознание-тело обращено внутрь, замкнуто, внешний же мир воспринимается как нечто враждебное, разрушающее гармонию и покой. У Маяковского тело-сознание экстравертно, распыляется в пространстве, поэт пытается связать его фрагменты своим Логосом, но терпит поражение. В обеих пьесах разорванное тело и сознание лишено возрождающего начала карнавального гротеска. Как писал М. М. Бахтин, в народной карнавальной культуре растерзание и разъятие связаны с обновлением, с актом смерти-рождения, в пьесах Хлебникова и Маяковского это невозможно. Гротескный образ тела стал результатом тотального ускорения времени, дисгармонии и невозможности ощутить целостность чего бы то ни было.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин // Собр. соч.: в 7 т. — М. : Языки славянских культур, 2010. — Т. 4 (2). — С. 7-517.
2. Дуганов, Р.В. Велимир Хлебников: природа творчества / Р.В. Дуганов . — М., 1990. 350 с. ISBN 5-265-01499-3
3. Колмогорова, Е.Н. Образы разъятого тела в трагедии «Владимир Маяковский» В. Маяковского // СибСкрипт. — 2013. — №4 (56). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-razyatogo-tela-v-tragedii-vladimir-mayakovskiy-v-mayakovskogo (дата обращения: 29.09.2026).

4. Маяковский, В.В. Владимир Маяковский. Трагедия / В.В. Маяковский //. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955 — 1961. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912-1917 годов / Подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. — 1955. — С. 151-172. — URL: https://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/ms1/ms1-151-.htm (дата обращения: 10.09.2026).
5. Пощечина общественному вкусу / Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, А. Крученых, В. Кандинский, Б. Лившиц, В. Маяковский, В. Хлебников. — М. : Издатель Г. Л. Кузьмин, 1912. - 112, [1] с. — URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3201-poschechina-obschestvennomu-vkusu-d-burlyuk-n-burlyuk-a-kruchenyh-v-kandinskiy-b-livshits-v-mayakovskiy-v-hlebnikov-stihi-proza-stati-m-1912 (дата обращения: 18.09.2026).
6. Смирнов, И.П. Гротеск / И.П.. Смирнов // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий; [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. — М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — 358 с. — ISBN 978-5-903955-01-5
7. Хлебников, В. Творения / В. Хлебников. — М.: Советский писатель, 1986. — 736 с.

УДК 82-25 “20”

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА В РОМАНЕ К. ВАГИНОВА «БАМБОЧАДА»

Белоконь С. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-7902-8668
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
clairsv@mail.ru

Введение. Как утверждал Д. С. Лихачев: «Внутренний мир художественного произведения существует не сам по себе и не для самого себя. Он зависит от реальности, „отражает“ мир действительности, но то преобразование этого мира, которое допускает художественное произведение, имеет целостный и целенаправленный характер. Преобразование действительности связано с идеей произведения, с теми задачами, которые художник ставит перед собой» [2; с. 115]. Из данного утверждения явственно следует, что художественные трансформации реальности в тексте никогда не случайны, а целенаправленно подчинены авторской идее.

Созвучность этим идеям Д. С. Лихачева можем обнаружить в высказываниях М. М. Гиршмана: «В целостности произведения встречаются и переходят друг в друга объективное содержание мира и субъективное содержание личности, всеобщие закономерности развития искусства и индивидуальный творческий замысел» [1; с. 73]. В концепции М.М. Гиршмана акцент сделан на том, что мир произведения — это синтез объективного (заложенного в традиции, культуре) и субъективного (личного замысла автора). Как и Лихачев, Гиршман говорит об

определяющей роли автора при создании художественного мира произведения. В свою очередь мы понимаем, что Лихачев и Гиршман по сути опираются на идеи М.М. Бахтина об авторе как творце всего в произведении (известнейший термин Бахтина — автор-творец).

Цель исследования — рассмотреть особенности художественного мира в романе Константина Вагинова «Бамбочада».

Основная часть. Художественный мир «Бамбочады» К. Вагинова полноценно раскрывается именно в контексте его принадлежности к интеллектуальной прозе: повествование здесь служит не столько для развития событий, сколько для постановки глубоких мировоззренческих вопросов.

Произведение запечатлевает кризис интеллигенции в переломную эпоху (на стыке 1920 — 1930-х годов). Вагинов не выносит персонажам окончательных вердиктов — он погружает читателя во внутренний мир героев, демонстрируя их растерянность перед лицом масштабных общественных сдвигов.

Существование Евгения Фелинфлеина, главного героя анализируемого романа, кажется, на первый взгляд, лишённым цели, но в этой кажущейся пустоте угадывается боль человека, который остро чувствует смену эпох и не может отыскать в новой действительности собственное место. Ироничный авторский подход одновременно подчёркивает нелепость поступков героя и обнажает подлинную трагедию его мироощущения (как мы узнаем ближе к концу повествования — Филенфлеин неизлечимо болен).

Мир, созданный Вагиновым, живёт по законам карнавальной логики: устоявшиеся иерархии теряют значение, а на авансцену выходят мелочи, в обыденной реальности остающиеся незамеченными. Увлечение коллекционированием, изысканная гастрономия, страсть к редким изданиям и старинным гравюрам — это не просто штрихи к портрету эпохи, а попытка героев произведения удержать ускользающий культурный пласт, стремление зафиксировать хрупкую красоту уходящего мира.

Герои воспринимают действительность как сценическую площадку, где маски постоянно сменяют друг друга, а неписаные правила игры остаются туманными. Так складывается оригинальная вагиновская концепция искусства: оно предстаёт как форма диалога с реальностью через условность, перевоплощение и игровую дистанцию.

Текст пронизан культурными кодами и скрытыми намеками: здесь звучат библейские аллюзии, отголоски театральной традиции, эхо ушедших культурных пластов. Все эти особенности характерны для произведений, относящихся к интеллектуальной прозе.

Внешне роман может показаться хроникой угасающего быта определённого социального круга. Однако именно через детали

повседневности Вагинов актуализирует фундаментальные вопросы: как обрести опору в хаотичном мире, как сохранить память культуры, как примирить личный опыт с объективным ходом истории. Бытовые зарисовки здесь — это не самоцель, а художественная форма, позволяющая осмыслить экзистенциальные проблемы через привычное и осязаемое.

Художественный мир «Бамбочады» строится вокруг сложных идей, и именно это делает его чтение таким насыщенным — оно побуждает не просто следить за сюжетом, а активно размышлять вместе с автором и его героями, каждый из которых имеет собственную правду, собственное видение мира.

Заключение. Таким образом, интеллектуальная природа романа заключается в отказе от готовых ответов: вместо них читателю предлагается поле для размышлений. Темы отчуждения, игры, карнавального переворачивания норм и сохранения памяти становятся внутренними двигателями текста. Читатель в этой системе — не пассивный наблюдатель, а равноправный участник интеллектуального поиска, которому предстоит самостоятельно соединить разрозненные смысловые фрагменты в целостную картину.

Список литературы

1. Гиршман, М. М. Литературное произведение: теория художественной целостности / М. М. Гиршман — М. : Языки славянской культуры, 2007. — 560 с.
2. Лихачёв, Д. С. Литература — реальность — литература / Д. С. Лихачев — Л. : Советский писатель, 1982. — 213 с.

УДК 821.161.1

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ ПОЭЗИИ ВЛ. СМОЛЕНСКОГО

Даренский В. Ю., д-р. филос. наук, доц., ORCID 0000-0003-2042-5527
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», г. Луганск, РФ
darenskiy1972@rambler.ru

Введение. Луганская земля является родиной одного из лучших поэтов русской эмиграции «первой волны» Владимира Смоленского. В 2001 году в издательстве «Русский путь» вышел наиболее полный сборник стихов и прозы поэта «О гибели страны единственной». Начали появляться научные исследования его поэзии, защищена диссертация А. Г. Данилова «Литературное наследие В. А. Смоленского: образно-эстетическая система лирики» (2010). В истории русской поэзии XX века Вл. Смоленский в

первую очередь интересен как продолжатель классической традиции (для него лично особо значимым был Лермонтов). Вместе с тем, современные исследователи в своем понимании специфики поэзии В. Смоленского, к сожалению, довольствуются стереотипом, препятствующим подлинному пониманию его поэзии. Например, известный историк литературы О. Н. Михайлов в своем учебнике «Литература русского Зарубежья» писал, что «в этой области, во тьме одиночества и неизбежности ледяного взгляда смерти Вл. Смоленский, думается, не имеет равных в русской поэзии» [2, с. 392]. А. И. Чагин на этом основании сближал Вл. Смоленского с Ф. Сологубом «с его культом смерти» [5, с. 202]. Однако это поверхностное впечатление. Более глубокий анализ показывает иное.

Целью данной работы является анализ экзистенциально-смысловых доминант поэзии Вл. Смоленского, которые составляют более глубокий её уровень по отношению к образам одиночества, смерти и пустоты бытия.

Основная часть. Когда в 1931 году в Париже вышел первый сборник стихов Вл. Смоленского «Закат», даже мало кого хваливший В. Ходасевич написал о нем так: «Тончайшие, исполненные подлинного чувства, умно — сдержанные стихи Смоленского… очень умны, изящны — по нынешним временам даже на редкость. Вкус никогда (или почти никогда) не изменяет ему… Поэзия Смоленского глубоко современна, но вполне чужда поверхностного новаторства; непогрешимо изящная, проникнутая тонким, порой очень сложным и изысканным мастерством, она отличается той целомудренной сдержанностью, которая неразлучна с подлинностью чувства, с внутреннею правдивостью. В современной русской поэзии Смоленскому принадлежит одно из первых мест» [4, с. 5]. Столь высокая оценка столь взыскательным критиком очень много стоит. Она заставляет пересмотреть оценки Вл. Смоленского как «поэта смерти и одиночества».

В своей статье о Вл. Смоленском Е. Дубровина писала: «У каждого поэта есть свой доминирующий символ: у Поплавского этим символом был снег, белый, розовый, зеленый; у Ивана Савина и Ивана Елагина — звезды. В поэзии Смоленского, как, кстати, и у Георгия Иванова, преобладают два главных образа: ангела и звезды, горящей “в вечности своей невыносимой”, как символа света, опаляющего темное и трудное существование» [1, с. 61]. Как видим, здесь указаны совсем иные смысловые доминанты — вовсе не смерть и одиночество — а преображение, вечность и бессмертие.

Действительно, о смерти и одиночестве человека перед её лицом В. Смоленский писал много и очень сильно. (Далее стихотворения В. А. Смоленского цитируются по изданию [3]). Вот так, например: «*Вот ночь пришла, и в месяце двурогом / Небесная уснула тишина, / О, этот кубок, поднесенный Богом / Я выпью с наслаждением до дна*». Или так:

«*Вот так и жизнь земную — в смертный час / Мы, коченея на холодном ложе, / Смежая веки изумленных глаз, — / Ни вспомнить, ни понять не сможем*». Вот и об одиночестве: «*Я не хочу поднять тяжёлых век, / Там те же звезды в том же мраке стынут, / Как одинок бывает человек / Когда он Богом на земле покинут*». А в этих строка смерть и одиночество человека во всей вселенной сливаются в нечто единое: «*Беззвучно шевеля губами, / Нем человек. И на него / Смерть смотрит тусклыми зрачками, / Не видящими ничего*». Однако одиночество и смерть — эти главные темы многих поэтов «парижской ноты» — у Вл. Смоленского, в отличие от большинства его современников, не были самодовлеющими, а были лишь ступенью к высшему прозрению смысла бытия. Главной темой у него были бессмертие и вечность, а не смерть и одиночество. В одном его стихотворении, которое вошло в антологию «Молитвы русских поэтов XX-XXI: Антология» (2011), есть строфа, особенно важная для понимания этого поэта:

Но ангелы пели, кружась над душою,
Целуя запекшийся рот,
О вечном блаженстве, о вечном покое,
О славе надзвездных высот.

В стихотворении «Моему отцу» он писал: «*…Стискиваю зубы. — Смерти нет. / Медленно сжимаю сердце. Свет / Каплями стекает с высоты. / Явственней видны твои черты, / Но слова твои едва слышны, / Но глаза твои ещё мутны, / Будто между нами пролегло / Дымом затемнённое стекло. / Смерти нет. Не может смерти быть. / Надо всё понять и всё забыть. / Страшное усилье. Страшный свет, / Слабый звон… — Ты видишь, смерти нет!*». А вот из его стихотворения «Ангел»: «*Как медленно я умираю… / Но верю, что в конце пути / Он приоткроет двери рая, / Крылом поможет доползти*». Вл. Смоленский, какой бы ни была его земная жизнь, был православным поэтом, которые твердо знал о бессмертии души о об ангеле-хранителе, который оберегает её и доведет до врат райских. Другое дело, что он очень остро чувствовал обезбоженность этого мира. Не смотря все на свое знание о бессмертной душе, Смоленский как подлинный поэт умел сопереживать, тем, кто умирает. В 1958 году в одном из своих стихотворений он оплакивал смерть Георгия Иванова:

Умер друг — не плачь, душа, не надо…
Умер друг — но почему ж я плачу?
Ничего не знаю я, не значу
В тайнах смерти, жизни, рая, ада…

Но вот — итоговое и главное — переживание смерти как освобождения: «*И от мерцающих лучей ее / На сердце призрачный ложится свет. / Во тьме и вечности и ты, и я. / И жизни не было, и смерти нет*».

Или это освобождение — но с бытовой конкретикой смерти: «*В томлении смертном, на смятой постели, / Хрипя, задыхаясь, томясь / От боли и страха… Но ангелы пели, / Над комнатой душной кружась*».

Заключение. Традиционная проблематика экзистенциализма — одиночество, смерть и пустота бытия, глубоко проникшая в поэзию «парижской ноты» (к этому типу поэтов Смоленский не принадлежал, хотя и был поклонником поэзии Г. Иванова), у Смоленского, является только «внешней» образной феноменологией переживания бытия. Но на более глубоком — точнее, на более высоком — уровне она преодолевается императивом и реальным опытом внутреннего преображения, восходит к предельным экзистенциальным смыслам бессмертия души, вечности и воскресения. Тем самым, глубинный смысл его поэзии является отчасти скрытым для поверхностного восприятия. Однако эта прикрытость, потаенность самых главных смыслов соответствует природе самой поэзии, которая предполагает встречное движение души читателя к разгадке тайны. Читатель должен пройти вместе с поэтом мучительный путь опустошения, переживания небытия — пройти через «символическую смерть души» — и только так проникнуть в ту тайну, которую открыл на этом пути поэт.

Список литературы

1. Дубровина, Е. «И жизни не было, и смерти нет». О поэзии Владимира Смоленского (1901–1961) / Е. Дубровина // Новый Журнал. — 2018. — № 293. — С. 56–71.
2. Михайлов, О.Н. Литература русского Зарубежья / О.Н. Михайлов. — М. : Просвещение, 1995. — 432 с.
3. Смоленский, В.А. «О гибели страны единственной…» : Стихи и проза / В.А. Смоленский — М. : Русский путь, 2001. — 288 с.
4. Ходасевич, В. Книги и люди. «Закат» / В. Ходасевич // «Возрождение». — № 2410. — 1932. — С. 3–9.
5. Чагин, А.И. «К вечности тяжелый перелет». Владимир Смоленский / А.И. Чагин // Академические тетради. — Вып. 15. — М. : ОАЭСИ, 2013. — С. 188–217.

УДК 821.161.1

«СУКИН СЫН» И ДРУГИЕ ОБРАЗЫ СОБАКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. А. ЕСЕНИНА: ФУНКЦИИ И СУБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА

Иванова А. С., ORCID 0009-0000-9115-2998,
Токарев Г. В. д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0002-2362-1002
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого», г. Тула, РФ
anastasiazosim11@gmail.com

Введение. Образ собаки занимает особое положение в лирике Сергея Есенина. Данный образ встречается в ряде стихотворений и выполняет различные художественные функции. В исследовательской литературе отмечается, что Есенин воспринимал собаку как верного друга человека, являющегося составной частью его жизни [6]. Творчество поэта отличается активным интересом к миру природы и животных, что позволяет рассматривать его анималистические произведения как самостоятельное явление в русской лирике начала XX века.

Существующие работы по данной теме сосредоточены преимущественно на анализе отдельных стихотворений. Так, С. Н. Пяткин исследует образ-мотив собаки в контексте идеи единства искусства и быта, рассматривая три стихотворения,в которых данный образ является центральной фигурой текста [6]. Е. Ю. Дрожжина анализирует ранние анималистические произведения Есенина, утверждая, что поэт очеловечивает чувства животных и придаёт им вселенский размах [2].

Цель настоящей статьи состоит в систематическом рассмотрении образа собаки в лирике Есенина на материале трёх стихотворений: «Песнь о собаке» (1915), «Сукин сын» (1924), «Собаке Качалова» (1925).

Стихотворение «Песнь о собаке» стало своеобразной визитной карточкой Есенина-анималиста. Данное произведение представляет собой зарисовку из жизни дворовой собаки, родившей «рыжих семерых щенят». Первые строки вводят читателя в мир, согретый материнской теплотой. Собака выступает в качестве субъекта переживания. Есенин передаёт трагедию живого существа, используя приём антропоморфизма. Кульминация стихотворения связана с моментом, когда «хозяин хмурый» уносит щенят в мешке. Финал передаёт глубину отчаяния: «И глухо, как от подачки, / Когда бросят ей камень в смех, / Покатились глаза собачки / Золотыми звёздами в снег» [3, с. 147]. Страдания собаки осмысляются как имеющие ту же ценность, что и человеческое горе [6].

Стихотворение «Сукин сын» обращается к образу собаки в ином ракурсе. Центральным моментом становится встреча лирического героя с псом, которого родила собака, знакомая поэту с детства. Композиция текста строится на движении времени из неопределённого будущего в

определённое прошлое. Образ собаки связан с памятью и ностальгией. Сын старой собаки, визуально похожий на мать, извлекает из архива памяти лирического героя моменты его юношеской влюблённости в хозяйку собаки. Своим лаем он пробуждает в герое старые чувства влюблённости и лёгкой меланхолии. В тексте возникает образ девушки в белом, для которой «был пёс почтальон». Лирический герой вспоминает: «Потому что мои записки / Из ошейника пса не брала» [3, с. 207–208]. Собака занимала центральное положение в системе отношений между героем и его возлюбленной, выступая посредником в их коммуникации. Образ собаки выполняет функцию проводника из настоящего в прошлое.

Показательно, что лирический герой не сетует на девушку за то, что она не принимала его посланий. К тому же в настоящее время у него на сердце уже другая девушка. Образ собаки в данном произведении выполняет функцию проводника из настоящего в прошлое. Встреча с сыном старой собаки становится для лирического героя поводом к переживанию утраченного времени и восстановлению эмоциональной связи с собственными прожитыми чувствами. Сын старой собаки, встретивший героя «с лаем ливисто ошалелым», становится живым напоминанием о прошедших годах. Примечательно, что память здесь оказывается не абстрактной категорией, а воплощённой в конкретном живом существе: пёс выступает своеобразным медиатором между прошлым и настоящим, между утраченным и обретённым. Именно через него лирический герой получает доступ к собственным юношеским переживаниям, которые без этого внешнего импульса остались бы лишь смутным воспоминанием. Тем самым Есенин показывает, что память нуждается в материальном носителе, в живом свидетеле, способном пробудить её. В этом смысле образ собаки приобретает онтологический статус: он не просто сопровождает человека, но и хранит его эмоциональную историю, становясь частью его внутреннего мира.

Стихотворение «Собаке Качалова» создано в 1925 году и обращено к собаке актёра В. И. Качалова — доберман-пинчеру по кличке Джим. История создания текста связана с реальным эпизодом: Есенин, придя в гости к Качалову, сразу же подружился с его собакой. Стихотворение начинается с обращения к собаке как к равному собеседнику: «Дай, Джим, на счастье лапу мне, / Такую лапу не видал я сроду. / Давай с тобой полаем при луне / На тихую, бесшумную погоду» [3, с. 213]. Лирический герой ведёт с Джимом философский разговор о жизни: «Ведь ты не знаешь, что такое жизнь, / Не знаешь ты, что жить на свете стоит» [3, с. 215]. Собака выступает в роли посредника между поэтом и миром человеческих отношений. В финале звучит просьба к Джиму передать приветствие той, «что всех безмолвней и грустней» [3, с. 215].Таким образом, образ собаки в лирике Есенина не является статичным: он эволюционирует от субъекта переживания (в «Песни о собаке») через хранителя памяти (в «Сукином

сыне») к полноправному собеседнику и посреднику (в «Собаке Качалова»). В каждом из трёх произведений животное наделяется человеческими качествами, но при этом не теряет своей природной сущности. Собака остаётся существом, принадлежащим одновременно двум мирам — миру природы и миру культуры, миру быта и миру духовных откровений. Именно эта пограничность и делает её столь значимой для поэта: она позволяет Есенину говорить о самых сложных философских материях — о жизни и смерти, о памяти и времени, о любви и утрате — языком, свободным от пафоса и риторики. В этом смысле образ собаки оказывается не просто художественной деталью, а ключевой фигурой, организующей идейно-художественное содержание целого ряда произведений поэта.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что образ собаки в лирике Есенина выполняет многообразные художественные функции. В «Песни о собаке» данный образ становится средоточием трагедии, позволяя поэту выразить идею о равноценности всех живых существ. В «Сукином сыне» собака выступает как хранитель памяти и свидетель прошлого. В «Собаке Качалова» образ приобретает черты собеседника и посредника в человеческих отношениях. Во всех трёх произведениях образ собаки выполняет функцию посредника между миром быта и миром духовных откровений. Обращение к данному образу позволяет Есенину выразить философские идеи о родстве человека и животного, о единстве всего живого.

Список литературы

1. Горький, М. Сергей Есенин / М. Горький // Жизнь Есенина; сост., вступ. ст. и примеч. С. П. Кошечкина — М. : Правда, 1988. — С. 306–311.
2. Дрожжина, Е.Ю. Уроки милосердия в анималистических стихах С.А. Есенина 1910-х гг. / Е.Ю. Дрожжина // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. — 2021. — Вып. 1. — С. 49–54.
3. Есенин, С.А. Полное собрание починений : в 7 т. / С.А. Есенин; гл. ред. Ю.Л. Прокушев. — М. : Наука: Голос, 1995–2000. — Т. 1: Стихотворения. — 1995. — 672 с.; Т. 2: Стихотворения (маленькие поэмы). — 1997. — 464 с.
4. Загнетин, А.С. «Бобыль и Дружок» и «Песнь о собаке» Сергея Есенина: две художественные версии одного авторского замысла / А.С. Загнетин, С.Н. Пяткин // Палимпсест. Литературоведческий журнал. — 2025. — № 2. — С. 57–69.
5. Качалов, В.И. Воспоминания / В.И. Качалов // Жизнь Есенина; сост., вступ. ст. и примеч. С.П. Кошечкина. — М. : Правда, 1988. — С. 251–252.
6. Пяткин, С.Н. «...Моей юности друг»: образ собаки в лирике С. А. Есенина / С.Н. Пяткин // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 215–226.

УДК 821.161.1.09 + 929Пушкин + 929Гоголь′

ПОЭТИКА ОБЛОЖКИ: НА ПУТИ К ПОНЯТИЮ

Квашина Л. П., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0001-7201-3906
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
l.kvashina-dongu@mail.ru

Традиционно теория литературы обложке отводила роль внешнего, сугубо материального фактора, противопоставляя «произведение» и «книгу». Произведение имеет эстетическую природу, и со своим материальным носителем оно связано лишь косвенно. Считается, что если книга и становится артефактом, то это является заслугой художника или дизайнера, но не автора текста. Поэтому внимание литературоведов сосредоточено исключительно на словесной ткани произведения, а все внетекстовое (обложка, шрифт, бумага, переплет) расценивается как «прикладное» и «нелитературное». В итоге проблемы, связанные с презентацией произведения, оказываются вне предметного поля филологии — это область графического дизайна, книговедения, даже маркетинга, но не теории литературы.

Между тем реальный опыт свидетельствует об ином: читатель имеет дело отнюдь не с «голым» текстом. Он окружен плотным обрамлением: обложка создает первое впечатление — это «афиша и рукопожатие одновременно»; иллюстрации служат визуальным аккомпанементом, формирующим зрительный ряд, — эти и другие составляющие сопровождения вводят, удостоверяют, обещают, комментируют. Между книгой и произведением выстраивается соотнесенность: обрамление участвует в восприятии произведения, и не замечать этого невозможно.

Понятие «поэтика обложки» на фоне сложившейся традиции выглядит смелым, но, как нам представляется, оно может быть продуктивным. Речь идет не о пересмотре отношений текста и обложки, а о прояснении смысловой функции последней с учетом их связи и различий.

Вопрос о специфике и функциях обложки не нов: в отечественной науке он с разных позиций ставился еще в первой половине XX века. Одной из первых монографических работ, посвященных книжной обложке, была книга искусствоведа и литературного критика Э.Ф. Голлербаха «Современная обложка» (1927). Модерн рубежа XIX–XX веков, а затем художественные эксперименты 1920-х годов стимулировали настоящий ренессанс в книжном оформлении. Именно внутри этого процесса складывается постановка вопроса: что такое обложка и как она работает. По мнению Голлербаха, обложка не только защищает книгу, но и «говорит» с читателем, направляет его к сути произведения; кроме того, «в

искусстве обложки, как в зеркале, отражается каждая историческая эпоха» [4, с 7]. Обложка, таким образом, предстает посредником — между произведением и читателем, между текстом и культурой.

А.А. Реформатский в работе «Техническая редакция книги» (1933) предложил семиотическую интерпретацию функции обложки, понимая ее как «осмысленный знак». Она выполняет «увертюрную» функцию — «кратко, синтетично вводит впервые видящего книгу в ее содержание. Цвет, рисунок, графика, композиция должны быть с ним «согласованы» [7].

При том, что высказанные идеи очень продуктивны, они не были поддержаны и развиты, поскольку оба исследователя оставались в рамках собственных интересов — искусствоведения, теории редактирования, задач собственно литературоведческих они перед собой не ставили.

Новый этап в теоретическом осмыслении обложки связан с понятием паратекста, который был введен Ж. Женеттом. Обложка понимается как его составляющая (перитекст). Это пограничная зона, за которую отвечает издатель. Паратекст в целом — это «порог», «преддверие», через которое текст «становится книгой и предлагается как таковая своим читателям». Он задает «программу чтения текста, его код», и обложка в качестве первого звена этой программы начинает формировать ожидания читателя «еще до первой строки» [1].

С.Н. Зенкин переносит структуралистское понятие паратекста в предметное поле литературоведения, и обложка, которая раньше считалась «не литературой», вводится в круг теоретико-литературных вопросов [5]. Но если обложка рассматривается как участник литературной коммуникации, означает ли это, что она входит в смысловое целое произведения, или речь идет только об условиях чтения, о том, что предшествует смыслу, но не входит в него? Это принципиальная проблема, которую еще предстоит решить.

Возражение, которое обычно возникает при попытке сблизить обложку с произведением, состоит в том, что она не принадлежит автору. Эта позиция опирается на здравую интуицию: произведение создает автор, а обложку — другой человек, художник или дизайнер; значит, здесь работают разные интенции, и обложка не может претендовать на тот же статус, что и словесный текст. Но как оценивать те случаи, когда обложку создает сам автор? Рассмотрим два примера.

Первый — авторский «титульный лист» А.С. Пушкина в рукописи «Маленьких трагедий» (1830). Рисунок создан в процессе работы над циклом. И можно предположить, что Пушкин набросал этот эскиз, чтобы «собрать листы воедино». Рисунок визуализирует его творческие поиски. Идея рыцарства заявлена как обобщенный образ «опыта драматических изучений», объединяющее начало цикла. Что для нас существенно? — Прежде всего то, что творческие поиски Пушкина обретают зримую форму

до того, как целое окончательно складывается в слове. Обложка становится визуальной метафорой рождающегося единства.

С точки зрения теории паратекста, этот пример не является показательным. Паратекст по определению сопровождает уже существующий текст и предлагает его читателю, а пушкинский рисунок участвует в его становлении. Но у этого примера есть и другая сторона: он свидетельствует об органичном взаимодействии словесного текста и его визуальной репрезентации внутри творческого процесса.

Другой пример — обложка Н.В. Гоголя к «Мертвым душам». Она представляет собой сложную орнаментально-шрифтовую композицию, которая организована по принципу барочной эмблемы: символические детали, иерархия шрифтов, предметная дробь. Читателю предлагается связать и соотнести все эти элементы. Гоголь создает визуальный эквивалент своего стиля: избыточного, гротескного, барочного.

Первая часть названия — «Похождения Чичикова» вписана мелким шрифтом и почти теряется среди завитков рамки. Вспомним, что эта «прибавка» была спущена Гоголю цензурой, поэтому такое оформление — ироничный гоголевский жест, ускользание от внешнего вмешательства. Собственно авторское название — «Мертвые души» — оформлено иначе: шрифт крупнее, но текст слегка затушеван, как бы приглушен. Зато жанровое определение «ПОЭМА» сразу бросается в глаза. Оно набрано масштабно, особым шрифтом — выворотной (белым по черному) — и доминирует над всей композицией. Очевидно, что Гоголь «не в шутку назвал» свое произведение поэмой и «не комическую поэму разумеет он под нею» (В.Г. Белинский). В его понимании «поэма» — указание не на форму, а на масштаб и пафос. По формуле Ю.В. Манна, «на очную ставку с универсалиями поставлена вся Россия, а через нее — все человечество» [6, с. 436].

Отметим еще один важный для нашей темы момент: имя Гоголя на обложке присутствует дважды. Помимо свидетельства об авторстве текста («Поэмы Н. Гоголя»), внизу, под орнаментальным полем, мелким шрифтом указано: «Обложка рисована самим Гоголем». В издательской практике обычно так не принято: информация о художнике дается на титуле. Гоголю в данном случае важно было сообщить читателю о своем «изобразительном» авторстве вовсе не для того, чтобы оценили его художественные способности. Подпись меняет статус обложки: из плана внешнего оформления она переходит в план авторского высказывания, тем самым устанавливая особые отношения между произведением и книгой.

Итак, у Пушкина создание обложки погружено в творческий процесс и с ним внутренне связано. У Гоголя обложка репрезентирует законченное произведение, расставляя важные акценты. В первом случае перед нами лаборатория формы, поиск целого; во втором — его декларация. Дает ли это основание включать обложку в состав произведения? На наш взгляд,

даже в предельном случае, когда автор текста сам создает обложку, ее следует рассматривать как высказывание о произведении, а не как его составляющая. Творец и интерпретатор — разные роли, даже если их исполняет один человек. М.М. Бахтин показал, что автор, высказывающийся о своем произведении после его создания, перестает быть творцом и становится читателем — «критиком, психологом или моралистом». Его высказывание интерпретационно и не обладает приоритетом [2]. Обложка, созданная автором после завершения текста, принадлежит именно к этому ряду — она участвует в жизни произведения, оставаясь на границе. И в то же время, если мы признаем, что высказывание о произведении — не только словесное — имеет свои формы, приемы и логику, то изучение этих форм может составить предмет «поэтики обложки».

Список литературы

1. Автономова, Н.С. Фрагмент перевода книги Жерара Женетта «Пороги» и вступительная заметка переводчика / Н.С. Автономова. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/fragment-perevoda-knigi-zherara-zhenetta-porogi-i-vstupitelnaya-zametka-perevodchika#1
2. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Избранное. — Т. 1: Автор и герой в эстетическом событии / М.М. Бахтин. — М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. — С. 122–279.
3. Виролайнен, М.Н. Обложка к рукописям «маленьких трагедий». Опыт графических изучений «опыта драматических изучений» / М.Н. Виролайнен // Временник Пушкинской комиссии: специальный выпуск в честь Татьяны Ивановны Краснобородько. — 2023. — С. 102–109.
4. Голлербах, Э.Ф. Современная обложка / Э.Ф. Голлербах. — Л. : Изд. Акад. художеств, 1927. — 102 с.
5. Зенкин, С.Н. Теория литературы: проблемы и результаты / С.Н. Зенкин. — М. : Новое литературное обозрение, 2018. — 362 с.
6. Манн, Ю. Поэтика Гоголя. Вариации к теме / Ю. Манн. — М. : Coda, 1996. — 474 с.
7. Реформатский, А.А. [Каушанский М. М.]. Техническая редакция книги. Теория и методика работы / А.А Реформатский. — М. : Гос. изд-во легкой промышленности, 1933. — Режим доступа: http://philologos. narod.ru/reformat/ref-tech. Htm
8. Тынянов, Ю.Н. Иллюстрация // Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. — М. : Наука, 1977. — С. 310–318. — Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Иллюстрации_(Тынянов)

УДК 82.09, 821.161.1.0

МОРТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. И. ВВЕДЕНСКОГО И Д. ОЗЕРСКОГО

Клушина В. Н., ORCID 0009-0006-5221-5849
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара, РФ
valeria.klushina.12@mail.ru

Введение. Во многих произведениях А. Введенского исходной точкой становится смерть героя, после которой персонаж, уже переступив порог физического существования, продолжает существовать в некоторой посмертной реальности. В современной художественной литературе подобная композиция встречается нечасто, зато для средневековой традиции она вполне привычна — особенно в рамках эсхатологического жанра, где распространены описания потустороннего мира.

Цель нашего исследования описать и проанализировать мортальные мотивы в творчестве Александра Введенского и Дмитрия Озерского. В связи с этим ставится задача выявления влияния поэтики А. Введенского на творчество Д. Озерского.

Основная часть. О том, что поэзия А. Введенского глубоко эсхатологична, писал ещё Яков Друскин: он называл пьесу «Кругом возможно Бог» «эсхатологической мистерией» и утверждал, что в ряде текстов поэта раскрывается тема существования «по ту сторону» смерти [1, с. 584]. Позднее Михаил Мейлах, развивая наблюдения Я. Друскина, обратил внимание на то, что в поздний период творчества Введенского выходит на первый план так называемая «двухступенчатая эсхатологическая ситуация» [2, с. 247]. По его мысли, в этой модели физическая смерть ещё не выводит человека из сферы обусловленности и времени, т.е. после смерти герой остается в мире, подчиненном причинно-следственным связям и временной последовательности; подлинное освобождение наступает лишь со второй, окончательной смертью — в момент, когда Бог накаляет мир, и тот приходит к своему концу.

Исходя из этого, мы можем говорить о малой эсхатологии в произведениях Введенского, а именно о нарративе посмертной судьбы отдельно взятого человека.

Обратимся к конкретным примерам. Так, в начале поэмы «Минин и Пожарский» персонаж Греков произносит: «итак я был убит / судьба моя старалась улететь» [3, с. 46]. По ходу произведения умирает еще много персонажей: губернатор («ну вот лежу убитый» [3, с. 47]); «чиновник его особых поручений», который «на следующее утро после смерти чаю не пьет» [3, с. 47] и так далее. Еще одним произведением, начинающимся со

смерти героя, является «Седьмое стихотворение» («Но услыша пули звук / он упал холодной шашкой / весь рыдая на траву» [3, с. 63]).

В поздний период творчества у Введенского гибель постигает уже не только людей, но и отвлечённые понятия, которые обретают в текстах статус действующих лиц. Например, в стихотворении «Факт, теория и Бог» смерть настигает Теорию («я сегодня скончался / ты скончался вчера / кто из нас причащался?» [3, с. 110]). В «Битве» погибает малютка Вина: «умираем / умираем / за возвышенным сараем» [3, с. 114].

Итак, после краткого обзора мортальной поэтики Введенского мы можем перейти к творчеству Дмитрия Озерского, и рассмотреть, как идеи Введенского преломились в его стихах.

Интересным для анализа представляется произведение Озерского «Шёпот» [4, с. 6]. Стихотворение, так же, как и произведения Введенского, начинается с заявления о том, что герой умирает: «Я не дышу. Уже почти совсем» [там же]. Текст сразу вводит нас в пограничное поле, мы понимаем, что герой находится на пороге между жизнью и смертью. Заметим, что топос пограничья был крайне важен и распространен в русской культуре XX века, и связан с идей бессмертия и перерождения, наступающими после физической кончины. Вследствие этого отношение к смерти в это время также претерпевает изменение. В литературных произведениях того времени, не только в творчестве А. Введенского, появляются различные посмертные пространства: они могут совпадать с реальностью живых, могут мимикрировать под них, а могут быть совершенно отличны.

В строках: «Я чувствую: меня уносит время» [там же] — время становится текучем. Здесь явно реализуется свойственная обэриутам водная образность, которая выражает идею текучести, разнонаправленности и непрерывности. Если говорить более широко, то представления о времени, как о чем-то текучем и сравнении его с рекой («река времени», «Лета») имеет глубокие корни не только в нашем языковом сознании, но и в тысячелетней культуре всего человечества. Например, в Аналектах Конфуция, который говорит, стоя у реки: «Все течет так же, [как вода]. Время бежит не останавливаясь» [5, с. 67].

Связь времени и воды также была очень важным элементом поэтики Введенского. Об этом пишут многие исследователи творчества А. Введенского, в частности, Михаил Мейлах в своей книге «Поэзия и миф». Введенский может отождествлять время с морем («Значение моря», «Кончина моря»), с рекой, ручьем, заливом, прибоем и даже с по́том (как в знаменитом произведении «Потец»).

Путешествие в другой мир сопровождается потерей собственного Я, еще один важный элемент поэтики и философии обэриутов. По мере своего пути герой уменьшается, подобно Ивану Ивановичу в произведении Введенского «Зеркало и музыкант» («ты не имеешь толщины» [3, с. 93].): «Я стал почти невидимый… Я истончился вдвое...» [4, с. 6].

В конце своего пути наш герой полностью перевоплощается, обращаясь в свет («Я свет летящий в бесконечной чаще» [4,с. 6]), но на этом его существование не заканчивается, герой вопрошает как ему жить дальше («И я не понимаю, как мне жить» [4,с. 6]). Мы видим, что герой прошёл этап преображения. Здесь реализуется та же эсхатологическая тема преодоления смерти, столь характерная для творчества Введенского и для русской культуры в целом. По мнению А.Г. Гачевой, «воскресительная» тенденция тех лет уходила в глубины русской народной культуры, что свидетельствует о том, насколько органично эта идея вписывалась в широкий культурный контекст эпохи [6].

Заключение. Таким образом, мы выяснили, что творчество Д. Озерского вбирает в себя идеи обэриутов, связанные с глубинными экзистенциальными проблемами, которые решаются через обращение к эсхатологическим мотивам. В текстах Озерского отчётливо прослеживается поэтика А. Введенского: мотивы перерождения, текучести, времени, водной образности и другие явственно показывают, как художественная система одного автора органично преломляется в творчестве другого. Вместе с тем в произведении Озерского герой не просто существует после смерти, мы становимся свидетелями его смерти и его пути перехода от одной формы существования к другой, заканчивающегося полным преображением, что редко случается с героями А. Введенского.

Список литературы

1. Друскин, Я. Звезда бессмыслицы / Я. Друскин // «…Сборище друзей, оставленных судьбою». «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. — Т. 1. — М. : Ладомир, 1998. — С. 549–642.
2. Мейлах, М. Примечания / М. Мейлах // Полное собрание произведений: В 2 т. — Т. 1. Произведения 1926–1937 / А. Введенский. — М. : Гилея, 1993. — С. 221–284.
3. Введенский, А. Собрание сочинение: В 2 т. — Т. 1. Произведения 1926–1937 / А. Введенский. — М.: Гилея, 1993. — 285 с.
4. Озерский, Д.А. Во времени: Танец смерти / Д.А. Озерский. — М. : ОГИ, 2024. — 52 с.
5. Переломов, Л.С. Конфуций «Лунь Юй» / Л.С. Переломов. — М. : Восточная литература, 2001. — 180 с.
6. Русский космизм : Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. — М.: Педагогика-Пресс, 1993. — 368 с.

УДК 82-91/087.6

ПРОЗА ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ПЕРИОДИЗАЦИИ

Комин М. В., ORCID 0009-0000-0323-8290
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, РФ
mvkomin@gmail.com

Введение. На сегодняшний день отсутствие четкой системы периодизации прозы В. П. Крапивина остается одной из главных лакун в научном освещении творчества писателя, в то время как периодизация закладывает основу описания творческой биографии автора и «способствует тому, чтобы литературное исследование переходило от простого описательства к подлинному обобщению на основе исторического и филологического анализа» [5].

Целью данной работы является анализ представленных в науке подходов к периодизации прозы В. П. Крапивина и поиск универсального критерия периодизации творчества писателя.

Основная часть. До настоящего времени периодизация прозы Владислава Крапивина не становилась объектом самостоятельных литературоведческих исследований. Упоминая вопрос о протяженности творческого пути В. П. Крапивина в работах, посвященных отдельным аспектам крапивинских текстов, исследователи условно делили творчество писателя на «раннее» и «позднее» (Н. В. Гуреева) [2, с. 35], «советское» и «постсоветское» (Н. А. Кутняхова) [4, с. 44].

Однако сами по себе такие критерии, как календарная дата написания конкретного произведения и ее отдаленность от момента начала автором творческой деятельности, а также формальное указание на социально-исторический период, на который пришлась жизнь писателя, представляются недостаточными для построения целостной концепции периодизации его творчества. В академическом литературоведении периодизация творчества писателя традиционно базируется на таких критериях, как «литературный этап и преемственность, <…> идеологические факторы, литературные иерархии и репутации, динамика и стабильность, понимание и интерпретация, литературный процесс как движение и развитие жанрово-стилевых форм, художественная ценность и вопросы выбора критериев, доминантные явления и литературный «фон», течения, направления» [1, с. 190–196].

В настоящей статье впервые представлена модель периодизации прозы Владислава Крапивина по критерию жанра, доминирующего на том или ином этапе творчества писателя, что позволяет объективно и наглядно показать картину творческого пути автора в ее цельности, отразив при этом жанровую, стилевую и идейную эволюцию крапивинской прозы:

1. Раннее творчество В. П. Крапивина 1960-х годов: «путь от рассказа к повести». Молодой начинающий писатель публикует свои первые книги и входит в советскую литературу, обретает за десять первых лет творчества всесоюзную популярность. Работая в жанре короткого рассказа, писатель осваивает литературное мастерство, для его первых текстов характерен немногословный, «сжатый», но при этом максимально насыщенный художественными деталями и образными элементами стиль. Дебютный сборник рассказов автора — «Мальчишки — мои товарищи» (1962). Впоследствии писатель все чаще обращается к жанру повести. В данном случае своеобразным «переходным» жанром для В. П. Крапивина становится «повесть в рассказах» «Брат, которому семь» (1965). В прозе 1960-х годов Владислав Крапивин переосмысляет устаревший к тому времени сталинский канон изображения «счастливого советского детства», решительно отказываясь от политического толкования «детского счастья» ввиду его общечеловеческого понимания. Присущий «шестидесятникам» дух хрущевской «Оттепели» В. П. Крапивин пронес через всю свою жизнь — мотивы пробуждения, борьбы за свободу и правду и в дальнейшем остаются ведущими в его творчестве.

2. Зрелое творчество В. П. Крапивина 1970–1980-х годов: «от повести к роману». Малый жанр фактически оставлен писателем, доминирующим жанром в прозе В. П. Крапивина становится повесть. Писатель не боится творческих экспериментов, создает оригинальные школьные, фантастические и сказочные повести, нередко смешивая в одной повести элементы различных жанров (главным образом — волшебной сказки и научной фантастики). Трилогия школьных повестей о Сереже Каховском впоследствии образует первый крапивинский роман «Мальчик со шпагой» (1975). Таким образом, «роман в повестях» — очередной «переходный жанр» в творческой эволюции прозы В. П. Крапивина, свидетельство сложных творческих поисков, смелое авторское решение и отсылка к традициям русской классики (роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840) также выстроен из повестей). В творчестве В. П. Крапивина 1970–1980-х годов наиболее ярко выдержана романтическая линия, в образе Сережи Каховского оформляется канон узнаваемого авторского героя-протагониста — «крапивинского мальчика», юного бунтаря-идеалиста, самоотверженного борца за правду и справедливость. На фоне развивающегося в СССР диссидентского движения В. П. Крапивин в своих книгах постепенно, но неуклонно переходит от бытовой (характерной для его творчества 1960-х годов) к социальной проблематике: открыто изображает преследующие детей проблемы: сиротство, одиночество, беззащитность, авторитарное давление в школе и семье.

3. Романное творчество В. П. Крапивина постсоветского периода (1990–2000-е годы): писатель не оставляет жанр повести, однако вершиной

его мастерства становятся разнонаправленные романы, затрагивающие глубинные вопросы функционирования общества, отношений человека и государства. На сломе эпох, на стыке тысячелетий В. П. Крапивин активно обращается к отечественной истории, стремится найти в прошлом подсказки для действий в настоящем. Особое место в творчестве писателя занимает исторический («Бронзовый мальчик» (1993)), а также альтернативно-исторический роман («Бриг "Артемида"» (2008)). В собственной версии истории В. П. Крапивин создаёт образ процветающей «России-мечты», сохранившей свою самобытность, нерушимой и непобедимой. Богатый жизненный опыт и интерес писателя к внутреннему миру человека помогают ему создавать выразительные психологические романы с элементами духовного реализма («Синий город на Садовой» (1991), «Гваделорка» (2008)). Писатель болезненно переживает хаос «лихих 90-х» и социальную неустроенность эпохи, призывает читателей к нравственному оздоровлению общества, ищет духовную опору в православной традиции, верит в грядущее возрождение своей страны и возлагает свои надежды на подрастающее поколение. Творческий опыт помогает В. П. Крапивину повысить художественный стиль текстов.

Заключение. Итогом проведенного исследования стала критическая оценка представленных в литературоведении подходов к периодизации творчества В. П. Крапивина. Предлагается выделить 3 этапа творческого пути писателя по критерию доминирующего на их протяжении жанра (рассказ, повесть и роман соответственно). Обозначена проблема разработки оптимальной концепции периодизации прозы В. П. Крапивина, которая «позволит установить верный масштаб в оценке его произведений как внутри авторской художественной системы, так и в литературном процессе его времени» [3, с. 58].

Список литературы

1. Балданмаксарова, Е. Е. Проблемы периодизации средневековой монгольской литературы / Е. Е. Балданмаксарова, А. Л. Кошелева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — № S1. — С. 190-196. — EDN PJHOEZ.
2. Гуреева, Н. В. Тема Севастополя в творчестве В.П. Крапивина / Н. В. Гуреева // Теоретические и прикладные проблемы науки и образования в 21 веке : сборник научных трудов. — Тамбов: ООО "Консалтинговая компания Юком", 2012. — С. 34-36. — EDN SVYYZH.
3. Комин, М. В. Творчество Владислава Крапивина в научном освещении / М. В. Комин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2023. — № 1(76). — С. 47-61. — DOI 10.26456/vtfilol/2023.1.047. — EDN QSWREP.
4. Кутняхова, Н. А. Мотивы повести-сказки В.П. Крапивина «Дети синего Фламинго» / Н. А. Кутняхова // Русская словесность. — 2013. — № 6. — С. 43–48. — EDN SBJJKH.
5. Миннегулов, Х. Ю. Теоретико-методологические вопросы периодизации истории литератур / Х. Ю. Миннегулов // КФУ: официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: https://kpfu.ru/staff_files/F765923602/Voprosy.periodizacii.istorii.pdf (дата обращения: 15.08.2026).

УДК 82.0

ТЕМА УЧЕНИЧЕСТВА В РОМАНЕ Г. ГЕССЕ «ИГРА В БИСЕР»

Кораблев А. А., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0003-1362-6283
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
dikoepole@rambler.ru

Введение. «Игра в бисер» («Das Glasperlenspiel», 1943) — итоговая книга Германа Гессе (1877–1962), и уже поэтому, как того требует жанр, она содержит нечто наиважнейшее, что понято автором в своей жизни и что может быть небесполезно читателям.

Основная часть. Название этого произведения (с опорным понятием «Spiel» — «игра»), авторское введение в историю и суть Игры и основная часть (жизнеописание гроссмейстера Игры) как будто указывают, что игра — главная тема этого художественного трактата. Но фамилия главного героя («Knecht» — «слуга», «раб», «ученик»), его *выход* из Игры и его собственные сочинения — стихи и повести об учителях (Туру, Дион Пугиль, безымянный йог) и учениках (Туру, Иосиф Фамулус, Даса) разных времен и народов — с такой же очевидностью убеждают, что для понимания общего смысла книги не менее существенна и тема ученичества.

Авторское отношение к Игре двойственно: это высочайший, элитарный круг интеллектуалов, способных ассоциативно соотносить концепты и конфигурации из разных областей знания, но в своих высоких занятиях они оказываются отъединенными от чего-то, может быть, более ценного. Эта двойственность выражена в названии книги, где соединены glas и perlen — «стекло» и «жемчуг», различаясь как неценность и ценность.

Как можно понять, универсальность «игры в бисер» заключается в том, что она играет универсалиями — концептами науки, искусства и религии, развиваясь до «универсального языка», позволяющего сопрягать, например, геометрическую аксиому, мелодию Моцарта и латинскую цитату из мессы [1, с. 62]. Сами же универсалии — вне игры. Это три формы адекватности, доступные человеку — его уму, чувствам и воле. Каждая из универсалий по-своему конструктивна — именно она формирует мировоззрение. И только тоска по абсолютной целостности может вызывать неудовлетворенность у онтологически мыслящего тростника — потребность соединить в себе себя, свои духовно-телесные возможности. Проблема же в том, что для достижения уровня homo universalis требуется максимальная самоотдача в каждой из антропогенных сфер, что едва ли возможно, а узнавание и сближение далековатых

подобий порождает бесконечное и беспрестанное взаимоотражение — имитацию подлинности, игру.

Игра стеклянных бус возникла как порождение и духовное превозможение *«фельетонистической эпохи»,* о которой повествуется ретроспективно, как будто такое состояние общества может когда-нибудь прекратиться. Это было время, когда «фельетоны» — короткие непритязательные публикации в ежедневных газетах — представляли основную духовную пищу для невзыскательной публики: анекдоты из жизни, интервью с известными людьми (причем, какого-нибудь знаменитого ученого спрашивали о политике, а поэта — о причинах финансового кризиса, поскольку важнее было «сочетание громкого имени с актуальной темой»), а также скандалы, пожары, торги и т. д. Даже «более благородная разновидность фельетонизма» — публичные лекции — представляли собой «лишенные какого-либо смысла обрывки знания». Это было время «чудовищного обесценивания слова» [1, с. 45].

Парадоксально, но, как заключает повествователь, именно это время «породило противоборствующее — героико-аскетическое течение», ставшее началом возрождения духовного достоинства [1, с. 46]. Массовое сознание породило духовную элиту как свою противоположность, но и наделила ее своими родовыми признаками. Человек массы, даже если он один, мыслит массово, стихийно, усредненно, но и элита — это взаимосвязанный коллегиум с объединяющими принципами и обязательствами.

Фамилия главного героя («Кнехт») объясняет его призвание — *служение,* а его достигнутый статус («магистр игры») указывает на *заслуги*. Это два полюса, образующие *путь ученичества,* утверждающийся в книге Гессе и как личностные становления, и как общечеловеческая перспектива. Путь от «ученика» к «мастеру», традиционный в духовной культуре, маркирован немногими, но знаковыми именами: Альберт Великий, Пифагор, Платон, Николай Кузанский, Фома Аквинский, монах Иларион, пустынножители Павел и Антоний и др.

В противоположность массовому восприятию, единому в своей множественности, ученическое сознание, сосредоточенное, внимающие, — единственно. Ученик — один, даже когда учеников несколько. Если учитель — это путь, то ученик — путник. Ученик осуществляет учителя, являя миру его и свое призвание. Следуя за учителем, ученик испытывает вертикаль, возвышающую его над горизонталью массового информационного опустошения. В своем устремлении, если оно непрестанно и неуклонно, ученик может повторить и даже превзойти учителя, продолжая его дело или исполняя свое. Идущий фиксирует пределы достигнутого и достижимого, и наступает момент, когда опыта и поддержки учителя оказывается недостаточно для продолжения пути. Для этого уровня необходимы другие средства, которые может дать искусство

тотальной интеллектуальной интеграции — «игра в бисер». Это иная горизонталь — элитарная, «кастальская», круг избранных, делающих этот уровень определенным и предопределенно варьирующим свою определенность.

Точка достижения степени ментальной игры, когда всё проявляется во всём и соединяет противоположные перспективы, изменяет траекторию духовного движения: линия замыкается в круг. Это уровень возможных соответствий, взаимопереходов и взаимопревращений, обращающий их в смысловую условность и побуждающий к более строгому и осознанному устремлению к безусловности. Для Кнехта это означает выход из Игры.

По трагической закономерности этот поступок приводит к гибели героя. Он погибает реально, утонув в горном озере, но и символично — исчезая в стихии Неигры. Достигнув вершины мастерства, но настроенный, еще с юности, в поэтических постижениях, на неустанное *преодоление пределов* и восхождение по *ступеням* бытия, герой, следуя своему внутреннему зову, возвращается к состоянию изначальности, словно погружаясь в жизненные, природные, родовые воды.

Жизнеописание Кнехта — это художественный итог авторского пути, осознание и утверждение его подлинности. Смерть героя, воспринимаемая с позиций массового сознания или элитарного сообщества, выглядит как некое нарушение жизненного плана, излом целеустремленного вектора, трагическая ошибка, нелепая случайность и т. п. Но, ставшая книгой, судьба героя не ограничивается его жизнью и не прекращается его смертью. Финальный поступок Кнехта, неразумный с точки зрения здравого смысла, оказывается сверхразумным, осуществляющим его действительное человеческое единство.

Заключение. Соотнесение ассоциативного и медитативного типов познания, представленное в книге Г. Гессе «Игра в бисер», является гносеологическим распутьем, побуждающим к онтологическому выбору. Архетипичность этой ситуации позволяет учитывать ее и как момент рецептивной экзистенции при чтении литературного произведения. Игровое отношение к феноменальному взаимоподобию науки, искусства и религии преодолевается автором одновременно художественно, трактатно и личностно, устремляясь и устремляя к более основательному, бытийному, ипостасному триединству.

Список литературы

1. Гессе, Г. Игра в бисер / Г. Гессе. — М. : Изд-во «Художественная литература», 1969. — 544 с.

УДК 821.161.1.09

ПОЭТИКА ВОПЛОЩЕННОГО СЛОВА В ПРОЗЕ П. А. ФЛОРЕНСКОГО: АНАГОГИЧЕСКАЯ ТОПОЛОГИЯ ТЕКСТА И ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА РУССКОГО РОМАНА

Краснов К. М., ORCID 0009-0000-6357-3955
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», г. Самара, РФ
kras151299@mail.ru

Академическая наука закрепила за П. А. Флоренским статусы ученого и богослова, отказав в праве быть прочитанным как писатель. Между тем его слово есть достояние именно русской словесности, представляющее собой попытку защитить ткань национального языка от смысловой энтропии. Когда классический психологический роман зашел в тупик саморефлексии, Флоренский создал форму, где слову возвращена первозданная тяжесть, печатный лист же превращен в место бытийного совершения. Чтобы понять текст о. Павла, требуется отказ от восприятия его наследия исключительно философски. Предмет здесь — поэтика его письма: динамика жанра, трансформация тропа, архитектоника страницы. Ключевым аналитическим инструментом здесь выступает анагогическая топология текста. Переводя категорию анагогии (как восхождения) в инструментарий исторической поэтики и опираясь на концепт топологии В. Н. Топорова о связи текста и пространства [5, с. 4], мы видим, что линейность чтения у Флоренского сознательно разрушается. Архитектура текста выбивает восприятие из плоскости. Оно проходит путь от внешней оболочки слова к его этимологическому ядру и иконическому созерцанию смысла. В смысловом пространстве Флоренского слово располагается физически.

В книге «Столп и утверждение Истины» оригинально решается вопрос жанра. Это не сухой трактат, стремящийся к терминологической замкнутости. Мыслитель выбирает форму двенадцати писем к невидимому «милому другу», поскольку убежден, что живой религиозный опыт невозможно втиснуть в рамки отвлеченных систем [6, с. 3]. Как подчеркивает С. С. Хоружий, этот путь имеет глубокое экзистенциальное значение как осуществление жизненного мифа [7, с. 86]. Генезис эпистолярной формы восходит к христианской традиции: мы можем проследить путь становления от исповедальной прозы Блаженного Августина до Гоголя. Образ Адресата взламывает холод объективности, привнося интонацию исповедальности и покаяния. Покаяние здесь мыслится как «метанойя», именно как глубинное, преображающее исправление. Живое личностное бытие здесь, в созвучии с онтологией А. Ф. Лосева, утверждается как наивысшая конкретная реальность,

преодолевающая абстрактный академизм [3, с. 36–38]. Метафизические антиномии переживаются «сокрушенным сердцем», фабула замещается драмой духовного поиска, и Флоренский создает гибридную форму — эпистолярно-исповедальный философский роман.

Теперь о парадоксе пространственной композиции «Столпа». Классическое линейное повествование здесь обрамляется в «леса» чертежей, смысловых ответвлений, междисциплинарных экскурсов. Но зачем о. Павел нарушает «канон»? Задача богослова — спасти слово, задача писателя — суметь его передать. Такая сложная архитектоника книги спасает живое слово, выстраивая вокруг него защитную крепость из ссылок. Отец Павел строит текст по законам храмового зодчества. Письма — это наос, место личной исповеди, а примечания — притвор, вмещающий в себя всю мировую культуру. Сам иконостас книги выступает явлением горнего мира, поскольку, по слову о. Павла, «алтарная преграда, разделяющая два мира, есть иконостас... Иконостас есть видение» [6, с. 327]. Читатель физически не может воспринимать этот текст линейно: взгляд постоянно уходит в сноски, создавая эффект барельефного чтения. Текст обретает объем, требуя от субъекта чтения постоянной аскетической остановки и кенозиса ума. Это исследовательское со-работничество, в терминологии А. Г. Гачевой, устремляет книгу к идеалу «внехрамовой литургии», где повседневная жизнь становится сопричастной сакральному [1, с. 372]. В этой точке обнаруживается связь о. Павла с традицией отечественной духовной прозы и наследием святителя Игнатия (Брянчанинова). Святитель требовал в молитвенном подвиге абсолютной трезвости и отсечения чувственных иллюзий — «хранения ума» [2, с. 185]. Флоренский применяет этот аскетический императив к своему тексту. Препарируя слово, о. Павел очищает национальный язык от налета душевной прелести, он возвращает лексеме ее глубинную онтологическую суть. Композиция книг о. Павла становится пространственным воплощением патристической апофатики святителя Григория Нисского, где богопознание есть восхождение во мрак, принуждающее ум к благоговейной остановке перед Непостижимым.

Радикальный переворот Флоренский совершает и в области тропов. В цикле «У водоразделов мысли» он отказывается от концепции традиционной метафоры. Раскопка словесного корня становится у него полноценным художественным приемом. Снимая смысловые пласты с русского слова «Истина», греческой «алетейи» и латинской «веритас», он создает захватывающий этимологический сюжет. Для русского понимания истина неразрывно связана с бытием («есть», «существовать») [6, с. 17], тогда как латинская veritas укоренена в юридической правоте и авторитете власти [6, с. 22]. Вступая в полемику с концепцией Потебни, о. Павел доказывает, что лексема — это живое психофизическое явление, состоящее из тела, души и идеального логоса. Счищая с языка пыль

повседневности, он обнажает его мифопоэтический фундамент: слово перестает быть просто условным знаком и само становится вещью, в которой ноуменально является первоначальный смысл.

У о. Павла разумное знание всегда переходит в веру. Оно аксиоматично. Проза Флоренского — органический синтез понятийного языка и духовного ведения. В антропоцентрической перспективе В. Н. Топорова, удивительно созвучной предложенному поэтологическому ракурсу, материально-вещный «низ» и идеально-духовный «верх» связываются в единый культурный космос через «слово-имя», а выведение корня из потаенности становится «событием истины» (именно «алетейи»), спасающим бытие от хаоса [4, с. 16]. Тексты священника Павла Флоренского невозможно читать в отрыве от его судьбы — это его цельный текст жизни, претворенный в разумное страдание. Преодолевая исчерпанность классического романа и кризис символистской метафоры, Флоренский выковал новый тип художественного высказывания. Его метод, превращающий этимологический раскоп в сюжет, а визуальную многослойность печатного листа — в пространство литургического предстояния, возвращает слову его исконное достоинство. В этих текстах русская словесность нащупала тот предел, за которым литература перестает быть просто искусством и становится пространством подлинного бытийного присутствия.

Список литературы

1. Гачева, А.Г. «Идеал ведь тоже действительность…» : Русская философия и литература / А.Г. Гачева. — М. : Академический проект, 2019. — 734 с.
2. Игнатий (Брянчанинов), свт. Избранные творения. Аскетические опыты : в 2 т. / святитель Игнатий (Брянчанинов). — Т. 1. — М.: Сибирская Благозвонница, 2012. — 774 с.
3. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. — М. : Мысль, 2001. — 558 с.
4. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. — М. : Прогресс-Культура, 1995. — 624 с.
5. Топоров, В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров. // Текст: семантика и структура. — М. : Наука, 1983. — С. 227–284.
6. Флоренский, П.А. Сочинения : в 4 т. / П.А. Флоренский. — Т. 2. — М.: Мысль, 1996. — 800 с.
7. Хоружий, С.С. Миросозерцание Флоренского / С.С. Хоружий. — Томск : Водолей, 1999. — 160 с.

УДК 821.161.1

ХРОНОТОП ДЕТСТВА В «МАНЮНЕ» Н. АБГАРЯН

Майборода Н. В., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nata.mayboroda.06@mail.ru

Введение. Согласно определению М. М. Бахтина, хронотоп понимается как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2, с. 235]. В автобиографической прозе о детстве он выполняет двойную функцию: моделирует мир глазами ребенка и одновременно указывает на точку, из которой этот мир переосмыслен взрослым рассказчиком. Трилогия Наринэ Абгарян «Манюня» в таком контексте особо показательна: пространство и время всех трех частей цикла строятся на сосуществовании «маленького мира» (дом, двор, улица, городок Берд) и «большой истории» (СССР как историко-культурный и бытовой контекст эпохи 1970-1980-х годов).

Цель доклада — проанализировать специфику хронотопа детства в трилогии Н. Абгарян «Манюня», выявить взаимодействие идиллического хронотопа с элементами «большой истории», показать, как двойной временной план формирует мозаичную структуру сюжета.

Основная часть. В «Манюне», как и в любом автобиографическом тексте, различаются два временных слоя: время героя — линейное, хронологичное, содержащее реальные имена, топонимы, даты, и время повествователя — нелинейное, прерывистое [6, с. 108–110]. Время героя в произведениях цикла «точечное», поскольку события маркируются не хронологией, а памятью («помню», «однажды», «было» и др.). Ни одно из этих слов не отсылает к календарю, они скорее ориентируют на сам акт воспоминания и связанную с ним силу переживания.

В детском мире героев календарь выглядит случайным и, как правило, комичным: ««Наринэ, я тебя приглышаю в суботу сего 1979 г. в три часа дня» [1, с. 13]». Здесь дата является не указанием на конкретное событие, на конкретную точку времени, а бытовой деталью, переданной посредством детского восприятия. Комический эффект проявляется не только в грамматических и орфографических ошибках, но и в нелепости употребления формальной конструкции в детском приглашении.

Время взрослой Наринэ характеризуется значительной оценочностью: «Вы знаете, какое восхитительное печенье пекла Ба? Я больше никогда и нигде в жизни не ела такого печенья» [1, с. 18]. «Никогда» здесь указывает не столько на протяженность времени, сколько на символ утраты: печенье Ба является одним из воспоминаний счастливого детства, которое уже не вернуть.

Благодаря взаимодействию двух времен сюжет произведений трилогии строится подобно мозаике воспоминаний («мозаичный сюжет» по Л. Г. Кихней, О.И. Осиповой [3, с. 611], перемежающихся обращениями к читателю.

Временны**е** границы в трех книгах размыты, на что указывает А.Ш. Муродалиева [5, с. 265], однако эта размытость неоднородна. В первой книге («Манюня») время не конкретизируется («летом», «в понедельник», «утром» — без привязки к числам и годам), во второй появляются немногие конкретные даты (7 июля — День рождения дяди Миши), а в третьей календарь проявляется более отчетливо: благодаря плакату на двери дома Шац читатель узнает, что Маня родилась 11 ноября 1970 года, а 7 апреля 1981 года будет отмечаться юбилей Ба; герои празднуют Первомай и Новый год. Таким образом, от книги к книге календарь проявляется более отчетливо, но даже в третьей части цикла конкретные даты служат не хронике, а частному счету (праздники, юбилеи).

Территориальная характеристика произведений о Манюне строится вокруг взаимодействия «маленького мира» с «большой историей». Берд — это «провинциальный городок», разделенный пополам «звонкой шебутной речкой» [1, с. 5]. Его рассеченный ландшафт уже указывает на мотив фрагментарности, организующей и время, и пространство, и саму память. Берд вырос вокруг развалин крепости, рассеченной землетрясением еще в XVIII веке. Такое происхождение делает городок своего рода осколком большой истории.

Пространственная организация трилогии сближается с идиллическим хронотопом М. Бахтина, для которого характерна прикрепленность жизни к одному месту, где события измеряются не календарем, а сменой поколений на одной территории [4, с. 75]. В мире Манюни и Наринэ рядом существуют три поколения двух семей: Ба, дедушка Абагарян, бабушка Наринэ со стороны матери; родители девочек; сами дети. Центром этого мира становятся кухни Ба и Нади (матери Наринэ), где еда является не бытовой деталью, а способом организации отношений.

Маленькое пространство расширяется посредством выхода за пределы Берда: сначала это концерты в соседнем селе, пионерский лагерь, затем Ереван, Адлер, Кировакан. Адлерский эпизод представляет собой наиболее счастливые воспоминания Наринэ и заканчивается фразой «Я навсегда запомнила тот июнь… и казалось, что так будет всегда» [1, с. 315]. Слово «казалось» принадлежит уже взрослой Наринэ и напоминает, что идиллия имеет свой конец.

Отдельного внимания требует вопрос открытости / закрытости пространства. Мир Берда закрытый, и эта закрытость тождественна защищенности: детям комфортно в доме, на кухне, в городе с его неспешным укладом жизни. Открытое же пространство представлено

двумя видами: первое — это ближайшее окружение (поле, горы, река, соседнее село), своего рода свобода на несколько часов; второе пространство — дальнее (Адлер, Кировакан, Ереван), оно задано местами, где нет своего угла, своих ритуалов, где время идет не по привычному расписанию. Оттого дальнее пространство выглядит наиболее открытым.

В маленький мир юных героинь не просто вторгается большой мир, когда девочки или их родственники путешествуют. Такое вторжение более значимо, когда рассказчица вспоминает об истории Берда (здесь появляются конкретные даты, что для данной трилогии в целом редкость), об истории семьи Шац и о сталинских лагерях. В последнем случае возникает мотив несвободы, который обесценивает идиллический до того момента хронотоп. Детство при этом остается счастливым, но со взрослой оговоркой: это счастье, о котором уже известно, чем оно завершилось, а его ценность определяется ретроспективным взглядом.

Заключение. Таким образом, хронотоп «Манюни» — идиллический хронотоп с отдельными вторжениями «большой истории». Берд не противостоит истории, а сосуществует с ней, и это видно из двух временных точек — детской и взрослой. Двойной хронотоп является не приемом, а конструктивным принципом мозаичного сюжета, а историческое время входит в текст как точечные вставки, а не как фон. В этом и заключается художественная сила книги, поскольку она не разъясняет ребенку историю, но и не дает самой истории разрушить мир детства.

Список литературы

1. Абгарян, Н.Ю. Манюня / Н.Ю. Абгарян. — М. : АСТ, 2023. — 317 с.
2. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Собр. соч.: в 5 тт. / М.М. Бахтин — М.: Русские словари, 2000. — Т. 3. — С. 234–407.
3. Кихней, Л.Г. Структура автобиографического повествования в романной трилогии Н. Абгарян «Манюня» / Л.Г. Кихней, О.И. Осипова // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2019. — Т. 24. — № 4. — С. 607–615.
4. Кравкль, П.Е. Хронотоп повествователя в романе Н. Абгарян «Манюня» (1-я книга) / П.Е. Кравкль, О.Н. Меркулова // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. — 2025. — № 3. — С. 70–77.
5. Муродалиева, А.Ш. Специфика построения романной трилогии «Манюня» / А.Ш. Муродалиева // Ташкентский литературоведческий форум — 2023. — Ташкент, 2024. — С. 264–267.
6. Нюбина, Л.М. Категория времени в текстах литературной автобиографии / Л.М. Нюбина. — СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2017. — С. 104–116.

УДК 81,11

АРХАИЗМЫ И РЕАЛИИ В СКАЗКАХ А. С. ПУШКИНА

Медведева М. С., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-0049-9564
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону, РФ
med8744@yandex.ru

Введение. Сказки Александра Сергеевича Пушкина — это не просто «детское чтение», а уникальный лингвистический и культурный код. Читая их, мы погружаемся в мир, где переплетаются фольклорная условность и историческая достоверность. Особую роль в создании этого неповторимого колорита играют архаизмы (устаревшие слова) и реалии (предметы быта и понятия, отражающие специфику эпохи).

Цель — изучить, как архаизмы и реалии используются в сказках Пушкина, и выявить их типы. Исследование архаизмов и реалий в сказках А. С. Пушкина позволяет лучше понять мир, в котором жил и творил поэт, и раскрыть особенности эпохи, о которой он пишет.

Основная часть. А. С. Пушкин в своём творчестве мастерски использовал архаизмы и исторические и бытовые реалии, чтобы придать сказкам оттенок «старины глубокой».

«Архаизмы представляют собой лексические единицы, утратившие актуальность в языке, несмотря на сохранение обозначаемых ими денотатов в объективной реальности. Процесс их вытеснения обусловлен динамическим развитием языковой системы и заменой устаревших номинаций современными синонимическими эквивалентами. В литературном контексте использование архаизмов зачастую носит характер стилизации, направленной на создание художественной выразительности при сохранении семантической доступности текста».

Лексические архаизмы — это слова, которые вышли из активного употребления. Например, *«Перст» (палец), «чело» (лоб), «очи» (глаза), «ланиты» (щеки).* Эти слова создают возвышенный, почти былинный тон. *«Светлица» (чистая, светлая комната), «терем» (высокий дом с крышей), «гридница» (помещение для пиров).* Они мгновенно рисуют в воображении читателя интерьеры Древней Руси.

Грамматические архаизмы. Пушкин часто использует формы, которые сегодня кажутся нам необычными, но придают речи ритмичность и торжественность. Например, использование кратких прилагательных *(«красна девица», «добрый молодец»*) или специфических окончаний глаголов.

Стилистическая функция. Архаизмы у Пушкина — это инструмент «остранения». Они помогают читателю отстраниться от повседневности и поверить в сказочную реальность, где время течет иначе.

Говоря, о реалиях в сказках Пушкина — это те «кирпичики», из которых строится быт героев. В сказках А. С. Пушкина встречаются различные виды реалий:

- титулы и звания: *«царь», «царица», «бояре», «чернавка» (сенная девушка, служанка для «черной» работы), «столбовая дворянка», «черница» (монахиня), «князь» (Гвидон), «королевич» (Елисей).*

- сказочные топонимы: *«Синее море», «море-Окиян», «остров Буян», «Лукоморье».*

- еда и напитки: *«Медовуха», «кутья», «пироги».* Эти реалии погружают нас в атмосферу народных праздников и пиров.

- названия старинных предметов одежды и украшения: *«зипун», «камзол», «кафтан», «кичка», «жупан», «шушун», «армяк», «душегрейка», «кичка», «сарафан», «парча», «соболья шуба».* Описание нарядов помогает нам понять социальный статус героя. Царица в *«Сказке о мертвой царевне»* носит *«парчовую мантию»,* что подчеркивает её власть и гордыню.

- социальные и государственные понятия: *«Бояре», «дьяк», «воевода», «оброк», «подать».* Эти слова напоминают нам, что сказка — это не только магия, но и отражение феодального строя, где есть правитель и подданные.

- названия денежных единиц: *«алтын», «грош», «полушка», «гривна», «полтина» и др. «Алтын»* — монета, равная 3 копейкам. *«Грош»* — монета, равная 2 копейкам. *«Полушка»* — монета, равная 1/4 копейкам. *«Гривна»* — монета, равная 5–6 рублям. *«Полтина»* — монета, равная 50 копейкам.

- предметы быта: *«Прялка», «веретено», «корыто», «невод», «светец».* Эти предметы не просто декорации, они определяют образ жизни персонажей. Например, разбитое корыто в *«Сказке о рыбаке и рыбке»* — это символ бедности, а прялка в *«Сказке о царе Салтане»* — символ домашнего уюта и женского труда [1, с. 381].

Реалии в сказках Пушкина выполняют функцию «якорей» реальности. В мире, где действуют говорящие рыбы, зеркала и 33 богатыря, именно бытовые детали — будь то *«невод» или «прялка»* — делают сказку осязаемой. Читатель верит в чудо именно потому, что оно происходит в узнаваемом, детально прописанном материальном мире. Это мастерство *«бытового фэнтези»,* где магия не отменяет законов человеческого быта, а лишь дополняет их.

Согласно исследованиям М. Н. Шмелёвой, работа над архаизмами в текстах А. С. Пушкина сопряжена с возрастающими сложностями для переводчика. Основная проблема заключается в лексических архаизмах, относящихся к категории прагматически безэквивалентной лексики. При этом фонетические, грамматические и словообразовательные архаизмы, обладающие исключительно внутриязыковой значимостью, при переводе

не учитываются. В работе с лексическими архаизмами переводческие трансформации применяются ограниченно: предпочтение отдается функциональной замене, преимущественно в формах генерализации или конкретизации [2, с. 28].

Заключение. Архаизмы и реалии в сказках А. С. Пушкина — это не «пыль веков», а живые нити, связывающие нас с прошлым. Они превращают чтение в увлекательное путешествие во времени, где каждый «перст» или «светец» становится ключом к пониманию русской души. Пушкин подарил нам язык, который, несмотря на стремительные изменения в мире, остается понятным, глубоким и бесконечно красивым, напоминая нам о том, что в основе любой сказки всегда лежит правда человеческого опыта.

Список литературы

1. Шевченко, М.С. Реалии в культуре и языке / М.С. Шевченко, И.З. Абдрашитов // Романо-германские языки: интеграция методики преподавания и филологии. Материалы V Международной очно-заочной научно-практической конференции. — Горловка, 2020. — С. 380–382. — EDN: PAFWBC.
2. Шмелева, М.Н. Архаизмы и церковнославянизмы в произведениях А.С. Пушкина и проблема их перевода на английский язык: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.Н. Шмелева. — М., 2004. — 238 с.

УДК 82.09

ХРИСТИАНСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ В.Т. ШАЛАМОВА «ЧЕТВЁРТАЯ ВОЛОГДА»

Миннуллин О. Р., д-р. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-5805-3821
ФГБОУ ВО Донецкий государственный университет, г. Донецк, РФ;
ФГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия», г. Донецк, РФ
o.r.minnullin@mail.ru

Введение. При разговоре о мировоззрении В. Т. Шаламова поражает очевидное противоречие: сын священника, с детства укорененный в христианстве, прочно знающий его каноны и традиции, обращающийся к Писанию в своих произведениях, постоянно подчеркивает в автобиографических текстах отсутствие у себя веры и «религиозного чувства». Это даёт основание некоторым исследователям определять мировоззрение писателя как «безрелигиозное христианство» [3, с. 11]. В написанной уже в последний период творчества «Четвертой Вологде» читаем: «Вера в Бога никогда не была у меня страстной, твердой — и я

легко потерял ее — как Ганди свой кастовый шнур, когда шнур истлел сам собой» [2, с. 121]. **Цель** представленной публикации — прояснить это противоречие, обратившись к автобиографической прозе писателя позднего периода.

Основная часть. Попытки истолковать эту ситуацию среди исследователей сводятся к двум основным линиям: протест против воли отца в фрейдистском духе и богоборческий экзистенциализм шаламовского мировоззрения.

Отношения с отцом писателя полнее всего раскрываются в «Четвертой Вологде». Здесь среди прочего Шаламов рассказывает, как будучи еще подростком водил своего слепого отца-священника на антирелигиозные диспуты, поддерживая его борьбу за веру, в которой тот принимал «самое горячее участие», причем, учился у отца «крепости душевной» [2, с. 100]. Подробный рассказ об этом никак нельзя отнести ни на счет сыновьего бунта, ни на счет какого-то богоборчества.

А с какой нескрываемой болью описано в автобиографической повести событие разрубания отцом золотого креста в голодные послереволюционные годы (этот случай, описанный в «Четвёртой Вологде», также положен в основу рассказа «Крест»): «Свой крест отец разрубил ощупью на глазах матери, язычник и шаман, и наследник шаманов, уничтожающих Бога собственными руками, как эскимос, зырянин, пермяк, чья кровь не разжижена никакой посторонней кровью от иной цивилизации с эритроцитами, несущими мир, красоту, добро. Этих эритроцитов не было в шаманской крови отца» [2, с. 146]. Здесь скорее подспудно звучит укор сына за то, что отец решился на этот без преувеличения трагический акт, обретающий символический смысл некого отречения. Или ему было больно за своего отца перед Богом: посмотри, Господи, до чего доведен твой верный служитель! Хотя, возможно, уже тогда Шаламов, обладая художническим зрением, почувствовал и чисто литературный потенциал сюжета…

Все эти интерпретации не исключают друг друга, а скорее взаимодополняют. В любом случае, здесь нет бунта против отцовской воли и мировоззрения, а есть живая боль и глубокая драма, сквозь которую проглядывает сострадание. Приводя сюжет о преемнике отца в его миссионерской деятельности на Аляске, который после революции присылал резко обедневшему собрату о. Тихону Шаламову по несколько долларов церковных сборов, автор «Четвертой Вологды» отмечает: «Я не верю ни в чудо, ни в добрые дела, ни в тот свет. Записываю просто так, чтобы поблагодарить давно умершего монаха Иосифа Шмальца и всех людей, с которых он собирал эти деньги. Там не было никаких пожертвований — просто центы из церковной кружки. Я, не верящий в загробную жизнь, не хочу оставаться в долгу перед этим неизвестным монахом» [2, с. 148]. Думается, что эта сыновья благодарность за

родителей, в которой отвергается метафизическая подоплека загробного воздаяния, является по-настоящему глубоко христианской по духу.

Шаламов не раз заявлял о своем уважении к религии, к истинно верующим, и, следовательно, не отвергал категорически мнение тех, для кого христианская вера составляет основу мировоззрения. В связи с этим чрезвычайно интересным представляется проследить отношение к этой проблематике со стороны христиански ориентированных исследователей. Например, заслуживают внимания наблюдения В. Петроченкова о «христологии» Шаламова, в частности, его акцент на эпизоде из «Четвертой Вологды», связанном с похоронами брата Варлама Сергея: «...Помню, мы вдвоем с отцом везли откуда-то с горы, из-за города, тяжелый сырой деревянный крест — санки разъезжались по грязи. Крест был сырым, тяжелым, тот самый Голгофский крест Христа. Санки — обыкновенные вологодские «тормозки» — заносило, и тогда тяжелый крест сам командовал этим движением, сам отдыхал и сам двигался дальше по грязи, по лужам, по льду. Мы — я и отец — только сопровождали, только присутствовали при этом неторопливом движении» [2, с. 58–59].

Восхищаясь этой емкой художественной сценой, исследователь находит в ней сходство с зимними полотнами Брейгеля и считает, что «описания, равного этому по силе глобальной христианской символики, в русской литературе нет» [1, с. 45]. Возможно, такой вывод является преувеличением, но сам факт, что тексты Шаламова могут наводить на подобные ассоциации, очень знаменателен.

Следует говорить об особом характере шаламовской христианской веры, глубокой, хоть и противоречивой, воплощенном в самом светлом произведении писателя, посвященном его детству и юности, «Четвертой Вологде». Обратимся к ещё одному примеру. Одни из самых поэтических страниц повести посвящены Холодному собору, в котором проводил службы отец писателя. Здесь представлены одни из лучших образцов шаламовской поэтики экфрасиса: «На Троицу, Духов день службы служили в Холодном соборе. Высоченные колонны уносили вверх расписное небо, огромные трубы ангелов тревожили мое детское [воображение], звали к каким-то необычайным земным свершениям. Трубы ангелов закрывали все небо. На отсеках были фрески, знаменитые фрески Рублевской школы: князья и отцы церкви. К алтарю ставился обыкновенный земной иконостас, упрятывая и загораживая святых и воителей на фресках и столбах. Молиться нужно было не фрескам, а иконам, где тысячи свечей горели. И я ребенком нет-нет да и взглядывал вверх — *на ногу ангела, из которой выпал камень*…» [2, с. 13].

Описанию впечатления от храма дается через восприятие ребенка, характеризующееся своей непосредственностью и легким восторгом. Возвышенное религиозно-эстетическое чувство, порожденное

впечатлением от фресок и иконостаса, на мгновение вдруг замирает, когда взгляд смотрящего упирается в «черную дыру в потолке», «пустоту… оставленную камнем в небе храма», пустоту «на ноге ангела». Этот визуальный и эмоциональный переход весьма символичен: выпавший *камень, нога*, *черная дыра*, наконец, *пустота*. Кажется, весь этот ряд материальной конкретики в описании подробностей храмового интерьера едва ли совместим с созерцательно-возвышенными впечатлениями непосредственного религиозного чувства, представленного в начале описания. Эта конкретика, на первый взгляд, как бы прерывает воздушность детской веры, выраженной с помощью экфрасиса.

Однако, на самом деле, материальные подробности только усиливают ощущение чувства веры у юного Варлама в пору его «детского христианства», как он называл этот свой период. Шаламов подробно пересказывает полулегендарную историю о том, что Иван Грозный собирался сделать Вологду столицей русского царства, но однажды, во время молитвы в Софийском (Холодном) соборе из потолка, расписанного фресками, из ноги ангела выпал кирпич, раздробивший ногу царю. Это было воспринято как знак, перст Божий, и идея сделать Вологду столицей была отвергнута. Даже, если царь не был суеверен, и отмена решения о переносе столицы была лишь дань паблисити, уклониться от этого знака было невозможно. Произошедшее виделось вторжением небесных сил в земные дела, «ясным советом, и уклониться от него не мог бы не один царь мира, начиная с Соломона…» [2, с. 13].

В пустоте, оставленной выпавшим кирпичом ребенку, безусловно, знавшему легенду о грозном царе, виделось проявление божественного промысла, запечатленного в материальную конкретику. В то время как в восприятии взрослого выпавший кирпич — остается тем, чем он непосредственно является. Две оптики совмещаются и не отменяют друг друга.

Знаковым является и само слово *пустота*, которое использует писатель. С одной стороны, в пустоте нет ничего божественного: выпавший кирпич должен разрушить целостность ангельского образа, вернуть смотрящего на него на землю. Но, с другой стороны, вспомним евангельские страницы, посвященные Христовому воскресенью. Жены-мироносицы, первыми пришедшие ко гробу Христа на второй день, обнаруживают отваленный камень и *пустоту,* косвенно, но красноречиво свидетельствующую о том, что Христос воскрес. Гроб оказался пуст. В этом суть апофатического свидетельства. Представляется, что в своих детских воспоминаниях о Холодном храме Шаламов актуализирует и этот религиозный подтекст.

Заключение. Всё сказанное позволяет сделать принципиальный вывод о христианской доминанте в мировоззрении писателя, отчётливо проявившейся в поздней автобиографической повести «Четвёртая Вологда».

Список литературы

1. Петроченков, В. Христология Шаламова / В. Петроченков // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова: материалы Международной научной конференции. – М., 2007. — С. 41–53.
2. Шаламов, В.Т. Собр. соч.: В 6 т. / В.Т. Шаламов. — Т. 4.: Автобиографическая проза / сост. И. Сиротинской. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. — 640 с.
3. Шрейдер Ю.А. Безрелигиозное христианство Варлама Шаламова / Ю.А. Шрейдер // Сегодня. — 1994. — 5 марта. — С. 11.

УДК 821.161.1-93

ОБРАЗ РЕБЁНКА КАК СПОСОБ РАСКРЫТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ПОВЕСТИ С.П. АЛЕКСЕЕВА «ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГРИШАТКИ СОКОЛОВА»

Рябуха Е. В.
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи», г. Мариуполь, ДНР, РФ
e.riabukha@mgumariupol.ru

Введение. Современное литературоведение всё настойчивее обращается к проблеме репрезентации истории в детской и подростковой литературе. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления того, как исторические события преломляются через сознание ребёнка и какие художественные механизмы обеспечивают их доступность и убедительность для юного читателя. Творчество С. П. Алексеева, одного из наиболее известных авторов исторической прозы для детей, неоднократно становилось предметом педагогического и обзорного анализа, однако повесть «Жизнь и смерть Гришатки Соколова» до сих пор не получила специального литературоведческого освещения в аспекте функции детского персонажа. **Цель работы** — выявить, как образ ребёнка организует историческое повествование и определяет способ раскрытия событий Пугачёвского восстания.

Историческая проза С. П. Алексеева занимает особое место в отечественной детской литературе. Писатель создаёт особый тип повествования, в котором документальная основа сочетается с приключенческим сюжетом и доступным языком. Как отмечает Ф. И. Сетин, «историческая книга для детей должна не только сообщать факты, но и формировать историческое сознание, пробуждать интерес к прошлому» [6, с. 112]. Алексеев — следует этой установке, выстраивая повесть «Жизнь и смерть Гришатки Соколова» на стыке исторического

повествования и повести взросления. В отличие от «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, где история дана через дворянского героя, Алексеев выбирает крестьянского мальчика — и это меняет ракурс изображения: история показана «снизу», из народной среды [2; 3]. Жанровая природа произведения определяется как историческая повесть с элементами романа воспитания: герой проходит путь от наивного ребёнка до сознательного участника народного движения. Повесть занимает промежуточное положение между историческим повествованием и повестью взросления, что позволяет автору решать две задачи одновременно: просветительскую и нравственно-воспитательную.

Гришатка Соколов — «маленький человек» в мире больших исторических событий. Его социальное бесправие (крепостной, прислуга, сирота) делает его типичным представителем угнетённого народа. Из тоцких крестьян набиралась в губернаторский дом прислуга: «В Оренбург в услужение к барину был привезен и Гришатка» [1]. Наивное сознание героя — вера в «царские знаки», в доброго царя-батюшку — это историческая иллюзия русского крестьянства, которую Алексеев показывает именно через детское восприятие: «Выходит, он и есть царь настоящий, раз манифесты пишет, — заключил Вавила» [1]. Эволюция Гришатки — это путь от мифа к правде. Кульминацией этого пути становится признание Пугачёва: «А знаешь, Гришатка, я вовсе не царь. <...> А простой казак Пугачев Емельян Иванович» [1]. Провал под ногами героя — «Провалилась под Гришаткой земля. Голова закружилась» [1] — символизирует крушение прежней картины мира. Но Хлопуша объясняет мальчику истину: «Царь он, доподлинный царь. <...> Только не дворянский. Мужицкий он царь. Народом на царство венчан. Вождь он, Гришатка, народный. А сие выше, выше, чем царь» [1]. Детский взгляд выполняет функцию отстранения: взрослые события показаны через бытовые, телесные, эмоциональные реакции ребёнка. Сцена с трубкой — «Взял губернатор трубку и чубуком Гришатку по темени стук-пристук» [1] — делает историю осязаемой, личностно значимой. Читатель проходит вместе с героем путь познания истории, и это вовлекает его в повествование, превращая чтение в сопереживание.

Сюжетные этапы повести точно соотнесены с реальными событиями Крестьянской войны 1773–1775 гг. Тоцкое — завязка: через гибель отца Гришатки и разорение села показаны причины восстания. «И спалил дом Серафима Холодного. С этого и началось. Взыграла обида в мужицких душах. Ударила злоба в кровь» [1]. Оренбург — этап неволи: жизнь Гришатки у Рейнсдорпа раскрывает самодурство и жестокость правящего класса. Эпизоды с «птицей», «Ганнибалом», гипнотизёром — сатирическое изображение власти. Побег — символический переход из мира рабства в мир воли: бочка, слово «ворон», Сакмарские ворота — это инициация героя, его вступление в историю. Берды — центр народного

движения: через восприятие Гришатки показаны Пугачёв, его «двор», присяга, баня, шапка, шашки — живая, народная, противоречивая стихия восстания. Авзян — расширение географии восстания: тема рабочего люда, «вечноотданных», поиск мортир, шахта — показывают всенародный характер движения и героизм самого Гришатки. Возвращение в Тоцкое — народная месть и народная память: расправа над Хлыстовым, встреча с матерью, дедом, сестрой — замыкание личной судьбы и истории. Финал — кульминация и развязка: гибель Гришатки, спасающего Пугачёва, — это жертвенность во имя народного дела и символическое утверждение бессмертия героя.

Система персонажей повести выстроена через призму детского восприятия. Пугачёв в восприятии Гришатки проходит путь от «царя-батюшки» до «народного вождя»; автор подчёркивает его отеческую функцию по отношению к мальчику и трагическое величие вождя. Показательна сцена в бане: «Намылил Пугачев Гришатке спину, натер бока до пурпурного цвета мочалой. <...>– Чтобы рос ты, Гришатка, как дуб среди степи. Чтобы был ты не раб, а казак!» [1]. Хлопуша — «второй отец» Гришатки, наставник и защитник; его образ связывает личную судьбу героя с народным движением. Рейнсдорп — образ врага, данный через комическое и страшное одновременно; его «фантазии» — это самодурство власти, лишённой нравственных оснований. Кобылин — сложный образ: от слуги-палача до жертвы; его финальное прозрение и гибель показывают трагедию человека, раздавленного системой. Женские образы (Ненила, Галия, мать, Степанида) воплощают тепло, заботу и народную нравственность, противостоящие жестокости мира. Сверстники (Галия, тоцкие ребята) вносят в повесть мотивы дружбы, первой любви, соревновательности, что делает историю близкой юному читателю. Антиподы (Хлыстов, Гагарин, Кар) — носители зла и насилия; их сатирическое и трагическое изображение усиливает народную точку зрения. Второстепенные персонажи создают исторический фон и народную среду, в которой формируется характер главного героя.

Поэтика повести подчинена задаче раскрытия истории через детское сознание. Сказовая манера и просторечие приближают повествование к народной речи: «Эх, эх, — вздыхал Кобылин, — И кто это надоумил барина, кто подсказал? Шкуру спущу со злодея» [1]. Историзмы и немецкие вкрапления (речь Рейнсдорпа) создают исторический колорит и комический эффект: «О, русишешвайн, — вскипел генерал. — Их бин золдат» [1]. Контраст высокого и низкого, трагического и комического — основной принцип поэтики. Символика (сокол/соколёнок, шапка, бочка, «прешпективная» труба, сон, небо) выполняет сюжетообразующую и идейную функцию. Особенно значим образ соколёнка: «Ну, Соколов-Сокол, уважил, уважил! Исполнил, как есть, мое государственное поручение. Ну, Соколов-Соколенок, порадовал!» [1]. Фольклорные мотивы

(сказка, песня, примета) усиливают народную основу повести: «Присвистнула, пронеслась в ступе баба-яга. Помелом провела по лицу Гришатки» [1]. Ритм, повторы, диалоги, внутренняя речь героя передают динамику событий и эмоциональное состояние персонажа: «Посматривай! Послушивай! — Посматривай! Послу-у-ушивай! — несется сквозь ветер и снег» [1].

Финал повести — смерть Гришатки — утверждает историческую правду через жертвенный акт. «Гришатка что есть мочи ударил коня. <...> Прыгнул вперед, заслонил Гришаткой и собой Пугачева. Свистнула солдатская пуля. Ударила мальчика» [1]. Реакция Пугачёва, Хлопуши, Ненилы на смерть героя — это народное горе, выражение общенародной утраты: «Гришенька, родненький! — взорвал немоту плачущий голос Ненилы. — Дитятко, сокол! — крик-стоном метнулся хрип из груди Хлопуши» [1]. Образ «соколёнка» в небе — фольклорный символ бессмертия и вольности: «Соколам вольное небо. Ширь им, простор им и вечность. — Пугачев вскинул руки, простер их вверх в синеву, к небу. — Здесь он, здесь он, наш Соколенок!» [1]. Авторская позиция утверждает: история делается народом, а «маленький человек» — её подлинный герой. Открытый финал имеет воспитательное значение: «Соколам вечная слава! Соколам жить да жить! Не забудет смелых русский народ. Внуки и правнуки нас не забудут» [1]. Он формирует у юного читателя уважение к исторической памяти и ценность свободы.

Заключение. Таким образом, образ ребёнка в повести С. П. Алексеева выполняет сюжетообразующую, познавательную, эмоциональную и оценочную функции. Через детское восприятие исторические события приобретают личностную значимость для читателя, делают историю «своей». Повесть сочетает документальную основу и художественный вымысел, создавая особый тип исторического повествования для детей. Перспективы исследования видятся в сравнительном анализе повести с другими произведениями о Пугачёве, а также в изучении рецепции произведения в школьном литературном образовании.

Список литературы

1. Алексеев, С.П. Жизнь и смерть Гришатки Соколова : Повесть / С.П. Алексеев. — М. : Детская литература, 1985. — 160 с. Электронный ресурс : https://azbyka.ru/fiction/zhizn-i-smert-grishatki-sokolova-sergej-alekseev/
2. Пушкин, А.С. Капитанская дочка // Полн. собр. соч. : в 10 т. / А.С. Пушкин — Л. : Наука, 1978. — Т. 6. — С. 249–358.
3. Пушкин, А.С. История Пугачёва // Полн. собр. соч.: в 10 т. / А.С. Пушкин — Л. : Наука, 1978. — Т. 8. — С. 7–148.
4. Лотман, Ю.М. О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993) / Ю.М. Лотман. — СПБ : Искусство-СПБ, 1997. — 848 с. — ISBN 5-210-01572-4.

5. Путилова, Е.О. Очерки по истории критики советской детской литературы (1917–1941) / Е.О. Путилова. — М.: Детская литература, 1982. — 176 с.
6. Сетин, Ф.И. История русской детской литературы, конец X — первая половина XIX в. : Учебник / Ф.И. Сетин. — М. : Просвещение, 1990. — 303 с. — ISBN 5-09-001927-9.
7. Шишков, В.Я. Емельян Пугачёв: историческое повествование: в 3 кн. / В.Я. Шишков. — М. : Художественная литература, 1985. — Кн. 1. — 639 с.

УДК 821.161.1.09:398

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ МОТИВОВ В БАЛЛАДАХ В.А. ЖУКОВСКОГО «ГРОМОБОЙ» И «ВАДИМ»: ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ МЕЖДУ ТВОРЧЕСКИМ ОСВОЕНИЕМ ТРАДИЦИИ И СТИЛИЗАЦИЕЙ

Степаненко Е. Н., ORCID 0009-0001-2367-0192,
Ярошевич И. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-007-0607-1175
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irinayaroshevich5@mail.ru, estepanenko4@mail.ru

Введение. В литературоведении под стилизацией традиционно понимается механическое воспроизведение внешних примет фольклора: диалектизмов, простонародного синтаксиса, ритмики былин или сказок. Творческое освоение (подлинный фольклоризм) — это глубокое проникновение в логику народного сознания, когда фольклорные модели становятся основой для решения авторских, психологических и философских задач.

В. А. Жуковский неоднократно адаптировал иностранные сюжеты. Одной из самых известных переведённых баллад является «Ленора», которая в сознании русскоязычных людей запомнилась как «Людмила». Автор сохранил мрачное настроение немецкого оригинала, но перенёс главную героиню в допетровскую Русь и сместил фокус наказания главной героини на полнейшее её отчаяние перед лицом судьбы. Немаловажным в творчестве писателя является и цикл «Двенадцать спящих дев», также позаимствованный из Германии. В балладах «Громобой» и «Вадим» В. А. Жуковский принципиально избегает этнографической стилизации. Используя фольклорные мотивы лишь как «внешнюю рамку», он подчиняет их главной цели — выражению внутреннего мира человека, его нравственного падения и духовного воскресения. Фольклор здесь не самоцель, а инструмент создания национального колорита, делающий чужой (немецкий) сюжет фактом русской культуры.

Сейчас обращение к творчеству Василия Андреевича Жуковского крайне актуально. Всё чаще в творчестве, музыке, кино и играх можно

увидеть отсылки на народное творчество, а сами баллады находятся на стыке книжной и народной традиции, мистические сюжеты делают творчество автора близким современному читателю.

Цель работы — выявить как трансформируются фольклорные мотивы в цикле «Двенадцать спящих дев», разграничить понятия стилизации и творческого освоения традиции; показать, как это связано с романтической эстетикой В. А. Жуковского и его пониманием народности.

Основная часть. Материалом для «Двенадцати спящих дев» послужил прозаический роман Х.-Г. Шписа, основанный на западноевропейской католической легенде о договоре с дьяволом и последующем искуплении через покаяние. Жуковский переносит действие в Древнюю Русь (Днепр, Киев, Новгород), однако этот перенос носит условный, литературный характер. В тексте нет этнографически точных деталей быта, обрядов или аутентичной языковой архаики, свойственной, например, народной исторической песне. Древняя Русь у Жуковского — это не историческая реконструкция, а идеальное эпическое пространство, «русская античность» [1, с. 27]. В этом и пролегает первая граница: писатель не стилизует текст под старину, он создает миф о национальном прошлом. Топонимы и общая тональность древнерусской героики нужны лишь для того, чтобы немецкий мистический сюжет был воспринят русским читателем начала XIX в. как «свой». Это пример творческого освоения, где национальная форма служит для адаптации универсального содержания.

Наиболее ярко граница между освоением и стилизацией проявляется в работе с образом богатыря. В фольклорном эпосе (былинах) богатырь — это функция. Его сила направлена вовне, на защиту земли, он монолитен, его внутренний мир не рефлексируется. В. А. Жуковский сохраняет внешние атрибуты былинного героя в «Громобое»: странствия, добывание богатырского коня, сражение с великаном, спасение киевской княжны. Однако былинная схема разрушается изнутри. Громобой отказывается от брака с княжной, так как движим иными, мистическими целями.

Как отмечает И.М. Семенко, творчество Жуковского — это начало психологической лирики, где в центре стоит «глубокая неудовлетворённость действительностью». Былинная героика становится лишь декорацией для главного — нравственного конфликта. В центре «Вадима» оказывается не защита рубежей, а «судьба, вина и борьба» героя. Фольклорный мотив богатырского пути преобразуется: внешнее странствие Вадима к заколдованному замку становится метафорой внутреннего пути к истине. Стилизация превратила бы Вадима «в плоского витязя из лубочной картинки; творческое освоение делает его сложной, рефлексирующей личностью, свойственной романтизму» [3, с. 6].

«Двенадцать спящих дев» проникнуты религиозно-моралистической идеей «искупления» греха; кроме того, в этой балладе характерная для

Жуковского тема мечтательной, идеальной любви приобретает мистическую окраску, что и вызвало известную пародию Пушкина в четвертой песне «Руслана и Людмилы» [2, с. 33]. Двоемирие и логика чуда: фольклорная мистика против авторского лиризма. Фольклорная «страшная» сказка и средневековая легенда (как у Шписа) оперируют чудом как данностью. Чудесное там либо злое (нечистая сила), либо благое (святые, ангелы). В «Громобое» чудесное имеет «адскую и устрашающую» окраску (договор с бесом, земные блага как искушение). В «Вадиме» оно становится «спасительным, связанным с божественной волей» (чудесный сон, небесный звон, ведущий героя). Обе баллады раскрывают тему преступления и наказания, которая в будущем станет важной темой в литературе.

Экстремальные обстоятельства обостряют ситуацию. Сон дочерей Громобоя отодвигает на задний план страдания самого князя, а Асмодей вселяет ужас в читателя не столько чудовищными поступками, сколько холодностью и отстранённостью, с которыми он предлагает главному герою заключить сделку. Прекрасное «вместе» противопоставляется страшному эгоизму и одиночеству продавших душу [4, с. 95].

Смена окраски чудесного — не фольклорный закон, а авторская концепция. Мистические мотивы (договор с нечистой силой, мертвец, колдовской сон) у Жуковского лишаются своей фольклорной самодостаточности, служат катализатором для раскрытия «поэзии переживаний, чувств и настроений». Таинственный пейзаж, окружающий Вадима, где природа «говорит о чем-то неизвестном» и полна «светлых красок», — это чистый романтизм. В народной балладе пейзаж либо отсутствует, либо статичен. У Жуковского психологизирован, отражает «светлую душу» героя потому, что фольклорный материал полностью подчинен авторскому видению.

Граница между стилизацией и освоением закрепляется на уровне формы. Фольклорная поэзия (былины, духовные стихи) опирается на тонический стих и синтаксический параллелизм. Баллады Жуковского написаны вольным, плавным и изящным ямбом. Именно этот «изящный стих», по наблюдению исследователей, объединяет разнородный материал: «и страх, и злобу, и любовь, и раскаяние, и прощение». Свободный стих не дает тексту распасться на этнографический лубок (фольклор) и тяжеловесную теологическую поэму (католическая легенда Шписа). Он становится тем самым полем «творческого освоения», где высокая книжная традиция поглощает и преображает низовую и фольклорную.

Заключение. В. А. Жуковский берет из народной традиции не букву (конкретные заговоры, точные описания обрядов, диалектную речь), а дух — веру в предопределение, значимость покаяния, двоемирие. В «Двенадцати спящих девах» создано не копию древнерусской баллады, а «романтический образ национального прошлого», где немецкий сюжет о грехе и искуплении впервые начинает звучать по-русски.

Список литературы

1. Веселовский, А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». / А.Н. Веселовский. — М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 512 с. ISBN 978-5-98712-637-0.
2. Жуковский, В.А. Собрание сочинений : В 4 т. — Т. 2: Балллады, поэмы, повести. — М.; Л. : Гослитиздат, 1959. — 487 с.
3. Семенко, И.М. Поэты пушкинской поры. / И.М. Семенко. — М. : Худож. лит., 1970. — 292 с.
4. Янушкевич, А.С. В мире Жуковского. / А.С. Янушкевич. — М. : Наука, 2006. — 523 с. ISBN 5-02-033551-7.

УДК 821.161.1-312.4

ОСОБЕННОСТИ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КОДА В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ВЕГЕТАЦИЯ»

Стороженко О. Д., ORCID: 0009-0000-5599-7213
Першина К. В., канд. филол. наук, ORCID-0009-0008-0961-4013
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
flay-2003@rambler.ru , *k.pershina@mail.ru*

Введение. Аксиологический код художественного текста — это не просто перечень декларируемых ценностей, а система ценностных оппозиций, которая задаёт в произведении смысловые полюса: «верх» и «низ», «должное» и «недопустимое», «благо» и «угроза». Он работает как внутренняя шкала оценок: читатель не столько узнаёт, что хорошо, а что плохо в виде прямого наставления, сколько считывает ценностную иерархию через расстановку акцентов, повторяющиеся мотивы, контрасты образов и логику развития конфликта. В литературоведении такой ракурс опирается на ценностный или аксиологический подход, предполагающий изучение произведения как ценностного явления и выявление его ценностной структуры [5].

Специфика антиутопии как жанра заключается в том, что она не столько утверждает ценности, сколько испытывает их на прочность, показывая, как они деформируются в условиях тотального контроля, кризиса ресурсов или распада институтов. В классической традиции (от «Мы» Е. Замятина через «О дивный новый мир» О. Хаксли к «1984» Дж. Оруэлла) ценности подаются через их подмену: коллективное благо оборачивается подавлением личности, прогресс — дегуманизацией, порядок — насилием. Антиутопия действует как этический эксперимент: она доводит ценностные установки общества до логического предела и фиксирует момент, когда «правильное» становится разрушительным.

В современном литературоведении для описания этого эффекта используют термины «дистопия» и «какатопия»: если первая подчёркивает «плохое место» как инверсию утопии, то вторая акцентирует нравственную «гниль» самого устройства мира, причём какатопии, по наблюдению исследователей, свойствен мотив катастрофы [4]. Г. Морсон, говоря об «антижанре», подчёркивает, что антиутопия разрушает ожидания читателя и тем самым обнажает скрытые противоречия ценностной системы [3] — именно поэтому она становится продуктивной площадкой для аксиологического анализа. Роман А. Иванова «Вегетация» органично вписывается в эту традицию, сочетая черты постапокалиптической антиутопии с изображением жёсткой социальной модели.

Цель исследования — осветить особенности аксиологического кода в романе А. Иванова «Вегетация», проследить ценностные ориентиры всех уровней художественной реальности, определить, каким образом художественный слог формирует окружающую реальность и отношение к ней героев, проанализировать, как именно автор выстраивает образ «антимира» и как решается им проблема добра и зла.

Основная часть. Постапокалиптический топос романа «Вегетация» — это Южный Урал после техногенной и биологической катастрофы. Радиоактивный лес мутировал и стал самостоятельной силой, а остатки цивилизации стянуты в локальные узлы вроде соцгорода Магнитка. Здесь нет глобального государства и централизованной пропаганды, но есть микромодель общества, где ценности проверяются не идеологией, а выживанием. Комбинат, бригады лесорубов, добыча «вожаков» ради бризола — всё это формирует замкнутую систему, в которой привычные опоры (труд, семья, доверие) либо обесцениваются, либо становятся инструментами власти и насилия. Именно эта «лабораторная» концентрация социальных отношений делает «Вегетацию» особенно показательным материалом для аксиологического исследования: деформация ценностей здесь не скрыта за риторикой «общего блага», а предъявлена в предельно обнажённом виде. Показательно, что исследователи видят в романе не фантастику о будущем, а гиперболизированную модель настоящего: постапокалипсис воспринимается как отражение актуальных социальных процессов.

Аксиологический код романа не содержится в каком-то одном элементе — он пронизывает всю художественную ткань и складывается из авторского слова, поступков героев и устройства самого мира. Уже с первых строк обращают на себя внимание особенности наррации: авторское слово в «Вегетации» не отстранено, оно резонирует с внутренней речью главного героя — Серёги, звучит как её продолжение, и от этого кажется, что герой и есть голос автора. Автор не дает моральных оценок в отношении созданного им мира, а говорит его языком: ценности

здесь не декларируются, а предъявляются — читателю не сообщают, что «так нельзя», ему показывают мир, где «так можно». Ценностный сдвиг происходит не в содержании реплик, а в интонации: повествование включает то, что традиционная этика сочла бы недопустимым, и эта безоценочность оказывается самой сильной оценкой. Критики отмечают, что язык романа намеренно резок и хлёсток, а грубая речь героев становится маркером их примитивного сознания [1]. Автор сознательно отказывается от позиции «вненаходимости» — и в этом отказе проступает главный философский жест: мир, где убийство не требует оправдания, уже не нуждается во внешнем суде, потому что суд отменён изнутри.

Ценностный сдвиг закреплён и в самом устройстве мира, построенном на противостоянии городка и леса. Городок — рабочий посёлок при бризоловом заводе, где живут люди, не способные созерцать прекрасное и жить ради него; его население — работники завода, а сам завод есть центр и смысл существования. Но за видимостью порядка скрывается пустота: общий труд не создаёт общности, а лишь воспроизводит иерархию, где одни довольствуются зарплатой, а другие рвутся в бригаду. Городок двойственен — он и «остров» утраченного порядка, и источник тех самых ценностей, что ведут героя в лес. Лес же — пространство иного порядка: заражённый, мутировавший, наделённый собственной волей, он перестаёт быть декорацией и становится действующей силой. Он не различает добра и зла, не знает милосердия, действует по логике выживания и отбора, и именно поэтому за его пределами социальные маски спадают, обнажая расчёт, агрессию и готовность устранить любого, кто мешает. Исследователи подчёркивают, что лес наделён огромной силой выживания, а его «вегетация» неодолима, как неодолима и сама логика этого мира. Граница между городом и лесом — не географический, а ценностный рубеж: городок ещё хранит видимость нормы, лес отменяет её полностью. Но лес не противостоит городу как «зло» — «добру», он лишь доводит до предела те принципы, на которых город уже устроен. В этом и заключается главный аксиологический парадокс: два пространства не противопоставлены, а взаимно отражают друг друга, и оба стоят на фундаменте жестокости и бескомпромиссного достижения цели. Как замечает критик, «между «Сердцем пармы», «Тоболом», «Бронепароходами» и «Вегетацией» разница скорее косметическая» — писатель говорит об одном и том же, меняя лишь декорации [2].

Заключение. Итак, авторское слово, система персонажей и устройство мира складываются в единый аксиологический код. Автор говорит языком своего героя и узаконивает его ценности; персонажи действуют по правилам, в которых нет места милосердию; мир леса и города воспроизводит эти правила как естественный закон; и лишь герой-наблюдатель оказывается точкой, из которой этот закон можно увидеть и оспорить. Традиционные нарративы — «не убей», «не укради», «не солги», «всякая жизнь имеет высшую ценность» — теряют однозначность и превращаются в то, что можно нарушить без внутреннего сопротивления.

Так формируется ценностная матрица, которая не разрешается в романе, но проверяется на прочность голосом этического вопрошания.

Ценности в романе не утверждаются прямо, а предъявляются через деформацию — это роднит «Вегетацию» с традицией негативной утопии, где этические основания общества доводятся до предела и обнажают свою разрушительность [4]. Особую роль в этой системе играет герой-наблюдатель. Его позиция не разрешает противоречие кода, а делает его зримым — и в этом её ценностный итог.

«Вегетация» вписывается в ряд произведений, где постапокалипсис становится не фантастическим допущением, а гиперболизированной моделью настоящего, а ценностный анализ текста оказывается способом говорить о человеке и его выборе.

Список литературы

1. Грызлов, А.Ю. Авторские стратегии в романе Алексея Иванова «Вегетация» / А.Ю. Грызлов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2026. — Т. 19. — Вып. 5. — С. 2121–2126.
2. Сычёв, С. Дороги ярости: Алексей Иванов написал русский «Фоллаут» / С. Сычев // Известия. — 2024. — URL: https://iz.ru/1797918/sergei-sycev/dorogi-arosti-aleksei-ivanov-napisal-russkii-follaut.
3. Морсон, Г. Границы жанра / Г. Морсон // Утопия и утопическое мышление : Антология зарубежной литературы. — М. : Прогресс, 1991. — С. 233–251.
4. Шадурский, М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. / М.И. Шадурский. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. — 160 с.
5. Филатов, А.В. Аксиологический подход в литературоведении: методология и уровни анализа / А.В. Филатов // Сибирский филологический журнал. — 2019. — № 4. — С. 130–140.

УДК 81'42

ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ХОЗЯЙКА»

Темникова Н.Ю., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1588-6900
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара, РФ
temnatasha@mail.ru

Повесть «Хозяйка» написана в 1847 году. Тогда же Ф. М. Достоевский присоединился к кружку петрашевцев и, весьма вероятно, был посвящен в масоны [3]. Именно этим обстоятельством объясняется чрезвычайная насыщенность текста повести масонскими мотивами.

Источником указанных мотивов является эзотерическая традиция европейской культуры. Термин «эзотерический» понимается нами как синоним «гнозиса» — тайного спасительного знания, доступного избранным и полученного не логическим путем, а через мистическое озарение. Считалось, что именно гнозис даёт освобождение души от материального мира.

Тайные приемы в художественном произведении, как нам представляется, невозможно расшифровать без соединения двух видов анализа — интертекстуального (тексты, заключающие в себе элементы эзотерического, всегда характеризуются интертекстуальностью) и анализа текста как такового. Интертекстуальный анализ (изучение текста в контексте) помогает обнаружить ключ к скрытому смыслу произведения с помощью другого текста. Анализ текста как такового необходим для того, чтобы с помощью найденного ключа выявить элементы эзотерической практики и определить их функцию.

Ключом к «Хозяйке» являются, согласно нашим наблюдениям, произведения А. С. Пушкина. Мы обнаруживаем в повести аллюзии на «Гробовщика» и «Пиковую даму», которые, в свою очередь, «прошиты» символикой близкого Пушкину масонства [4]. Так, вывеска гробовщика Адрияна Прохорова, гласящая: *«Здесь продаются и обиваются гробы и простые и крашеные, также отдаются напрокат и починяются старые»* [6], весьма вероятно, отсылает к масонским ритуалам, традициям «Арзамаса» [2, с. 96], где гробы использовались как реквизит и действительно могли нуждаться в починке. С сюжетом «Гробовщика» у Достоевского рифмуется сон-кошмар Ордынова: подобно сну пушкинского Адрияна, сон Ордынова маркирован как переход в другой мир, параллельную реальность, имеющую собственную фабулу, не связанную в единую линию действия с фабулой яви. Еще одна отсылка к Пушкину — сама фамилия героя, в которой, завуалированное метатезой, «просвечивает» имя гробовщика: *Ордынов — Адриян* (использование анаграмм — весьма характерный прием для эзотерики).

Ориентация «Хозяйки» на «Пиковую даму» проявляется в композиционном сходстве этих повестей: деление на две части (в «Пиковой даме» это деление с событийной точки зрения, в «Хозяйке» оно выражено структурно), в каждой из которых по три главы. Общая сумма глав в каждом произведении, таким образом, равняется шести — мистическому числу, символизирующему, кроме прочего, борьбу равных сил Бога и дьявола (ср. масонскую шестиконечную звезду, или «соломонову печать»). Кроме того, почти буквальное лексико-семантическое совпадение наблюдается у Пушкина и Достоевского в описании двух фантасмагорических сцен, воплощающих важнейшую для обоих авторов тему «живого неживого», ср.: *«В эту минуту показалось ему* [Германну. — Н.Т.], *что мертвая насмешливо взглянула на него,*

прищуривая одним глазом» [5] и *«В эту минуту ему* [Ордынову. — Н.Т.] *показалось, что один глаз старика медленно открывался и, смеясь, смотрел на него...»* [1, с. 310].

Итак, сквозь повествование в «Хозяйке» просвечивает память о как минимум двух пушкинских текстах, отмеченных эзотерической символикой. Данное обстоятельство дает нам направление поисков элементов, эксплицирующих сферу эзотерического, в самом тексте.

Главная тема «Пиковой дамы» — карточная игра, символизирующая схватку героя с судьбой, роком. Метание карт налево и направо в фараоне предполагает ставку на единственную карту, от чего зависит судьба игрока. Именно эта ставка — в виде смертельной борьбы Ордынова и Мурина за Катерину — изображена в повести Достоевского.

В тексте «Хозяйки» постоянно звучат ключевые мотивы масонства. Одним из них является любовь к смерти: смерть понимается масонами как часть жизненного цикла, ведущего к духовному возрождению или перерождению. Сравните в тексте: «*Была минута, когда он почти чувствовал смерть и готов был встретить ее как светлую гостью…»* [1, с. 302]*; «Не знаю, — сказала задумливо Катерина, — **я бы и смерти хотела»*** [1, с. 276].

Важная для масонов тема «священного братства» как идеала человеческих отношений обнаруживается в «Хозяйке» в многократном употреблении слов *брат* и *сестра / сестрица*. Как сказано в одном из масонских документов, «масонство видит во всех людях братьев, которым оно открывает свой храм, чтобы освободить их от предрассудков их родины и религиозных заблуждений их предков, побуждая людей к взаимной любви и помощи» [5, с. 60]. С этой темой связаны и постоянные указания на соединение рук (специальный жест, который помогал братьям опознать друг друга вне ложи и символизировал «братскую цепь» масонов), например: «*взял ее за руку»; «схватил ее за руку»; «подала руку старику»; «сжимая, как в тисках, ее руку»* и т. д.

Масонство зародилось в недрах средневековых гильдий каменщиков, которые строили соборы, храмы и другие архитектурные сооружения в Европе. Тема строительства тоже в имплицитном виде присутствует в тексте, сравните: «*Но срок воплощения и **создания** был еще далек»* [1, с. 266]*; «он мыслил не бесплотными идеями, а целыми мирами, целыми **созданиями**»* [1, с. 279]*; «За полгода перед тем он выжил, создал и набросал на бум агу стройный **эскиз создания**, на котором (по молодости своей) в нетворческие минуты **строил** самые вещественные надежды»* [1, с. 318]; «*... отверг идею свою, не **построив** ничего на **развалинах**»* [1, с. 318].

В повести легко увидеть и другие эзотерические знаки: *лестницу* (восхождение по масонской лестнице — это путь к вершинам морального и духовного совершенствования); *коленопреклонение* как знак смирения,

покорности и благоговения перед Великим Архитектором Вселенной («*Она **стояла на коленях** у самого входа…»; «Ордынов …**стал на колени** возле незнакомки»*)); *розу* — многозначный розекрейцерский символ («*Ярослав Ильич покраснел как **роза***») и т. д.

Мы убедились в том, что, как бы ни было таинственно и загадочно содержание художественного текста, к его пониманию можно приблизиться с помощью формального анализа и некоторой интуиции.

В России действительно существовала потаенная культура, повлиявшая на становление классической литературы. Признание этой потаенной культуры и ее изучение может значительно изменить наше восприятие многих русских писателей.

Список литературы

1. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф.М. Достоевский. — и Т. 1. — Л. : Наука, 1972. — 520 с.
2. Заславский, О.Б. Парадоксы «Гробовщика»: явное и скрытое / О.Б. Заславский // Практики и интерпретации : журнал филологических, образовательных и культурных исследований. — 2020. — Том 5 (4). — С. 94–113.
3. Касаткина, Т.А. Фантазия на тему биографии Достоевского / Т.А. Касаткина // Достоевский и современность : Материалы X Междунар. старорусских чтений. — Старая Русса, 1996. — С. 57–65.
4. Лейтон, Лорен Дж. Эзотерическая традиция в русской литературе. Декабризм и масонство. / Лорен. Дж. Лейтон. — СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. — 256 с.
5. Лонгинов, М.Н. Новиков и московские мартинисты / М.Н. Лонгинов — М. : типография Грачева и К°,1867.
6. Пушкин, А.С. Собрание починений : в 6 т. /А.С. Пушкин. — Т. 4. — М. : Правда, 1969 // [Электронный ресурс].. URL: https://ilibrary.ru/text/89/index.html?ysclid=moobav18yz537635024

УДК 821.161.1

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЭТИКИ ФИНАЛА В ПЬЕСАХ А. Д. САЛЫНСКОГО «БАРАБАНЩИЦА», «МАРИЯ», «МОЛВА»

Томашевская Н. В., ORCID 0009-0005-9072-1542
ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»,
г. Омск, РФ
24asp27@myrambler.ru

Введение. Изучение поэтики финала относится к актуальным задачам литературоведения. Именно в финале становится ясно, высказывает ли автор свою позицию прямо или сознательно отказывается от этого, и совпадает ли эта позиция с читательским восприятием или

расходится с ним. Материалом настоящего исследования избрана драматургия А. Д. Салынского.

Цель работы — проследить поэтику финала в трёх пьесах: «Барабанщица» (1958), «Мария» (1969), «Молва» (1980). В основу выбора материала положены хронологический и жанровый критерии. Пьесы принадлежат к разным этапам творчества драматурга и представляют разные жанры, а именно героическую драму, производственную драму и трагедию с притчевым звучанием. Три пьесы выбраны как ключевые точки творческой эволюции, поскольку дают наиболее отчётливую динамику финала.

Драматургия Салынского исследовалась преимущественно в аспекте конфликта. Так, С. Ф. Желобцова [2] обращается к проблеме драматического конфликта в его пьесах, В. С. Сазонова [3] к поэтике конфликта в «женских» пьесах, а Я. С. Фельдман [4] к драматургии Салынского в целом. Однако финал как самостоятельный объект анализа в названных работах не выделялся.

Поскольку финал понимается в работе как самостоятельный объект, необходимо уточнить соотношение смежных понятий. Незавершённость трактуется как обрыв действия до развязки, при котором читатель не получает ответа на поставленные вопросы. Многозначность предполагает сохранение событийной завершённости при возможности нескольких равноправных интерпретаций. Открытость финала, согласно В. Е. Хализеву [5, с. 150–152], определяется как развязка, при которой конфликт не может быть разрешён в пределах данного художественного мира. В рамках настоящей работы открытость понимается как такая развязка, при которой событие доводится до конца, но не получает итогового смыслового завершения. Открытый финал не следует путать с незавершённым произведением, в котором сюжетные линии внезапно обрываются, а поступки персонажей не влекут за собой последствий. В открытом финале основная сюжетная линия получает развитие, а отсутствие окончательного ответа становится частью авторского замысла. Данное разграничение опирается на противопоставление фабульного и архитектонического уровней, восходящее к концепции М. М. Бахтина [1].

Основная часть. Пьеса «Барабанщица» принадлежит к жанру героической драмы, действие разворачивается в годы Великой Отечественной войны. Разведчица Нила Снижко, которую окружающие ошибочно принимают за предательницу, гибнет от вражеской пули. Правду о её подвиге знают немногие. Смерть героини завершает событийный ряд, однако финал не получает итоговой оценки. Заключительная ремарка вводит мелодию песни о юном барабанщике. В начале пьесы эта песня звучала со словами, в конце возвращается без них,

и вместо обобщающего вывода возникает знак, не поддающийся однозначному истолкованию.

В «Марии» структура финала усложняется. Мария Одинцова побеждает в споре с Добротиным, и мраморные залежи удаётся отстоять. Однако данное событийное разрешение не снимает напряжения, а лишь открывает новый конфликт. Становится известно, что «водохранилище ГЭС в период паводков будет заливать территорию Излучинска и большую часть района» [7, с. 464]. Успех обесценивается и приобретает черты трагической иронии. Мария называет это «погибелью», «разором», «безумием» и предлагает строить дамбы [7, с. 247–249], но её протест уже ничего не меняет. Она замолкает, и эта пауза подчёркнуто ремаркой. Героиня плачет, но, оглянувшись, вытирает слёзы, не желая показывать слабость. Заключительная песня Гальки принадлежит иной речевой сфере и не подводит итог. Девочка поёт её «тревожно, торопливо, как поют настороженные птицы в людных местах» [7, с. 465–466]. Прямой авторский комментарий уступает место косвенным формам, таким как интонация, пауза и чужой голос. Тенденция, намеченная в «Барабанщице», здесь усиливается. Финал «Марии» фиксирует разрыв между завершённым событием и его осмыслением.

В «Молве» принцип открытого финала реализован наиболее последовательно. Действие отнесено к 1922 году, и историческая дистанция придаёт конфликту притчевое звучание. Телефонный мастер Иван Шишлов, к финалу отстранённый от должности, стреляется. Однако реплика беспризорницы Виктюхи «Хороший был дядечка, не жадный. Поеду дальше» [6, с. 59] произносится подчёркнуто буднично. Слово «был» переводит героя в прошлое, не предлагая морального вывода. Слова Виктюхи принадлежат иной речевой сфере, нежели утопические монологи Шишлова. Смерть героя закрывает событийный ряд. Видение Али выполняет двойную функцию. Это психологический штрих и символический план, поскольку Аля в цирковом наряде воплощает красоту и свободу, которых он не смог достичь. Неясно, это видение или галлюцинация, но это не отменяет завершённости развязки. Открытость обусловлена невозможностью однозначной оценки свершившегося действия. Финал остаётся целостным, но не замкнутым.

Заключение. Проведенный анализ показал, что в финалах Салынского намечается движение от закрытой развязки к открытой. Авторская позиция не исчезает, однако перестаёт быть итоговой. Перспективу дальнейшей работы составляет расширение круга пьес, а также сопоставление открытых финалов Салынского с драматургией современников.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. / М.М. Бахтин. — М. : Искусство, 1979. — 424 с.

2. Желобцова, С.Ф. Нравственно-эстетические поиски в советской драматургии 60–70-х годов (на примере А. Салынского). / С.Ф. Желобцова — Якутск, 1985. — 68 с.
3. Сазонова, В.С. Поэтика конфликта в «женских» пьесах А.Д. Салынского : дис.… канд. филол. наук. / В.С. Сазонова — Тамбов, 2004. — 210 с.
4. Фельдман, Я.С. Драматургия Афанасия Салынского. / Я.С. Фельдман — М. : Искусство, 1976. — 278 с.
5. Хализев, В.Е. Драма как явление искусства. / В.Е. Хализев — М. : Искусство, 1978. — 240 с.
6. Салынский А. Д. Избранное : в 2 т. Т. 2 : Пьесы и киносценарии. М. : Искусство, 1988. 457 с.
7. Салынский, А.Д. Драмы и комедии / А.Д. Слынский; послесл. А. Якубовского. — М. : Искусство, 1977. — 608 с.

УДК 821.161.1

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ АНТИУТОПИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ В КОНТЕКСТЕ АНТИУТОПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Фральцов Д. А., ORCID 0009-0001-1985-6322
ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»,
г. Омск, РФ
fraltsov2001@mail.ru

Введение. В отличии от утопии, которая чаще мыслится не только как художественное произведение, но и как философский трактат, требующий полномасштабной разработки темы, в малых формах антиутопия представлена широко. Упаднический образ легче разворачивается и достраивается сознанием, поскольку соотносится с пессимистичной реальностью, в то время как идеальная картина мира не может позволить себе быть фрагментарной, потому что изначально подвергается критической оценке и требует убедительных доводов.

Цель нашего исследования — рассмотреть реализацию антиутопических канонов в малых жанровых формах на материале сборника рассказов «Время вышло. Современная русская антиутопия». Это позволит рассмотреть жизнеспособность реализации антиутопических канонов в малых эпических формах, выявить их трансформацию, стагнацию или отсутствие. Так как рассказ ограничен малым объемом и единством художественного события, то основные черты антиутопического жанра могут воплощаться в нем наиболее остро или не осуществляться вообще.

Основная часть. На основе анализа классических антиутопий XX века нами была разработана модель, описывающая основные черты антиутопического художественного произведения и включающая в себя три группы характеристик: 1) особенности жанра и формы; 2) устройство мира антиутопии; 3) мотивный комплекс [2,с. 185]. Проведенный анализ

рассказов сборника «Время вышло» позволяет нам сделать следующие выводы относительно реализации антиутопических канонов в малых эпических формах:

1) **Особенности жанра и формы.** Тринадцать российских авторов создали тринадцать рассказов, различающихся по масштабу и художественному наполнению: два из которых, с теми или иными оговорками, можно назвать антиутопиями, пять — дистопиями, три — постантиутопиям и еще три мы отнесли к смешанному жанру [1]. Единственный бесспорный антиутопический текст в сборнике — рассказ «Реликт», развивающий полемику с утопической идеей. «Аз Иванов. Выход в деньги» в зависимости от интерпретации его можно относить как антиутопии, так и утопии; мы определили его к первой. К произведениям смешанной жанровой природы мы отнесли следующие: «Человек будущего» как пример постантиутопии и свернутой бытовой антиутопии, «Министерство благополучия» — пограничный случай между антиутопией и дистопией, «Сучий потрох» — реалистический рассказ с элементами дистопии.

Преобладающей повествовательной формой в рассказах сборника выступает третье лицо, что соответствует тенденциям современной антиутопии. Исключения составляют рассказы «Сосны у медвежьей реки» и «Сучий потрох», где классический антиутопический нарратив осуществляется от первого лица. В ряде произведений наблюдается использование композиционных приемов «рассказ в рассказе» («Человек будущего», «Кадрили») и «текст в тексте» («Аз Иванов. Выход в деньги»). Отдельного внимания заслуживают жанровые эксперименты, в которых антиутопия синтезируется с жанром нон-фикшн («Аз Иванов. Выход в деньги») и нормативными документами («Устав, регулирующий и уполномочивающий вещи и явления (выдержки)».

2) **Устройство мира антиутопии**. Пространственные характеристики в антиутопиях сборника получают ограниченное развитие, что обусловлено малым объемом произведений. Классические способы ограничения (стена, забор, остров) здесь отсутствуют. Замкнутое пространство актуализируется в рассказах «Смена», Министерство благополучия», «Яхта из чистого золота» и представляют собой оппозицию «центр — периферия». Художественное миромоделирование произведений строится преимущественно на намеках, позволяющих реконструировать лишь фрагментарную картину мира, которая в большинстве случаев не соответствует канонам классической антиутопии.

Временной аспект большинства рассказов сборника (за исключением экспериментального «Устава») характеризуется классической статичностью, дополненной цикличностью как маркером безысходности описываемого мира. Для антиутопий малой формы сохраняется тенденция к отсутствию точных датировок. Лишь в рассказах А. Рубанова и

Д. Драгунского действие хронологически конкретизировано. Остальные авторы либо полностью избегают временных указаний, либо ограничиваются приблизительными ориентирами («середина XXI века», «триста лет спустя»), что соответствует природе дистопий как рефлексии современных проблем в проекции недалекого будущего.

Политическая организация в рассказах сборника, подобно пространственным характеристикам, часто обозначена лишь намеками и не всегда поддается однозначной реконструкции. Классические тоталитарные режимы представлены в «Планете Жирных Котов», «Реликте» и «Министерстве благополучия». Модель корпоратократии доминирует в «Сосны у медвежьей реки» и «Кадрилях». В остальных произведениях авторы ограничиваются изображением отдельных представителей власти и их методов контроля, не предлагая целостной картины властной структуры. Традиционный образ тоталитарного правителя почти редуцирован. Единственное исключение — «Реликт», где функция диктатора совмещается с ролью протагониста.

3) **Мотивный комплекс**. Ни один рассказ сборника не реализует полный набор антиутопических мотивов одновременно. Авторы выстраивают повествование вокруг одного-двух мотивов, среди которых наиболее распространены мотивы свободы и несвободы, угнетения и бунтарства, а также дороги и случайной встречи. Они претерпевают значительную трансформацию: главный герой, традиционно выступающий инициатором действия, превращается из героя-бунтаря в героя-обывателя. В целом авторы не предлагают выхода из антиутопического тупика, лишь фиксируя стагнацию и апатию общества. В редких примерах, где революция происходит («Край, где сбываются мечты», «Яхта из чистого золота»), она достигается насильственными методами прежней власти, не предлагая альтернативы.

Мотив дороги и случайно встречи, представленный в семи из тринадцати произведений, утрачивает свою трансформирующую функцию, оказывая минимальное влияние на мировоззрение и судьбу персонажа. В отличие от классической антиутопической традиции, он не выполняет сюжетообразующей роли, а переходит в разряд второстепенных повествовательных элементов. Наиболее редкими мотивами оказались конфликт между цивилизацией и природным началом и угасания преемственности. Конфликт цивилизации с природой встречается в четырех произведения сборника, однако преимущественно остается на уровне упоминания без глубокой разработки («Двадцать два», «Реликт», Человек будущего», «Сучий потрох»). Мотив угасания преемственности представлен в трех рассказах. В «Яхте из чистого золота» он получает классическое антиутопическое воплощение. В «Человеке будущего» и «Двадцать два» социальная память сохраняется, но обнаруживает признаки распада.

Заключение. Таким образом, анализ показывает, что антиутопия в малой форме отказывается от глобальных моделей в пользу точечной диагностики современных тревог и от идеологического пафоса ради фиксации социальной апатии.

Список литературы

1. Рубанов, А. и др. Время вышло. Современная русская антиутопия : [рассказы]. — М. : Альпина нон-фикшн, 2022. — 280 с.
2. Демченков, С.А. Современные русские антиутопические рассказы в контексте антиутопической традиции (на материале рассказа А. Рубанова «аз Иванов. Выход в деньги») / С.А. Демченков, Д. А. Фральцов // Казанская наука. — 2025. — № 3. — С. 185–187. — EDN GBJLNY.

УДК 821.161.1

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА-СИМВОЛА КОНЬ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Хомчак Е. Г., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-1155-440,
Волкова И. В., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0002-3799-4964
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет», г. Мелитополь, РФ
elenahom6363@gmail.com, *vit19602607@gmail.com*

Введение. Среди русского устно-поэтического образного разнообразия ярко выделяется зооморфная символика. Изучение этой символической системы — актуальная проблема русской фольклористики. В современной фольклористике всё более актуальным становится изучение зооморфных символов, среди которых одним из самых ярких и востребованных в русской народнопоэтической традиции является образ коня.

Цель статьи — интерпретировать образ-символ конь в русском фольклоре, раскрыть его мифосемантику, национальное своеобразие и функции в системе зооморфной символики народнопоэтического творчества.

Основная часть. В современной фольклористике возникает необходимость изучения образа *коня* как одного из самых ярких и употребляемых зооморфных символов. Проводить абсолютный статистический анализ употребления зооморфных образов в русских фольклорных произведениях неуместно, учитывая вариантность текстов и отсутствие полного собрания образцов народнопоэтической словесности.

Некоторые исследователи мировоззрения древних славян и индийской мифологии, в частности А. Афанасьев и Б. Рыбаков считают, что конь — это символ солнца (у древних славян с конем связывали умирание и

рождение солнца [5], а в «Ведах» конь олицетворял солнце, которое называется «быстроногим», «бегуном»; в индийском фольклоре существует даже отдельный гимн, обращенный к солнцу как к небесному коню [1]). В русских фольклорных произведениях нет однозначных подтверждений таких предположений, поэтому мы можем только заключить, что такая трактовка образа коня в славянском фольклоре возникла под влиянием наблюдений над древнеиндийским народным эпосом.

В середине XIX века Н. Костомаров обращает внимание на специфику функционирование образа коня в русском фольклоре, на национальные особенности его символики [3]. Главной идеей в исследовании «Славянская мифология» Н. Костомарова является мысль о том, что единственной верховной силой у славян в разных ипостасях было божество, олицетворяющее свет (солнце) или огонь как воплощение добра (Дажбог, Свентовит), которому противостоит носитель зла (Чернобог), враг светоносного начала, жизни, добра. По мнению Н. Костомарова, конь верховного (солнечного) божества (отсюда и солнечный или огненный конь) указывает на его рыцарское существование на земле и воинское значение как бога света в борьбе с тьмой [3, с. 206]. По мнению фольклориста, конь является священным животным, символизирующим силу, плодовитость и мужское начало [3, с. 230].

О сакральности и священном значении коня в мифопоэтическом мировоззрении русского народа как национально-специфического образа говорят и современные исследователи, в том числе С. Кумба, В.Б. Ковалевская, С. Д. Синчук и др.

В народнопоэтическом творчестве русского народа конь, по утверждению С. Кумбы, — символ скорости, храбрости, выносливости, символ верности и преданности. Исследователь проводит анализ лексемы *конь* в русском языке и фольклоре, показывая культовую значимость коня для социума всего древнего славянского этноса. Стереотипное представление о данном животном связано с проявлением таких качеств, как храбрость, верность, быстрота. Конь, по мнению С. Кумбы, для древних славян являлся «не просто «средством передвижения» во время войны — он был для воинов верным другом и боевым товарищем, вследствие чего возникают представления о связи коня с победой [4]. Конь в фольклорных произведениях настолько силен и велик, что не увидеть его мифическое происхождение, родство с обожествленными стихиями, практически невозможно.

В исследовании С. Д. Синчук рассматривается вопрос отождествления образа коня и образа дерева, когда-то бытовавших у древних славян. Причина такой образно-семантической связи между конем и деревом, по мнению исследователя, состоит в том, что «конь вселенский» и «дерево мировое», некогда являлись космологическими символами. На основании проанализированного материала становится понятным фантастический

образ «дерево-конь», запечатленный в славянском декоративно-прикладном искусстве (в резьбе по дереву) [6].

Конь, как утверждает В. Б. Ковалевская, — это атрибут высших богов и святых, сказочных богатырей. В заговорах белая или вороная лошадь является атрибутом Господа, святых Илии, Авраама, Петра и Павла; в сказках помогает герою побороть дракона; «одним из самых архаических в нашей мифологии является образ всадника (святого, былинного героя и т. д.), борющегося со змеем», то есть является противником нечистых, демонических сил [2, с. 98].

Образ *коня* как один из символов зооморфной системы устно-словесного народного творчества и один из элементов русской языковой картины мира ученые рассматривают во многих трудах энциклопедического и лексикографического содержания, в том числе и на основе фольклорного материала. В большинстве таких работ конь охарактеризован как символ преданности, верности, скорости, выносливости, неосознанной силы, ненасытности; символ солнца и потустороннего мира, символ богатства и могущества и т. д.

Несмотря на контраверсионные трактовки символического и мифологического значений образа коня фольклористы и этнолингвисты не отрицают, что для русского народного творчества все же характернее является восприятие этого животного как верного товарища, самоотверженного помощника. Символика народнопоэтического образа коня связана с образами казака, воина и несет положительную нагрузку.

Выводы. Проанализировав интерпретацию семантики зообраза в славянской фольклористике, понимаем, что назрела необходимость специального исследования образа коня в системе зооморфной символики фольклора. Словесно сконденсированный анализ этого фольклорного образа находим в энциклопедических трудах или словарных статьях, а в монографических исследованиях — или как отдельный образ на этнографическом и археологическом материале, или рядом с другими образами на материале всего славянского духовного и материального народного творчества. На наш взгляд, фольклорный образ коня настолько насыщен и богат, что заслуживает особого внимания и отдельного научного исследование.

Список литературы

1. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : В 3-х т. / А.Н. Афансьев — М. : Современный писатель, 1995. — Т. 1. — 450 с.
2. Ковалевская, В.Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. / В.Б. Ковалевская — М. : Наука, 1977. — 152 с.
3. Костомаров, Н.И. Славянская мифология. / Н.И. Костомаров — М. : Издательство Юрайт, 2022. — 667 с.

4. Кумба, С. Лексема *конь* в языке русского фольклора: культурная и мифопоэтическая символика / С. Кумба //Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — № 1(36). — Воронеж : ВГУ, 2020. — С. 138–143.
5. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян. / Б.А. Рыбаков — М. : Наука., 1994. — 608 с.
6. Синчук, С.Д. Образ «дерево-конь» в славянской народной культуре / С.Д. Синчук [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-derevo-kon-v-slavyanskoy-narodnoy kulture?ysclid=lxdax4ysyv952884031
7. Хомчак, Е.Г. Методология анализа зооморфных образов-символов в русском фольклоре / Е.Г. Хомчак, Ю.Н. Куба // Таврические филологические чтения : Материалы III Всероссийской научной конференции, Мелитополь, 31 марта 2025 года. — Мелитополь : ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет», 2025. — С. 182–185

УДК 821.161.1.09

ЛЕВИТАНОВСКИЙ ПЕЙЗАЖ В ПРОЗЕ А. ЧЕХОВА И И. БУНИНА

Шаравин А. В., д-р филол. наук, проф., ORCID 0000-0003-1282-4229,
Старцева И. Л., канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0002-7376-8769,
Резаков Я. О., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-2001-3429
ФБГОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», г. Брянск, РФ
ekl1ier@mail.ru kafedra338@mail.ru ric.darko@mail.ru

Введение. Левитановский пейзаж исследователями трактуется как пейзаж настроения: тишина, пустота, предчувствие, пограничное время суток и года, храм или дорога в открытом пространстве. Наиболее частотно левитановское литературоведы связывали с прозой Чехова и Бунина. Автора пьесы «Вишневый сад» с Левитаном соединяет и биографическое, и эстетическое. В прозе Чехова пейзаж функционирует как концентрированное состояние созерцателя/зрителя. В рассказах и повестях Бунина природная осень и тишина переходят в уходящую усадебную жизнь. У Горького, Блока, Есенина и Пастернака левитановское утрачивает свои отличительные признаки. Пейзаж художника писатели и поэты разрушают социальностью сюжета. Исследователи трактуют: левитановский пейзаж функционирует как пейзажный код славянофильской России, в котором богатство явлено через скудость и бедность описания, через храм над водой и пустой горизонт, а не через усадебное изобилие. Сам Левитан славянофильской программы не формулировал; речь о рецепции его холстов.

Основная часть. Проза Чехова и Бунина сохраняет эти знаки и полемизирует с трансформацией мотива бедности в национальную полноту смысла. У Левитана доминантными для прозаиков остаются

картины «Над вечным покоем», «Тихая обитель» и «Вечерний звон». На первом холсте церковь стоит над водой, небо занимает большую часть полотна, человек вынесен за пейзажную рамку. Горизонталь озера и вертикаль храма гармонично дополняют друг друга: храм не иллюстрация православной теодицеи, а опора, организующая и придающее осмысленность пустому пространству. «Пейзаж настроения» в искусствоведческой формулировке акцентирован как концентрация душевного состояния, а не природные реалии местности [1, с. 82].

В «Степи» Чехова пейзаж реализуется через дорожный маршрут. Мальчик едет из города, и степь предстает как смена жары, ветра, церквей на горизонте, череды ночлегов. Чеховское пространство в прозе не постулируется и не объясняется. Тревога Егорушки растет не из отдельных описаний, а из бесконечности дороги, которая все не кончается и не завершается. И взрослые не объясняют ребенку эту продолжающуюся длительность. А. П. Чудаков точно подчеркивал: у Чехова предметный мир не обслуживает фабулу, а живёт своим ритмом [2, с. 201]. Левитановский пейзаж реализуется в продолжающей длительности ощущения, которое не отпускает героя, хотя сюжет уже перешёл к следующему эпизоду.

«Дом с мезонином» ближе к усадебному пейзажу. Рассказчик живописец, и усадьба с мезонином видна ему как ряд пейзажных составляющих: вечер, аллея, окно. Спор с Лидой о пользе практической полезной деятельности и ценности искусства, освобождения от утилитарности не отменяет того, что прощание с Мисюсь определено описанием пустой дороги и фразой, остающейся после отъезда («Мисюсь, где ты?») [3, с. 191]. Это то, что эмоционально звучит в памяти героя, это внутренний отклик, усиливающий ощущение утраты и хрупкого счастья. Пейзаж в произведении больше, чем фон любовной неудачи. Он то, что остаётся, когда разговор и общение завершились. Дружба Чехова с Левитаном, конечно, является доказательством, что писатель знал его картины и подобный вечер мог быть списан с холстов художника. Для левитановского пейзажа важно другое: он объясняет, почему в прозе 1890-х годов пустое пространство уже умеет быть настроением, превращаться в длительность эмоционального состояния персонажа, сохраняющегося зачастую вопреки развитию сюжета. Левитановское в чеховском — это когда природное описание перестает быть декорацией [3, с. 190-191].

У Бунина в «Антоновских яблоках» изображается похожая осень и похожая усадьба как знаковое воплощение исчезающего помещичьего уклада. Запах яблок, сад, охота, пустеющий дом сменяют друг друга не только как воспоминание «вообще о детстве», а как сознательно выстроенный писателем ряд, в котором каждое следующее описание беднее предыдущего («смиренная» тютчевская «нагота», «скудость»). Тишина здесь не пауза перед следующим событием. Событийность в другом — в том, что усадебный мир уже не восстановится. Если у Чехова

левитановская пустота ещё совпадает с живым восприятием уезжающего или влюблённого, то у Бунина она реализована как конец этого мира [4, с. 170].

Полемика со славянофильским образом Руси, связанным с левитановским пейзажем, прослеживается уже в чеховской «Степи». Церковь на горизонте и нескончаемая дорога не реализуются в утешительный образ смиренной России. Пустота пространства остаётся протяженной длительностью в сознании ребенка. В «Доме с мезонином» спор с Лидой идёт о практической пользе и о ценности искусства, свободного от утилитарности; прощание с Мисюсь держится на хронотопе пустой дороги и на фразе, которая звучит после отъезда. Славянофильского откровения в бедности нет.

У Бунина формула почти названа: «Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства!.. Но хороша и эта нищенская мелкопоместная жизнь!» [4, с. 168]. Хороша она как память о мире, который «скудел, дробился, а теперь уже гибнет». Нищенство усадебной осени не доказывает избранность России. Оно фиксирует конец топоса: левитановские мотивы сохранены, уравнение «скудость есть богатство» не выполняется. Сопоставление держится на длительности продолжающего ощущения (напоминающего о бергсоновском duree), вызванного созерцанием пейзажа, а не на общем рассуждениями о духовности.

У Левитана в «Над вечным покоем» почти нет человеческого присутствия: вода, небо, церковь на возвышении. У Чехова в «Степи» действие связано с персонажами, но оно не вытесняет пространственные виды в фоновость изображения: бричка движется, а степь как означающее превосходит персонажей-пассажиров. В «Доме с мезонином» спор героев завершается, но продолжается и остаётся как эмоциональное сохраняющееся впечатление, запечатленное в хронотопе дороги. У Бунина действие памяти тоже завершается раньше, чем кончается осень: яблоки ещё пахнут, а усадьба уже не вернётся. Храмовая вертикаль, дорога и вода из левитановского пейзажа здесь узнаваемы. Общим для обоих писателей остаётся пограничность, обозначенная как вечер, осень, дорога, вода, храмовая вертикаль на горизонте. «Православный код» не становится общей матричной системой. Храм у Левитана и церковь в степи у Чехова — опора пространства. Они не предают повестям и рассказам богословский код. Эсхатологическое ожидание воплощено в осени Бунина, но только как исчезновение усадебного топоса.

Заключение. Левитановский пейзаж в прозе Чехова и Бунина — это природная картина, память о который длится/сохраняется дольше фабулы и оставляет героя в состоянии внутренней тишины. У Чехова тишина ещё открыта чужому сознанию через хронотоп дороги и усадьбы. У Бунина та же тишина уже свидетельство того, что прежняя жизнь ушла навсегда и безвозвратно. Поэтому левитановское у Чехова и Бунина не сводится к

славянофильскому пейзажному коду. Они работают с тем же бедным природным описанием, но не подчиняют его концепции национальной скудности.

Список литературы

1. Фёдоров-Давыдов, А.А. Исаак Ильич Левитан. Жизнь и творчество / А. А. Фёдоров-Давыдов. — М. : Искусство, 1966.
2. Чудаков, А.П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. — М : Наука, 1971.
3. Чехов, А.П. Дом с мезонином / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. — Т. 9. — М. : Наука, 1974–1982.
4. Бунин, И.А. Антоновские яблоки / И. А. Бунин // Бунин И. А. Собрание сочинений : в 6 т. — Т. 2. — М. : Худож. лит., 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

Русский язык. Грамматика и словообразование

Алтухова А. А. Парадигматические объединения инициальных аббревиатур 7

Бровец А. И. За пределами аббревиатурной пары: синхронно-диахронная модель русских сложносокращённых слов 9

Емельянова К. Ю. Принципы отбора квазиаббревиатур в Большой толковый словарь аббревиатур русского языка 11

Замальдинов В. Е. Словообразовательные неологизмы как средство формирования эксплицитной оценки в текстах медиакоммуникации 14

Картавцева Ю. В., Сикумбили Р. М. Гибридизация англицизмов в компьютерно-игровом сленге: морфологический аспект (на примере глагольных аффиксов) ... 17

Лялюк А. А. Аббревиатурные наименования в медиадискурсе Донбасса как маркеры социокультурной специфики региона 22

Мухачёва И. В. Графические сокращения др. и т. д.: особенности значения и употребления 25

Разумная Е. В. Формальная типология графических сокращений 28

Рязанова В. А. Аббревиатуры городской среды Донбасса как объект лексикографического описания: структурно-ономасиологические типы 31

Смирнова И. Р. Составной абброконструкт в синхронии и диахронии: параметры выделения 34

Сытник А. К. Типология гнёзд эквивалентности 37

Чистоклетова А. В. Понятие об аббревиатурном гнезде (на материале аббревиатурной парадигмы «авто-мото-вело») 40

Русский язык. Актуальные проблемы лингворусистики

Подсекция 1

Алипа Р. А. Лингвокультурные особенности русского языка в эпоху цифровизации 44

Ананченкова П. И. «Для своего возраста»: языковые механизмы воспроизводства эйджизма в повседневной коммуникации 47

Беленькова Е. А. Экспертиза текстов на предмет наличия негативных сведений, оскорблений 50

Белых А. В. Паремии-трансформеры как индикатор аксиологической динамики в современном русскоязычном дискурсе 53

Бурляй А. С. Специфика языковой личности военного корреспондента в кросс-медийном дискурсе 57

Вусик А. Л. Формирование языкового сознания в современной журналистике 60

Горбова Е. В., Бурдина Л. А. Современные технологии анализа русского языка: от грамматической нормы к цифровому словарю 63

Дмитриева А. А. Основные аспекты социолингвистики 66

Добровольская Я. П. Эволюция спортивной лексики 69

Дяченко С. А. Языковые маркеры недостоверности информации в современной русскоязычной интернет-коммуникации……... 73

Карида Т. В., Вусик А. Л. Фразеологизмы в повседневной речи: типология и функционированиею…… 75

Леуцкая Н. В. Устаревание и реактуализация историзмов в современном русском языке (на примере общественно-политической лексики…….. 78

Лямина Ю. А., Усова А. А. Меметизация речи в цифровой коммуникации: языковые механизмы и функции……. 81

Московская Т. В. Социолингвистический аспект работы Н. Ю. Шведовой над наследием С. И. Ожегова……..... 84

Никузайло А. В., Вусик А. Л. Англицизмы в молодёжном сленге и медиадискурсе: коммуникативная необходимость или языковая мода?..... 87

Сагирь О. И., Леуцкая Н. В. Влияние визуальных элементов (эмодзи, стикеров) на структуру и смысл письменного сообщения в интернет-коммуникации……... 90

Смирнова Е. Д. Новые концепты: РСП и негативизация семейных ценностей как отражение деформации общественных установок…… 93

Сосновский Б. И., Рязанова В. А. Стилистические приёмы как инструмент конструирования медиареальности: механизмы формирования картины мира… 96

Ступина Е. С. Термин «код» в семиотике, когнитивистике и дискурсивных исследованиях: динамика трактовок и функциональные проекции…… 99

Тищенко И. В. Активные акцентологические сдвиги в современном русском языке: причины, тенденции, нормативная оценка…… 102

Ульшина В. К., Аношкина Н. Л. Особенности функционирования прецедентных имён в современном русскоязычном медиадискурсе: семантика, функции, трансформации…….. 105

Усачева О. А., Чернявская Н. А. Функции метафоры в психологическом блоге: инструменты переосмысления кризисных сценариев…….. 108

Подсекция 2

Бессонов Н. Ю., Гордиенко Е. В. Заведомо неправильный перевод как деструктивный коммуникативный поток……... 112

Быкова Ю. В. Функционирование прецедентных имён в сборнике рассказов Е. Г. Водолазкина «Идти бестрепетно: между литературой и жизнью»……. 114

Бычек Е. С., Миргородская А. Ю. Семантическое преобразование фразеологизмов в современной поэзии (на материале стихотворений Анны Егоян и Ларисы Рубальской)……... 117

Венжик Т. В. Развитие критического мышления на уроках русского языка…….. 120

Венжик Т. В. Развитие творческого мышления на уроках русского языка……. 123

Глибина А. А. Специфика концепта «Смерть» в псевдонаучном дискурсе……. 126

Губанов С. А. Эпитетация в письмах М. Цветаевой к А. Берг…….. 129

Кайдаш М. А. Специфика реализации стратегии дискредитации русского языка и культуры в научном и образовательном дискурсе…… 132

Касимова А. Р. Роль онимизации в поэтическом тексте……... 134

Литвинова А. Б., Якимова Е. М. Синкретические образные средства в тексте романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»…….. 136

Огородняя О. В. Бинарная оппозиция «свой — чужой» (на войне) как средство реализации мифологемы на материале поэзии XX века……... 140

Пилатовская С. В., Панчехина М. Н. Система лексики цветообозначений в творческом дискурсе А. И. Куприна……... 143

Пыжьянова С. В., Мартьянова В. Н. Как прошлое помогает понять настоящее: примеры исторического комментирования на уроках русского языка……... 146

Слышкин Г. Г., Долгая Т. А. Хронорефлексия как инструмент анализа ценностных трансформаций Северного Кавказа в 1990–2020-е гг.: между традицией и модернизацией…….. 150

Соколова Е. В., Добренко Е. И. Искусственный интеллект как инструмент в практике преподавания русского языка как иностранного: приёмы и границы использования……... 153

Третьякова М. Ф., Тарасенко В. В. «Российский учитель за рубежом»: опыт участия АмГПГУ в отборе кандидатов для проекта……. 156

Федюн Д. В. Грамматика и словообразование в «Ведьмаке» Сапковского: как автор создаёт слова…….. 159

Шайтур А. С., Стебунова А. Н. Динамика интернационализации словарного состава русского языка первой половины XXI века……. 162

Шаповалова Е. Ю., Золотникова Е. А. Лингвоэкологическая безопасность образовательного процесса в методике преподавания русского языка как иностранного……. 165

Актуальные проблемы регионалистики

Аксенова К. А., Курмакаева Н. П. Устойчивые выражения со значением оценки человека в донецком речевом пространстве…….. 169

Антоненко Н. С. Кодирование пространства: принципы номинации урбанонимов Сталинграда в немецких картографических источниках 1942 года…… 172

Быстрова Е. Н., Милько Н. Е. Структурно-синергетическая модель русско-украинского билингва в условиях смены языкового режима…… 175

Евсеева М. Г. Коннотативная специфика донецкого квазиэпоса (частный случай)... 178

Кошкарова И. И., Матвеева И. В. Неофициальная топонимика города Норильска: семантические, тематические и словообразовательные особенности……. 181

Лукина Д. В., Ковалёва Н. А. Языковая картина мира жителя Донбасса: грамматические и словообразовательные маркеры…….. 184

Мозговой В. И. Устойчивость урбанонимии города Донецка как критерий социальной стабильности…… 187

Панчехина М. Н. Лингвокультурное пространство Донбасса в контексте изучения языковой личности дончанина…… 191

Станкус Е. Н. Астионим как динамический элемент языковой картины мира…….. 194

Стебунова А. Н., Халабузарь А. О. Культурно-языковой ландшафт города Донецка…….. 197

Титова Д. И., Атаманова Н. В. Эргонимы развлекательных заведений города Брянска (на примере наименований детских центров)……. 200

Тохтарова В. И., Стебунова А. Н. Анализ языковых средств коммуникации в медиадискурсе Донбасса: лексические инновации и фразеологические трансформации (2022–2026 гг.) (на материале печатных СМИ, телевидения, радио и интернет-пространства)……. 202

Трошкова А. С., Ковалёва Н. А. Грамматические и словообразовательные особенности региональной лексики Донбасса……... 206

Круглый стол «Лингвистика войны: перспективы научного исследования языкового пространства военных конфликтов»

Боговая О. Ф. Освещение агрессивной внешней политики стран НАТО в российском политическом дискурсе на материалах публичных выступлений С. В. Лаврова……. 209

Курмакаева Н. П. Характер вербализаторов «кевларового века» в донецком тексте 212

Слышкин Г. Г., Смирнова И. В., Бессонов Н. Ю. Призыв как форма коммуникативной угрозы…… 215

Теркулов В. И. Русский язык в новых субъектах Федерации как базовый фактор формирования этнической идентификации и самоидентификации: программа действий……. 218

Юрченко А. В., Юрченко Т. Г. Речевые стратегии билингвов в условиях языковой интерференции на материале воссоединённых территорий…… 221

Общее, славянское и прикладное языкознание

Башлыкова О. В. Языковое сознание современного студента: теоретические основания и эмпирические аспекты…… 224

Борисова Л. П., Янышевская В. В. Страницы истории кафедры общего, славянского и прикладного языкознания имени Е. С. Отина. In memoriam: Лидия Николаевна Саркисова……. 226

Борозенец Д. И. Семантика видовых пар в словообразовательном субгнезде *мыслить* семантического поля когниции……... 229

Емельяненко А. В. Использование искусственного интеллекта в студенческих работах: типичные сценарии использования и маркеры генерации в тексте……. 232

Касьяненко Н. Е. Особенности собственных имен в контексте постмодернисткой прозы В. О. Пелевина (на примере романа «Empire V»)…….. 235

Менякина А. А., Ярошенко Н. А. Когнитивно-дискурсивные особенности репрезентации вооруженного конфликта в Донбассе: специфика милитарной метафорики в публицистике А. А. Проханова…….. 239

Приходько С. А. Семантические векторы двойного отрицания в полемической книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»…….. 242

Титаренко Э. А., Бескровный А. В. Структурно-семантические аспекты изучения жанра «пожелание» в интернет-коммуникации…… 246

Шашков И. А. Гипертекст как средство репрезентации субъективного знания в религиозном интернет-дискурсе……. 249

Шилова Е. С. Греческие топонимы в культурно-историческом аспекте русской топонимии……. 252

История русской литературы и теория словесности

Астахова А. В., Ярошевич И. А. Пословичный характер басен И. А. Крылова как форма наставления……. 255

Бабенко И. А. Образ гротескного тела в драмах В. В. Маяковского «Владимир Маяковский» и «Госпожа Ленин» В. Хлебникова…….. 258

Белоконь С. А. Особенности художественного мира в романе К. Вагинова «Бамбочада»…… 261

Даренский В. Ю. Экзистенциальные доминанты поэзии Вл. Смоленского……. 263

Иванова А. С., Токарев Г. В. «Сукин сын» и другие образы собаки в произведениях С. А. Есенина: функции и субъектная структура…… 267

Квашина Л. П. Поэтика обложки: на пути к понятию……. 270

Клушина В. Н. Мортальные мотивы в творчестве А. И. Введенского и Д. Озерского 274

Комин М. В. Проза Владислава Крапивина: научные подходы к периодизации…….. 277

Кораблев А. А. Тема ученичества в романе Г. Гессе «Игра в бисер»……. 280

Краснов К. М. Поэтика воплощенного слова в прозе П. А. Флоренского: анагогическая топология текста и преодоление кризиса русского романа…….. 283

Майборода Н.В. Хронотоп детства в «Манюне» Н. Абгарян……. 286

Медведева М. С. Архаизмы и реалии в сказках А. С. Пушкина……. 289

Миннуллин О. Р. Христианское мировоззрение в автобиографической повести В. Т. Шаламова «Четвёртая Вологда»…….. 291

Рябуха Е.В. Образ ребёнка как способ раскрытия исторических событий в повести С. П. Алексеева «жизнь и смерть Гришатки Соколова»…… 295

Степаненко Е. Н., Ярошевич И. А. Трансформация фольклорных мотивов в балладах В. А. Жуковского «Громобой» и «Вадим»: проблема границ между творческим освоением традиции и стилизацией…… 299

Стороженко О. Д., Першина К. В. Особенности аксиологического кода в романе А. Иванова «Вегетация»…… 302

Темникова Н. Ю. Эзотерическая традиция в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка»…… 305

Томашевская Н. В. Эволюция поэтики финала в пьесах А. Д. Салынского «Барабанщица», «Мария», «Молва»…… 308

Фральцов Д. А. Современные русские антиутопические рассказы в контексте антиутопической традиции……... 311

Хомчак Е.Г., Волкова И.В. Интерпретация образа-символа конь в русском фольклоре……. 314

Шаравин А.В., Старцева И.Л., Резаков Я.О. Левитановский пейзаж в прозе А. Чехова и И. Бунина……... 317

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2026: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ, КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
XI Международной научной конференции,
10–12 ноября 2026 г.,
г. Донецк

ТОМ 4
Филологические науки
Часть 1

под общей редакцией проф. *С. В. Беспаловой*

Дизайн обложки	*В. Дёмина*
Технический редактор	*М. В. Фоменко*
Компьютерная верстка	*А. С. Бурляй*

Адрес оргкомитета:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 28.10.2026 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 18,9.
Тираж 50 экз. Заказ № 26окт121/4а.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
E-mail: donnu.izdatelstvo@mail.ru